

классика детектива

Джон
Диксон

КАРР

ТРЕТЬЯ ПУЛЯ

классика детектива

Джон Диксон

КАРР

ТРЕТЬЯ ПУЛЯ

классика детектива

Классика детектива

John Dickson

CARR

THE BLIND BARBER

■

THE THIRD BULLET

Novels

классика детектива

Джон Диксон

КАРР

ТРЕТЬЯ ПУЛЯ

Роман, повесть

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)
К21

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Карр Дж.Д.

К21 Третья пуля: детективные роман, повесть / Пер. с
англ. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. — 352 с.

ISBN 978-5-9524-4393-8 (Вып. 31)

ISBN 5-9524-1962-3

На борту океанского лайнера «Королева Виктория» совершены кража и убийство. Все в растерянности. К счастью, на судне находится сыщик доктор Фелл. Он раскрывает преступление («Охота на Цирюльника»).

Убит судья Мортлейк. Разгадка его убийства осложнена тем, что обнаружены три пули, выпущенные из разных пистолетов разными людьми. Подозреваемых в избытке. Инспектор Пейдж из Скотленд-Ярда должен отыскать среди них убийцу («Третья пуля»).

**УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)**

© Состав, перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2009

© Художественное
оформление серии,
ЗАО «Центрполиграф»,
2009

ISBN 978-5-9524-4393-8 (Вып. 31)
ISBN 5-9524-1962-3

ОХОТА НА ЦИРЮЛЬНИКА

Часть первая

Глава 1

СТРАННЫЙ БАГАЖ

Когда лайнер «Королева Виктория» вышел из гавани Нью-Йорка и взял курс на Саутгемптон и Шербур, его пассажиры только и говорили, что о плывущих вместе с ними трех знаменитостях. Между тем находилась среди них и четвертая — впрочем, совсем неприметная — личность, сыгравшая, однако, значительную роль в этой истории. Сам того не подозревая, молодой человек вез в своем багаже нечто куда более ценное, нежели марионетки месье Фортинбраса или изумрудный слон лорда Стэртона, что и стало в какой-то мере причиной той суматохи, кутерьмы и безобразий, которые степенная и спокойная «Королева Виктория» до этого никогда не знала. Произошедшее в этот рейс вышло далеко за рамки обыденного.

Вообще, отыскать корабль, достойный более «Королевы Виктории» нести флаг Британского пароходства, очень трудно. Этот лайнер часто даже называют «семейным», так что после одиннадцати вечера в его кают-компании шуметь запрещается. А если, кроме того, учесть, что экипаж постоянно переводит стрелки часов при пересечении кораблем в открытом море часовых поясов, то станет совсем понятно, как много неудобств это создает. Например, вы приходите в бар, надеясь расслабиться, а тут оказывается, что он уже сорок пять минут как закрылся. Такое кого угодно выведет из себя. В застекленном почтовом салоне «Королевы Виктории» обычно вос-

седают настолько унылые и мрачные пассажиры, что можно подумать, будто все они сочиняют соболезнующие письма к родственникам усопшего. В роскошно убранной кают-компании текут тихие беседы, заглушаемые скрипом деревянных переборок, за иллюминатором видна зеленая зыбь, а внутри царит такая же зеленая тоска; вечерами, дабы вязальщицы не испортили вконец зрение, включают лишь несколько тусклых лампочек. Во время обеда и ужина в галерее ресторана оркестр исполняет серьезную классическую музыку — надо же хоть чем-то развлечь и повеселить пассажиров. Вот такая тут, как правило, атмосфера. А потому немудрено, что события, произошедшие в этом рейсе, навсегда остались в памяти капитана третьего ранга сэра Гектора Уистлера.

А надо сказать, Уистлер — типичный капитан океанского лайнера: спокойный, веселый, исключительно вежливый с пассажирами. Хотя под его лощеной внешностью таится взрывной нрав шкипера, променявшего парус на пар. В кругу друзей он славится богатством и образностью языка. Молодые офицеры записывают за ним отдельные выражения. Итак...

После этого необычайного рейса «Королева Виктория» вошла в док днем 18 мая. А уже утром следующего дня мистер Генри Морган стоял на пороге нового дома номер 1 на Аделфи-Террас. Возможно, читателям следует напомнить, кто это такой. Мистер Генри Морган — знаменитый автор детективов, человек, относящийся к своей профессии почти до неприличия легкомысленно. Он познакомился с доктором Феллом при расследовании дела с восьмеркой крошечных мечей. Вот только сегодня, несмотря на чудесное утро, молодой человек не склонен был любоваться восходом солнца над Темзой и садами, окружающими Аделфи-Террас. На его вытянутом, увенчанном очками лице (благодаря им посторонние считали его серьезным) застыло смешанное выражение ужаса и изумления. Сейчас у него, вне всякого сомнения, был вид человека, которому через многое пришлось пройти. В сущности, так оно и было.

Доктор Фелл радушно приветствовал гостя. Прогудев «Добро пожаловать!», он насильно сунул ему в руку

кружку с пивом. Морган отметил, что хозяин дома со времени их прошлой встречи еще больше располнел и лицо его стало более красным. Доктор грузно опустился в глубокое кресло у окна, выходящего на реку.

Морган огляделся. Последний раз он был здесь несколько месяцев назад, когда доктор Фелл с супругой только переехали в этот дом. С тех пор в просторном кабинете с изящным камином работы Адама навели порядок. Правда, назвать комнату образцовой язык не поворачивался, ибо у доктора давно сложились свои представления о чистоте и уюте. Но пять с чем-то тысяч книг кое-как распахали по дубовым стеллажам, а все углы и укромные местечки забили всяким барахлом. Старомодный хлам вообще был слабостью доктора Фелла. Особенно он любил пестрые картинки, изображающие охоту или сценки из произведений Диккенса, а еще картинки с видами сельских трактиров, на порогах которых стояли веселые джентльмены с кувшинами пива. Собирал доктор также фарфоровые пивные кружки с оловянными крышками, причудливые книжные закладки, пепельницы, стянутые из пивных, статуэтки монахов, дьявола и прочую ерунду. И надо заметить, эти безделушки очень оживляли мрачный кабинет с темными стеллажами по стенам и протертым ковром на полу, а еще, как ни странно, мило сочетались с его гигантской фигурой.

Сейчас бандитские усики хозяина дома топорщились от довольной ухмылки, в глазах мерцали огоньки. Какое-то время он молча щурился на гостя поверх очков с широкой черной лентой, а когда закурили сигары, отдуваясь и тяжело дыша, сказал:

— Мальчик мой, возможно, мне это только кажется, но я вижу в ваших глазах профессиональный блеск. — Он положил большие руки на письменный стол, заваленный книгами и бумагами. — Признавайтесь, что-нибудь случилось?

— Много чего, — мрачно ответил Морган. — Хочу рассказать вам самую невероятную историю, какую вы когда-либо слышали, если только у вас найдется для меня время. Она довольно длинная, но, думаю, может вас заинтересовать. Кстати, если вы в чем-либо усомнитесь и

вам понадобится подтверждение моим словам, я взял на себя смелость пригласить к вам Керта Уоррена...

— Хе-хе! — Доктор Фелл с удовольствием потерял руки. — Хе-хе-хе! Как в добрые старые времена. Конечно, у меня найдется для вас время. И приводите всех, кого хотите. Налейте себе еще пива и выкладывайте.

Морган сделал большой глоток и набрал в грудь побольше воздуха.

— Во-первых, — начал он, словно заправский лектор, — я собираюсь привлечь ваше внимание к пассажирам, которых добрый капитан «Королевы Виктории» пригласил за свой столик. К числу этих избранных счастливыхцев — или, если угодно, несчастных — принадлежал и я.

С самого начала мне казалось, что путешествие будет скучным: пассажиры выглядели слишком уж добродетельными, словно мумии. Через полчаса после открытия бара в нем, кроме меня, появилось всего два посетителя. Вот так я познакомился с Валвиком и Уорреном.

Капитан Томассен Валвик — норвежец; в прошлом водил торговые и пассажирские суда в Северной Атлантике. Выйдя в отставку, он поселился в Балтиморе. У него жена, «форд» и девять детей. Внешне этот человек смахивает на боксера-тяжеловеса. У него пышные песочные усы; в разговоре он щедро помогает себе жестами, а когда смеется, сопит и фыркает. Рассказчик совершенно неподражаемый: ночь напролет способен угощать вас самыми невероятными байками, которые воспринимаются еще смешнее из-за его сильного скандинавского акцента; если его обзывают вруном — не обижается. Глазки у него бледно-голубые, постоянно прищурены и часто-часто моргают; кожа на лице дубленая, обветренная, морщинистая; лицо усыпано веснушками. И абсолютно никакого чувства собственного достоинства. Я сразу понял: нашему капитану, сэру Гектору Уистлеру, предстоят нелегкие деньки.

Дело в том, что Валвик знал капитана «Королевы Виктории» и прежде, еще до того, как Уистлер, по словам норвежца, «зазнался» и стал изображать из себя джентльмена. Да, чуть не забыл описать вам Уистлера! Он уже начал полнеть; лицо у него длинное, плечи узкие; и весь перетянут золотыми галунами, словно рождественская

елка. За столом Уистлер глаз не спускал с Валвика. Следил за ним так, как пассажиры следят в шторм за тарелкой супа на столике в каюте. Однако старик норвежец совершенно не обращал внимания на укоризненные взгляды капитана и продолжал вспоминать молодость.

Вначале их отношения не особенно меня занимали. Мы сразу и неожиданно вошли в полосу шторма; шквалистый ветер с дождем обрушился на корабль; «Королеву Викторию» постоянно бросало то вверх, то вниз. Почти все пассажиры укрылись в своих каютах. Роскошная кают-компания и изысканные салоны опустели; казалось, мы очутились на корабле-призраке. Деревянные переборки и снасти скрипели, словно плетеные корзины, которые разрывают на части. Огромные волны швыряли наш корабль, как скорлупку. Проход по коридору или выход на палубу превращался в настоящее приключение. Но лично мне плохая погода нравится. Люблю, открывая дверь, встретить сильный порыв ветра, бьющий в лицо; мне приятен запах белой краски и отполированной меди — говорят, у многих от одного этого запаха сразу начинается приступ морской болезни. Люблю в шторм бродить по кораблю; знаете, прогулка по коридору похожа на поездку в скоростном лифте. Однако многим все это не по душе. В результате за капитанским столом нас осталось всего шестеро: Уистлер, Валвик, Маргарет Гленн, Уоррен, доктор Кайл и я. Компанию нам должны были составлять еще две знаменитости, но их стулья пустовали... Это были старый Фортинбрас, который возглавляет жутко модный театр марионеток, и виконт Стэртон. Вы о ком-нибудь из них слышали?

Доктор Фелл взъерошил пальцами копну седеющих волос.

— Фортинбрас! — вскричал он. — Все заумные журналы только о нем и пишут! Его театр где-то на окраине. У него огромные марионетки, почти в человеческий рост, и весят чуть ли не столько же, сколько настоящие люди. Кажется, он ставит классические французские драмы или что-то в этом роде?

— Верно, — кивнул Морган. — Последние десять—двенадцать лет занимался этим, так сказать, для себя

или ради высокого искусства — бог знает зачем. Где-то в Сохо у него был крошечный театрик с деревянными скамьями; зрителей в зале помещалось человек пятьдесят. Обычно только дети эмигрантов. Они обожали его представления. Главным блюдом старика Фортинбраса была постановка «Песни о Роланде» — на французском языке, белым стихом. Мне все это рассказала Пегги Гленн. Говорит, старик сам играл большинство ролей. Ворочал вместе с помощником тяжеленные куклы и одновременно выкрикивал стихи. А каждая из них весом под пятьдесят килограммов, не считая доспехов, меча, сбруи... Марионеток передвигают на специальной тележке, а их руки и ноги работают благодаря сложной системе проволоки. Все эти ухищрения необходимы, так как куклы в основном сражаются между собой, а детишки-зрители скачут от восторга и подбадривают бойцов охрипшими голосами.

Понимаете, малышам наплевать на всякие там возвышенные чувства. Скорее всего, они даже не слушали стихов или не понимали, о чем речь. Спектакль начинается с того, что на сцену, пошатываясь, выходит Карл Великий, в золотых доспехах и алом плаще, с мечом в одной руке и алебардой — в другой. За ним, толкаясь и шатаясь, выкатываются на тележке куклы-придворные, так же пестро разодетые и с таким же смертоносным оружием в руках. С другой стороны на сцену выходит мавританский султан со своей свитой, также вооруженной до зубов. Потом все куклы застывают в самых неестественных позах, а Карл Великий громоподобным голосом вещает нечто вроде: «Привет вам, судари мои, умри, несчастный, гранмерси», — и дальше в том же духе белым стихом минут двадцать. Он объясняет мавританскому султану, что ему нечего делать во Франции, и пусть он убирается оттуда в преисподнюю или еще куда подальше. Мавританский султан поднимает саблю и разражается ответной пятнадцатиминутной речью, весь смысл которой в одной фразе: «Как бы не так!» После этого Карл Великий, издав боевой клич, кидается на противника и со всей силы врезает ему по голове алебардой.

В общем, тут начиналась настоящая потеха. Куклы набрасывались друг на друга, словно бойцовые петушки на арене, размахивая мечами и так топая, что едва не проламывали сцену. То одну, то другую марионетку «убивали» и сбрасывали с платформы. «Убитая» кукла со страшным грохотом падала вниз, поднимая вокруг себя облака пыли. Битва грохотала в ее клубах, старый Фортинбрас носился взад-вперед за кулисами, так как ему надо было говорить за всех. Дети-зрители были в полном восторге. Потом занавес падал; на сцену, кланяясь и отдуваясь, выходил старина Фортинбрас. Пот тек у него по лицу градом. Он был бесконечно уверен — публика неистово аплодировала. Тут старик произносил речь о славе Франции, а благодарные зрители вопили от восторга, совершенно не понимая, о чем он толкует... Он был совершенно счастлив: его искусство ценится по достоинству.

Вы, наверное, догадываетесь, что случилось потом. В один прекрасный день его искусство «открыли» высокообразованные интеллектуалы, и как-то утром дядюшка Фортинбрас проснулся знаменитым. Его назвали непризнанным гением, которым британская публика, к стыду своему, пренебрегала. И понятно, что публика в его захудалом театрике совершенно переменилась. В зале яблоку было негде упасть от важных господ в цилиндрах, интеллектуалов, обожающих цитировать Корнеля и Расина. Сдается мне, старик был изрядно озадачен. Вскоре ему на очень выгодных условиях предложили гастроли в Америке. Гастроли превратились в сплошной триумф... — Морган перевел дыхание, помолчал, затем продолжил: — Как я уже говорил, все это мне рассказала мисс Гленн, которая служит у старого чудака кем-то вроде секретарши и управляющей. Она устроилась к нему задолго до того, как театр прославился. Мисс Гленн приходится ему дальней родственницей по материнской линии. Ее отец был сельским священником или школьным учителем — словом, кем-то в этом роде; после его смерти она приехала в Лондон и перебивалась с хлеба на воду. Тогда-то старый Жюль и взял ее в долю. Мисс Гленн очень хорошенькая девушка; пока вы не познакомитесь с ней поближе, кажется, что она несколько чопор-

на и жеманна, но стоит ей выпить несколько коктейлей подряд, как она становится сущим бесенком.

Значит, следующей к нашей компании присоединилась Пегги Гленн; а почти сразу же за ней явился и мой друг Кертис Уоррен.

Керт вам понравится. Он, правда, несколько легкомыслен, но, несмотря на это, любимый племянник одного важного чина в теперешнем американском правительстве...

— Кого именно? — поинтересовался доктор Фелл. — Не помню ни одного Уоррена в составе...

Морган кашлянул.

— Родство по материнской линии, — пояснил он. — Дядюшка Уоррена играет в моем рассказе довольно существенную роль; пока назову его просто «важной персоной», стоящей по положению не так далеко от самого Ф.Д. Рузвельта. Между прочим, в политических кругах наша важная персона славится достоинством и напыщенностью; цилиндр у него самый лощеный, стрелка на брюках безупречна. Он пользуется безоговорочным доверием большинства избирателей и обладает безукоризненными манерами... Словом, высокопоставленный дядюшка разослал несколько телеграмм — нам, простым смертным, такое недоступно — и устроил Керта на теплое местечко в консульской службе. Местечко, надо признаться, так себе: в каком-то богом забытом углу типа Палестины. Однако, прежде чем заживо похоронить себя в глуши, выписывая счета и всякую всячину, Керт решил устроить себе каникулы и отправился в круиз вокруг Европы. Между прочим, его хобби — съемка любительских фильмов. Он богат; у него есть не только кинокамера, но также и звуковая установка — вроде тех, которые таскают журналисты из радионовостей.

Раз уж речь зашла о важных персонах, упомяну еще об одной знаменитости на борту «Королевы Виктории», кстати также пораженной морской болезнью. Это не кто иной, как лорд Стэртон — вы знаете, — тот, которого называют Отшельником с Джермин-стрит. Он ни к кому не ездит; у него нет друзей; он посвятил свою жизнь собиранию всевозможных редких драгоценностей...

Доктор Фелл вытащил изо рта трубку и нахмурился.

— Прежде чем вы продолжите рассказ, мне хотелось бы кое-что выяснить. Вы, случайно, не собираетесь поведать мне старый, избитый анекдот о знаменитом бриллианте под названием «Озеро света», украденном из левого глаза бирманского божества, за которым охотятся темнолицые злодеи в тюрбанах? Если да, то будь я проклят, если стану слушать вас дальше...

Лицо Моргана исказила страдальческая гримаса.

— Нет, — возразил он. — Я предупреждал вас, что история уникальная, хотя украшение в ней тоже есть. Оно-то нас окончательно и запутало. Из-за него поднялась такая суматоха... Как вы догадываетесь, украшение, разумеется, украли...

Доктор Фелл внимательно посмотрел на собеседника и хмыкнул.

— Кто?

— Я, — неожиданно заявил Морган, но тут же поправился: — Точнее, нас было несколько. Просто кошмар какой-то! Наваждение! Драгоценность, о которой идет речь, — кулон на цепочке. Она известна как изумрудный слон. Исторической и художественной ценности не представляет, зато стоит целое состояние. Просто диковина, редкая вещица. Именно поэтому Стэртон и поехал за ней в Америку. Слона продавал один разорившийся нью-йоркский миллионер. Все знали, что Стэртон вел с ним долгие переговоры и наконец купил у него кулон. Я узнал это от Керта Уоррена. Дело в том, что дядюшка Керта — приятель Стэртона. Дядя и рассказал обо всем Керту еще до нашего отплытия. Впрочем, об этом знала примерно половина пассажиров «Королевы Виктории», и всем было любопытно взглянуть на чудака, который выкидывает огромные деньги на безделушки. А вид у Стэртона тот еще — эдакий рыжий старикан со старомодными бакенбардами и лошадиной физиономией. Путешествовал он в сопровождении лишь одной секретарши. И при этом так боялся простуды, что постоянно кутался в теплые шарфы и ругал всех, кто попадался ему на пути.

Странно, однако, что вам пришла в голову эта старая байка о сказочной драгоценности. Ибо в тот самый день,

когда и начались все наши невзгоды, — случилось это на четвертый день плавания, а прийти в порт назначения нам предстояло через три дня, — Пегги Гленн, капитан Валвик и я как раз обсуждали этого изумрудного слона. Представьте себя на нашем месте: вы лежите в шезлонге, кутаетесь в плед, и вам совершенно нечего делать, кроме как ожидать, когда прозвучит сигнал на чай. Мы заспорили, где находится этот изумруд — в каюте лорда Стэртона или же заперт в капитанском сейфе, и смеха ради обсудили возможность его украсть в каждом из этих случаев. Насколько я помню, Пегги предложила очень изощренный и оригинальный план. Однако я слушал ее невнимательно. За прошедшие четыре дня мы успели достаточно хорошо познакомиться, поэтому общались друг с другом совершенно запросто, без церемоний. Собственно говоря, — уточнил Морган, — я клевал носом. И вдруг...

Глава 2

ВЫХОДКА ДЯДУШКИ УОРПАСА

Небо вдали покрылось жемчужными разводами; начинало смеркаться, и на седых барашках волн заплясали разноцветные огоньки. «Королева Виктория» попала в полосу шторма. Линия горизонта накренилась и вздыбилась над кипящим, бурлящим котлом океана; почти пустынную палубу стало насквозь продувать ветром. Морган безвольно откинулся на спинку шезлонга, крепче закутался пледом. Качка ему нисколько не мешала, а грозный рев океана казался таким же уютным, как потрескивание поленьев в камине. Он сонно соображал: скоро на корабле зажгут свет, накроют чай, будет играть оркестр. Оба его спутника на некоторое время умолкли, и он посмотрел на них.

Маргарет Гленн лежала в шезлонге с полузакрытыми глазами, уронив на колени книгу. На ее хорошеньком, проказливом личике, которое чужакам могло показаться чопорным, застыло озадаченное и расстроенное выражение. Она вертела за дужку очки в массивной черепа-

ховой оправе, а точно в центре ее лба, между карими глазами, собралась морщина. Маргарет была в меховой шубке, шею ее обвивал широкий шелковый расписной шарф. Прядка черных волос, выбившаяся из-под маленькой коричневой шляпки, развевалась по ветру.

— Почему же так долго нет Керта? — спросила она. — Он еще когда обещал выйти к нам, а ведь скоро чай; мы еще собирались подбить вас на пару коктейлей... — Она обернулась назад и сосредоточенно посмотрела в иллюминатор, словно ожидая найти Уоррена именно там.

— Я-то знаю, в чем дело, — лениво проговорил Морган. — Наверняка его задержала вертлявая блондиночка из Нэшвилла. Помните — та, что впервые в жизни едет в Париж и уверяет, будто жаждет набраться там духовного опыта.

Пегги повернулась к нему; лицо ее вспыхнуло и порозовело на ветру. Она уже приготовилась выпалить какую-нибудь ответную колкость, но тут заметила ехидную усмешку на лице Моргана и, вместо того чтобы что-нибудь съязвить, показала ему язык.

— А! — воскликнула она бесстрастно. — Знаю ее — бессовестная кривляка! Таких девиц я вижу насквозь. Одевается как дешевая шлюха, но при этом не подпускает к себе мужчин на пушечный выстрел. Послушайте моего совета, — мисс Гленн оживилась и подмигнула, — держитесь подальше от женщин, которые жаждут набраться духовного опыта. Знаете, что это значит? Это значит, что телесного опыта они попросту боятся! — И вдруг вновь нахмурилась. — Нет, серьезно, что такое приключилось с Кертом? Даже учитывая прославленную непунктуальность американцев...

— Ха-ха-ха! — оживился капитан Томассен Валвик. — Тавайте я фам расскашу. Мошет, это похоше на историю с лошадь.

— Что еще за лошадь? — спросил Морган.

Капитан Валвик дружелюбно фыркнул и согнул могучие плечи. Даже в сильный шторм, когда палуба ходила ходуном и шезлонги скользили по ней, словно притягиваясь друг к другу, он стоял прямо без всякого труда. Его лошадиное веснушчатое лицо сморщилось от

удовольствия; светло-голубые глаза за стеклами очочков в тонкой позолоченной оправе блестели почти нечестивым блеском. Капитан даже зажмурился, смакуя приятное воспоминание. Он снова хрипло фыркнул в песочные усы, сдвинул большую твидовую кепку на одно ухо и небрежно повел рукой в сторону. Если бы на том месте кто-нибудь стоял, беднягу отнесло бы к противоположному борту.

— Ха-ха-ха! — загремел капитан Валвик. — Сейшас я фам расскашу. На моей родине, в Норвегии, есть такой обышай. Кокта фы хотите останофить лошадь, фы кофорите «Тпру!». А у нас не так. Мы кофорим: «Брубублу-о-о-о-блун!»

Желваки на скулах капитана Валвика задвигались; он задрал голову, словно Тарзан над свежей добычей, и издал самый необычайный боевой клич, какой когда-либо доводилось слышать Моргану. Казалось, такое невозможно воспроизвести лишь обычным человеческим горлом. Вопль капитана походил на шум воды, выбегающей из ванны, когда вынимают пробку, и завершился на ликующей ноте, постепенно затихая, словно вода утекала по ржавым канализационным трубам, сокрушая все на своем пути; вопль был похож на симфонию, написанную каким-нибудь современным композитором для духовых и струнных инструментов.

— Бру-блун-блун-у-у-ло-о-о-лу-у-блун-у-у! — вопил капитан Валвик, вначале опутив голову, но на самом кульминационном месте ее вскидывая.

— Наверное, это очень трудно? — осведомился Морган.

— Ах, нет! Я телать это легко, — широко осклабился его собеседник, кивая в подтверждение своих слов. — Но я хотел рассказать фам, про перфый раз, как я по-пробофал крикнуть так на лошадь, которая кофорить по-английски. Фаш лошадь меня не понял. Я рассказать фам как это было. В то фремя я был молотой и ухашивать са тефушка, который шил в штат Фермонт. Там фсегда идет снег, как в Норвегия. Фот я и решил при-класить ее покататься в санках — чинно-плакоротно. Нанял лучшую лошатку и санки, какие пыли, и фелел

тефушка быть котов к тфа часа тня. Снаете, я хотел про-
исфести хороший впешатлений на моя тефушка. И вот
я примчался к ее дому и уфител, что он стоит на крыль-
цо и штет меня. Фот я решил потъехать, как кофорится,
с шик, и я скасал: «Брубублу-о-о-о-блуу!» — кромко и
отчетлифо, шштопы мой лошаць пофернул ф форота. Но
не останофился. И я тумаль: «Ну и тела! Шшто такое с
этот проклятый лошаць?» — Капитан Валвик взволно-
ванно взмахнул рукой. — И я пофториль: «Брубублу-о-
о-о-блуу!» — и наклонился к самый лошаць и крикнул
еще раз. И на этот раз лошаць пофернуль голофа и смо-
трель на меня. Но он не останофился! Протолшал пе-
шать и пропешал мимо тома, кте стоял мой тефушк, и
только припафил скорость и перешел ф калоп, кокта я
кричалъ: «Брубублу-о-о-о-блуу!» И мой тефушк открыл
сфой клас и смотрел на меня так смешно, но лошаць нес-
ся все тальше и тальше; я только смог встать в санки и
снял мой шляпа и махаль ей все фремя, пока ехал таль-
ше и тальше от она. Потом мы пофернули са пофорот, и
я польше ее никокта не фитель...

Рассказ сопровождался живой пантомимой: капитан
дергал за поводья воображаемой лошади. Завершив по-
вествование, он немного взгрустнул, но тут же благоже-
лательно осклабился:

— Я никокта не приклашал больше эта тефушк ка-
таться. Ха-ха-ха!

— Не вижу ничего общего, — парировала Пегги Гленн,
глядя на него в некотором недоумении. — При чем тут
Керт Уоррен?

— Я не сналь, — сообщил капитан, почесывая заты-
лок. — Я только хотеть рассказать история, я полакать...
слушшайте, а мошшет, у нефо морская болеснь? Ха-ха-
ха! Ах! Кстати, я рассказыфаль фам о том, шшто случи-
лось у меня на сутне, кокта наш кок съел корохофый суп
са фесь экипаж...

— Морская болезнь? — возмутилась Пегги. — Ерунда!
Во всяком случае... бедняга, надеюсь, у него нет морской
болезни. Мой дядя ужасно страдает, а еще сильнее му-
чается оттого, что обещал капитану показать спектакль
на концерте, который состоится в последнюю ночь пла-

вания... Как вы считаете, может, стоит пойти и посмотреть, что случилось с Кертом?

Она замолчала, так как на палубе показался стюард в белой куртке. Он стоял озираясь, явно стараясь кого-то найти. Морган узнал этого всегда веселого молодого человека с гладкими черными волосами и длинной нижней челюстью. Он убирался у него в каюте. Теперь, однако, вид у стюарда был довольно таинственный. С трудом держась на ногах на открытой палубе под порывами ветра, он кивнул Моргану и крикнул, пытаясь перекрыть грохот волн:

— Сэр! Мистер Уоррен... передает вам привет и просит вас зайти. И ваших друзей тоже.

Пегги Гленн вскочила на ноги:

— С ним ведь ничего не случилось? Где он? В чем дело?

Стюард потоптался в нерешительности, затем поспешил успокоить ее:

— О нет, мисс! Ничего страшного. Просто он, по-моему, получил по голове.

— Что?!

— Ему подбили глаз, мисс. И еще дали по затылку. Только он, мисс, несколько не расстроился, ну вот ничуть. Когда я ушел, мистер Уоррен сидел на полу каюты, приложив к голове полотенце, — продолжил стюард, чуть ли не в полном восторге, — в руках у него был обрывок киноплёнки, а ругался он так, что любо-дорого послушать. Да уж, мисс, врезали ему что надо, это факт.

Друзья уставились друг на друга, а потом все одновременно ринулись внутрь, за стюардом. Капитан Валвик, отдуваясь и сопя в усы, бормотал страшнейшие угрозы. Толкнув тяжелую дверь, они буквально влетели в теплый коридор, пахнувший краской и резиной. Уоррен занимал большую двойную каюту, крайнюю по правому борту. Они спустились по шатким лесенкам, проскользнули мимо кают-компаний и постучали в дверь под номером 91.

На физиономии мистера Кертиса Дж. Уоррена, обыкновенно отмеченной печатью лени и добродушия, сейчас

застыло крайне злобное выражение. Он страшно ругался и богохульствовал, отчего атмосфера вокруг него клубилась и казалась отравленной. Вокруг его головы на манер тюрбана было повязано влажное полотенце; под глазом явно отметился чей-то кулак. Зеленоватые глаза мистера Уоррена с горечью взирали на друзей, а его волосы из-под повязки топорщились, словно у домового. В руке он сжимал нечто напоминающее полоску киноплёнки с перфорацией для записи звука, надорванную с одного конца. Кертис сел на краешек кровати и стал почти неразличим в тусклом желтоватом свете, льющемся из иллюминатора. В каюте царил страшный разгром.

— Входите! — крикнул мистер Уоррен и набрал в грудь побольше воздуха, словно задыхаясь. Затем взорвался: — Когда я поймаю этого трусливого, подлого сукиного сына, который попытался украсть у меня ценную вещь... я взгляну на похотливую рожу этой сволочи, которая наносит удары дубинкой...

— Керт! — взвизгнула Пегги Гленн, кидаясь его осматривать и ощупывать. Потом принялась поворачивать из стороны в сторону, словно хотела разглядеть ее через ухо насквозь.

Уоррен вздрогнул и ойкнул.

— Дорогой мой, но что случилось? — Глаза Пегги сверкнули. — То есть как вы допустили, чтобы подобное случилось? Вам больно?

— Детка, — с достоинством произнес Уоррен, — не стану отрицать: задета не только моя честь. Когда зашьют мою голову, я, наверное, стану похож на бейсбольный мяч. Что же касается того, что я будто бы нарочно допустил... Друзья, — заявил он угрюмо, поворачиваясь к Моргану и капитану, — мне нужна помощь. Я попал в переплет, и это не шутки.

— Ха! — проворчал Валвик, поглаживая огромной ручищей усы. — Фы только скашить мне, кто фас утариль, та? Тут я поймаю его и ка-ак...

— Я не знаю, кто это сделал. В том-то и трудность.

— Но... за что? — спросил Морган, обозревая разгромленную каюту.

Уоррен горько улыбнулся:

— А это как раз по вашей части, старина! Вы, случайно, не знаете, нет ли среди пассажиров каких-нибудь международных жуликов? Обычно они носят титул — принц такой-то или княгиня разэтакая — и заняты в основном тем, что прожигают жизнь в Монте-Карло. Не знаете? Дело в том, что у меня украли один документ государственной важности... Да-да, я не шучу. Я не знал, что эта проклятая штука у меня. Мне и в голову это не приходило... я думал, ее уничтожили... Повторяю, я попал в переплет; мне абсолютно не до смеха. Садитесь куда-нибудь, и я вам все расскажу.

— Первым делом вам срочно нужно показаться врачу! — горячо возразила Пегги Гленн. — Я не допущу, чтобы вам отшибло память или что-то в этом роде...

— Детка, послушайте, — Уоррен сдерживался из последних сил, — кажется, вы до сих пор ничего не поняли. Это настоящая бомба. Это похоже... на один из шпионских романов, которые сочиняет Хэнк, только поновее; да-да, по здравом размышлении я понимаю... Так вот, слушайте. Видите эту пленку?

Он передал пленку Моргану, который поднес ее к иллюминатору, чтобы лучше разглядеть. На всех кадрах присутствовал представительный седовласый джентльмен в вечернем костюме. Он стоял раскрыв рот, очевидно, произносил речь; потом поднял кулак — речь, видимо, была зажигательная. В облике почтенной особы смутно чувствовался какой-то непорядок: галстук съехал на сторону и болтался под самым ухом, а над головой и плечами мелькали какие-то кружочки. Сначала Морган решил, что тогда шел снег. Однако на самом деле это оказалось конфетти.

Лицо героя фильма было смутно знакомым. Через некоторое время до Моргана дошло: перед ним не кто иной, как великий дядюшка Уоррена, важная персона, самая напыщенная и высокопарная фигура в администрации президента США, мощный политик, который «делает погоду», верховный жрец. Слушая по радио его бодрый, успокоительный голос, миллионы американцев начинали мечтать о новой, лучезарной эпохе национального процветания, об эре товарного изобилия, беспроцентных

займов и прочих радостей. Его достоинство, его ученость, его изысканные манеры были общеизвестны...

— Да, вы правы, — сухо подтвердил Уоррен. — Это мой дядя. А теперь я расскажу вам все... Только не смейтесь, дело абсолютно серьезное.

Надо сказать, что мой дядя Уорпас — славный малый. Запомните это хорошенько. Он оказался в неловком положении, потому что повел себя как всякий обычный человек; такое с каждым может случиться, хотя считается, что политики на такое не способны. Всем политикам время от времени необходимо выпускать пар. Иначе они просто сойдут с ума — возьмут, например, и откусят ухо послу на торжественном приеме. А если еще принять во внимание, какая неразбериха царит во всей стране, когда все идет не так, как надо, да еще всякие дураки пытаются заблокировать мало-мальски разумные начинания, ставят палки в колеса... В общем, бывают времена, когда они не выдерживают. Особенно когда находятся в обществе равных да вдобавок выпьют на вечеринке коктейль-другой.

Вы знаете, что мое хобби — снимать любительские фильмы, да еще, господи спаси, звуковые. И вот примерно за неделю до отплытия я приехал в Вашингтон, чтобы нанести дядюшке Уорпасу прощальный визит. — Уоррен подпер подбородок руками и с горечью посмотрел на друзей, рассаживающихся кто куда. — Взять за границу мой киноаппарат я не мог — слишком сложно. Дядя Уорпас предложил оставить аппарат у него. Подобные вещи его занимают; он решил, что, возможно, возня с киноаппаратом его развлечет, если я покажу ему, как все работает... — Уоррен тяжело вздохнул. — В первый же вечер дядя устроил очень большой прием, на который пригласил в высшей степени достойных людей. Но он и еще несколько членов его кабинета и закадычных друзей из числа сенаторов, когда начались танцы, незаметно ускользнули наверх. Поднялись в библиотеку, играли там в покер и пили виски. Когда появился я, все решили, что будет чудесно, если я подготовлю технику и сниму звуковой фильм. Мне понадобилось некоторое время, чтобы подготовить аппаратуру. Пришлось привлечь в помощь дворецкого. Пока мы возились с каме-

рой, гости продолжали выпивать в приятной компании. Некоторые из дядиных приятелей — такие высокие, мощные, грубоватые парни родом со Среднего Запада; они не дураки выпить; и даже дядя Уорпас, как говорится, позволил себе лишнего. — Уоррен посмотрел в потолок; при воспоминании о приятном вечере в глазах его заплясали веселые огоньки. — Началось все чинно и благородно. Дворецкий работал оператором, а я записывал звук. Вначале почтенный Уильям Т. Пинкис процитировал Геттисбергскую речь Линкольна. Тут все было в порядке. Затем почтенный секретарь Сельскохозяйственной комиссии представил гостям сцену убийства из «Макбета» — играл он мощно, в качестве кинжала используя бутылку джина. Вот так, постепенно, они и расслаблялись. Сенатор Боракс пропел «Энни Лори», а затем четверо гостей образовали квартет и исполнили «Где сегодня мой странник-другок?» и «Надень свой старый серый капор»...

Пегги Гленн с ногами забралась на койку, прислонилась спиной к стене и смотрела на Уоррена с ужасом. Ее розовые губки приоткрылись, брови поднялись.

— Ну и что тут такого? — недоуменно спросила она. — Подумаешь, большое дело! В нашей палате общин еще не такое бывает...

Уоррен пылко поднял руку:

— Детка, Небо свидетель, это только начало...

Морган расхохотался; Уоррен обиделся.

— Говорю вам, Хэнк, дело серьезное!

— Вижу, — согласился Морган, становясь задумчивым. — Кажется, я начинаю понимать, что было дальше. Продолжайте.

— А мое мнение, шшто они поступили фэрно, — высказался капитан Валвик, энергично кивая в знак одобрения. — Мне всегда самому хотелось попропофать шшто-то такое. Хотите, покашу, как тфа пароход столкнулись в туман? У меня хорошо получалось. Я фам покашу! Ха-ха-ха!

Уоррен загрустил.

— Ну вот, говорю вам, дальше — больше. Первый звонок прозвенел, когда один парень из кабинета мини-

стров, который давно уже хихикал в кулак, поведал нам возвышенную историю о коммивояжере и фермерской дочке. А потом наступила кульминация вечера. Мой дядя Уорпас все это время сидел в одиночестве и боролся с собой — я словно слышал, как тикали его мозги: тик-так... тик-так... — но тут он не вытерпел. Он заявил, что намерен произнести речь. И он ее произнес. Встал перед микрофоном, прочистил горло, расправил плечи — и полился поток кресноречия.

Некоторым образом, — продолжал Уоррен не без восхищения, — это была самая замечательная речь, которую мне когда-либо доводилось слышать. Дело в том, что у дядюшки Уорпаса хорошо развито чувство юмора, но при его положении ему все время приходилось себя одергивать. Я случайно знал, что он бесподобно произносит пародии на политические речи... А тут он превзошел сам себя! Дядюшка живописно и свободно изложил свое мнение о том, как управляют страной, и сказал все, что думает о правительственных чиновниках. Потом, обращаясь к главам Германии, Италии и Франции, изложил свои взгляды на их родословную — не забыв ни матушек, ни дядюшек; объяснил всем присутствующим, как развлекаются главы этих государств в свободное время, и указал, куда им следует послать военно-морской флот с наибольшим возможным эффектом... — Уоррен промокнул лоб платком. — Видите ли, дядюшке удалось создать изумительную пародию на речь типичного «поджигателя войны», любящего бряцать оружием, со множеством затейливых ссылок на Вашингтона, Джефферсона и веру отцов... В общем, все высокопоставленные пьянчужки встретили дядину речь радостными криками и аплодисментами. Сенатор Боракс раздобыл маленький американский флажок и всякий раз, когда дядя Уорпас выражался особенно красноречиво, размахивая им, засовывал голову чуть ли не в камеру и голосил: «Ура!»... Словом, это был просто ужас. Что касается ораторского искусства, тут речь была непревзойденной, я никогда не слышал ничего красноречивее. И я знаю, что две или три газеты в Нью-Йорке охотно дали бы миллион долларов за мой коротенький любительский фильм.

Пегги Гленн, давясь от смеха, тем не менее недоверчиво смотрела светло-кариими глазами на рассказчика. Казалось, она раздосадована.

— Но послушайте, — снова возразила Пегги, — какая чепуха! Знаете ли, это не совсем... честно...

— Вы мне будете рассказывать, — мрачно отозвался Уоррен.

— ...ведь ваш дядюшка и его друзья — очень милые, благородные люди. Это омерзительно! Просто фарс какой-то! Нет, это полная нелепость, безрассудство! Я вам не верю.

— Детка, — мягко пояснил Уоррен, — а все потому, что вы — англичанка. Вам не понять американского характера. Никакой нелепости здесь нет. Подобные скандалы время от времени случаются, только обычно их замалчивают. Но на сей раз скандал примет настолько огромные, головокружительные размеры, что... Да ладно! Не будем говорить о том, какой взрыв произведет он в Америке. Скандал положит конец карьере дяди Уорпаса, а вместе с ним и многим другим. Но вы подумайте, какой эффект произведут некоторые из его высказываний на, скажем так, определенных государственных деятелей Италии и Германии? Они-то не найдут в речи дядюшки абсолютно ничего смешного. Спорим, они запрыгают, начнут рвать на голове волосы и потребуют немедленного объявления войны... разве что их будут крепко держать... Ф-фу... бомба. Нет, что я говорю? По сравнению с этим бомба — просто фейерверк!

В каюте сгущались сумерки. За иллюминатором клубились тучи; корабль ходил ходуном от мерного стука гребных винтов и килевой качки. «Королева Виктория» то с шумом и плеском вздымалась на гребне очередной волны, то с грохотом падала вниз. Стекла и графин с водой дребезжали на полочке над раковиной. Морган протянул руку и включил свет.

— Так, значит, кто-то украл у вас этот фильм? — уточнил он.

— Да... половину... Позвольте, я доскажу, что было дальше.

Наутро после того маленького карнавала дядя Уорпас проснулся и осознал, что натворил. Он ворвался ко мне в комнату — оказалось, что остальные правонарушители бомбардируют его звонками с семи утра. К счастью, мне удалось его успокоить — так мне, во всяком случае, показалось. Из-за всевозможных трудностей и технических неполадок я снял коротенький фильм — двухчастевку. Пленка была смотана в бобины; каждая бобина упакована в контейнер, вот в такой... — Уоррен нагнулся и извлек из-под койки большую продолговатую коробку в стальной оплетке с ручкой наверху, похожую на чемоданчик. Откинул защелку.

В коробке находилось несколько плоских круглых жестянок примерно десяти дюймов в диаметре каждая, окрашенных в черный цвет. На их крышках были мелом нацарапаны какие-то таинственные пометки. У одной из жестянок крышки не было. Внутри ее лежал спутанный, перекрученный рулон киноплёнки. Похоже, от него отрезали большой кусок.

Уоррен похлопал рукой по жестянке и пояснил:

— Некоторые лучшие мои произведения я взял с собой. У меня есть маленький проектор. Я полагал, что мои фильмы развлекут публику в Старом Свете...

В ночь красноречия дяди Уорпаса я и сам был слегка навеселе. Упаковку багажа я предоставил дворецкому, объяснив, как надписывать бобины. Теперь-то я понимаю, что произошло, — скорее всего, он просто перепутал надписи. Я тщательно уничтожил две бобины пленки, которые считал крамольными. Но, как идиот, — Уоррен достал сигареты и засунул одну в угол рта, — просмотрел лишь одну часть, да и то невнимательно. Поэтому я уничтожил Геттисбергскую речь, убийство Макбета и песню «Энни Лори». Но остальное... Теперь-то мне все понятно. Вместо крамольной речи я сжег отличный фильм, который снял в Бронкском зоопарке.

— Где же остальное?

Уоррен показал на пол:

— У меня в багаже; а я и не знал! Ни малейшего подозрения не было до сего дня. Да-а! Положеньице,

доложу я вам! Слушайте же. Мне надо было срочно отправить радиogramму кое-кому из родных...

— Кому это? — Мисс Гленн подозрительно прищурилась.

— Отцу. Вот я и поднялся в радиорубку. Радист сказал, что для меня только что получено сообщение. И добавил: «Оно, похоже, зашифровано. Вот, посмотрите. Вы что-нибудь понимаете?» Зашифровано! Хо-хо! Я глянул на записку, и она показалась мне такой странной, что я прочел ее вслух. Учтите: предотъездная суматоха, волнение, багаж, новые впечатления на борту и все такое... о том маленьком представлении я совершенно позабыл. Кроме того, радиogramма была без подписи; полагаю, дядя Уорпас не осмелился... — Уоррен грустно покачал головой. В тюрбане, да еще с сигаретой, торчащей в уголке рта, и с начисто выбритым, словно у школьника, лицом, он выглядел довольно смешно. Уоррен вытащил телеграмму из кармана. — Вот что здесь написано: «Найдены следы чистки. Хиллер...» — Это его дворецкий, старинный семейный слуга; он бы не пикнул, даже если бы дядя Уорпас украл столовое серебро из Белого дома... Так вот: — «Хиллер нервничает. Кажется, это были медведи. А настоящий фильм? Срочно без заминки стереть насмешки. Проверить насчет медведей».

— Ну и шшто? — спросил капитан Валвик, медленно выпуская изо рта клубы дыма.

— Яснее выразиться он не мог, — объяснил Уоррен. — Медведи в зоопарке. Но если вам неожиданно подsunут вот такое послание, вам нипочем не понять, в чем тут суть. Я обсудил телеграмму с радистом. Вначале усомнился: а с чего я взял, будто радиogramму отправил дядя Уорпас? В общем, слова никак не связывались воедино, но потом внезапно до меня дошло.

Тут я бросился к себе в каюту. Темнело, и потом иллюминатор был прикрыт шторкой... а в каюте кто-то был.

— И разумеется, вы его не разглядели? — спросил Морган.

— Когда я поймаю этого подлеца, — проворчал Уоррен, внезапно отклоняясь от темы и буравя взглядом графин

с водой, — когда я найду... Нет, проклятие! Все, что я успел разглядеть, — это был мужчина. Он возился в углу с моими фильмами. Как оказалось позже, у половины бобин не было крышек. В руках злоумышленник держал именно ту пленку, какую не надо. Я бросился на него, и он со всей силы ударил меня по лицу. Хватая его, я сжал в кулаке конец пленки. Он вывернулся — здесь довольно тесно, а качка была весьма ощутимая, — потом нас швырнуло на стенку над раковиной; я пытался ударить его о стену. Я не мог допустить, чтобы он унес пленку. В следующую секунду у меня перед глазами заплескали искры и вся каюта подскочила вверх — это он треснул меня дубинкой по затылку. Сознания я вроде не потерял, но у меня все кружилось. Я еще раз врезал ему и склонился над тем куском пленки, который у меня остался. Потом он ногой открыл дверь и каким-то образом выбежал наружу. Должно быть, на следующие несколько минут я отключился. Когда же пришел в себя, то позвонил стюарду, плеснул себе на голову воды и обнаружил... — Уоррен ногой приподнял с пола спутанный клубок пленки.

— Но видеть-то вы его видели? — взволнованно спросила девушка, снова хватая его за голову, отчего Уоррен опять ойкнул. Пегги вскочила на ноги. — Дорогой мой, ведь вы с ним дрались...

— Нет, я его не видел, говорю вам! Это мог быть кто угодно! Но вопрос в том, что же теперь делать? Взываю к вам о помощи. Нам необходимо вернуть тот кусок пленки. Он оторвал... футов пятьдесят. И это так же опасно, как если бы он получил все.

Глава 3

ЛОВУШКА ДЛЯ КИНОШНОГО ЖУЛИКА

— Что ж, — задумчиво заметил Морган, — признаю, это тайное задание самого странного рода, какое когда-либо приходилось выполнять уважающему себя герою. Ваше дело будит мои профессиональные инстинкты.

Он ощутил приятную легкость. Известный автор детективных романов участвует в разоблачении между-

народного шпионского заговора! Ему предстоит найти украденный документ и сохранить честь некоей важной особы. Дела такого рода его супергерой, мистер Оппенгейм, щелкал как орехи. Насколько Морган помнил, действие его романов часто происходило именно на ярко освещенных палубах роскошных лайнеров, бороздящих океанские просторы под крупными южными звездами, на которых толпы мошенников с моноклями потягивали шампанское, а бледные красотки с лебедиными шеями вступали в порочные связи ради получения секретных сведений... В общем, он писал о грязной работе. (Женщины в шпионских романах вообще редко влюбляются; зачастую именно это создает трудности.) И хотя «Королева Виктория» едва ли отвечала всем требованиям классического шпионского романа, Морган тут же обдумал замысел и одобрил его.

Снаружи начинался дождь. Корабль подпрыгивал на волнах, словно бочка; Моргана слегка шатало, когда он прохаживался взад и вперед по тесной каюте. В голове его роились планы. Он то снимал, то надевал очки, с каждой секундой все более воодушевляясь предстоящим делом.

— Хэнк! — не выдержала Пегги Гленн. — Скажите хоть что-нибудь! Ведь мы поможем ему?

Выходки высокопоставленных пьянчуг задели ее до глубины души; однако она была готова немедленно ринуться на защиту друга и закусилась удила. Пегги даже успела надеть свои очки для чтения в массивной черепаховой оправе, придававшие ее худенькому личику непривычно угрюмый и вместе с тем притворно дерзкий вид. Она сняла шляпку и тряхнула копной густых черных стриженных волос. Потом положила ногу на ногу и в упор посмотрела на Моргана.

— Девочка моя, — сказал писатель, — я бы не пропустил такое и за... в общем, ни за что на свете. Ха-ха! Это же очевидно, — продолжал он, от всей души надеясь, что его догадка справедлива, — на борту находится некий коварный и умный международный жулик, который решил раздобыть ваш фильм в своих интересах. Отлично! Мы образуем Оборонный союз...

— Спасибо, — с некоторым облегчением отозвался Уоррен. — Бог знает, как мне нужна помощь, и потом... видите ли, вы — единственные, кому я могу довериться. Так что мы решим?

— Вот что. Мы с вами, Керт, становимся мозговым центром операции. Пегги, если понадобится, сыграет роль эдакой сирены, бездушной соблазнительницы. Капитан Валвик будет олицетворять мускульную силу...

— Ха! — фыркнул капитан, энергично кивая и одобрительно поднимая плечи. Потом подмигнул всем присутствующим и с яростным удовольствием рубанул воздух рукой. — Са Коспота нашефо! Са наше тело! Са сфятую церковь! Са сакон! — неожиданно загремел он. — Са Карла, короля Англии, и Руперта Рейнского! Ха-ха-ха!

— Это еще что такое? — спросил Морган.

— Я не снаю, шшто это сначить, — признался капитан, застенчиво прищурившись. — Как-то я прочел это в книжке, и мне понрафилось. Сатело самое сердце — хо-хо! Точно. — Он затряс головой. — Но с этими книжками надо пыть ош-шень осторошным. Кокта я кончаю читать книжку, мне нато списать ее насфаний, шштопы не сапыть, а потом перечитать ее еще раз. — Он потер нос и добродушно осведомился: — Но шшто мне нато путет телать?

— Во-первых, — заметил Морган, — насколько я понимаю, вы, Керт, не собираетесь официально заявлять о пропаже? Вы ничего не скажете капитану Уистлеру?

— Господи, конечно нет! — воскликнул Уоррен. — Разве вы не понимаете, что я не имею права ничего разглашать? Если мы вообще вернем пленку, все должно осуществляться в строжайшей тайне. Именно поэтому дело представляется мне таким сложным. Как можно по списку пассажиров вычислить, кому именно понадобилось украсть фильм? Кроме того, откуда вор знал, что фильм у меня, если я сам понятия об этом не имел?

Морган задумался.

— Радиограмма... — Он осекся. — Послушайте, вы ведь говорили, что прочли ее вслух. А спустя всего несколько минут вор проник к вам в каюту и попытался вас ограбить. Слишком много тут совпадений... Может быть, кто-то вас подслушивал?

Уоррен презрительно фыркнул. Всецело поглощенный прениями, он, однако, успел рассеянно выудить из чемодана бутылку виски.

— Чушь! — заявил Уоррен. — Предположим, на «Королеве Виктории» есть жулик, соответствующий вашему описанию. Много бы он понял из дядино бестолкового послания? Даже мне понадобилось некоторое время, чтобы разгадать его смысл.

— Ладно, ладно, успокойтесь! Скорее всего, вы правы. Вор — человек, которому заведомо известно о фильме; то есть он знал о том, что такой фильм существует... Ведь такое возможно?

Уоррен задумчиво постучал костяшками пальцев по лбу, обернутому полотенцем.

— Д-да... полагаю, возможно, — нехотя признал он. — На следующий день после достопамятной вечеринки по городу поползли всевозможные слухи; вы ведь знаете, как это бывает. Хотя, когда мы сидели в библиотеке, дверь была заперта. Естественно, вором не может быть никто из участников... Я ведь говорил, что внизу шел прием, но каким образом кто-то из тех, кто находился внизу, мог пронюхать...

— Очевидно, кто-то все же пронюхал, — возразил Морган. — Сборище было многолюдным, к тому же в доме у высокопоставленных особ, вроде вашего дядюшки, постоянно толкутся и люди определенного пошиба, которые нас интересуют... Попробуйте подумать в этом направлении, просто чтобы с чего-то начать. — Он задумался и потянул себя за мочку уха. — Вор — назовем его, скажем, Киношным Жуликом — узнал о вашем важном документе. Но он считает, что фильм уничтожен, и оставляет всякую затею стащить его. Однако, оказавшись на борту «Королевы Виктории»...

— Зачем? — спросила благоразумная мисс Гленн.

— Откуда мне знать? — ответил Морган, начиная раздражаться. Воображение унесло его в пышные балльные залы, полные дам в диадемах и мужчин в красных орденских лентах; по углам за колоннами курили сигары зловещие незнакомцы в бакенбардах. — Может, это простое совпадение, а может, наш Киношный Жулик — профес-

сионал, работающий в дипломатических кругах, который скачет из одной мировой столицы в другую в надежде на счастливый случай. Как бы там ни было, вероятнее всего, наш вор был тогда в Вашингтоне и краем уха слышал о блистательной речи... Поехали дальше. Значит, жулик оставил мысль заполучить фильм, но тем не менее случайно оказался с вами на одном лайнере. Керт, сумеете ли вы отыскать в списке пассажиров фамилию человека, который был в тот вечер на приеме в доме вашего дядюшки?

Уоррен покачал головой:

— Там был миллион народу, а я никого не знал. Нет, не пойдет... Кажется, я понял, куда вы клоните. Вы хотите сказать, что наш жулик, уже оставив мысль украсть фильм, подслушивает в радиорубке, врубается в смысл дядиногo послания раньше меня и решает рискнуть. Он кидается в мою каюту, чтобы украсть фильм, пока я не понял, какую бомбу везу в своем багаже...

— Да, старина, и ему пришлось действовать быстро. Иначе вы, сообразив, что везете, швырнули бы пленку за борт, — возликовал Морган, упирая палец в ладонь; новая мысль нравилась ему все больше и больше. — Поле поиска не так велико, как кажется с первого взгляда. Опять же, я только предполагаю, но послушайте дальше! Вполне вероятно, что этот тип уже успел навязаться вам в знакомые! Хочу сказать вот что: будь я международным жуликом, то, даже не думая, что вы везете ту пленку, все равно почти наверняка попытался бы воспользоваться вашей благосклонностью. Поскольку вы любимый племянник дядюшки Уорпаса, то уже только поэтому представляете собой ценную личность, с которой стоит подружиться... Разве мои доводы не убедительны?

Пока все четверо бурно обсуждали случившееся, с трудом передвигаясь по скрипящей каюте, и высказывали соображения, как поймать вора, Уоррен достал бумажные стаканчики и разлил виски. Осторожно передавая наполненный до краев стаканчик Пегги Гленн, он сказал:

— Странно, что вы упомянули об этом...

— Да? Так что же?

— Кроме вас, у меня на нашем корыте очень мало знакомых. Начать с того, что нам не повезло с погодой. Но

все же странно... — Он яростно подул в свернутый бумажный стаканчик, чтобы раскрыть его, и поднял голову. — Когда пришла моя радиogramма, в радиорубке было... дайте-ка вспомнить... пять человек, не считая радиста и меня. Среди них капитан Уистлер. Он еще шепотом распекал за что-то радиста и вышел, белый от злости. Еще там была девушка, которую я раньше не видел. Кроме капитана и нее, трое мужчин. Один из них совершенно мне незнакомый, а остальных двоих я знаю. Первый — Вудкок, коммивояжер; его фирма продает тараканью морилку и порошки от насекомых; второй — доктор Кайл, который сидит за нашим столиком.

При упоминании последней фамилии Пегги Гленн насмешливо хмыкнула. Даже Морган, чья профессия заставляла его вдвойне подозрительно относиться ко всем почтенным особам, склонен был согласиться с ней. Они оба слышали о докторе Кайле. Этот знаменитый психиатр, чья приемная находилась на лондонской Харли-стрит, считался одним из ведущих специалистов. Его приглашали в качестве эксперта при расследовании громких убийств. За столом он сидел напротив Моргана — высокий, худощавый, довольно желчный шотландец, который одевался, можно сказать, небрежно, неряшливо, но за прической следил тщательно. Из-под кустистых, изогнутых на кончиках бровей на мир смотрели умные, проницательные глаза; на щеках доктора залегли глубокие складки. Вообразить этого человека в роли Киношного Жулика было трудно даже Моргану. Если бы ему предоставили право выбрать кого-то на роль воришки, он предпочел бы шумливого Чарльза Вудкока, назойливо рекомендующего всем и каждому порошок от насекомых под названием «Прихлопни муху». Совершенно очевидно, доктора Кайла из списка подозреваемых необходимо было исключить.

Однако, как выяснилось, американец был склонен именно его считать преступником.

— Безусловно! — взволнованно заявил Уоррен. — Преступниками всегда оказываются такие люди. За кого лучше всего выдать себя международному жулику? Конечно, за почтенного доктора, который лечит психов.

Может, огорошим его прямым вопросом? Неожиданно спросим, знаете...

— Хотите, чтобы вас поместили в палату для буйных? — возразил Морган. — Нет, это немыслимо. Кто угодно, только не Кайл. Кроме того, зачем ему ваш фильм? Нет, Кайла нужно вычеркнуть из списка подозреваемых и разработать хороший план...

Тут вмешался капитан Валвик, который во все время разговора стоял у двери, застенчиво переминаясь с ноги на ногу.

— Исфинитте, — он поклонился присутствующим, — у меня есть хорошшая итея!

Морган недоверчиво хмыкнул.

— Фот шшто я фам скашу, — продолжил капитан, оглядываясь через плечо, дабы убедиться, что их не подслушивают. — Тот тип, который фас утарил, унес лишь полофину фильма, та? Ну так фот. У него только полофина фильма; сначчит, мошет пыть, он притет еще раз, ферно? А мы путем караулить, а кокта он яфится, скашем: «Аха!»

— Да, понимаю, — мрачно перебил его Уоррен. — Я тоже об этом подумал, только этот номер не пройдет. Так бывает только в романах. Я же готов заложить последнюю рубашку за то, что наш воришка не такой дурак. Он понимает, что его будут выслеживать, и знает, что я глаз не спущу с этого фильма, если сразу же не выкину оставшуюся пленку за борт. Нет, нет. Он не пойдет на такой риск.

Какое-то время Пегги Гленн сидела молча, подперев подбородок руками и размышляя. Ее черная челка растрепалась. Потом она резко вскинула голову, и все увидели, как засверкали ее проницательные глаза. Пегги готова была петь от радости.

— Эх, вы, мужчины, — довольно насмешливо заявила она, — вы только суетитесь вокруг да около! А теперь позвольте мне сказать, как нам надо поступить. Кажется, я придумала! — Она заносчиво вздернула подбородок и казалась такой же взволнованной, как Уоррен. — Это потрясающая идея! Просто великолепная! Так вот, слушайте. Капитан Валвик в некотором роде прав. Нам надо

заманить нашего жулика в ловушку, заставить его вернуться за оставшейся частью фильма...

Уоррен устало взмахнул рукой и попытался возразить, но Пегги так сурово насупилась, что он замолчал.

— Пожалуйста, не перебивайте. Говорю вам, мы можем это сделать. Почему? Да потому, что из всех пассажиров только мы знаем, что на Керта напали, и знаем, почему на него напали. Очень хорошо. Мы заявляем во всеуслышание, что пришли к Керту и увидели, что он лежит на полу без сознания, не подает признаков жизни, а на голове у него зияет ужасная рана. Мы не подозреваем, что кто-то вломился к нему в каюту и ударил его. Мы не знаем, как все произошло; мы полагаем, что он, должно быть, вошел в каюту, будучи навеселе, споткнулся, упал и ударился головой...

Уоррен поднял брови.

— Детка, — с достоинством парировал он, — не то что бы я лично возражал против той милой картинки, какую вы тут нарисовали. Позвольте лишь напомнить, что я состою на службе в Американском дипломатическом корпусе. Дип-ло-ма-ти-чес-ком, детка! Мое поведение должно подчиняться суровым правилам; если узнают, что я их нарушил, наши небожители будут очень огорчены, и в паноптикуме назреет мятеж. Не люблю вмешиваться в чьи-то планы, но почему бы вам не заявить, будто я ударился головой о стену после обычной утренней дозы опиума, когда я слетел с катушек? Моему начальству это очень понравится.

— Ладно, ладно, — нехотя согласилась мисс Гленн, — раз вам надо придерживаться ваших гадких старинных правил, тогда... скажем, вам стало нехорошо, вас одолела морская болезнь; в общем, вы упали случайно. С тех пор вы так и не приходите в себя...

Морган присвистнул.

— Начинаю понимать. Керт, по-моему, наша девчушка неплохо соображает!

— Да, — согласился Уоррен, — через минуту я собираюсь сказать вам, в чем дело. Продолжайте, детка. Вот, выпейте еще. Так... что после того, как вы нашли меня без сознания?

— Потом, — взволнованно продолжила Пегги, — мы рассказываем всем, что вас поместили в лазарет и вы все еще в ступоре. Понимаете, если мы расскажем об этом за столиком, новость вскоре расползется по всему кораблю. Поскольку предполагается, что произошел несчастный случай, никакого расследования проводиться не будет. А тем временем ваша каюта остается необитаемой и неохраняемой. Как по-вашему, жулик не воспользуется этой возможностью? Конечно, воспользуется. Он немедленно вернется — и готово! — И Пегги окинула друзей сияющим взором.

Все молчали.

— Бог свидетель! Здорово! — отреагировал наконец Морган, ударяя кулаком по ладони.

Даже Уоррен был под впечатлением. Он сидел в позе задумчивого индийского пророка, уставясь на бумажный стаканчик. Капитан Валвик хихикал, а Пегги удовлетворенно выдохнула: «Фу-у!»

— Погодите, — спохватился Морган, — а как же стюард, которого вы послали за нами? Он ведь тоже в курсе!

— Стюарды никогда не болтают, — мудро возразила мисс Гленн, — они для этого слишком умны. Подстрахуйтесь щедрыми чаевыми, и можно начинать... Кстати, Керт, соседняя каюта свободна? Там вы можете спрятаться и ждать воришку, если уж на то пошло.

— А почему не здесь?

— Глупенький, он же сразу вас увидит! А вам надо застукать его на месте преступления. Что толку кричать: «Ага, попался, негодяй!» — пока он не будет застигнут за своим черным делом? Опытный жулик всегда отговорится: мол, ошибся каютой, и что тогда? Должно быть, пленка у него при себе, — рассудительно добавила Пегги. — Не сомневаюсь, дорогой, вы без труда с ним справитесь, если захотите.

Уоррен мечтательно с силой сжал кулаки.

— Да, детка, за стеной случайно никого нет. Вот как мы поступим. Я укроюсь в соседней каюте и попрошу стюарда подать мне обед туда. Капитан Валвик будет меня охранять. Вы двое спускайтесь вниз на ужин и распространяйте ложные слухи. После можете присо-

единиться к нам. Возможно, ждать придется долго. Тут нелишними окажутся ингредиенты для коктейлей...

— Но напиваться нам нельзя, — безапелляционно предупредила мисс Гленн.

— О да! — с жаром согласился Уоррен. — Никоим образом! Разумеется! Ха-ха! Как только такое могло прийти вам в голову? А знаете что? Давайте еще больше одурачим нашего таинственного жулика. Если бы только узнать о нем что-нибудь... — Он сдвинул брови. — Походите минутку. Я кое-что придумал. Шкипер, ведь вы хорошо знакомы с капитаном Уистлером?

— С нашим морским фолком? — уточнил капитан Валвик. — О-о! Я сналь его в те фремена, кокта он еще пыл не такой надутый интюк! Поферьте мне, у нефо ужасный характер. Я поснакомился с ним ф Неаполь, он комантофал торкофый кораплъ; ефо старший помощник спятил на реликиосный почфа и решил, шшто он Иисус. — Воздух со свистом вырывался из-под пышных усов капитана Валвика; при воспоминании о драматическом происшествии он высоко поднял песочные брови. — Старший помощник потнулся на мостик, расфел руки в стороны и скасал: «Я есть Иисус!» Капитан кофорит: «Ты не Иисус». Старший помощник отфечаль: «Я есть Иисус, а ты есть Понтий Пилат» — и хлоп капитана Уистлера прямо в челюсть; пришлось сакофать ефо ф наручники. Прафта! Я вспомнил этот слушшай, кокта фы скасаль, шшто токтор Кайл лечит психов, потому шшто капитан Уистлер не терпит сумасшедших лютей. А фот еще помню...

— Послушайте, старина, — взмолился Уоррен. — Избавьте нас от вашей одиссеи на минуту. Предположим, на борту находится крупный международный жулик; по крайней мере, ходят такие слухи. Ведь капитан Уистлер непременно должен об этом знать, верно? Его наверняка предупредили радиограммой, даже если он скрывает новость от пассажиров и экипажа?

Валвик величественно склонил голову набок и поскреб щеку.

— Не снаю. Сафисит от тофо, снают ли о шулике в порту. Фосмошно. Хотите, шштопы я ефо спросил?

— Н-ну... не совсем. Просто постарайтесь разговорить его, понимаете? Только не показывайте виду, будто вам что-то известно. Вы могли бы переговорить с ним до обеда? А потом мы все будем готовы встать на вахту.

Валвик с жаром кивнул, и Уоррен взглянул на часы.

— Скоро переодеваться к обеду. Значит, мы обо всем договорились?

Остальные хором заверили его: да, договорились. В душе у каждого зрела истинная, безрассудная жажда приключений. Уоррен разлил всем еще понемногу виски и произнес тост за успех нового азартного предприятия. Снаружи, с мокрой палубы, в каюту просачивался свет; дождевые шквалы обрушивались на иллюминаторы. Скоро они услышали громкий звук гонга, приглашающего на обед. Величественная «Королева Виктория», борясь со стихией, и не подозревала, какая буря зреет в ее недрах.

Глава 4

В ТУПИКЕ

— Как? — притворно удивилась Пегги Гленн. — Разве вы не знали?

Зал ресторана был почти пуст; на столиках палисандрового дерева одиноко мерцали светильники. Сладкий голосок Пегги Гленн звонко разносился по ресторану, сопровождаемый потусторонними скрипами. Потолок ходил ходуном; Морган часто с опаской поглядывал на стеклянный свод. Еда превратилась в своеобразный вид спорта — как, впрочем, и все остальное. Обедая, приходилось все время быть начеку, так как посуда и столовые приборы совершали внезапные резкие броски. Чуть зазеваешься — окатит водой из бокала, а то и, того хуже, на голову обрушится тяжелая волна соуса. Морган напоминал себе нервного жонглера. Ресторанный зал то медленно поднимался на гребень очередной огромной волны, то накрывался и стремительно падал вниз с высоты; падение сопровождалось зловещим грохотом океана. Стюардов, прислуживавших в ресторане, отрывало от колонн, к которым они прислонялись; немногие отважные пассажиры,

рискнувшие пообедать, вцеплялись в стулья. И у всех обедающих неприятно сосало под ложечкой.

В зале находилось около дюжины пассажиров; все отчаянно сражались со звенящими грудями фарфора и столового серебра. В целом справлялись они неплохо; бывает, удавалось и ложку донести до рта, не расплескав. Отважные оркестранты пытались исполнить «Принца-студента». Однако никакие трудности не смущали Пегги Гленн. Учтивая и обходительная, в черном бархатном платье, она сидела рядом с капитаном Уистлером и взирала на него с наивным удивлением. Ей удалось соорудить из своих черных стриженных волос очень изысканную и сложную прическу, которая придала ее худенькому личику несколько хитроватый вид.

— Неужели вы не знали? — повторила она. — Разумеется, Кертис, бедняжка, ничего не может с этим поделать. Это вроде семейного недуга. То есть, конечно, безумием это не назовешь...

Морган с трудом проглотил кусочек рыбы и скосил на нее глаза. Пегги обратилась к нему:

— Хэнк, помните, как звали того дядюшку Керта, о котором он нам рассказывал? Кажется, его мучили судороги во сне... или он страдал клаустрофобией? Его дядюшка каждую ночь выскакивал из постели с криком, что его душат...

Капитан Уистлер отложил в сторону нож и вилку. Еще когда капитан садился за стол, все заметили, что он явно не в духе, однако тщательно скрывает дурное настроение за грубоватым дружелюбием и рассеянными улыбками. Повернувшись к стюарду, капитан неожиданно объявил, что должен вернуться на мостик и обойдется без десерта. У него были выпуклые светло-карие глаза, цветом напоминавшие маринованный лук, красное лицо, большой обвислый рот. И вообще он уже начал полнеть, страдал одышкой. Уистлер привык относиться к пассажирам покровительственно; нервных старушек он успокаивал громогласным «Ха-ха!». Золотые галуны на нем горели огнем, а короткие седые волосы топорщились, словно пена над пивной кружкой.

Итак, он снисходительно улыбнулся Пегги:

— Полно, полно, милочка... Что там у нас стряслось? А, дорогая моя? Говорите, с вашим приятелем произошел несчастный случай?

— Не просто несчастный случай, а ужасный несчастный случай, — заверила его Пегги и огляделась, дабы убедиться, что всем присутствующим хорошо слышно. За их столиком сидели только капитан, доктор Кайл, Морган и она сама; поэтому Пегги хотела убедиться, что ее подслушивают. Она во всех подробностях живописала, как они нашли Уоррена без сознания, и добавила: — Но, разумеется, бедняжка не несет ответственности за свои поступки, когда у него припадок...

Вначале капитан Уистлер проявил сочувствие, затем встревожился. Его полное лицо покраснело еще больше.

— Хм... хррм!.. — прочистил он горло. — Надо же! Надо же! — Видимо, ему хотелось сказать что-то совсем другое, поэтому «надо же» далось нелегко. — Жаль, жаль, мисс Гленн! Но ведь с ним... мм... ничего серьезного? — Он встревоженно посмотрел ей в глаза. — Может быть, его заболевание по линии доктора Кайла?

— Собственно говоря, я бы не хотела...

— Доктор, вы сталкивались с подобными случаями?

Кайл был человеком немногословным. Он методично расправлялся с жареной камбалой — худощавый, длиннолицый, с оттопыривающейся манишкой. Слабая улыбка резче очертила складки у него на щеках. Доктор взглянул на Пегги из-под седых бровей, затем посмотрел на Моргана. У того появилось ощущение, будто Кайл верит в трагическую болезнь Уоррена не больше, чем в лох-несское чудовище.

— О да-а, — протянул он густым, задумчивым басом. — Сталкивался. У меня бывали подобные пациенты. — Доктор устремил на Пегги тяжелый взгляд. — Легкий случай *legensis-pullibus*, я бы сказал. Пациент поправится.

Капитан Уистлер вытер губы и раздраженно отшвырнул салфетку в сторону.

— Но... почему мне ничего не сообщили? — спросил он. — Я здесь главный и обязан знать о подобных происшествиях...

— Капитан, что вы такое говорите? — возмутилась Пегги Гленн. — На протяжении всего обеда я только об этом и говорю. Я повторила рассказ трижды, прежде чем вы поняли. Послушайте, что с вами? Вас что-то тревожит?

— А? — От удивления капитан подскочил на месте. — Тревожит? Что вы, дорогая моя, чушь, ерунда! Ха-ха-ха!

— Надеюсь, нам не грозит наскочить на айсберг или что-то в этом роде. Это было бы просто ужасно! — Она смотрела на него широко раскрытыми ореховыми глазами. — Помните «Гигантик»? Говорят, когда корабль столкнулся с китом, капитан был пьян, и...

— Я не пьян, мадам. — В голосе Уистлера послышался отдаленный рык. — И вовсе меня ничто не тревожит. Чушь!

Казалось, Пегги действует по наитию.

— Ну конечно же я догадываюсь, в чем дело! Вы беспокоитесь за бедного лорда Стэртона и его драгоценные изумруды, которые он везет с собой... — Она бросила сочувственный взгляд на стул, который лорд, одержимый сильнейшим приступом морской болезни, еще ни разу за все путешествие не занимал. — И я вас не виню. Хэнк, вы только подумайте. Предположим, на корабле находится известный международный преступник — повторяю, только предположим — и этот преступник решил украсть украшения лорда Стэртона. Разве не потрясающе? Только не для бедного капитана Уистлера, разумеется, потому что он здесь за все отвечает. Я права?

Под столом Морган довольно невежливо пнул свою сияющую спутницу по голени и одновременно одними губами просигнализировал: «Угломонитесь!» Однако многие обедающие, вне всякого сомнения, наострили уши.

— Милая моя юная леди, — заволновался капитан, — какого че... то есть, пожалуйста, прошу вас, выкиньте эту чушь из вашей очаровательной головки. Ха-ха! Вы, знаете ли, взбудоражите мне всех пассажиров; а этого я допустить никак не могу. Да говорите же тише, прошу вас! Какая нелепая мысль. Ну, право же!

Пегги была просто трогательна в своей наивности.

— Ой, неужели я сказала что-то не то? Поверьте, я ничего плохого не имела в виду — лишь хотела таким

образом развеять тоску. Знаете, капитан Уистлер, наше плавание протекает так ужасно скучно! С тех пор как вы, милый капитан, играли на палубе в ручной мяч, ничего интересного больше не было. Но если бы на корабле случайно оказался известный преступник, это было бы потрясающе. Представляете? Преступник может оказаться кем угодно. Может, это был бы Хэнк. Или доктор Кайл. Разве нет?

— Оч-чень может быть, — сдержанно согласился доктор Кайл, продолжая методично разделявать рыбу.

— Если меня что-то и тревожит, мисс Гленн, — заявил капитан, неуклюже пытаюсь изобразить веселье, — то только состояние здоровья вашего дядюшки. Он обещал нам показать целый кукольный спектакль на концерте, устраиваемом силами пассажиров. А этот концерт, дорогая моя, должен состояться завтра вечером. Ваш дядюшка просто не имеет права болеть! Он и его помощник... Ведь им лучше, не так ли? — Капитан отчаянно пытался перевести разговор на другую тему. — Я в нетерпении, я надеялся, я так ждал этого... удовольствия! Для меня большая честь, — ревел капитан Уистлер, — присутствовать на представлении! А теперь прошу меня извинить. Я не смею забывать о своих обязанностях даже ради вашего очаровательного общества. Мне... мм... пора идти. Спокойной ночи, дорогая моя. Спокойной ночи, господа! — И капитан поспешно выкатился из зала.

Наступила тишина. Как заметил Морган, только трое, сидящие за соседними столиками, посмотрели вслед Уистлеру. От тарелки поднялась угловатая, костлявая, с копной торчащих во все стороны волос голова мистера Чарльза Вудкока, коммивояжера, который застыл без движения, не донеся ложку с супом до рта, словно позируя для изображения фигуры на фонтане. За другим столиком, в некотором отдалении, Морган заметил мужчину и женщину. Оба худые и хорошо одетые, их бледные лица были до странности похожи, разве что женщина смотрела в монокль, а у мужчины над верхней губой торчали светлые усишки, похожие на перья. Парочка глазела вслед капитану. Морган не знал, кто они такие,

но видел их каждое утро. Они без устали кружили по верхней палубе — в полном молчании, шагали быстро, глядя прямо перед собой. Однажды просто от скуки Морган даже подсчитал: они сделали сто шестьдесят четыре круга, не произнеся ни единого слова. На сто шестьдесят пятом остановились, и мужчина спросил:

— Э?

Женщина ответила:

— Угу!

После чего оба кивнули и пошли внутрь. Тогда Морган еще подумал: интересно, кто они друг другу? Как бы там ни было, а передвижения капитана Уистлера эту парочку, кажется, заинтересовали.

— Похоже, — заявил Морган, хмуря брови, — капитана что-то гнетет...

— Оч-чень может быть, — сдержанно согласился доктор Кайл. — Стюард, мне, пожалуйста, рубец с луком.

Пегги Гленн улыбнулась ему:

— Доктор, а как по-вашему, может на нашем корабле оказаться таинственный король преступного мира?

— Почему бы и нет? — Доктор склонил голову. В его пронизательных глазах сверкнул огонек. Моргану стало не по себе. Кустистыми бровями, приподнятыми на кончиках, и глубокими складками вокруг рта доктор слишком уж напоминал Шерлока Холмса. — Позвольте еще одно бесплатное предупреждение. Вы, мисс Гленн, умная молодая особа. Не морочьте капитану Уистлеру голову слишком уж сильно. Он не тот человек, которого можно безнаказанно настраивать против себя. Передайте мне, пожалуйста, соль.

Ресторан взмыл ввысь на гребне очередной волны и тут же ухнул вниз. Оркестранты издали несколько фальшивых нот.

— Но, право же, — откликнулась Пегги, — поверьте, то, что я говорила о бедном старине Керте, — чистая правда...

— Ах, ах! — произнес доктор Кайл. — Он был трезв?

— Доктор, — Пегги доверительно понизила голос, — мне очень неприятно говорить, но он был совершенно пьян — в стельку. Бедняжка! Надеюсь, о таких ве-

щах позволительно говорить с врачом? Но мне стало так жаль его — всем сердцем, бедняжку, когда я увидела...

После краткого и быстрого обмена пинками под столом Моргану удалось ее увести. По центральной лестнице они с трудом взобрались наверх, в прохладный, кренящийся с боку на бок салон, и Морган наконец-то сказал мисс Гленн все, что он о ней думает. Но Пегги, чье чопорное личико так и сияло, только хихикала от удовольствия. Она заявила, что собирается караулить вместе с остальными, а потому ей нужно спуститься в свою каюту и захватить плед; кроме того, необходимо навестить дядюшку Жюля.

— Между прочим, — неуверенно сказала она, — вам, наверное, не захочется исполнять роль мавританского воина?

— Точно, — убежденно заверил ее Морган. — А какое это имеет отношение к делу?

— Знаете, вам почти ничего не придется делать, только зачернить лицо, надеть золоченые доспехи, завернуться в платки и постоять с копьем на краю сцены, пока дядя Жюль будет произносить пролог... Хотя нет, пожалуй, вам не хватит роста... Вот из капитана Валвика получится великолепный, просто потрясающий мавр, вы не находите?

— О, вне всякого сомнения.

— Понимаете, в пьесе, кроме кукол, участвуют два живых артиста: французский воин и мавр; для вящего эффекта они стоят по бокам сцены. На самой сцене места для них мало, поэтому они снаружи, на маленьких возвышениях... Когда начинается представление, они уходят за кулисы и иногда помогают двигать кукол — второстепенных, которым ничего не нужно делать. Главные куклы двигают только дядя и Абдул (это его помощник); только они двигают марионеток, у которых по ходу действия роли со словами... Наверное, все будет просто ужасно, если дядя Жюль не сможет играть. Кстати, среди пассажиров есть один профессор, который написал кучу статей о дядином искусстве. Абдул-то здоров и сможет сыграть главную роль вместо дяди. Но, кроме

него, остаюсь только я, а я ведь не сумею говорить мужским голосом!

К этому времени они спустились вниз, прошли лабиринт коридоров и переходов, и Пегги постучала в дверь. В ответ послышался стон. Она толкнула дверь, оказавшуюся незапертой. В каюте было темно; горела лишь тусклая лампочка над умывальником. Морган даже вздрогнул — так страшно ему показалось в темной, мрачной каюте, кренящейся из стороны в сторону, да еще дождь громко стучал в стекло. Две или три марионетки с жуткими, дурацкими улыбками на нарисованных лицах были прислонены к переборке в сидячих позах и дружно качались из стороны в сторону вместе с кораблем, словно соглашаясь с ужасным ревом бури. Зловеще гроыхали железные скобы и крючки для проволок. Куклы были высокие — почти в человеческий рост — и на вид тяжелые. В темноте тускло поблескивали позолоченные доспехи, накрытые красными плащами. Из-под остроконечных шлемов самодовольно ухмылялись размалеванные лица с косматыми бородами из темной шерсти. На диванчике потурецки сидел человек мощного телосложения с плоским темным лицом. На коленях у него лежала еще одна кукла. Щурясь на иголку с вдетой в нее длинной синей ниткой, здоровяк зашивал кукольный плащ. Время от времени он бросал тревожные взгляды в сторону темной койки, на которой ворочался и стонал кто-то тяжелый.

— Je meurs! — послышался театральный шепот с койки. — Ah, mon Dieu, je meurs! О-о-о-о! Abdul, je t'implore...¹

Абдул пожал плечами, скосил глаза на иглу, снова пожал плечами и сплюнул на пол. Пегги осторожно прикрыла дверь.

— Ему не лучше, — сообщила она, хотя это было ясно и без слов.

Они пустились в обратный путь — их ждал Уоррен. Каюта дяди Жюля произвела на Моргана гнетущее впечатление. Трудно сказать почему: может, ночью все ка-

¹ Умираю! Ах, боже мой, я умираю!.. Абдул, умоляю тебя... (фр.)

жется мрачнее, чем есть на самом деле, или тоску навевал шторм посреди Атлантики... А может, просто сказывался послеобеденный упадок сил, который на борту корабля не рассеять без хорошей выпивки. Моргану совсем не понравились самодовольно ухмыляющиеся марионетки. Более того, на все это накладывалось еще дурное предчувствие предстоящей беды. Казалось бы, никаких разумных поводов для тревоги не было и быть не могло. Но, очутившись на другой палубе, на которой находилась каюта Уоррена, он не переставал испуганно озираться по сторонам.

Каюта располагалась в узком проходе, выходящем в главный коридор; всего в проходе было четыре двери, по две с каждой стороны. Каюта Уоррена была последней, рядом с дверью, ведущей на палубу «С». Рядом в темноте белела приоткрытая дверь. Морган постучал в нее условным стуком, и они вошли.

В каюте горела только лампочка над нижней койкой. На краешке ее сидел Уоррен. Вид у него был какой-то встревоженный.

— Что случилось? — прошипел Морган.

— Много чего, — ответил он. — Садитесь и сидите тихо, как мыши. По-моему, ждать придется долго, но откуда нам знать, что взбредет в голову нашему вору. Валвик пошел за содовой. Итак, мы все в сборе. — Кивком Уоррен указал на вентиляционное отверстие под потолком, выходящее в соседнюю каюту. — Если кто-то туда войдет, мы тут же услышим. И сцапаем голубчика на месте преступления! Кроме того, я загнал под дверь клин; даже если он попытается войти тихо, поднимется такой тарарам, словно включили сирену.

Уоррен замолчал, нервно потирая челюсть, и вперил напряженный взор в полумрак каюты. Свой тюрбан он успел размотать, но из-за марлевой повязки и пластыря волосы на его затылке торчали во все стороны, как у домового. Тусклая лампочка над койкой освещала половину его лица; было видно, как на его виске бьется жилка.

— Керт, да что же стряслось? — заволновалась Пегги.

— Провалиться мне, я боюсь! Перед обедом старина Валвик побеседовал с капитаном Уистлером...

— И что?

— Помните, вы изощрялись в выдумках о переодетых жуликах? Не знаю, может, вы гении... Словом, произошло невероятное. Мы оказались правы. На нашем корабле находится преступник, которого разыскивает полиция; да-да, я не шучу! Молодчик охотится за изумрудами Стэртона. Кроме того, он убийца.

У Моргана неприятно засосало под ложечкой, что только отчасти объяснялось качкой. Он спросил:

— Вы это серьезно или...

— Серьезнее некуда. И Уистлер тоже расстроился. Валвик все из него выудил, потому что капитан не знает, что делать. Старина Валвик рассказывал довольно путано, но вот что я понял. Уистлер сомневается: то ли держать новость в секрете, то ли сообщить всем пассажирам. Валвик посоветовал ему последнее; на флоте так заведено. Но Уистлер говорит, что у него респектабельный, почтенный корабль, семейный лайнер, а экипаж...

Морган присвистнул. Из темноты вышла Пегги и села на койку рядом с Уорреном.

— Ерунда! Я не верю ни единому слову, — упрямо заявила она. — Керт, кто он? Что полиции о нем известно?

— Вот в этом-то все и дело. Кажется, о нем ничего не известно, кроме того, что он путешествует под вымышленным именем. Помните, когда я был в радиорубке, капитан Уистлер ругал радиста? Так вот, скандал был как раз из-за этого. Он получил радиограмму. К счастью, Валвику хватило ума убедить Уистлера позволить ему переписать текст. Вот, взгляните. — И Уоррен вытащил из внутреннего кармана конверт, на задней стороне которого было корявым почерком нацарапано следующее:

«Капитану «Королевы Виктории», открытое море. На вашем пароходе под вымышленным именем находится преступник, подозреваемый в деле Стелли в Вашингтоне и в убийстве Макги. Сегодня вечером из Вашингтона прибывает федеральный агент, который предоставит бо-

лее подробную информацию. Будьте настороже; понаблюдайте за особо подозрительными пассажирами. Информируйте о результатах.

Арнольд,
комиссар полицейского
управления Нью-Йорка».

Об убийстве Макги я слыхом не слыхал, ведь оно произошло в Нью-Йорке, — продолжал Уоррен, — но немного знаю о деле Стелли, потому что вокруг него было много шума. Дело связано с посольством Великобритании. Кажется, этот Стелли — довольно известный английский ювелир и оценщик драгоценностей...

— Погодите! — перебил его Морган. — Вы имеете в виду того типа с Бонд-стрит, который изготавливает ожерелья для членов королевской фамилии и помещает фотографии своих изделий в газетах?

Уоррен проворчал:

— Возможно. Вроде бы в то время он находился в Вашингтоне, а жена английского посла попросила его починить или отреставрировать ее ожерелье. Подробности я не знаю; об этом деле никто ничего не знает. Известно лишь следующее. Однажды вечером он вышел из здания британского посольства с ожерельем, а часа четыре спустя его нашли где-то в районе Коннектикут-авеню. Он сидел на обочине дороги, прислонившись спиной к уличному фонарю, с разможенным затылком. Он не умер, но до конца жизни останется парализованным идиотом и никогда не заговорит. Кажется, у нашего вора такое вошло в привычку. Он не убивает в строгом смысле слова; но бьет так ловко, что его жертвы хуже мертвых... Господи помилуй! — вскричал Уоррен, сжимая и разжимая кулаки. — Ведь и я сейчас мог бы быть бессловесным идиотом. Парень промахнулся только потому, что корабль качнуло!

Наступило молчание, особенно зловещее из-за скрипа переборок и грохота разъяренного океана.

— Знаете, Пегги, — задумчиво заметил Морган, — вам лучше выйти из игры, старушка. Дело нешуточное. Поднимайтесь в бар и подбейте нескольких доверчивых простаков на партию в бридж. Если наш мокрушник

явится за остатком пленки, мы вам сообщим. А мы тем временем...

Девушка возмутилась:

— Ба! Меня вам не запугать. Веселая вы компания, нечего сказать! Может, начнем рассказывать истории о привидениях? Если вы боитесь этого парня...

— Да кто его боится? — закричал Уоррен. — Послушайте, детка. Мне необходимо уладить одно дельце. Когда я его схвачу...

Пегги подскочила на месте, заслышав стук в дверь; Уоррен насмешливо хмыкнул. В каюту боком протиснулся капитан Валвик, который нес под мышкой два больших сифона с содовой. Войдя, он с таинственным видом закрыл за собой дверь.

Следующие два, а может, и три часа показались Моргану бесконечными. Они коротали время за игрой в города. Капитан Валвик, в глазах которого плясали радостные огоньки, нисколько не тушевался; именно он настоял на том, чтобы выключить свет и приоткрыть дверь. Таким образом, в каюту проникал слабый свет от лампочки в коридоре. Для начала он налил друзьям по неимоверной порции виски, отчего все снова начали наслаждаться приключением; затем рассадил их причудливым кругом на полу. Посередине тускло мерцала бутылка, словно угасающий костер на привале. Вскоре Валвик снова наполнил стаканы.

— Скол! Фашше сторофье! — сказал он, поднимая стакан в полумраке. — Фот это шиснь! Сторофо! Но мне не нрафится состояние капитана Уистлера. Хо-хо! Старый морж чуть не сошел с ума ис-са шулика, который хочет украсть тракоценность. Польшое тело! Он поится, шшто шулик окрапит английский керцок, и пытался укворить керцока спрятать исумрутный слон в капитанский сейф. Но керцок только смеялся! Он кофориль: «Этот слон натешнее у меня, чем ф фаш сейф или у касначей на корапле». Капитан скасал — нет. Керцок скасал — та. Капитан скасал — нет. Керцок скасал — та...

— Послушайте, мы же напряженно ждем, чем все кончилось, — заметил Морган, отпивая большой глоток. — На чем они остановились?

— Я не снаю, шшто они решили. Только мне не нравится состояние старофо морскофо фолка. Ну, тафайте теперь икрать ф корота!

Детская игра сама по себе казалась нудной, если бы кое-что не вносило приятное оживление. Когда запас виски иссяк, между Уорреном и капитаном завязался жаркий спор. Как только очередь доходила до капитана Валвика, он норовил вставить название наподобие Йморгеникенбурга — города в Норвегии. Уоррен сильно сомневался в правдоподобности существования такого населенного пункта. Капитан горячился, уверяя, что там живет его тетка. Поскольку никто ему не верил, в доказательство старик рассказывал длинную и запутанную историю, случившуюся с упомянутой родственницей, попутно упоминая и других членов семьи. Часы Моргана тикали и тикали, время шло; все шумы на корабле постепенно затихали, остались только грохот волн и шум дождя, а они все слушали нескончаемые истории о брате капитана Августе, кузене Оле, племяннице Гретте и дедушке, который был церковным сторожем. В главном коридоре время от времени раздавались чьи-то шаги, но никто не сворачивал в боковой проход. В каюте становилось душно...

— По-моему, он не придет, — прошептала Пегги, впервые за все время возвращаясь к главной теме. В ее голове слышалась неловкая надежда.

— Здесь жарко, как в аду, — пробормотал Уоррен. Стаканы тихо позвякивали. — Как бы там ни было, мне уже надоело играть в города. Я думаю...

— Тихо! — прошептал Морган и, поднявшись на ноги, прижался к стене.

Тут все ощутили ужасный сквозняк из наружного коридора, от которого зазвенели крючки на дверях, и услышали, как грохот волн стал отчетливее. Дверь на палубу распахнулась.

Однако не закрылась. Теперь все стояли на ногах и ждали, когда же дверь со свистом и шумом захлопнется под действием сжатого воздуха. Двери на «Королеве Виктории» были тяжелые; а на ветру надо было ухитриться проскользнуть внутрь, уклонившись от удара. Но на этот раз что-то, казалось, бесконечно долго держа-

ло дверь, не давая ей захлопнуться, хотя сквозняк ощущался по-прежнему. «Королева Виктория» поднялась, упала и сильно накренилась на правый борт, однако дверь по-прежнему оставалась открытой. Невозможно было различить более слабые шумы из-за страшного скрипа деревянных переборок, но у Моргана возникло странное чувство: дверь не закрывается, потому что не может закрыться; ей что-то мешает. Что-то лежит поперек порога, словно в западне, и страдает между черным морем и теплым уютом внутри.

Потом они услышали стон. Слабый голос, казалось, что-то бормотал и бормотал, повторял едва слышно... Потом почудилось, будто тихий голос пролепетал: «Уоррен!» Через некоторое время снова: «Уоррен!» — и замер в мучениях.

Глава 5

ВХОДИТ ИЗУМРУДНЫЙ СЛОН

Морган почти впечатался головой в платяной шкаф, пока возился неуклюжими пальцами с задвижкой на двери. Наконец он ее откинул, выскользнул в коридор и махнул Валвику, чтобы тот шел за ним.

У двери что-то лежало. Маленькая фигурка съежилась в неестественной позе, зажатая между дверным косяком и тяжелой дверью, — женщина, упавшая лицом вниз на высокий порожек. Шляпки на ней не было; растрепанные каштановые волосы сбились на сторону и яростно развевались на ветру. Лица ее им видно не было. Руки, торчащие из рукавов зеленой куртки, отделанной мехом, слабо шарили по полу; пальцы непрерывно двигались, словно стуча по фортепианным клавишам. Голова и тело перекатывались вместе с кораблем. Когда голова повернулась набок, по резиновому покрытию потекла тонкая струйка крови.

Морган навалился на дверь плечом и открыл ее пошире. Капитан Валвик поднял женщину на руки. Потом дверь под действием сквозняка с грохотом захлопнулась; они вздрогнули.

— Эта кровь, — внезапно сказал Валвик негромким голосом. — Смотрите! Эта кровь ис ее носа. Ее утарили по сатылку...

Голова женщины безвольно лежала на сгибе его локтя. Капитан шевельнул рукой, словно предупреждая, что трогать ее нельзя. Девушка была крепкая, гибкая, с широкими бровями и длинными ресницами — вовсе не безобразная, несмотря на проступившую бледность, особенно явственную по сравнению с яркой помадой. У нее был такой чеканный профиль, который можно видеть на греческих монетах... Ее красота не привлекала, а скорее подавляла. Шея дрожала, когда голова скатывалась набок. Женщина прерывисто дышала, полузакрыв глаза, и, казалось, пыталась пошевелить губами.

— Сюда, — прошептал Уоррен из темной каюты.

Они внесли девушку внутрь. Дрожащая Пегги посторонилась. Девушку уложили на койку и включили лампочку. Морган закрыл дверь.

Пегги страшно побледнела, но присутствия духа не утратила. Чисто автоматически она схватила висевшее на трубе полотенце и вытерла кровь с носа и губ неподвижной девушки.

— Кто она такая? Что?..

— Тайте фиски, — отрывисто скомандовал капитан. Он непрестанно моргал светло-голубыми глазками и отдувался в усы. Когда же он приложил палец к затылку незнакомки, на лице его появилась недовольная гримаса. — Не снаю, но она, фосмошно, тяшело ранена. Ха! Переферните ее на пок, а фы намочите полотенце. Мне прихотилось лечить, потому шшто на кораблях торкоффо флота не полошено токтора... Ха! Мошет...

— Я ее уже видел, — сказал Уоррен. Он недрогнувшей рукой налил виски в стакан и поднес его к губам девушки, пока капитан поддерживал ее за голову. — Подержите... Посмотрим, удастся ли мне разжать ей зубы. Проклятие! Она дергается, как мул... Это та самая девушка, что была в рубке сегодня днем, когда я получил радиogramму. По-вашему, у нее размозжен череп?

— Может быть, она упала, — тоненьким голоском предположила Пегги.

— Ха-а-а-а! — проворчал капитан, дергая шеей. — Она так же упала, как и мистер Уоррен в сосетней каюте! Можете мне поферить! — Пальцы его все еще пытались что-то нащупать; лицо было хмурым и озадаченным. — Хо! Не снаю, но не тумая, шшто у нее расмошшен череп, не похоще. Фитите, ей польно, кокта я прикасаюсь, та? Кто тяшело ранен ф колофу, фетет сепя не так... — Он с присвистом выдохнул воздух. — Попропуйте снофа тать ей фиски. Фот так.

— Клянусь, я слышал, как она произносила мою фамилию, — прошептал Уоррен. — Хэнк, намочили полотенца? Приложите их к ране. Ну же, м-мадам... — в голосе его послышались раздраженные и уговаривающие нотки, — выпейте немного... Да очнитесь же! Выпейте!

На лице его, когда он поднес стакан к сжатым зубам девушки, играла напряженная ободряющая улыбка. По белому лицу незнакомки пробежала дрожь. «Королева Виктория» совершила очередной нырок, и погружение было таким крутым, можно сказать, циклоническим, что всех швырнуло на переднюю переборку, и стало слышно, как работают гребные винты, взбивая воду. Однако они услышали и кое-что еще. Тихонько, почти без шума — лишь слегка повеяло ветром снаружи — дверь на палубу снова открылась и закрылась.

Все сразу же замолчали; в каюте слышался лишь скрип переборок да звон стекла. Уоррен, который шепотом ругался, так как содержимое стакана расплескалось по подушке, резко обернулся. На лице его, под торчащими во все стороны волосами, играла торжествующая злорадная улыбка. Все прижались к мебели и ждали...

Кто-то попытался откинуть задвижку с двери соседней каюты.

Последовала искусная пантомима; все стали общаться с помощью жестов. Губы Моргана кривились; он беззвучно пытался сказать: «Пусть он войдет внутрь» — и тыкал пальцем в сторону соседней каюты. Валвик и Уоррен не возражали. Все яростно жестикулировали, кивали друг другу и пытались дотянуться до двери, выходящей в коридор; при этом еще надо было ухитриться удержаться на ногах и не растянуться во весь рост. Уор-

рен бросил свирепый взгляд в сторону Пегги и беззвучно приказал: «Вы оставайтесь здесь!» Он показал на девушку, лежащую на койке, потом яростно ткнул пальцем в пол. Бросив на него ответный взгляд, исполненный такой же свирепости, Пегги прикусила нижнюю губу, яростно затрясла головой, отчего ее челка растрепалась, и закрыла глаза. Уоррен повторил приказ, вначале умоляюще, затем искусно изобразив, как кого-то душат. Вынырнув из ямы, корабль снова круто взмыл вверх...

В соседней каюте зажегся свет...

Здесь же по полу с оглушительным грохотом каталась бутылка. Капитан Валвик бросился поднимать ее, словно человек, который в шторм пытается поймать свою шляпу. Пантомима все продолжалась, особенно нелепая при тусклом свете лампочки над койкой, на которой скрючилась фигура с бледным лицом...

Дверь соседней каюты захлопнулась.

Понять, от ветра она захлопнулась или нет, было невозможно. Уоррен рывком распахнул дверь их прибежища. Пластырь на его голове наполовину отлепился и теперь развевался впереди, как знамя. Он ринулся в коридор. Рванувшись вслед за мощной фигурой Валвика, Морган в последний момент ухватился за поручень в коридоре — как раз вовремя, чтобы устоять на ногах, так как корабль снова ухнул вниз. В этот миг кто-то осторожно прикрыл за собой дверь, ведущую на палубу.

Либо он их опередил, действуя слишком быстро, либо его что-то спугнуло. Словно в насмешку, мелькнула и пропала из виду резиновая окантовка; дверь, снабженная позолоченным доводчиком, закрылась мягко, без шума. Заглушая жуткие стоны и скрипы деревянных переборок — казалось, весь корабль скатывается в гигантский желоб, — Уоррен испустил дикий стон и бросился к двери. Когда он рывком распахнул ее, от встречного порыва воздуха они едва устояли на ногах; из-за шквального ветра и крена корабля их бросало из стороны в сторону. Ветер уносил в сторону истошные вопли капитана Валвика. Можно было разобрать только его призывы «пыт

осторожнее» и «тершаться са поручень», да еще «цлиско к фатерлинии».

Когда Морган выбрался наверх, в темноту, лицо его окатило соленой водой. От водяных брызг и ревающего ветра он сразу же ослеп. Ветер пробирал до костей, ноги скользили на мокрых железных листах настила. Волны со свистом и грохотом швыряли «Королеву Викторию»; шум оглушал, словно взрывная волна. На верхней палубе вспыхивали огоньки, озаряя тьму призрачно-белыми сполохами. Перед глазами у всех мелькали белые искры; иногда в завесе брызг проглядывала тускло мерцающая мокрая палуба; потом корабль угрожающе кренился, и тогда перед ними возникала темная масса воды, словно гигантская грива чудовищной призрачной лошади. Морган ухватился за перила, утвердился на ногах и зажмурился.

Они находились с наветренной стороны. Длинная и довольно узкая палуба была очень слабо освещена. Морган, открыв глаза, увидел, как нос корабля снова вздымается вверх, — и тут же заметил того, за кем они охотились. Он спешил вперед, не держась за перила, но опустив голову. Даже при тусклом желтом мерцании с крыши было видно, что фигура держит что-то под мышкой. Это «что-то» была круглая черная коробка, плоская, примерно десяти дюймов в диаметре.

— Осторожно, ребята! — В голосе Уоррена слышалось ликование. Он в восторге хлопнул рукой по перилам. — Осторожно, ребята! Мы снова падаем. Держитесь! — Он ткнул пальцем вперед. — И вон он, тот сукин с...

Окончания фразы остальные не услышали, хотя Уоррен не умолкал. Они поспешили за уходящим человеком. Далеко впереди Морган видел фонарь, который раскачивался на высокой фок-мачте, то становясь на дыбы, то ныряя вниз. Тогда он подумал (такого же мнения, кстати, придерживается и по сей день), что им вовсе не нужно бежать по палубе; достаточно просто уцепиться локтями за перила и съехать вниз, словно по громадному водяному желобу. На самом деле они бежали так быстро, что он гадал, удастся ли им вовремя затормозить или же их пронесет вперед до конца, до высокого стеклянного

козырька, защищавшего носовую часть от яростных порывов ветра. Теперь грабитель учуял погоню. Он уже почти добрался до козырька, когда услышал их топот. И тогда развернулся лицом к ним. В этот момент, словно шарик в руках жонглера, корабль подпрыгнул на гребень очередной волны...

— А-а-а-а! — завопил Уоррен и бросился в атаку.

Сказать, что он ударил того человека, значило ничего не сказать. После Морган удивлялся, как от бешеного удара голова несчастного не слетела с плеч. Уоррен нанес неизвестному мощный удар в челюсть, обрушившись на него всей своей тяжестью — около ста килограммов собственного веса плюс катапультирующая сила Атлантического океана у него за спиной. Это был самый мощный, ужасный, звучный удар с тех пор, как Уильям Генри Гаррисон Демпси швырнул Луиса Эндрю Фэрлоу и выкинул его за ринг, прямо на колени к репортерам. Ударившись о стеклянный козырек, неизвестный подпрыгнул и отскочил. Но Уоррен не позволил ему упасть.

— Расхаживаешь тут и бьешь людей дубинкой, а? — грозно спросил он. Вопрос был чисто риторический. — Врываешься в каюту! И лупишь по башке свинцовой трубой? Так ты поступаешь? — осведомился мистер Уоррен и снова набросился на неизвестного.

И капитан Валвик, и Морган, готовые прийти на помощь, вцепились в перила и просто смотрели на происходящее. Круглая жестяная коробка выпала из рук жертвы и с грохотом покатила по палубе. Валвик схватил ее, когда она почти вывалилась за борт.

— Вот Иута-претатель! — произнес капитан, выкатив глаза. — Эй! Эй! Полегче! Стается мне, фы ефо прикончите, если путете протолшать...

— Ой! — слышалось у них за спиной. — Милый! Вздуйте его хорошенько!

Морган обернулся и увидел Пегги Гленн. Она стояла с непокрытой головой и выделяла антраша посередине залитой брызгами палубы. Волосы ее развевались по ветру; она наклонялась и вертелась, чтобы удержаться на ногах. В одной руке Пегги держала бутылку виски

(позже она объяснила: «На случай, если кому-то понадобится») и поощрительно ею размахивала.

— Дурочка проклятая, — завопил Морган, — возвращайтесь назад! — Он схватил ее за руку и потащил к внутренним перилам, но она вырвалась и показала ему язык. — Возвращайтесь назад, кому говорю! Вот, возьмите... — Он взял у Валвика жестяную коробку и сунул ей в руки. — Возьмите это — и бегом назад. Мы скоро придем. Все кончено...

Да, все было кончено, причем уже несколько минут назад, к тому времени, как Моргану удалось немного протащить Пегги в обратном направлении. Уоррен поправил галстук, пригладил волосы под пластырем и подошел к ним с виноватым видом человека, который сожалеет о том, что затеял суматоху, и сказал:

— Знаете, ребята, мне чуточку полегчало. Теперь можно осмотреть этого любителя дубинок и проверить, не при нем ли первая часть фильма. Если нет, мы легко выясним, в какой он каюте. — Уоррен глубоко вздохнул. Налетела высокая волна, размахнулась и, разбившись о палубу, обдала их фонтаном брызг; но Уоррен лишь поправил галстук и небрежно отер воду с глаз. Он сиял. — Ночь прошла недурно. Как сотрудник дипломатической службы, я чувствую, что заслужил значительных похвал от дяди Уорпаса и... Черт побери, в чем дело?

Пегги громко взвизгнула. Заглушая шторм, крик взмыл в воздух; всем стало жутко.

Морган крутанулся на каблуках. Девушка успела сбросить крышку с жестяной коробки, и Морган, цепенея, заметил, что на крышке имеются задвижка и крючок, которых раньше он вроде бы не видел... Крепко держась за перила, он с трудом пробрался к пятачку, освещенному тусклым светом фонаря. Пегги держала в руках коробку и молча смотрела внутрь, на ее содержимое.

— Ну и тела! — сказал капитан Валвик.

Коробка оказалась не жестяной; она была сделана из тонкой стали, а внутри подбита бархатом и выложена мерцающим белым атласом. Из углубления посередине, переливаясь в неверном свете, шло зеленое сияние. Вместо глаз у фигурки были вделаны два рубина. Кулон на

золотой цепочке был тончайшей персидской работы, размером чуть больше коробки восковых спичек.

— Держите его! — завопил Морган, когда палуба накренилась так сильно, что коробка чуть не вылетела за борт. Он вцепился в нее обеими руками. Мокрые брызги засверкали на белом атласе... — Чуть не выпала за борт! — Потом сглотнул слюну и оглянулся через плечо. У него зародилось тошнотворное подозрение.

— Бога ради! Неужели он стащил изумрудного слона? — удивился Уоррен. — Послушайте: нам неслыханно повезло! Вернуть такую вещь — ба! Да старик Стэртон за нее... Да что с вами со всеми? Что у вас на уме? — Внезапно глаза его чуть не вылезли из орбит. Все стояли и молча смотрели друг на друга посреди завывающего шторма. — Слушайте... — промямлил Уоррен, справившись с комком, подступившим к горлу. — То есть уж не думаете ли вы...

Капитан Валвик на ощупь направился к стеклянному козырьку, туда, где на мокрой палубе лежала бесформенная масса в непромокаемом плаще. Склонился над поверженным. Остальные увидели, как под прикрытием его ладони вспыхнула спичка.

— О боше мой! — В голосе капитана послышался благоговейный трепет. Затем он поднялся на ноги, сдвинул фуражку на затылок и почесал голову. Когда же вернулся к своим спутникам, лицо его сморщилось, как печеное яблоко; на нем застыло странное и даже где-то озадаченное выражение. Сухим, прозаичным голосом Валвик сказал: — По-моему, — тут он снова почесал голову, — по-моему, мы соферишили ошибку. Уш-шасную ошибку! По-моему, шелофек, которому фы тали в челоуть, — это наш капитан Уистлер.

Глава 6

КУДА ПРОПАЛО ТЕЛО?

Все закружилось у Моргана перед глазами, и совсем не в переносном смысле. Оправился он не скоро; на протяжении долгого времени все молча смотрели друг на

друга. Наконец, вцепившись обеими руками в перила, Морган осторожно и задумчиво попробовал ногой палубу. Потом откашлялся.

— Так-так! — протянул он.

Капитан Валвик неожиданно хихикнул и вдруг громко захохотал, отчего даже неприлично скорчился, облокотясь о перила... В уголках его честных глаз выступили слезы. Уоррен последовал его примеру; он ничего не мог с собой поделать. Они хохотали, кричали «Ой, не могу!», хлопали друг друга по спинам и ревели от смеха. Морган следил за ними с явным неодобрением.

— Ни за что на свете, — заорал он, пытаясь перекрыть грохот волн и этот сатанинский хохот, — не хотелось бы мне гореть в аду вместе с вами! Чему вы радуетесь, олухи? Нет-нет, продолжайте. Я только предлагаю вам информацию к размышлению. Очевидно, нам жаловаться не на кого... Однако попытайтесь осознать масштаб нашего преступления. Я не особенно разбираюсь в морском праве, но у меня есть сильное подозрение, что пассажиру, подбившему глаз капитану корабля, на котором он путешествует, скорее всего, остаток жизни суждено провести в тюрьме... Пегги, дорогая, передайте бутылку. Мне необходимо выпить.

Девушка кусала губы, пытаясь удержать смех. Она переложила стальную коробку под мышку и послушно протянула Моргану бутылку. Тот отпил глоток. Потом еще один. Он успел отхлебнуть и в третий раз, прежде чем у Уоррена получилось скроить серьезную мину.

— Нет, но ка-ак я его... — Лишь только Уоррен открыл рот, вся его серьезность опять исчезла, и он снова согнулся пополам от хохота. — Неслыханное дело! Не понимаю, как я... Все в порядке, старина. Вы, ребята, возвращайтесь в каюту, располагайтесь и почувствуйте себя как дома. Сейчас я полью старого моржа водичкой, чтобы он оклемался, и признаюсь ему во всем. Ха-ха-ха! — Плечи его вздрагивали; он с трудом поборол очередной приступ смеха и выпрямился. — Я его избил. Значит, мне и сознаваться...

— Не будьте ослом, — посоветовал Морган. — В чем именно вы ему признаетесь?

— Во всем... — начал было Уоррен, но тут же осекся.

— Вот именно, — сказал Морган. — Вряд ли кто-нибудь из вас способен придумать правдоподобное объяснение тому, что вы натворили. Напоминаю: вы с ревом выбежали из своей каюты, проехали шестьдесят ярдов по палубе и напали на капитана «Королевы Виктории» при исполнении им служебных обязанностей. Вообразите, мальчик мой, в каком состоянии будет старый морж, когда, как вы выражаетесь, «оклемается»! Если вы скажете ему правду, то только подольете этим масла в огонь. К тому же вам придется рассказать и о дядюшке Уорпаса — хотя вряд ли он вам поверит...

Уоррен задумчиво хмыкнул.

— Интересно, как я мог так ошибиться? И что же все-таки произошло? — спросил он. — Проклятие! Я думал, что бью типа, который пытался вломиться ко мне в каюту...

Морган передал ему бутылку.

— Всею виной добросовестность нашего капитана, приятель. За обедом Пегги поведала ему о несчастном случае, произошедшем с вами. Только сейчас до меня дошло: она позабыла сообщить ему о том, что вас якобы поместили в лазарет. Вот он и пришел навестить бедолагу...

— Та-та, — взволнованно закивал капитан Валвик, — после тофо, как он укофорил анклизский керцок тать ему исумрутный слон и он унес слон с сопой, шштопы полошить в сейф...

— Вот именно. Он заглянул к вам в каюту, увидел, что вас там нет, вышел — и бабах! — Морган задумался. — Дружище, есть еще одна причина, по которой вам не стоит сознаваться. Тогда нам непременно придется сообщить ему и о девушке, которая лежит в соседней каюте, о девушке, которую ударили по затылку. Если вы признаетесь капитану в том, что это вы на него напали, вас, скорее всего, заподозрят и в покушении на эту девушку. Наш друг капитан Уистлер — человек прямолинейный, он привык действовать решительно. У него не останется сомнений. Коли вы любите развлекаться по ночам, нападая на капитанов океанских лайнеров, то, из-

бивая пассажирок дубинкой, просто разминаетесь. Особенно если... О святые угодники! — Морган остановился, глядя в одну точку, и снова крепко схватился за перила, так как корабль ухнул вниз. — Вот что еще я вспомнил: за обедом наша славная Пегги по секрету поведала капитану, что у вас не все дома...

— О-о-о, ничего подобного! — возмутилась Пегги, искренне веря в то, что она не имела тогда в виду ничего плохого. — Я только сказала, что...

— Не важно, детка, — успокоил ее Уоррен. — Главное — решить, что теперь делать? Мы не можем стоять тут и спорить. А кроме того, мы промокли насквозь. Я совершенно уверен, что старина капитан не узнал ни меня, ни кого-то из нас...

— Вы абсолютно уверены?

— Абсолютно.

— Хорошо. — Морган облегченно вздохнул. — Тогда нам остается лишь засунуть коробку ему под плащ и оставить его лежать там, где он лежит. Здесь мы ежедневно подвергаемся риску, что нас схватят, и тогда — брр! — И вдруг забеспокоился: — Да, кстати, а за борт он там не вывалится?

— Не-е-ет, — бодро улыбаясь, заверил его капитан Валвик, — никакой опасности! Там, где он сейчас, с ним все путет в порядке! Я прислоню его к косырьку. Ха-ха-ха! Мисс Кленн, тайте мне коробку. А, вы трошите! Фам не стоило фыхотить на палупу пес куртка. Тайте мне коробку и фосфрачайтесь в тепло. Сейчас пояться нешефо, потому шшто у нас...

— Капитан Уистлер, сэр! — позвал голос почти у них над головами.

Сердце Моргана ухнуло в пятки. Он молча уставился на друзей. Те словно окаменели. Они не осмеливались даже поднять голову. Казалось, голос доносится с верхней палубы; оттуда можно было спуститься по сходному трапу, у которого стояли Уоррен и Валвик. Они находились в тени, но Морган опасался худшего. Он быстро взглянул на Пегги; та словно примерзла к палубе, а круглую стальную коробку держала словно бомбу. Моргану показалось, что он способен прочесть ее мысли. Вот Пег-

ги посмотрела на перила — безусловно, первым ее побуждением было выкинуть злосчастную коробку за борт. Морган яростно замахал руками, запрещая ей это. Сердце бешено колотилось у него в груди...

— Капитан Уистлер, сэр! — повторил тот же голос чуть громче. Ответом ему был лишь грохот моря. — Я готов поклясться, — продолжал голос (Морган узнал в его обладателе второго помощника), — что я слышал внизу какой-то шум. Что там могло стрястись со стариком? Он сказал, что поднимется на... — Остальные слова второго помощника унесло ветром в сторону.

Потом до них донесся еще один голос, похожий на голос судового врача:

— Похоже, кричала женщина. Уж не думаете ли вы, будто наш капитан на старости лет ввязался в какую-нибудь интрижку? Может, спустимся?

По металлическому трапу загрохотали шаги, но второй помощник сказал:

— Не важно. Должно быть, померещилось. Пойдемте...

И тут, к ужасу маленькой группы, стоящей у стеклянного ограждения, капитан заворочался и сел.

— О-о-о! — заревел капитан Уистлер — поначалу слабо и сипло, но постепенно набирая силу, по мере того как его склеившиеся мозги приходили в норму. — О-о-о! — Он хватал ртом воздух и дико вращал глазами. Когда же до конца осознал, что с ним произошло, воздел трясущиеся руки к небесам и облегчил душу хриплыми виртуозными проклятиями: — Сволочи! Воры! Убийцы! На помощь!

— Дело плохо, — зашипел Морган. — Быстро! Остается единственный... Что вы делаете? — Он резко повернулся к Пегги Гленн.

Девушка ойкнула от страха и далее действовала, не теряя ни секунды. Прямо за ее спиной находился приоткрытый иллюминатор чьей-то каюты. Дождавшись удачного момента, когда шлюпку ударило о борт корабля, Пегги размахнулась и бросила стальную коробку в щель иллюминатора. В каюте было темно. Они слышали, как коробка гулко стукнулась об пол. Не глядя на остальных сообщников, застывших в ужасе, Пегги развернулась к

двери и приготовилась бежать. Морган схватил ее за руку.

— Господи помилуй! — загремел замогильный голос с верхушки трапа.

Второй помощник словно очнулся:

— Это же наш старик! Вперед!

Морган быстро, словно насадка цыплят, собрал вокруг себя своих подопечных и торопливо зашептал, не зная, слышат ли они его:

— Остолопы, не пытайтесь бежать, иначе Уистлер вас заметит! Он все еще слаб... Стойте в тени и как можно громче стучите ногами, как будто вы услышали шум и бежите на помощь! Говорите что-нибудь! Кричите! Бегайте кругами!..

Морган надеялся, что этот старый трюк, который неоднократно использовался им в детективных романах, сработает. Разумеется, они немного перестарались. Капитану Уистлеру, который, с трудом открыв слипшиеся веки, сидел на палубе, должно быть, показалось, что на помощь к нему спешит кавалерийский полк. Особенно натурально действовал капитан Валвик, очень правдоподобно изображавший лошадиный топот, вначале далекий, но затем все приближающийся. Отважная тройца под руководством Моргана тоже перекрывала шум бури криками: «Что случилось?», «Что там?», «Кто ранен?». Им удалось подбежать к носовому козырьку одновременно со вторым помощником и доктором. Их непромокаемые плащи шуршали, а позолоченные кокарды на фуражках мерцали во мраке. Наступило молчание; все вцепились в ближайшие перила, переводя дыхание. Второй помощник нагнулся и включил фонарик. Из мрака на них смотрел здоровый глаз — не подбитый, хотя зрачок цвета маринованного лука ужасно раздулся. Лицо капитана напоминало мощный образец футуристической живописи. Уистлер тяжело дышал. Моргану почему-то вспомнились циклопы. Вообще вид капитана мог служить иллюстрацией к медицинскому пособию «Начальная стадия апоплексии». Уистлер сел, опираясь руками о мокрую палубу; его фуражка сбилась на затылок. Он ничего не говорил. В тот момент капитан просто был

не в состоянии что-либо сказать. Он лишь хватал ртом воздух.

— Господи! — прошептал второй помощник.

Снова наступило молчание. Не отводя зачарованного взгляда от ужасающего лица своего капитана, второй помощник обернулся к врачу.

— Хм... кхм... — неуверенно начал он, — то есть... что случилось, сэр?

Уистлер молча затрясся. Лицо его перекошилось в диком спазме, словно просыпался действующий вулкан. Но он по-прежнему ничего не говорил, лишь со свистом выдыхал воздух. Его циклопов глаз смотрел в одну точку.

— Вставайте, сэр! — принялся упрашивать его второй помощник. — Позвольте, я помогу вам. Вы... мм... простудитесь. Что случилось? — в замешательстве обратился он к Моргану. — Мы слышали крики...

— Мы тоже, — согласился Морган, — и прибежали сюда одновременно с вами. Не знаю, что с ним такое. Может, с мостика свалился?

Среди сумеречных фигур на первый план выдвинулась Пегги.

— Это же капитан Уистлер! — запричитала она. — Ах, бедняжка! Какой ужас! Что такое могло с ним случиться? Пойдите... — Она в ужасе прижала руки к груди. И хотя она понизила голос, как раз в этот момент волны, готовясь с новой силой наброситься на корабль, вдруг отступили, и все услышали ее потрясенный шепот, обращенный к Уоррену: — Послушайте, надеюсь, бедняга не пьет, а?

— Что там катается по палубе? — спросил Уоррен, глядяваясь вперед, во мрак.

Находящийся в замешательстве второй помощник проследил за направлением его взгляда и направил в то место луч фонарика...

— Кажется... по-моему, это бутылка из-под виски, — пояснила Пегги, серьезно созерцая катящийся предмет. — И... мм... кажется, она пуста. Ах, бедняга!

Стекла очков Моргана запотели. Он посмотрел на Пегги. Будучи по натуре человеком справедливым, Морган вынужден был признать, что это уж чересчур. Кроме

того, он испугался, что капитана Уистлера сейчас и впрямь хватит апоплексический удар. Глаз циклопа переливался всеми цветами радуги; из горла капитана вырывалось невнятное клокотание. Очевидно, его чувства находились в полнейшем смятении. Второй помощник деликатно кашлянул.

— Вставайте, поднимайтесь, сэр, — мягко повторил он. — Позвольте же, я вам помогу. А потом доктор вас осмотрит...

Наконец капитан Уистлер обрел дар речи.

— Я не встану! — заревел он, задыхаясь. — Я совершенно трезв! — Однако Уистлер, видимо, испытывал такую ярость, что слова давались ему с трудом. Далее он лишь безумно забулькал, а из-за боли в разбитой челюсти скривился и замолчал, ухватившись рукой за подбородок. Однако одна мысль не давала ему покоя, жгла изнутри. — Бутылка... чертова бутылка! Вот чем они меня ударили. Повторяю, я совершенно трезв! Вот чем они меня треснули! Их было трое. Громадины. Все набросились на меня одновременно. Да... а мой слон? О боже! Где мой слон? — закричал он, внезапно возбуждаясь. — Они украли моего слона! Не стойте как пень, черт вас побери! Делайте что-нибудь. Поищите его. Найдите слона! Ах, лопни мои глаза! Всех проклятых распутных сухопутных крыс выкину за борт...

Ничто не сравнится с выучкой моряков британского торгового флота. Второй помощник встал по стойке «смирно» и отдал честь. Бог его знает почему.

— Отлично, сэр. Поиски начнутся немедленно, сэр! Они не могли далеко уйти. А пока, — он решительно обратился к остальным, ревностно охраняя репутацию капитана, — пока идут поиски капитанского слона, согласно его приказу вы все отправляетесь вниз. Капитан Уистлер полагает, что остальным пассажирам не обязательно знать о событиях этой ночи... Сэр, позвольте, я вам помогу.

— Ясное дело, — любезно согласился Уоррен. — Можете на нас положиться. Будем немые как рыбы. Если мы можем чем-нибудь помочь...

— А вы уверены, что он не опасен? — забеспокоилась Пегги. — Может, бедняге мерещится, будто на верхушке

дымовой трубы или еще где-то там сидит слон и корчит рожи, и он приказывает вам уговорить его спуститься...

— Понюхайте, пахнет ли от меня спиртным! — заревел капитан. — Понюхайте, черт бы вас побрал! Это все, о чем я прошу. Чтоб меня акула сожрала со всеми потрохами! С пяти вечера у меня ни капли спиртного во рту не было!

— Слушайте, — вмешался доктор, ползающий на коленях вокруг страдающего командира, — будьте же благоразумны. Он не... как бы это сказать... не расстроен. Болдуин, с ним все в порядке. Здесь происходит что-то очень странное. Успокойтесь, сэр, и секунды не пройдет, как мы приведем вас в чувство... Давайте мы проводим вас в вашу каюту — так, что никто и не увидит... Нет? — Очевидно, душа капитана Уистлера в это мгновение рвалась вон из тела, прочь от обступивших его пассажиров и членов экипажа. — Хорошо, вот здесь, впереди, с подветренной стороны, есть ниша; там стоят столики и стулья. Мистер Болдуин, будьте добры, посветите мне, а я достану мою сумку...

Морган понял, что пора отступать, — самый подходящий момент. Теперь они определенно убедились, что капитан Уистлер не узнал своих обидчиков. Пока им, кажется, ничто не угрожает. Однако писатель чувствовал: второму помощнику и судовому врачу явно не по себе. Резкие слова врача возбудили подозрения второго помощника — он то и дело бросал на них смущенные взгляды. Врач со вторым помощником подняли капитана...

— Погодите минутку! — вскричал Уистлер, заметив, что зрители пытаются незаметно ретироваться. Неповрежденный глаз его сверкнул. — Постойте-ка, эй, вы, кто бы вы ни были! Вы решили, что я пьян, так? Ну, я вам покажу! Я намерен о многом вас расспросить в самое ближайшее время — прямо сейчас. Всем стоять! Я покажу вам, какой я пьяный...

— Но послушайте, капитан, — возразил Уоррен, — мы промокли до нитки! Если вы хотите, мы, конечно, останемся, но позвольте этой юной леди вернуться к себе в каюту хотя бы для того, чтобы накинуть плащ. У нее нет

плаща! Зачем ей мокнуть? Никто из нас не сможет убежать, и...

— Вы, значит, приказываете мне, что делать, а? — Грудь капитана заходила ходуном. — Командуете, распоряжаетесь на моем корабле? А-а-а! Лопни мои глаза! Ну так слушайте. Раз так, вы все остаетесь на своих местах, дорогие мои; ни шагу в сторону, чтоб мне утонуть! Я всю вашу шайку арестую! Провалиться мне на этом месте! Я всех, всех посажу под арест, вот что я сделаю! А когда найду негодяя, который треснул меня бутылкой и украл изумрудного...

— Не спорьте с ним! — яростно прошептал Морган. Он заметил, что Уоррен наклонил голову, прищурил один глаз и с любопытством смотрит на капитана. — Ради бога, молчите, Керт! Иначе он прикажет немедленно скормить нас акулам. Осторожно!

— Не шевелитесь! — продолжал бушевать капитан Уистлер, воздевая кверху руки, скосив на них глаз и не позволяя отойти ни на дюйм от себя. — Всем стоять там, где вы стоите. Вы даже... Кто это сейчас вякал? — спохватился он. — Кто здесь вообще? Кто вы такие? Что за разговоры насчет плаща? У кого хватило наглости просить меня о каком-то распроклятом плаще, а?

— Капитан, моя фамилия Уоррен. Кертис Уоррен. Вы меня знаете. Надеюсь, вы не считаете меня тем негодяем, за которым вы охотитесь?

Уистлер задумался, внимательно оглядел Уоррена и, казалось, возбудился еще больше.

— Ага! — злорадно произнес он. — Уоррен, значит? Уоррен. Так-так. А кто с вами? — Когда в ответ все трое заговорили одновременно, он нахмурился и разозлился еще больше. — Оставайтесь на месте! Не двигайтесь... Мистер Болдуин, следите за ними. То есть вот за ним. Зачем вы слоняетесь по судну, мистер Уоррен? Кстати, что там у вас на голове? Подойдите к свету. Пластырь. Ах да. Вы ударились головой...

Уоррен пожал плечами:

— Да, ударился. Именно об этом я и хотел поговорить с вами. Если вы нас не отпустите, то по крайней мере пошлите кого-нибудь ко мне в каюту. Да пошлите же

доктора, старый дурак! Говорю вам, пошлите врача. Там, в каюте, девушка... она без сознания... может быть, уже умерла... я не знаю. Будьте же благоразумны! Ее ударили по голове, и она потеряла сознание...

— Что-о?

— Да. Кто-то двинул ее по голове, а потом...

За разговором доктор и второй помощник увели капитана в нишу. Уистлер продолжал бушевать. Он не желал ничего слышать и настаивал, чтобы мистер Болдуин не спускал глаз с четырех заговорщиков. Второй помощник светил фонариком, чтобы доктору легче работалось. Итак, все они сгрудились у стеклянного козырька, забрызганного каплями дождя; Уоррен снял плащ и накиннул его Пегги на плечи. Заговорщики переговаривались шепотом.

— Слушайте, — начал Морган, предварительно оглянувшись через плечо, дабы убедиться, что их не подслушивают, — нам чертовски повезет, если нас не арестуют. Провалиться мне на этом месте, старик буйствует. Он вне себя. Так не злите его еще больше! Кстати, какой идиот догадался бросить на палубу бутылку?

— Я. — Сияющий капитан Валвик горделиво выпятил грудь. — Я потумаль, шшто это кениальная находка, а шшто? Шшто плохофо? И потом, там польше не осталось фиски. А, понимаю: фи тумаєте, на путылке остались отпечатки пальцев, а?

Уоррен нахмурился и запустил пятерню в свою взлохмаченную шевелюру.

— Слушайте, Хэнк, — смущенно прошептал он, — а это мысль. Если старику придет в голову... Да, кстати! Детка, чего ради вы бросили коробку в иллюминатор чьей-то каюты?

Пегги вспыхнула.

— Вот это мне нравится! Сверху на нас бежали все эти моряки... Или вы хотели, чтобы я выкинула коробку за борт? И потом, мне подумалось, что это великолепная идея. Раз коробки нет, то никто и не виноват! Не знаю, чья это каюта. Однако коробку будут искать. А завтра утром пассажир, который обитает в той каюте, проснется и обнаружит коробку на полу. Тогда он отнесет ее

капитану и объяснит, что коробку бросили в иллюминатор, только и всего.

— Ладно, — Уоррен глубоко вздохнул, — все, что я могу сказать, — нам крупно повезло. Говорю вам, я чуть не умер, когда вы это сделали. Я так и ждал, что вот-вот из иллюминатора высунется чья-то голова, именно тогда, когда подошли второй помощник с доктором, и спросит: «Эй, что за мысль швырять вещи ко мне через окно?»

Он задумчиво взгляделся во мрак вперед сквозь стекло козырька. Было совершенно темно, только тускло мерцал свет наверху, на капитанском мостике; волны изгибались крутыми арками, постепенно сужаясь кверху и исчезая в тумане; «Королеву Викторию» омывал белопенный поток, завывающий в буруны и разбивающийся о нос корабля. Сверху донесся резкий металлический звон: отбивали склянки. Раз-два, раз-два, раз-два... Ночью на корабле этот звук особенно навеивает сон. Ветер утихал; его завывания становились не такими зловещими; да и дождь уже не так сильно барабанил по стеклу. Позади величаво, словно на старинном галеоне, высилась фок-мачта; когда волны разбивались о борт фонтаном брызг, она кренилась...

Уоррен немигающим взором смотрел перед собой.

— Ребята, — тихо сказал он, — это я втянул вас в эту историю. Я... Мне ужасно жаль.

— Сынок, не перифолофу, — заявил капитан Валвик. — Тафно я так не расфлекался! Только вот еще что: нам нато токофориться, шштопы расскасыфать отинакофую историю...

— Я втянул вас во все это, — упрямо продолжал Уоррен, — и я намерен вытащить вас отсюда. Не волнуйтесь. Только позвольте, говорить буду я; надеюсь, мне удастся убедить капитана. Позвольте вам напомнить: я в некотором роде дипломат! Я очень, очень редко говорю или действую опрометчиво. — Морган закашлялся, но Уоррен, очевидно, свято верил в то, что говорил; никто не пытался его разубедить. — И я все улажу. Но меня бесит вот что... — продолжал он, высоко поднимая сжатый кулак и с силой опуская его на перила, — я буквально сгораю от бешенства, меня испепеляет прямо-таки убийственный

огонь при мысли, что по нашей посудине спокойно разгуливает паршивый трус, который исподтишка бьет дубинкой по затылкам! Сейчас он, наверное, потешается над нами — ржет как лошадь. О-о-о! Для него-то все сложилось как нельзя кстати. Ох, как я зол! Я в прекрасной форме и зол. Я его поймаю. Я схвачу его, даже если это будет последним моим деянием в жизни, даже если придется сидеть каждую ночь и караулить, когда он явится за плен... — Внезапно он замолчал. Новая догадка его потрясла. Уоррен медленно повернул к ним худое лицо с запавшими глазами, на котором застыло потрясенное выражение. — Пленка! — воскликнул он, запуская руки в торчащие волосы. — Фильм! В моей каюте! Оставшийся кусок. Его никто не охраняет! Конец речи бедного дяди Уорпаса; возможно, именно в эту минуту вор крадет ее... — И Уоррен, скользя, побежал по палубе к своей каюте.

— Керт! — из последних сил простонал Морган. — Слушайте! Эй, вернитесь! Капитан...

Уоррен обернулся и через плечо объяснил, куда, по его мнению, надлежит отправляться капитану. Уистлер одним прыжком выскочил из своего убежища, издавая трубный рев. На бегу он приказал второму помощнику следовать за ним; затем остановился и затараторил что-то непонятное, пока Болдуин гнался по палубе за фигурой в одной рубашке с короткими рукавами. Уоррен вбежал в коридор, Болдуин за ним. Напрасно раскрасневшийся еще больше Валвик пытался утихомирить старого товарища. Во-первых, капитан Уистлер решительно возражал против того, чтобы его называли «старым моржом»; во-вторых, он в красках расписывал, каким жутким пыткам подвергнет мерзавца, напавшего на него, когда его поймает. Словом, когда на палубу снова вышел Уоррен, которого крепко держал за руку второй помощник Болдуин, капитан был явно не в духе.

Уоррен попытался воззвать к милосердию второго помощника.

— Сердце у вас есть? — допытывался он. — Ведь я всего-навсего прошу сделать мне маленькое одолжение: войти в соседнюю каюту и проверить, жива ли бедная девушка. Может быть, ей нужна помощь? Может... По-

жалуйста, отпустите меня! Или лучше вот что... — Уоррен внезапно перескочил на другую тему: — Мне ужасно хочется...

— Куда он так спешил? — нетерпеливо спросил Уистлер, когда жертву подвели к нему. — Почему он удрал?

Болдуин, на вид очень изнуренный, прямо-таки измученный, смерил Уоррена смущенным взглядом:

— Не знаю, сэр. Ворвался в свою каюту, а когда я вбежал следом, он стоял на коленях на полу, швырял через плечо киноленты и приговаривал: «Пропала! Пропала!»

— Да, — согласился Уоррен и покачал головой, переводя взгляд с Пегги на Моргана. — Наш воришка успел там побывать. И спер то, что хотел.

— Что у вас пропало, молодой человек? — поинтересовался капитан Уистлер.

Первый приступ потрясения и ярости у него прошел. Нельзя сказать, что капитан стал кротким, как ягненок, но обида из-за того, что на него так вероломно напали, отчасти уступила место неприятным размышлениям о последствиях этого нападения. Очевидно, в довольно маленьком мозгу капитана четче, чем бутылки из-под виски и апперкоты, отпечаталась мысль о том, что изумрудная побрякушка стоимостью в пятьдесят тысяч фунтов украдена в то время, когда находилась у него. А лорд Стэртон славится сварливым и раздражительным нравом. И не отличается мягкостью и любовью к ближнему. Капитан Уистлер раздраженно отмахнулся от судового врача, пытавшегося оказать ему первую помощь. Несколько полосок лейкопластыря на его багровом лице можно было сравнить с мазками кисти... скажем, Сезанна. Уистлер прищурил здоровый правый глаз, расправил плечи и хрипло, стараясь держать себя в руках, повторил вопрос:

— Что у вас пропало, молодой человек?

— Не могу вам сказать, — парировал Уоррен. — Все равно это не имеет значения — для вас. Никакой связи с тем, что вор украл у вас, нет. Единственное, о чем я вас прошу, буквально умоляю, — сжальтесь и не бросайте на произвол судьбы бедную девушку. Может быть, она умирает...

— Мистер Уоррен, — было очевидно, что капитан сдерживается из последних сил, — я постараюсь проявить благоразумие... Начну сначала и скажу вам так. Насколько мне известно, на борту корабля находится опасный преступник, который украл у меня предмет, обладающий огромной ценностью...

— Кофорил я тепе, Старый Морш, — вмешался Валвик, мрачно качая головой, — кофорил я тепе: пофесь опьяфление и претупрети всех пассаширов. Витишь, как оно вышло.

— Мне наплевать на то, что вы мне говорили, сэр! Не вмешивайся, Акулье Мясо! Хватит нести чушь и не смей задирать нос, когда говоришь со мной, Акулье Мясо! В старое время я бы тебя... — Уистлер вовремя спохватился. — Кхм!.. Не важно. Итак, мистер Уоррен, я продолжаю. Вы — племянник одного выдающегося джентльмена и были особо препоручены моим заботам. Книги мистера Моргана я читал; он уже плавал со мной прежде, и его я знаю. С капитаном Валвиком мы знакомы бог знает сколько лет. Я не пьян и не выжил из ума, сэр. Я не верю, что тот преступник кто-либо из вас. Будьте добры, зарубите себе это на носу. Однако вот что меня заботит, мистер Уоррен: судя по тому, что мисс Гленн за обедом рассказывала мне о вас, вы ведете себя весьма и весьма странно. Да еще вдобавок рассказываете о какой-то молодой особе, которую ударили по затылку! Я требую, чтобы вы рассказали мне все как есть.

— Хорошо! — смиренно согласился Уоррен. — Да, капитан, так будет справедливо; что ж, слушайте. Мы ничего не знаем о том, кто на вас напал. Вот как все произошло. Видите ли, мы были все вместе, когда к нам в каюту неожиданно ввалилась эта незнакомая девушка; она тяжело ранена. Мы поняли, что ее кто-то ударил, поэтому выбежали посмотреть, не удастся ли поймать напавшего на нее. Выйдя на палубу, услышали ваш крик...

Морган поежился. Неплохо для начала! Теперь осторожнее!

— Понятно, — отозвался капитан. — А где вы были тогда?

— А?

— Я спрашиваю, — Уистлер внезапно сделался так похож на старого школьного учителя, что Морган даже вздрогнул, — где вы находились, когда объявилась эта якобы неизвестная женщина? В своей каюте вас не было. Я заглядывал туда, и я знаю.

— Ах да! Понимаю! Да, разумеется, там меня не было, — с некоторой горячностью ответил Уоррен. — Естественно, мы были не там. Мы были в пустой соседней каюте.

— Почему?

— Почему? Ну... словом... понимаете, мы кое-что придумали. Точнее, я, — промямлил Уоррен, тщетно пытаясь найти нужные слова. — То есть я решил, что будет весело. В общем, мы там сидели, черт побери! Можете спросить кого угодно из них. Они вроде как приглядывали за мной, заботились обо мне...

— Приглядывали за вами, так-так, — мрачно повторил капитан Уистлер. — Чем же вы там занимались?

— В основном сидели на полу и играли в города. А потом услышали, как отворилась дверь, ведущая на палубу, и эта девушка, на которую напали, начала звать меня по фамилии. Я не знаю, кто она такая; прежде я видел ее только один раз. — К Уоррену вернулась былая уверенность, и он зачастил: — Единственный раз я видел ее в радиорубке, когда получил радиogramму насчет... хм!.. Словом, когда я получил радиogramму... ну, о медведях.

— Каких медведях?

Уоррен задвигал челюстями и бросил отчаянный взгляд на Моргана, взывая о помощи.

— Капитан, ничего странного тут нет, — объяснил последний, стараясь говорить как можно более непринужденно и гладко, хотя к горлу у него подступал комок и возникло чувство, что если Уоррен продолжит свои объяснения, то скоро он сам сойдет с ума. — Естественно, Керт немного расстроен; именно поэтому так невнятно и выражается. Однако все очень просто. Дело, понимаете ли, касается акций. Медведи — это биржевые брокеры, которые играют на понижение; они... мм... наводнили рынок, и его акции упали в цене.

— А, понимаю! Его, значит, волнуют финансовые дела. Да, да, — угрюмо проворчал капитан. — Давайте-ка для начала выясним вот что, мистер Морган. Вы сами-то верите в то, что его безумная история правдива?

— Пойдите и убедитесь сами! — запальчиво вскричал Уоррен. — Именно об этом я и прошу вас с самого начала, если вы дадите себе труд припомнить. Видите, мисс Гленн стоит в моем плаще — она совсем продрогла, и все мы торчим здесь без толку, а бедная девушка там, возможно, умирает. Доктор, вы идете?

— Мы все идем, — решительно заявил капитан. Он поманил рукой обоих подчиненных, и маленькая процессия двинулась к двери. Уоррен держал ее, пока все проходили в коридор. Бледная Пегги, попав в тепло, задрожала и начала тяжело дышать. На мгновение все ослепли от яркого света.

— Все в порядке, пришли, — констатировал Уоррен, прислоняясь к белой стене. Его била крупная дрожь. — Вот здесь ее прихлопнули дверью. Видите, на резиновом покрытии кровь...

Капитан внимательно посмотрел на него:

— Кровь? Какая кровь? Я не вижу никакой крови.

Крови не было, хотя Морган твердо помнил, что она была. Он снял очки, протер их и снова посмотрел на пол — ничего. И вновь у него неприятно заныло под ложечкой. За их дурачеством крылось нечто чудовищное, несущее смерть.

— Но... — В отчаянии Уоррен взмахнул рукой. С мольбой посмотрев на капитана, он распахнул дверь каюты, которая находилась рядом с его собственной.

На потолке горела люстра. Койка, на которой они оставили раненую девушку, была пуста; подушка не смята, постель аккуратно застелена — на простынях ни морщинки, ни складочки. Не было даже испачканного полотенца, которым Пегги вытирала кровь с лица девушки. С вешалки над умывальником свисало чистое белоснежное полотенце.

— Ну? — протянул капитан Уистлер тоном, не предвещавшим ничего хорошего. — Я жду.

Глава 7

В ЧЬЮ КАЮТУ?

Это было только начало. От одного вида пустой койки и чистого полотенца — вещей, которые сами по себе вроде бы не особенно должны внушать тревогу, — Морган испытал приступ такого дикого страха, который был ему неведом даже в прошлом, во время расследования дела с восьмеркой мечей и в ходе дела о двух виселицах. Он даже попытался уверить себя в том, что все происходящее — какой-то нелепый розыгрыш.

Но происходящее не было розыгрышем. Впоследствии писатель признавался, что больше всего его тогда потрясли именно белоснежные простыни...

В течение короткого времени, пока все заглядывали в белую каюту, он успел передумать о многом. Та девушка... Морган снова увидел перед собой ее лицо на белой подушке — густые брови, прямые, тяжелые классические черты, искаженные, залитые кровью. Ведь не пригрезилась же она им! В этом не может быть никаких сомнений. Куда же в таком случае подевалась? Возможны три объяснения.

Первое: она пришла в себя, обнаружила, что находится одна в чужой каюте, и перешла к себе. Звучит неубедительно, особенно потому, что ее ранение было тяжелым, а также потому, что всякий нормальный человек на ее месте, очнувшись, позвал бы на помощь, поднял бы шум, на худой конец позвонил бы стюарду — словом, выказал знаки слабости или любопытства. Но самое главное не это. Прежде чем выйти из каюты, она не могла бы застелить постель и переменить белье. Она не застелила бы постель свежими простынями и не надела бы чистую наволочку, уж не говоря о том, что куда-то делось грязное полотенце и точнехонько на его месте появилось новое, чистое. И все же кто-то навел в каюте порядок. Морган вспомнил: когда они укладывали девушку, простыня испачкалась кровью. Еще он помнил, что из-за качки немного виски пролилось на подушку и пододеяльник. Итак, постель перестелили! Но зачем? И кто это сделал?

Второе объяснение выглядело настолько неправдоподобным, что даже Морган засомневался. Что, если девушка притворялась? Предположим, она состоит в сговоре со своим дружкой-жуликом. И вот притворилась, будто ее ударили, дабы отвлечь их внимание, а тем временем жулик преспокойно обшаривал каюту Уоррена. Каким бы нелепым это ни казалось, однако фильм, снятый Уорреном, может очень и очень не понравиться в некоторых странах, где не принято издеваться над канцлером. Не везде в мире движение происходит поступательно; кое-где наблюдается возврат к мрачному и напыщенному абсурду самодержавия. В Англии или Соединенных Штатах на выходку известного политика посмотрели бы сквозь пальцы, расценили бы его поступок как своего рода глупый дипломатический ляп, который часто совершают большие шишки; но в других странах... И все же такой сложный замысел едва ли можно было бы осуществить. Тяжелораненая девушка в соседней каюте весьма сковывала бы жулика в его действиях. Кроме того, тут все было видно: ее действительно сильно ударили по голове. Язык у девушки заплетался, глаза закатились... Такое невозможно симулировать. И кровь не походила на вишневый сок. Ее ударили, и ударили сильно.

О третьем варианте произошедшего Морган даже думать не хотел. Он его боялся. Говорят, в этих широтах глубина океана достигает пяти миль. Морган вздрогнул и испытал несказанное облегчение — в некотором роде, правда, — что Пегги Гленн не послушалась приказа и не осталась дежурить у постели больной. Хорошо, что никто ее там не застал...

Все эти мысли пронеслись в его голове так молниеносно, что капитан Уистлер успел за это время выговорить лишь одну зловещую фразу. Тучная фигура капитана съежилась в непромокаемом плаще; голову он почти вжал в плечи. При электрическом освещении его искаженное лицо еще больше заиграло всеми цветами палитры художника, особенно левый глаз, заплывший багрово-фиолетовым синяком. Он понимал, что все смотрят на него, и от этого злился еще больше.

— Итак? — спросил капитан. — Это еще что за шутки? Где та женщина, которая, по вашим словам, умирает? Где та женщина, помочь которой вы меня умоляли? Разрази меня гром! Что за мысль морочить мне голову, в то время как у меня на судне похищены изумруды стоимостью в пятьдесят тысяч фунтов? В этой каморке никого нет. И никого не было! А-а! — злорадно оживился он. — Уж не собираетесь ли вы заверять меня, будто здесь сейчас кто-то есть? Отвечайте, молодой человек! Неужели вы всерьез полагаете, что кого-то здесь видите? — Отступив на шаг, он вперил взгляд в Уоррена.

— Послушай, Старый Морш, — с жаром вмешался капитан Валвик, — никаких шуток! Кофору тепе, он не лшет. Я ее фител — щупал ей сатылок. Я сам принес ее сюта. Она пыла... — Он нагнулся, схватил подушку за уголок и яростно ее потряс. Затем заглянул под матрас и на верхнюю койку. — Ну и тела! Феть фам не кашется, шшто мы попали не в ту каюту?

Пегги, воспользовавшись временным затишьем, поспешно поправляла прическу. Потом подошла к Уистлеру и схватила его за руку.

— Капитан, разве вы не видите, что мы говорим правду? Или, по-вашему, мы способны заблуждаться в таком вопросе? Видите, вон моя пудреница. Я оставила ее на постели. Девушка была здесь. Я ее видела. Я ее трогала. Может, она просто пришла в себя и ушла? На ней было желтое крепдешиновое платье и темно-зеленая куртка с меховой опушкой...

Капитан Уистлер внимательно оглядел всех присутствующих здоровым глазом, а затем, закрыв его, провел по лбу тыльной стороной ладони.

— Не знаю, что с вами делать, — признался он. — Помогите мне, Гарри! Я просто ума не приложу. Сорок лет хожу по морю, тринадцать лет под парусами и семнадцать на пароходах, но никогда не видел ничего подобного. Мистер Болдуин!

— Да, сэр? — отозвался второй помощник, который все это время стоял за порогом каюты с непроницаемым видом. — Слушаю, сэр!

— Мистер Болдуин, как бы вы поступили на моем месте?

— Н-ну... — неуверенно начал мистер Болдуин, — меня, сэр, больше всего беспокоят слоны и медведи. Ничего не могу сказать, так как не знаю наверняка; только у меня почему-то возникло впечатление, будто мы пытаемся произвести облаву в каком-то кровавом зоопарке.

— Мистер Болдуин, я не желаю слышать ни о каких слонах и медведях! Будьте любезны заткнуться и перестаньте болтать о слонах и медведях! Я задал вам простой вопрос и жду простого ответа. Какого вы мнения об этой истории с женщиной?

Мистер Болдуин колебался.

— Сэр, но... не могут же они все одновременно спятить?

— Не знаю, — с сомнением ответил капитан, обводя заговорщиков взглядом. — Боже мой! Если они не спятили, значит, должно быть, спятил я. Я всех их знаю... вряд ли они воры... по-моему, они бы не стащили изумруды стоимостью в пятьдесят тысяч фунтов. Но все же посмотрите сюда. — Он наклонился и потрогал койку. — Готов поклясться, что на ней никто не лежал, а они уверяют, будто постель испачкалась кровью. Где полотенце, которым они, по их словам, вытирали кровь, а? Где лужа крови, которая, как они уверяют, была в коридоре? Неужели та женщина поменяла белье и вышла, прихватив с собой полотенце?

— Нет, — ответил Морган, глядя на него в упор. — Однако это мог сделать кто-то другой. Я не шучу, капитан. Порядок вполне мог навести кто-то еще.

— Ах, и вы туда же? — обреченно спросил Уистлер. — И вы туда же?

— Капитан, тут поменяли все белье, вот и все. И я ломаю голову, кому это могло понадобиться. Послушайте... дело и секунды не займет. Снимите постель и посмотрите на матрас. — И Морган с безнадежным видом кивнул на койку.

Предложение писателя переполнило чашу терпения капитана. Он и так крепился из последних сил, выслу-

шивая очевидцев. Уистлер поднял подушку и с силой швырнул ее на одеяло.

— Я не собираюсь заниматься такими глупостями, сэр! — Вначале в его голосе слышалось рычание, однако он заставил себя сдержаться, вспомнив, где находится. — Пожалуй, с меня хватит. Может, вы говорите правду, а может, и нет. Спорить не буду, однако у меня масса неотложных дел. Сегодня, прямо сейчас я намерен устроить совещание и прочесать весь корабль — буквально каждую пядь. Изумрудный слон находится на борту «Королевы Виктории», и ослепнуть мне на этом месте, если я его не найду, даже если придется разнести весь корабль в щепки. Вот что я намерен делать! Начиная с завтрашнего утра все пассажиры будут находиться под моим личным наблюдением. Я здесь хозяин и имею право обыскать любую каюту, какую пожелаю. Именно так и поступлю! А теперь будьте любезны, дайте пройти...

— Послушайте, капитан, — подал голос Морган, — я признаю, мы не слишком-то вам помогли, но почему бы нам не объединить усилия?

— Что значит «объединить усилия»?

— К примеру, вот что. Я признаю, что обстоятельства против нас. Вы несколько нам не верите и считаете, что мы все выдумали. Мы и впрямь чуть не довели вас до инсульта. Однако дело очень серьезное — куда серьезнее, чем вам кажется. И почему бы вам не поверить нам?

— Я, — мрачно заявил капитан, — верю только тому, что вижу собственными глазами.

— Совершенно с вами согласен. На вашем месте я поступал бы точно так же. — Морган кивнул, вытащил трубку и рассеянно выбил донышко о ладонь. — Но мы ничего не выдумываем. Если вы считаете, что у нас буйная фантазия, то ответьте, сэр: что, по-вашему, мы должны были подумать, поднявшись на палубу и увидев, как вы скрючились у козырька и что-то бормочете о потерявшемся слоне, а рядом валяется пустая бутылка из-под виски?

— Я был совершенно трезв! — загремел капитан. — Если какая-нибудь сухопутная крыса еще раз упомянет об этом стечении обстоятельств...

— Я знаю, сэр, все так и было, как вы говорите. Разумеется. Но ведь это одно и то же, разве вы не понимаете? И в том и в другом случае просто стечение обстоятельств. Если рассуждать символически — вот мистер Болдуин меня поймет, — нас окружают слоны и медведи. И если вы настаиваете на своих слонах, почему бы вам не позволить Керту иметь своих медведей?

— Ничего не понимаю! — ошеломленно рявкнул капитан. — Я, сэр, человек простой и люблю выражаться просто. Куда вы клоните? Чего хотите?

— Ничего особенного. Представьте, что завтра утром за завтраком мне придет охота поболтать и я расскажу о том, что видел сегодня ночью... О нет, разумеется, я не сплетник. — Морган многозначительно подмигнул. — Просто, видите ли, я использую эту иллюстрацию в качестве примера...

Простые речи такого рода капитан прекрасно понимал. На мгновение его потрясенное и возмущенное лицо вынырнуло из воротника плаща.

— Вы что же, — грубо начал он, — пытаетесь шантажировать...

Моргану потребовались все его дипломатические таланты и гибкость, чтобы успокоить капитана. В целом их разговор напоминал перекрестный допрос свидетеля неумолимым адвокатом: судья приказывает присяжным не принимать во внимание очередной вопрос, потому что он не имеет отношения к делу, однако определенные слова уже произнесены и оказали свое действие. Вне всякого сомнения, слова Моргана произвели на капитана впечатление.

— Я ничего плохого не имел в виду, — принялся защищаться Морган. — Бог свидетель, от нас толку мало. Однако мне хочется довести до вашего сведения вот что. Мы, так же как и вы, заинтересованы в том, чтобы поймать вора. Если бы вы держали нас в курсе того, как продвигаются поиски...

— Не вижу никаких препятствий, — проворчал Уистлер после паузы, во время которой он несколько раз откашливался. Как заметил Морган, капитану было очень больно; подбитый глаз и помятая челюсть давали о себе

знать. Однако, к его чести, он сумел удержаться на точке кипения. И все же слова собеседника начинали давать побег в сознании капитана; то, что он понял, ему, очевидно, не понравилось. — Не вижу никаких препятствий, почему бы мне не держать вас в курсе хода поисков. Не стану скрывать, завтра утром я намерен привлечь вас к ответу перед лордом Стэртоном и заставить вас рассказать ему ту же историю, какую вы поведали мне. Если бы не было так поздно, я повел бы вас к нему прямо сейчас. Не волнуйтесь, вы будете в курсе... А вам, мистер Уоррен, скажу откровенно, — добавил он совершенно другим тоном, оборачиваясь к молодому дипломату, — если бы не ваш дядюшка, вам не оказывали бы такого внимания, какое вы здесь получаете. Но я буду беспристрастен. Дам вам шанс.

— Спасибо, — сухо поблагодарил Уоррен. — А я, в свою очередь, могу поклясться, что дядя Уорпас будет вам весьма за это признателен. И даже очень!

— Мистер Болдуин!

— Да, сэр?

— Примите к сведению. Завтра утром вы назначите расследование — придумайте любой предлог, укажите любую причину, какие вам угодны. Необходимо узнать, получила ли какая-либо пассажирка нашего судна описанные выше ранения. Но, черт вас побери, будьте тактичны! Иначе я вас разжалую. О результатах доложите мистеру Моргану. Ну вот, больше я ничем не могу вам помочь, — отрезал капитан, поворачиваясь кругом, — засим желаю всем спокойной ночи. Однако помните, я надеюсь на вашу ответную помощь. Жду сотрудничества! С меня довольно; если кто-нибудь скажет еще хоть одно словечко об этом происшествии... то помоги вам Бог! А если хотите знать мое мнение, мистер Уоррен, — внезапно добавил Уистлер, чей глаз циклопа вылез из орбиты, — по-моему, сэр, вы сумасшедший. Вы просто спятили! У вас не все дома, и вы опасны для общества!!! А ваши друзья вас покрывают. Еще один сомнительный поступок, сэр, еще только один, и вы окажетесь в смиренной рубашке. Всел!!! Спокойной ночи. — И он обиженно хлопнул дверью.

Морган в задумчивости уставился на пол, пожевывая пустую трубку. Потом еще раз внимательно осмотрел пустую, аккуратно застеленную койку. Мысли, приходящие в голову, ему не нравились. Качка немного ослабела, в каюте стала слышна монотонная вибрация гребных винтов. Морган замерз и невыразимо устал. Ему показалось, что он бредит: до его слуха донеслось отчетливое пение. Он недоуменно поднял голову. Пегги Гленн и Кертис Уоррен, с ангельским выражением на лицах (и это в два часа ночи!), сблизили головы, обняли друг друга за плечи и, медленно раскачиваясь из стороны в сторону, вдохновенно распевали:

О, дом на гребне волны!
Свет морской глубины...
До-ом на гребне волны...

Вскоре и капитан Валвик одобрительно загудел и присоединил к сладкому дуэту свой довольно немusыкальный бас. Этого Морган уже не вынес.

— А ну, заткнитесь! — прошипел он. — Мало того что вы перебудите всех пассажиров, из-за вас сейчас вернется капитан.

Эта угроза подействовала; они замолчали, не допев куплета. Но все члены трио радостно пожали друг другу руки, причем Уоррен, ухватив Моргана за плечо, настоял на том, чтобы обменяться рукопожатием и с ним. Англичанин обвел их взглядом: Валвик, добродушно улыбаясь, облокотился на умывальник, а Пегги с Уорреном захихикали. Интересно, дошло ли до них, что тут случилось на самом деле? Морган сомневался, стоит ли просвещать друзей на сей счет.

— Ну, друг, — восхищенно произнес Уоррен, — должен признать: сработали вы превосходно! Бесподобно. Просто блеск! — Он шумно хлопнул рукой по колену. — Чего стоят одни медведи и слоны! Здорово же испугался наш Старый Морж, когда вы пригрозили разоблачить его как неисправимого пропойцу!.. Да-а! Потрясающе! Отныне вы считаетесь мозговым центром нашего предприятия. С настоящего момента мы подчиняемся

всем вашим приказам. Я же обещаю вести себя хорошо. И даже очень. Слышали, что сказал старый морской терьер?

— Та, конешшно, — согласился Валвик, помогая себе неуклюжей жестикуляцией. — Утром он притет ф норма и найтет исумруты. Кто пы ни шил в той каюте, кута мисс Пекки просил слон, он проснется утром и саметит коробку. И фот, пошалуйста.

Уоррен выпрямился, потрясенный этой новой мыслью:

— Кстати, детка, а в чью же каюту вы все-таки бросили слона?

— Откуда мне знать? — немного обиженно ответила Пегги. — Я не знакома со всеми пассажирами на нашем корабле. Просто этот иллюминатор подвернулся мне под руку; я действовала по наитию. А какая разница?

— Да так, мне просто пришло в голову... — Он обвел взглядом лампочку, скошенный потолок, дверцу платяного шкафа. — В общем... я не думаю, что вас угораздило подбросить слона кому-то, у кого вещьца могла бы... как бы это выразиться... вызвать искушение.

— Вот это та! — отреагировал капитан Валвик.

Все трое как по команде устались на Морганана. Тому бы радоваться, как высоко ценят его друзья — назначили мозговым центром, которому суждено вычислить вора... Однако его терзали сомнения, не ведомые, очевидно, никому из его заместителей. Моргану очень не хотелось осматривать койку, но он понимал, как необходимо это сделать. Тем временем веселая троица, уже готовая забыть горестные происшествя и начать веселиться как ни в чем не бывало, продолжала выжидательно смотреть на него.

— Что ж, — устало проговорил он, — если вы действительно хотите узнать, кто занимает ту каюту, это не составит труда. Найдите каюту, примыкающую к иллюминатору, в который вы бросили коробку (я ясно выражаюсь?), и определите ее номер. Затем просмотрите список пассажиров — и готово... Пегги, в какой иллюминатор вы бросили коробку?

Девушка в волнении раскрыла рот, потом снова его закрыла. Нахмурила брови. Поежилась, как будто этим помогала себе мыслить.

— К черту! — слабым голосом произнесла она. — Помоему... в общем... честно говоря, я не помню.

Глава 8

КРОВЬ ПОД ОДЕЯЛОМ

Уоррен так и подскочил на месте.

— Детка, детка, — заволновался он, — вам придется вспомнить! Вы непременно вспомните. Дело верное: иллюминаторы идут в ряд; и все они около трапа, ведущего на правый борт. Вспомнили? Отлично, идем дальше. Вы стояли рядом с окошком, теперь остается лишь вспомнить с каким. И потом... — новый поворот темы его потряс, — слушайте, мне раньше такое и в голову не приходило, но это ужасно! Вдруг — по чистой случайности — вы забросили коробку в каюту того самого преступника? Господи! — вскричал Уоррен, теперь почти убежденный в том, что именно так все и случилось. — А он сбежал с добычей. Но я этого так не оставлю! У меня с подлым ворюгой свои счеты...

— Дружище, — сказал Морган, — разрешите вас предостеречь: у нас и так хватает трудностей. Ни к чему выдумывать новые. Это глупо! Вы только понапрасну беспокоитесь.

— Да, знаю, — ответил Уоррен, стесненно поводя шеей, — но ничего не могу с собой поделать. Я просто в бешенстве! Подумать только, наш ворюга спокойно смылся, прихватив мою пленочку! И мало того, что он беспрепятственно пробрался ко мне в каюту и украл мой фильм, мы еще, как нарочно, подсунули прямо ему в руки изумрудного слона!.. Детка, вы обязаны вспомнить, в какой иллюминатор бросили коробку. Тогда мы... попробуем взломать дверь и скажем: «Эй, ты!..»

Морган опустил голову, чтобы немного остыть, и сглотнул комок, подступивший к горлу. Вот она, настоящая американская энергия в полном масштабе!

— Значит, — сдавленным шепотом заявил он, — значит, теперь вы хотите еще и двери взламывать, да? Керт, прошу вас, подумайте секунду. Вспомните, какой красный был капитан Уистлер, — наверное, из-за вас у него давление подпрыгнуло до небес... Олух вы этакий, почему бы вам не вломиться прямо в капитанскую каюту? Он прикажет надеть на вас смирительную рубашу — и дело с концом! Вы сказали, что будете меня слушаться. Так слушайте мой приказ. Остыньте! Понимаете?

— У меня итея, — подал голос капитан Валвик, который до того молча стоял в углу, почесывая рыжую шевелюру. — Сторофо! Мне только шшто пришло ф колофу. Шшто, если фы просили коробка в каюту тофо анклийскофо кёрцока, кому принатлешит слон? Сторофо! Как он утифится, кокта проснется утром и уфитит у сепя коробку! Мошет, он решит, шшто капитан Уистлер рассертился на нефо са шшто-то, ночью фернулся и снофа просил ему слон черес окошко?

— Нет, не пойдет, — возразил Уоррен. — Каюта старика Стэртонна находится выше. Но нам предстоит выяснить, кто действительно спит в той каюте. Подумайте, детка! Пораскните мозгами!

Хорошенькое личико Пегги исказилось от непомерных умственных усилий. Она пыталась воссоздать в памяти картину произошедшего, помогая себе медленными жестами.

— Вспомнила! — воскликнула она. — Да, я уверена. Это был второй или третий иллюминатор от конца с той стороны, где мы стояли. Они все так похожи друг на друга; вы же знаете. Я бросила коробку или во второй, или в третий иллюминатор.

— Вы в этом абсолютно уверены?

— Да. Не скажу, в какой именно из двух, но готова присягнуть, что бросила коробку в один из них.

— Токта все в порядке, — загрохотал Валвик, одобрительно кивая. — Я пойду и сейшас ше уснаю номера этих кают, и мы проферим по списку пассаширов. А у меня в шкафчике есть еще путылка «Старый Роб Рой»; я принесу ее, и мы немноко фыпьем на ночь, итет? Сфятые укотники, как я хочу пить! Штите, я скоро фернусь.

Напрасно Морган протестовал. Капитан заверял, что не пройдет и минуты, как он вернется, и отправился на промысел под одобрительные возгласы Уоррена и Пегги.

Когда Валвик вышел, Морган обратился к друзьям:

— Какого черта вы сейчас беспокоитесь об этом изумрудном слоне? До вас хоть дошло, что именно произошло здесь сегодня ночью? А как же женщина? С ней-то что случилось?

Уоррен наотмашь рубанул рукой воздух.

— Мне все ясно, — отрезал он. — Я понял все в тот самый миг, когда мы сюда вернулись, хотя и не знаю, как донесу это до сведения нашего старого морячка Папая. Нас обвели вокруг пальца, вот что! Одурачили, как младенцев! Ух как я зол... Неужели вы не понимаете: девчонка — сообщница нашего вора! Они сговорились, она разыграла обморок и якобы в бреду звала меня. Уже одно это должно было нас насторожить...

— А вам не кажется, что ее рана была настоящей?

— Конечно нет. Однажды я где-то уже читал такое. Один тип внезапно стал издавать странные звуки, и у него случился приступ каталепсии. Пока доктор возился с ним, дружки этого типа обчистили дом доктора. Еще, помню, когда читал, то подумал, что в жизни никто не клюнет на такой дешевый трюк, однако с нами у них получилось! Да, а сами-то вы что написали? Помните ваш роман «Аконит в адмиралтействе»? Там ваш детектив — как бишь его? — попадает в шикарную квартиру главара шайки преступников на Даунинг-стрит, а потом все решило, будто его проткнули отравленной иглой...

— Литература — это одно, — не согласился Морган, — а жизнь — совсем другое. Если принять вашу версию, тогда придется допустить, что вор все время следил за нами, знал, где мы находимся и что делаем. А какой ему смысл постоянно следить за нашими передвижениями? Он знал, что мы обязательно затащим девушку в одну из двух кают, так что это не сильно облегчало ему задачу. А старина Уистлер лишь по чистой случайности заглянул к вам, и мы убежали, оставив без охраны место действия.

Пегги также отказывалась верить в подобный ход событий. Уоррен извлек из кармана отсыревшую пачку

сигарет; они с Пегги закурили, а Морган набил трубку. Пегги яростно затягивалась и резко, толчками выпускала дым.

— Послушайте, — заявила она, — но теперь-то все должно быть проще некуда, верно? Они допустили грубую ошибку. Мы ведь обязательно опознаем ту девицу, когда увидим ее снова! Тут-то они и попались. По-моему, она не притворялась, никакого маскарада! На ней даже косметики почти никакой не было! Кстати... где моя пудреница? Керт, дайте ее сюда... Ну и вид у меня! Все равно мы ее не упустим. Она ведь по-прежнему на корабле.

— Вы уверены? — спросил Морган. — Я — нет.

Уоррен, который все это время безуспешно пытался что-то сказать, поднял глаза и увидел, какое странное выражение застыло на лицах его товарищей. Он вытащил сигарету из рта.

— Что... о чем вы, генерал?

— В одном Пегги права. Если та девушка — сообщница преступника, значит, нам будет легко их поймать, даже слишком легко. С другой стороны, если девушка пыталась вас предостеречь... Да я знаю, знаю, что вы с ней незнакомы, но давайте предположим, что так все и было... А наш преступник незаметно прокрался за ней... Ему показалось, что он заставил ее замолчать. Однако он ее не убил. Тогда...

Ветер утих, и стало слышно перекрывающее скрип переборки мерное гудение двигателей; волнение утихало, и «Королева Виктория», измученная ночным штормом, шла почти плавно. Все немного успокоились; однако нервное напряжение не уменьшилось. Когда дверь со скрипом отворилась и в каюту ввалился капитан Валвик со списком пассажиров в одной руке и квартой «Старого Роба Роя» в другой, Пегги так и подскочила на месте.

— Я же скасал, шшто вернусь через минуту, — радостно объявил Валвик. — Найти иллюминаторы пыло нетрутно, и я прочел номера кают. Отна каюта номер 51, а трукая — 46. Я потумал... Эй! — удивился он, заметив вытянувшиеся лица друзей. — Шшто с фами, а?

— Ничего, — откликнулся Морган. — По крайней мере, сейчас. Успокойтесь. Вы хотели выяснить — вот и

выясните для начала, кто занимает эти каюты, а потом мы сможем продолжить.

Резко взмахнув головой, Пегги взяла список пассажиров. Она хотела было что-то сказать, но передумала; встала с койки и пересела на диванчик. Капитан Валвик, не прекращая болтать, помог Уоррену достать с полки стаканы и разлил всем виски. Друзья украдкой косились на Моргана. Писатель уже пожалел, что так запугал их. Слишком уж яркая получилась страшилка... Он закурил трубку. Пегги под монотонное гудение мотора изучала список.

— Ну что? — поинтересовался Уоррен.

— Погодите немножко. На это требуется время... Хм... Гар... Гран... Галден... Гаррис... так... Хупер, Айзекс... нет, Джарвис, Джером... Послушайте, надеюсь, я его не пропустила; Джестон, дальше на «К»: Кедлер, Кеннеди... Здравствуйте! — Она выдохнула струйку дыма и посмотрела на них расширенными глазами. — Какой там номер, капитан? Сорок шестой? Вот это да! Нашла. «Сорок шесть — Кайл, доктор Оливер Харрисон Кайл»! Подумать только! В одной из этих кают живет доктор Кайл!

Уоррен присвистнул.

— Ничего себе! Кайл? Вот так номер! — Молодой дипломат с силой треснул кулаком по переборке. — Господи! Ведь этот Кайл — один из подозреваемых! Да, да! Теперь мне все ясно! Наш вор переоделся в него...

Морган с трудом утихомирил расхोлившегося Уоррена. Тот был уже, несомненно, убежден в том, что вор и любитель бить людей дубинкой по голове не мог прикинуться никем иным, кроме как известным врачом с Харли-стрит. Логика у него была железная: чем более rispetабельно выглядит человек, тем вероятнее, что на самом деле он подлый убийца. В подтверждение Уоррен привел примеры из избранных сочинений Генри Моргана, в которых преступниками оказывались (соответственно) адмирал, садовник, разводящий розы, инвалид и архидиакон. Пегги возразила, что такое случается только в детективных романах, однако Морган встал на сторону Уоррена.

— Тут-то вы и ошибаетесь, старушка, — заявил он. — Именно в реальной жизни воры и убийцы сплошь и рядом рядятся в платье почтенных граждан. Только вы видите их не в том месте — на скамье подсудимых. Для вас он — убийца, а для соседей — почтенный прихожанин, живущий в доме номер 13 по Лабернэм-Гроув. Вспомните самых известных преступников нашего века, и окажется, что почти все они пользовались особым уважением у приходского священника. Констанс Кент, доктор Причард, Кристина Эдмундс, доктор Лэмсон, доктор Криппен...

— И почти все — доктора! — вскричал Уоррен, на которого словно снизошло вдохновение. Он мрачно покачал головой, словно сокрушаясь неискоренимой тяге медиков к душегубству. — Видите, Пегги? Хэнк прав.

— Не будьте ослом, — посоветовал Морган. — Прекратите считать доктора Кайла вором, ясно? Он — очень известная фигура... Кстати, выкиньте из головы нелепую мысль, будто кто-то в состоянии изображать Кайла, в то время как настоящий доктор мертв. Злоумышленник еще может выдать себя за человека, который редко появляется в обществе, но с такой известной личностью, как знаменитый врач-психиатр, номер не пройдет... Продолжайте, Пегги. Скажите, кто занимает 51-ю каюту, и на этом закончим лирику, займемся делом.

Она наморщила лоб:

— Нашла... Знаете, как странно? В каюте номер 51 живут мистер и миссис Лесли Перригор. Вот это да!

— Что же здесь странного? Кто они такие?

— Помните, я рассказывала об очень-очень умном высоколобом критике, который тоже плывет в Европу на нашем корабле? Он написал кучу восторженных статей о гениальности дяди Жюля. Я очень хочу, чтобы завтрашнее представление состоялось — не только ради детишек, которые хотят посмотреть битву рыцарей с маврами, но и ради него!

— А! Так это и есть Перригор?

— Да. И он, и его жена — большие эстеты. Он сочиняет заумные стихи — знаете, такие, которые невозможно понять, в основном о душе, которая похожа на сломанные перила и все такое. Еще он возомнил себя театральным

критиком, хотя в его статьях смысла не больше, чем в стихах. Во всяком случае, я их не понимаю. Но сам Перригор считает, что настоящими драматургами можно назвать только французов. Утверждает, что дядя Жюль — единственный классик со времен Мольера. Может, он вам попался на глаза? Такой высокий, худой тип с зализанными светлыми волосами, а его жена ходит с моноклем. — Пегги хихикнула. — Они каждое утро делают по двести кругов по верхней палубе и никогда не разговаривают друг с другом. Представляете?

Морган хмыкнул, припомнив вчерашний обед.

— О да. Но я понятия не имел, что вы с ними знакомы. Если этот тип написал кучу хвалебных статей про вашего дядю...

— Да не знакома я с ними. — Пегги изумленно раскрыла глаза. — Видите ли, они англичане. Англичане могут посвятить вам целые тома, подробно обсудить все ваши сильные и слабые стороны, однако даже не здороваются с вами, пока не будут должным образом представлены.

Весь разговор велся через голову доброго капитана Валвика, который все больше беспокоился и издавал из-под усов такие звуки, словно пытался пробиться через запертую дверь.

— Я раслил виски, — наконец снизошел он. — А фы толейте сотовой. Мы решили, шшто путем телать? Меш-ту прочим, пора и спать.

— Я скажу вам, что мы сделаем, — проговорил с жаром Уоррен, — надо в общих чертах набросать план сражения. Завтра утром прочешем корабль в поисках девушки, которая разыграла тут обморок. Она — единственная ниточка, какая у нас есть, и мы будем искать ее так же рьяно, как Уистлер — изумруды. То есть... — Он резко обернулся: — Хэнк, объясните, пожалуйста. Когда вы высказывали ваше предположение, вы просто хотели нас напугать или говорили серьезно?

Очевидно, этот вопрос все время вертелся у него в подсознании, но ему не хотелось думать об этом. Уоррен стиснул руки. Наступило молчание. Пегги отложила в сторону список пассажиров и тоже посмотрела на Моргана.

— Шшто са претполошение? — спросил капитан Валвик.

— Странная вещь, — отозвался Морган. — Нам не хочется, чтобы наш забавный фарс обернулся чем-то другим... Но зачем, по-вашему, перестелили белье и поменяли полотенце?

— Сдаемся, — спокойно сказал Уоррен. — Так зачем?

— Затем, что после... после того, как мы видели девушку, там могло быть еще больше крови. А теперь помолчите.

Наступила тишина. Морган слышал, как воздух со свистом вырывается из ноздрей капитана Валвика. Уоррен вскочил с места; мгновение он рассматривал койку, а затем начал в бешенстве расшвыривать простыни.

Каюта легонько заскрипела...

— Возможно, вы ошибаетесь, — произнес Уоррен, — и я надеюсь, что вы ошибаетесь. Не верю, что такое возможно. Вряд ли! Подушка... пододеяльник... одеяло... простыня... Все в порядке. Смотрите. — Он схватил белье в охапку. Ну и странный был у него вид в тот момент — волосы всклокочены, рукава рубашки подвернуты; коричневое одеяло и ворох белья почти закрывали его. — Посмотрите, черт вас возьми! Все в порядке! Чем вы пытаетесь нас запугать? Смотрите, вот простыня... Погодите-ка!

— Снимите ее, — приказал Морган, — и осмотрите матрас. Мне не меньше вашего хочется, чтобы я оказался не прав.

Пегги бросила беглый взгляд на койку и тут же отвернулась; лицо у нее побелело. Морган подошел к Уоррену и Валвику. К горлу у него снова подступил ком. Нижнее одеяло было аккуратно расправлено; однако кровь успела туда просочиться. Сдернув одеяло, они увидели, что бело-голубые полосы матраса почти неразличимы под огромным коричневым пятном.

— Неужели это... — Морган сделал глубокую затяжку. — Это...

— О та. Это кровь, — констатировал капитан Валвик.

Стало так тихо, что Моргану показалось, будто он услышит даже отсюда, как бьют склянки. Теперь корабль шел почти ровно, лишь снизу, из машинного отделения,

доносилось мерное урчание мотора, да слегка дрожали стеклянные стаканы. Морган представил себе, как девушка с бледным лицом и классическими чертами лежит без сознания; над нею горит тусклый ночник. И тут открывается дверь, кто-то входит...

— Но что с ней случилось? Где она сейчас? — тихо спросил Уоррен. — Кстати... — опомнился он, — от удара дубинкой столько крови не бывает...

— Да и зачем ему вообще убивать ее? — задала вопрос Пегги, с трудом сдерживаясь, чтобы не закричать. — Просто нелепость! Ни за что не поверю! Вы меня пугаете! И... и потом, откуда он добыл чистое постельное белье? Где она и зачем... Да нет, вы ведь просто пугаете меня, да?

— Спокойно, детка! — Уоррен, не сводя взгляда с койки, крепко сжал ее руку. — Не знаю, зачем он это сделал и на что рассчитывал, когда перестилал постель. Но лучше все снова застелить.

Осторожно поместив трубку на край дрожащего умывальника, Морган подавил отвращение и склонился над койкой. Пятна крови были еще влажные; он старался не прикасаться к ним. Морган был напряжен, словно натянутая струна, но мозг его работал четко, как часы; такое бывает по утрам, сразу после пробуждения, когда все чувства еще притуплены... Он почти не удивился, когда услышал, как между матрасом и переборкой что-то звякнуло. Обмотав руку уголком простыни, Морган пошарил на полу...

— Лучше не смотрите сюда, старушка, — предупредил он после паузы. — Красивого тут мало.

Прикрыв находку своим телом, так чтобы ее мог видеть только капитан Валвик, Морган осторожно вытащил руку из-под койки. На ладони у него лежала опасная бритва — прямая, старомодная и закрытая, хотя было видно, что совсем недавно ею пользовались. Она была немного больше обычного размера, искусной и хрупкой работы, с ручкой такой причудливой формы, что Морган отер с нее кровь, чтобы рассмотреть получше.

Рукоятка оказалась выточена из материала, похожего на черное дерево, и с одной стороны украшенная тонкими серебряными пластинками и белым фарфором. Вначале Морган решил, что на рукоятке — замысловатая

табличка с именем, но, оттерев кровь, увидел, что там изображена мужская фигурка в полный рост, размером дюйма в три, а под ней крошечная пластинка, на которой написано слово «Воскресенье».

— Я снаю, — заявил капитан Валвик, посмотрев на бритву. — Она ис напора — семь штук, по отной на каштый тень нетели. Я такие уше фител раньше. Но шшто там са фикурка, похоше на шелофека?

Тонкая фигурка, выполненная в серебряном, черном и белом цветах, оттенялась забавным полосатым средневековым костюмом, вызвавшим у Моргана неясные ассоциации с гравюрами Доре. Хирург, врач... Нет! Цирюльник! В кулаке фигурка сжимала бритву. Но особенно нелепо выглядела голова фигурки, напоминающая череп, с повязкой на глазах. Так что цирюльник был...

— Слепой, — объявил Уоррен, смотрящий через его плечо. — Уберите ее, Хэнк! Спрячьте! Слепой... смерть... цирюльник... воскресенье... конец недели. Кто-то воспользовался бритвой, потом потерял или забыл ее здесь. Уберите! Вот, выпейте.

Морган посмотрел на зловещую, выпачканную кровью композицию. Перевел взгляд на дверь, затем на выкрашенное в белый цвет основание койки, смятые в комок простыни и запятнанное кровью одеяло. Снова попытался представить девушку в желтом платье, лежащую на койке при слабом свете ночника. Тихо открывается дверь... Так кто же эта девушка и где она сейчас, наверное завернутая в окровавленные простыни, которые были здесь прежде? До дна моря пять миль. Тело, скорее всего, никогда не найдут. Морган обернулся к друзьям.

— Да, — сказал он, — сегодня ночью здесь побывал Слепой Цирюльник.

Глава 9

НА СВЕЖУЮ ГОЛОВУ

Когда стрелки на циферблате походного будильника Моргана, стоящего в изголовье его койки, показали половину девятого, он очнулся от крепкого сна. А разбудили

его звуки немзыкального баритона, фальшивившего во всю мочь. Кто-то горланил популярную песенку «Дом на гребне волны». Видимо, из-за этого мерзкого голоса Моргану перед пробуждением виделись кошмары. Он открыл глаза, услышал в коридоре бодрый, резкий и неприятный гонг, зовущий на завтрак, и вспомнил, где находится.

Утро вселяло надежды на лучшее. Его каюту, выходящую на шлюпочную палубу, заливало солнце; иллюминатор был открыт, и теплый морской ветерок с солоноватым привкусом раздувал занавеску. Снова вернулся пьянящий май. В стекле иллюминатора отражалась искрящаяся на солнце вода. «Королева Виктория» спокойно вспарывала водную гладь. Морган глубоко вздохнул, ощущая душевный подъем и огромное желание съесть яичницу с беконом. Потом кто-то бросил в него ботинком, и он понял, что в его каюте находится Уоррен.

Уоррен сидел наискосок от него, на диванчике под иллюминатором, и курил сигарету. На нем был белый фланелевый костюм, легкомысленная синяя куртка и галстук игривой расцветки. Бурно проведенная ночь никак не отразилась на его внешности; не было заметно и особой подавленности. Волосы Уоррена, не заклеенные лейкопластырем, снова были гладко зачесаны назад. Увидев, что Морган проснулся, он небрежно ему козырнул:

— Как дела, генерал? Вставайте же! Смотрите, какое прекрасное утро! Даже наш старый морской жук, капитан, наверное, сегодня будет в хорошем расположении духа. Все сраженные морской болезнью понемногу выползают из своих нор и говорят, что, пожалуй, съедят чего-нибудь — совсем немножечко. А-ах! — Он сделал глубокий вздох, выгнул грудь, заколотил по ней кулаками, а потом с ангельским добродушием поклонился. — Умывайтесь и спускайтесь завтракать. Сегодня важное утро в жизни нескольких человек, включая капитана Уистлера.

— Верно, — согласился Морган. — Займитесь чем-нибудь, пока я приму ванну и оденусь. Держу пари, весь корабль гудит от слухов по поводу событий прошедшей ночи? Насколько я помню, мы изрядно пошумели на палубе.

Уоррен ухмыльнулся:

— Это точно. Не знаю, как такое происходит, но на этих морских лоханках существует своего рода беспроволочный телеграф — все всегда всё узнают, пусть даже и в несколько искаженном виде. Однако до сих пор я успел услышать всего две версии случившегося. Когда я утром вышел из каюты, то оказался свидетелем того, как старушка из 310-й скандалила со стюардессой. Она буквально рвала и метала. Уверяла, будто шестеро пьяных матросов всю ночь голосили у ее иллюминатора и жутко спорили насчет жирафа; она даже собралась пожаловаться капитану. Еще я повстречал на прогулочной палубе двух священнослужителей — они совершали утренний моцион. Один из них рассказывал другому какую-то очень запутанную историю — я почти ничего не понял. По его мнению, дело в том, что у нас в трюме находится секретный груз — клетки с хищниками, но капитан и команда скрывают это, чтобы не тревожить пассажиров. Вчера ночью, в шторм, клетки открылись и бенгальский тигр чуть было не выбрался на свободу, хорошо, моряк по кличке Старый Морж загнал его обратно в клетку. Причем вооружен отважный Старый Морж был только бутылкой из-под виски. Настоящий храбрец, добавил рассказчик, хотя ругался он просто ужасно.

— Ох, да перестаньте! — взмолился пораженный Морган.

— Вы мне не верите, а это абсолютная правда! — пылко заверил его собеседник. Лицо его слегка омрачилось. — Послушайте, Хэнк. Вы... больше ничего не придумали по... ну, по тому, другому делу?

— Фильму?

— Да к черту фильм! Буду с вами откровенен. Так или иначе мы его вернем. Нет, я имел в виду... ну, вы понимаете, то, другое. Прямо мороз по коже! Если бы не... кое-что да не желание, когда я схвачу подлую мерзкую вонючку...

— Прекратите, — попросил Морган.

В дверь постучал стюард и сообщил, что ванна готова, как обычно. Морган облачился в халат и вышел в продуваемый ветерком коридор. Проходя мимо двери, веду-

щей на палубу, он осторожно приоткрыл ее, высунул голову и полной грудью вдохнул свежий утренний воздух. Его обдуло теплым ветерком. На горизонте вставало солнце, окруженное длинными розовато-белыми лентами облаков. Море переливалось из зеленого в темно-серый цвет, кое-где белели барашки волн. Писатель посмотрел вперед, на нос корабля, то высоко вздымающийся вверх, то падающий вниз, на сияющие белизной каюты, на красножерлые дымовые трубы и медные ободки иллюминаторов, буквально горящие на солнце. Потом услышал, как монотонно разбиваются о нос корабля волны, как плещет за бортом вода, и понял, что это хорошо. Все хорошо. В эту минуту он даже испытал мимолетный прилив нежности к капитану Уистлеру. Бедняга! Сейчас он, наверное, прикладывает к глазу сырое мясо и вздыхает, так как не в состоянии спуститься к завтраку. Старый добрый капитан Уистлер! Моргану даже пришла дикая мысль: отправиться всем вместе к капитану и поговорить с ним по-мужски. «Послушайте, капитан, нам очень стыдно, но это мы вчера ночью подбили вам глаз и подбросили на палубу бутылку из-под виски. Извините нас, пожалуйста. Давайте все забудем и станем друзьями. Хорошо?» Но по здравом размышлении понял, что даже все добрые предзнаменования сегодняшнего утра не в состоянии сдержать гнева Уистлера. Вряд ли после такого признания он согласится стать их другом. Он еще немного постоял, вдыхая утренние ароматы и радостно предвкушая, как высадится на берег в Англии, увидит свою жену Мадлен, которая встретит его в Саутгемптоне. Помечтал об отпуске в Париже, куда они отправятся на деньги, которые ему удалось выудить у американских издателей, о маленьком белом отеле возле Эколь-Милитэр, где в фонтане посреди сада, мощенного гравием, плавают угри, и о многих других вещах, не связанных с данным повествованием.

Но пока Морган принимал ванну и брился, настроение его несколько испортилось, так как он вспомнил и о грядущих неприятностях. Морган до сих пор испытывал потрясение от ужасной находки — нелепой бритвы под койкой — и, казалось, все еще ощущал на пальцах кровь,

которой был отмечен путь Слепого Цирюльника. На совещании, продолжавшемся почти до четырех утра, друзья попытались решить, как же им лучше всего поступить.

Уоррен и Валвик, как всегда, предпочитали действовать прямо. Последний считал, что лучше всего будет пойти прямо к Уистлеру, прихватив бритву, и сказать: «Ну, старый дурень, видите? Если считаете меня сумасшедшим, то что вы скажете вот на это?» Морган и Пегги не соглашались с ним. Они заявили, что это вопрос психологии и следует учитывать настроение капитана. При его теперешнем возбужденном состоянии, говорили они, ему можно с таким же успехом заявить, что по возвращении в свою каюту Уоррен увидел там парочку бизонов, которые паслись среди мебели. Так что лучше подождать. Утром Уистлер начнет расследование, обнаружит исчезновение одной из пассажирок, а уж тогда можно будет к нему подойти. В конце концов на том и порешили.

После того как бритва надежно упокоилась в чемодане писателя, а койку застелили на случай, если вдруг проявит любопытство стюард, Морган, одеваясь, обсудил с Уорреном дальнейший план действий, при этом сознательно воздерживаясь от обсуждения убийства, которое якобы произошло прошлой ночью. Ведь существовали более насущные вещи. Например, скоро весь корабль загудит о находке утраченного изумрудного слона. А вот когда с микроскопического мозга капитана свалится этот груз, можно будет снова осторожненько попытаться убедить его, что ночью кому-то перерезали горло. И только потом им предстоит настоящая дуэль со Слепым Цирюльником.

— Вот что мне не терпится узнать, — заявил Уоррен, когда они спускались в ресторан, — кто же нашел изумруд: доктор Кайл или Перригоры? Я все еще подозреваю...

— Врача? — спросил Морган. — Чушь! Но и мне хотелось бы взглянуть на доктора Кайла, лишенного его обычной невозмутимости. О боги! Вы были правы. Корабль просыпается. Сегодня утром список больных стре-

нительно сокращается. Посмотрите, сколько здесь детишек. Если старый Жюль Фортинбрас привыкнет к морской качке...

Ресторанный зал, залитый солнечным светом, наполнился гулом голосов, нетерпеливым звоном ножей и вилок. Сияющие стюарды носились по залу с подносами. На завтрак в ранний час — было полдевятого утра — спустилось больше народу, чем обедало вчера вечером. Но за капитанским столом восседала лишь одинокая фигура доктора Кайла, усердно уминающего яичницу со скоростью, которой могли бы позавидовать герои романов Вальтера Скотта, славившиеся своим обжорством.

— Доброе утро! — обернувшись к ним, поздоровался доктор Кайл с неожиданной приветливостью. — Славный денек, славный денек. Доброе утро, мистер Уоррен. Доброе утро, мистер Морган. Садитесь.

Заговорщики, переглянувшись, сделали вид, будто ничего не происходит. До сих пор доктор Кайл бывал с ними безукоризненно вежлив, однако вряд ли интересовался ими или питал склонность к общению. Он производил впечатление человека вполне довольного собственным обществом. За столом обычно восседала плотная ширококостная фигура в черном, с тщательно зачесанными седеющими волосами и складками, залегшими по обе стороны носа. А ел доктор так сосредоточенно, словно делал операцию. Сегодня же вид у него был почти вульгарный. На нем был твидовый костюм с полосатым галстуком, его кустистые брови не казались такими уж мефистофельскими, когда он широким жестом пригласил их к столу. Возможно, решил Морган, на него действует погода...

— Д-доброе утро, сэр, — запинаясь, поздоровался Уоррен, сядя на свое место. — Да, утро в самом деле славное! А... вы хорошо выспались?

— Спал как бр-ревню, — радостно закивал доктор. — Однако, — поправился он, — не скажу, что бр-ревню — лучшее слово для такого сравнения. Точнее, насколько я помню из детства, с бр-ревнями принято сравнивать сидячий образ жизни. Тем не менее на свете возможно все. Стюард, еще яичницы с беконом!

Между прочим, это было первое утро, когда доктор Кайл произносил полностью раскатистое «р», на шотландский манер. Он благожелательно посмотрел на них и на зеленое море, плясавшее за стеклом иллюминатора.

— Я хочу вас спросить, — продолжал Уоррен, с любопытством глядя на доктора Кайла, — вы не... то есть, когда вы проснулись, все было в порядке, не так ли?

— Все было пр-рекрасно, — заверил его доктор Кайл. Но, замолчав, задумчиво сдвинул брови. — А! Вы, наверное, имеете в виду шум, который поднялся ночью?

— Шум? — удивился Морган. — А разве кто-то шумел?

Доктор хитро подмигнул, отчего Моргану стало не по себе.

— Понимаю, понимаю. Вы ничего не слышали, верно? Что ж, лично меня шум не побеспокоил, мистер Мор-рган; я услышал только отбор-рную бр-рань на палубе. Но утр-ром узнал, как все пр-оизошло, от одной знакомой — за истинность ее слов не пор-ручусь, знаете ли...

— И что же произошло?

— Изнасилование, — кратко сообщил доктор и вдруг снова подмигнул в потрясающе вульгарной манере.

— Изнасилование? — переспросил Морган. Существуют слова, обладающие загадочной, телепатической силой. Хотя шум в ресторане царил неимоверный, несколько голов тут же повернулось в его направлении. — Изнасилование? Господи! Кого же изнасиловали?

— Не знаю, — хихикнул доктор Кайл. — Как бы там ни было, моя инфор-рматорша отчетливо слышала, как кр-ричала девушка, когда на нее напали. Моя инфор-рматорша заявила, что мер-рзавец отвлек внимание девушки р-рассказами о том, как он охотился на хищников в Афр-рике. Потом пр-редложил ей изумр-рудную бр-рошь, стоящую целое состояние. Когда же она отвер-ргла его подлые пр-ритязания, удар-рил ее по голове бутылкой из-под виски...

— Великий Цезарь! — воскликнул Уоррен; глаза его от удивления вылезли из орбит. — А скажите... не называли ли в связи с этим делом каких-либо имен?

— Моя информаторша не делала из этого секрета, — философски отвечал доктор Кайл. — Она сказала, что р-распутный негодяй и соблазнитель — либо капитан Уистлер, либо лор-рд Стэртон.

— И эта женщина уже успела разнести слух по всему кораблю? — поинтересовался Морган.

— Если еще не успела, то непременно р-разнесет, — кивнул доктор Кайл. — Непременно.

Пока Морган и Уоррен уничтожали завтрак, доктор Кайл продолжал благожелательно говорить. Интересно, подумал Морган, какова будет окончательная версия произошедшего ночью на «Королеве Виктории»? Очевидно, доктор Кайл никаких изумрудов не нашел. Значит, остаются лишь каменнолицый мистер Перригор и его жена в монокле. Так... Рядом с его тарелкой лежала миниатюрная корабельная газета. Глотая кофе, он небрежно просмотрел местные новости и перешел к большой статье на последней странице — очевидно, критическому обзору или эссе. И вдруг остановился, принялся перечитывать ее снова. Статья была озаглавлена «Ренессанс театра» и снабжена подзаголовком: «Лесли Перригор, перепечатано с разрешения автора из «Санди таймс» от 25 октября 1932 года».

«...Пронзительные звуки божественных арф (так плавно начинался этот неудержимый поток слов), по огульному утверждению одного старого критика, так тонки, неуловимы и ускользают от понимания, что заставляют вспомнить Бернхардта. Возможно, вы скажете: «Неужели старина Перригор тронулся рассудком?» Однако как еще я могу отозваться о спектакле в театре марионеток Жюля Фортиnbrаса, ради которого и предпринял путешествие в Сохо? Как однажды Бальзак сказал Виктору Гюго: «Je suis étonné, sale chameau, je suis bouleversé»¹. (Хотя Мольер, должно быть, выразился бы изящнее.) В двух словах, дабы скорее развеять сомнения бедной британской публики, я могу назвать спектакль потрясающим, но, по-моему, слова и оценки тут излишни... Стоит

¹ Я удивлен, мерзкий верблюд, я потрясен (*фр.*).

отправиться в Сохо лишь ради великолепных тонких, разных монологов, произносимых от лица Карла Великого и Роланда! Невольно на ум приходит пятый акт корнелевской «Бороды»... Помните? Помните? Монолог, произносимый Аморетт Перно, начинается со слов: «Mon âme est un fromage qui souffle dans les forêts mystérieuses de la nuit...»¹ Упомянуть ли мне о тонком юморе? Отдельные реплики персонажей маленького театра марионеток в Сохо приближаются к таким перлам самого Мольера, как, скажем, «Pour moi, j'aime bien les saucissons, parce qu'ils ne parlent pas français...»².

— Что все это значит? — осведомился Уоррен, также читающий статью. При этом он испускал странные свистящие звуки, скорее напоминавшие завывания души Аморетт Перно. — Читали словесный понос на последней странице? Это и есть наш Перригор?

— Боюсь, — заметил Морган, — вы не слишком высокого мнения о его образованности. Если уж начали цитировать самого Мольера... Помните, что говорила Химена Тартюфу? «Чушь»! И все же вам придется зауважать культуру, старина. Перечтите статью еще раз очень внимательно. Если встретите непонятное слово, спросите меня. Потому что... — Он осекся, так как доктор Кайл уже доел последнюю порцию яичницы с беконом и стал подниматься из-за стола.

На прощание доктор Кайл пожелал им доброго утра и отплыл, присовокупив, что не прочь сыграть на палубе в теннис. В общем, он был так доволен собой, что Морган заметил: подозрения Уоррена насчет Кайла ожили вновь и стали еще мрачнее.

— Верьте ему больше! — зловеще прошипел Уоррен, опасно размахивая вилкой. — Он только так говорит, будто не нашел никаких изумрудов, когда проснулся сегодня утром...

— Да оставьте вы в покое доктора Кайла! — воскликнул Морган, доведенный до белого каления. — Он аб-

¹ Душа моя блуждает в загадочных тенетах ночи... (фр.)

² Что до меня, то я обожаю сосиски, потому что они не говорят по-французски... (фр.)

солютно ни при чем, изумруды явно попали в другую каюту, вот и все. Послушайте лучше меня...

Однако тут ему стало не по себе. Доктор Кайл изумруда не нашел. Прекрасно. А что, если его не нашли и Перригоры? Предположение нелепое, абсурдное, и все же... Если допустить, что доктор и Перригоры не лукавят, то куда мог подеваться изумруд? Не заметить его они не могли, да он и сам слышал, как стальная коробка упала на пол. Если, опять же, никто не лукавит... Возможно, Пегги перепутала каюты? Но в этом он сомневался. Чопорное личико девушки светилось проницательностью и уверенностью. Ладно... А если все произошло не так? Значит, они имеют дело с очередной проделкой Слепого Цирюльника. Скорее всего, во время странных событий на палубе он был неподалеку, совсем рядом. И увидел, что произошло. А позже, ночью, ему не составило труда забрать изумруд...

В раздражении Морган приказал себе не уподобляться Уоррену. Тем временем молодой дипломат, видя, что его собеседник молчит, продолжал страстно что-то говорить, и чем дальше, тем больше убеждал самого себя, так что образ доктора Кайла понемногу окрашивался во все более черные и мрачные тона. Морган отмахивался: «Чушь!» — и снова убеждал себя, что сомневаться нет причин. Изумруд нашли Перригоры, только и всего. Однако его грызла досада. Надо было раньше подумать о присутствии некоей третьей силы, а именно Слепого Цирюльника. Если в конце концов окажется, что супруги-эстеты изумруда не нашли...

— Вот что нам необходимо сделать, — заявил он, прервав пылкие излияния друга на полуслове. — Нам нужно каким-то образом задать Кайлу несколько вопросов — тактично выяснить, чутко ли он спит и запирается ли на ночь...

— Вот теперь вы выказываете некоторый здравый смысл, — одобрил Уоррен. — Уличим его во лжи, да? Кстати, я не утверждаю, что именно он окажется нашим... мм... цирюльником. Ему чудом, можно сказать дуриком, достался изумруд стоимостью в пятьдесят тысяч, и он считает себя самым умным... А вы заметили,

как он оживился? Даже передал дикую сплетню. Он ведь знает наверняка — дело настолько запуталось, что никто не сможет обвинить...

— Прочтите эту статью в газете, — приказал Морган, безжалостно хлопая по газете рукой. — Нам придется познакомиться с Перригорами, даже если они окажутся ложным следом; а вам необходимо умно рассуждать о нюансах! Где вы вообще учились? Вы ведь, кажется, находитесь на дипломатической или консульской службе? Разве вам не нужно было учить французский язык? — Он надеялся, что его саркастическое замечание уязвит Уоррена.

Так оно и вышло. Молодой дипломат обиделся.

— Разумеется, я знаю французский, — с холодным достоинством парировал он. — Слушайте. Мне пришлось сдавать самый суровый экзамен, какой они только сумели выдумать, и я вам докажу. Да-да; спорим, вы сами такой экзамен нипочем не сдадите. Только я делал упор на коммерческую лексику. Спросите меня что-нибудь на деловом французском. Давайте-давайте, спросите, как будет по-французски: «Дорогой сэр, в ответ на ваше письмо от восемнадцатого текущего месяца прилагаю вексель и счет в размере шестнадцати долларов (фунтов, франков, марок, лир, рублей, копеек или крон) и сорока пяти центов (шиллингов, сантимов, пфеннигов)...»

— Так какие же тогда у вас могут быть трудности?

— Говорю вам, это совершенно разные вещи. Кроме делового французского, я помню несколько фраз, выученных в начальной школе. Знаю, как попросить в магазине шляпу, которая мне подходит, знаю, как узнать дорогу, если у меня возникнет страстное желание выйти на улицу и отправиться в Ботанический сад. Однако у меня никогда не возникало ни малейшего желания посетить Ботанический сад; и поверьте мне, если в Париже я попаду в шляпную лавку, ни один пучеглазый лягушатник не сможет всучить мне блин, налезавший на глаза... Кроме того, моему разговорному стилю изрядно мешает отсутствие сестры-пастушки.

— Вот это да! — воскликнул Морган, не слушавший его. — Начинается. Молодчина! Она обо всем позаботилась...

По широкой полированной лестнице в ресторан спу-
скались высокие, величественные мистер и миссис Лес-
ли Перригор. Оба ухоженные и холеные, они шли в ногу.
А между ними, о чем-то серьезно рассуждая, шагала Пег-
ги Гленн.

Пегги была лишь на чуточку выше плеча миссис Пер-
ригор. Очевидно, для придания себе более интеллектуаль-
ного вида, она надела очки в черепаховой оправе и обиль-
но наложила на лицо косметику. На ней было пестрое
шелковое платье — кажется, подумал Морган, такой стиль
называется «батик». Пегги оживленно беседовала с мис-
сис Перригор. Морган ждал, что, спустившись, Пегги рас-
прощается с новыми знакомыми и направится к их столи-
ку. Однако ничего подобного не произошло. Она почти
незаметно подмигнула Моргану, впрочем, он не был уве-
рен, что действительно подмигнула. Затем вместе с Пер-
ригорами направилась к их столику.

Уоррен удивленно пробормотал что-то себе под нос.
Но тут друзья заметили кое-кого еще. Почти следом за
Перригорами и Пегги по лестнице, шаркая ногами, спу-
скался капитан Валвик. Его рыжие волосы были гладко
зачесаны, а веснушчатое лицо наморщилось, так как он
напряженно слушал своего собеседника. Собеседником
же старого шкипера был не кто иной, как мистер Чарльз
Вудкок. Мистер Вудкок, который непринужденно пред-
ставлялся как Тараканья Смерть, выглядел возбужден-
ным. Его тщедушная фигурка словно подпрыгивала и из-
вивалась. Однако, совершая все эти телодвижения, он
не сводил взгляда с лица собеседника, одновременно оглу-
шая его неудержимым потоком слов. Вдобавок у него
была скверная привычка доверительно понижать голос.

— Что задумал Валвик? — любопытствовал Уор-
рен. — Кажется, все союзники от нас откололись. А вы
заметили, ведь раньше наш скандинав всегда избегал
Вудкока? Потому что оба они — известные болтуны.
Оказавшись вместе, они становятся похожими на пароч-
ку лесных пожаров! Ну а теперь смотрите, наш шкипер
кроток, как ягненок. Интересно, что у него на уме?

Морган не знал, но предположил, что мистер Вудкок
рассказывает Валвику свою версию событий прошлой

ночи. Если уж такой консервативный пресвитерианин, как доктор Оливер Харрисон Кайл, решил, что ночью на «Королеве Виктории» произошло изнасилование, страшно даже подумать, какие события предстанут перед гибким и изменчивым воображением Тараканьей Смерти. Ресторан стремительно заполнялся пассажирами, наполнился радостным гулом и криками людей, обретших свободу, но зычный голос Вудкока перекрывал все шумы.

— Ладно, старичок, — заявил он напоследок. — Не забудьте передать мою просьбу вашим друзьям! — И, дружески хлопнув капитана Валвика по спине, зашагал к своему столику.

Валвик с озадаченным выражением на лице неуклюже двинулся к ним. Радостно поздоровавшись с друзьями, он положил руки на спинку стула и выдавил из себя одно лишь слово:

— Русалка!

Морган зажмурился.

— Не надо, — сказал он. — Ради Христа, перестаньте! Хватит. Если кто-нибудь скажет, будто капитан Уистлер прошлой ночью гонялся по палубе за русалкой, я за себя не ручаюсь. Не говорите этого! Я больше не вынесу!

— А? — спросил Валвик, уставившись на него. — Шшто такое? Никокта не слыхал ничефо потопнофо, хотя отнашты отин матрос уферял, шшто фител русалку. Это исопретение мистера Футкока — кофору фам, но мне пришлось слушать, потому шшто он мноко снает о нашем шулике... — Он сел и продолжил: — Слушайте! У меня целая куча нифостей. Я расскашу фам все, но сначала самое фашное. Капитан Уистлер хочет, шштопы мы все пришли к нему в каюту после завтрака, и — хм!.. — он шшитаает, шшто снает, кто преступник.

Глава 10

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

После того как капитан заказал овсянку и официант удалился, Уоррен, который пребывал в довольно нервном состоянии, решительно поставил кофейную чашку на блюдец.

— Уистлер знает, кто преступник? Скажите, он ничего не заподозрил? Я имею в виду — насчет нас.

Валвик захихикал и отрицательно помахал рукой.

— О-о-о, нет! Фофсе нет. Это не то. Не снаю, шшто там такое, но он послал ко мне в каюту Спаркса и перетал, шштопы мы фсе пришли к нему после завтрака. Спаркс кофорит, капитан получил ратиокрамму, но он мне не скашет, шшто ф ней, пока мы не притем к Старому Пирату.

— Интересно, — заметил Морган.

— Я скасал Спарксу — кстати, он ратист; витите ли, все ратист имеют фамилия Спаркс, — так вот, я скасал: «Спаркс, ты вчера тнем пыл на фахте, та?» И он ответил: «Та». И токта я спросил: «Спаркс, помнишь, вчера старик получил ту перфую ратиокрамма о шулике и устроил скантал? Пыли ли в то фремя ф рубке трукие люти?» Кокта он ответил, шшто пыли, я описал ему та тефушка, которую мы нашли с раной на колофе, и спросил: «Спаркс, а она там пыла?» Все Спарксы польшие охотники са юбками, поэтому я снал: если она там пыла, он ее запомнил. Ешше, если она получала или отправляла ратиокрамму, сначит, он толшен снать ее имя.

— Класс! — воскликнул Уоррен. — Здорово! Так кто она такая?

— Ах, тут и трутность. Он помнить ее, но не снать. Там пыло несколько шелофек, и ишшо кусен Спаркса — он путешествует пассаширом. Тефушка вошла, уфитала, шшто мноко нароту стоит ф очередь, но, видимо, она не сахотела штать, поэтому пофернулась и фышла. Он скасал, у нее ф руках пыло полно пумаг. Не фашно! Мы фыясним, кокта уснаем, кофо нет. А теперь фот шшто я хотел рассказать фам осопенно...

Принесли овсянку. Капитан Валвик наложил себе полную креманку, согнул широкие плечи, расправил локти на манер крыльев и, не переставая черпать кашу, заговорил:

— Фот, мы начали раскофор, и я укустил ефо клоточком «Старый Роб Рой», и он скасал: «Сторофо! Капитан, фот если пы мой кусен Алик фыпил клоточек фашефо фиски вчера ночью!» Потом рассказал мне, шшто у ефо

кусена Алика ошшень ныл суп и токтор тал ему шшто-то от супной поли, но лекарство не помокло. И я скасал: «Вот так так! Ему нато пыло прийти ко мне, потому шшто я снаю, как фылечить ефо польной суп». Лекарство состоит...

— Не хотелось бы прерывать вас, капитан, — Морган не спускал глаз с Пегги, сидевшей за столиком Перригоров, на случай, если она подаст им сигнал, — но вы уверены, что это имеет отношение...

— Та, та, соферженно уфферен! — заверил его капитан Валвик, возбужденно сопя. — Слушайте. Спаркс скасал: «Токта не путете ли фы топры сайти к нему? Ефо каюта номер 47...»

— Извините. — Морган резко повернулся к нему. — Сорок семь, говорите? И что?

— И мы пошли в сорок семь. Эта каюта в том ше отсеке, напротив каюты токтора Кайла. Ефо кусен хотел круками по каюта с крелка, а инокта он потхотил к перепорка и пился оп нее колофой и прикофарифал: «О-о-о! Хоть пы мне умереть!» Мне стало ушасно шаль петняку. И я написал, шшто нушно всять у токтор, и послал са лекарством Спаркса. Через пять минут поль прошла, и петняка не мог поферить, у нефо слесы пыли ф гласа, кокта он меня плакотарил. О, я сапыл скасать, шшто он профессиональный поксер; ефо софут Кроса Пермондси. Он спросил, не мошет ли он чем-нипуть мне помочь. Я скасал — нет, и ефо тоше укустил клоточком «Старый Роб Рой», но тут мне ф колофу пришла итея... — Капитан постучал по столу внушительным пальцем. — Фот какая итея. Ночью я потумал и фтруг подпрыкнул на моей койка и скасал сепе: «Вот это та! Мошет, токтор и те, трукие, честные люти, но втруг этот шулик прокрался в каюту, кута мисс Кленн потпросила исумруд?»

Морган кивнул. Старый капитан был не дурак. Мозги у него работали со скрипом, но, раз завертевшись, шли в нужном направлении. Уоррен снова заволновался; все замолчали.

— Но... — задыхаясь, начал Уоррен, — вы ведь не хотите сказать...

— О нет! Но я потумал, лучше спрошу Кросу Пермондси. Я скасал: «Фы всю ночь мучались от супной поли?» Он скасал, шшто та. Я скасал: «Слышали шум и крики на палупа?» Он ответил: «Та, мне показалось, шенщина кричала: «Врешь ему ешше», но мне пыло так плохо, шшто я не мог выйти и уснать, в чем тело». И потом, скасал он, у нефо пыл сакрыт иллюминатор, шштопы суп не протуло, поэтому он почти ничефо не слышал, но шумели плиско от ефо каюты, и он приоткрыл тферь. Эти анкличане фсе такие! Опошают холод. Отнашты я сител в тюрьма ф Постон с англичанином, так он постоянно шалофался на этот тюрьма, потому шшто там пыл ушасная шара...

— Значит, — уточнил Морган, — Гроза Бермондси всю ночь не спал и мог видеть дверь каюты Кайла?

— Ферно, — согласился капитан. — И он клянется, шшто никто тута не вхотил всю ночь. У меня камень с туши сфалился. — И он испустил тяжелый вздох.

Сочтя, что Уоррен собирается использовать новую улику как лишнее доказательство виновности Кайла, Морган торопливо заявил:

— Капитан, до завтрака вы проделали уйму работы. Еще что-нибудь? Кстати, что там такое якобы знает Вудкок?

— А! Та, та. Чуть не сапыл. — Валвик громко ударил ложкой по столу. — Но я понятия не имею, шшто са этим стоит. Смешной парень этот Футкок, кофору фам. Всякий раз, как он кофорит о теле, он понишает колос, и я не понимаю ни слофа. Но он скасаль, у нефо есть телофое претлошение. Скасаль, шшто хочет покофорить с мистер Уоррен и хочет претлошить стелку, если мистер Уоррен путет кофорить прямо. Фо-перфых, он снает, шшто случилось вчера ночью...

— Да уж, готов голову заложить, что знает, — мрачно проговорил Уоррен. — Так какова его версия?

— Нет, нет, нет! Фот шшто самое смешное. По-моему, он снает, как фсе пыло на самом теле — все, кроме тефушка.

Уоррен вцепился в край стола.

— Вы что же, хотите сказать, что он знает про дядю Уорпаса и фильм?

— Ну, мощно скасать, шшто про фильм он шшто-то снает. Он неклупый парень. Сколько ему исфестно, я не снаю, но он фроте намекал, шшто мноко снает о нашем шулике. — Валвик пригладил усы и проворчал: — Фам лучше с ним покофорить. Фот в чем тело. Он шшто-то испопрёл. Какую-то электрическую пушку против насекомых.

— Электрическую пушку от насекомых? — повторил пораженный Морган. Он отогнал мысль о том, что капитан употребил какую-то морскую метафору. — Ради всего святого, что такое электрическая пушка от насекомых? У меня скоро мозги расплавятся. Говорю вам, я постепенно схожу с ума. Капитан, разве у нас мало забот, чтобы пудрить нам мозги еще и электропушками от насекомых?

— Я не путрю моски! — обиделся Валвик. — Фот шшто он мне сообщил. Не снаю, как пушка рапотает, но она нушна тля уништошения москитов в темноте. Он саяфил, шшто это рефолюция в ефо отрасли уничтошения насекомых и он хочет насфать ее «Русалка». Он скасал, пушку мощно применять против клоп, таракан, ухофертка, кусеница, рыший мурафей, стрекоса...

— Не сомневаюсь, — отозвался Морган, — что из его пушки можно уложить таракана с расстояния в шестьдесят ярдов. Но вернемся к делу. Не знаю, имеет это к нам отношение или нет, но у нас есть более насущные проблемы. Капитан, доктор Кайл не нашел изумруда у себя в каюте сегодня утром. Благодаря вам и Грозе Бермондси можно считать доказанным, что Слепой Цирюльник не входил к нему в каюту и не стащил слона... Остаются Перригоры. Кроме них, это не мог сделать никто другой. Они — наша последняя надежда. Конечно, слон у Перригоров! Вот почему Пегги так долго с ними болтает...

Уоррен стукнул кулаком по столу.

— Пегги подает нам условный знак, — сказал он, понизив голос. — Не оборачивайтесь сразу, будет слишком явно, но все же посмотрите. Нет, погодите. Она не скрывается, зовет нас, хочет, чтобы мы подошли к их столику.

— Эти люти фсяли исумруд? — поинтересовался капитан Валвик, оборачиваясь через плечо и пристально глядя на Перригоров. — Ха-а! Сначит, все в порядке. Кoffю фам, я песпокоился.

— Господи! Надеюсь, что так! — пылко вскричал Морган. — Но вид у Пегги не слишком довольный. Капитан, доканчивайте завтрак и присоединяйтесь к нам. Приготовьтесь, Керт. Вы дочитали статью?

— Конечно, дочитал, — откликнулся Уоррен. Он говорил уголком рта, пока они шли по танцплощадке по направлению к столику Перригоров. — И не издевайтесь больше над моим образованием! Мы тоже не дураки, читали кое-что. Для этого критика дядюшка Пегги — выгодный товар. Как драматург-классик он сравнивается с восьмицилиндровым чудом; со времен Мольера не было никого, равного ему. Если свести драгоценные строки этой нахальной статьи в одну, то со всей определенностью можно сказать: я ничего не понял. Возможно, мне удастся расцветить мою речь реалистическими штрихами и нюансами; расхвалить человечность и жизненность рыцаря Роланда или коварного Бангамбры, мавританского султана, который привносит в пьесу элемент живописной силы...

— Элемент, — произнес громкий, выразительный голос мистера Лесли Перригора во плоти, — живописной силы. И это все.

Морган оглядел его. Критик сидел за столом прямой, как палка, держал вилку зубцами по направлению к скатерти и тщательно выговаривал слова сквозь стиснутые зубы. В облике мистера Лесли Перригора не было ничего женственного или томного — словом, никаких черт, которые всегда раздражали Моргана в образчиках интеллектуалов. Судя по виду мистера Перригора, он запросто мог участвовать в состязаниях штангистов или обуздать норовистую лошадь. Высокий, худой и жилистый, со светлыми волосами, крючковатым носом и стеклянными глазами, он не умолкал ни на минуту и не останавливал взгляда ни на одной из своих собеседниц. Казалось, Перригор витает в облаках. Если не видеть, как его светлые ушišки-перышки взлетают над верхней губой, можно

было бы подумать, что он занимается чревоуещанием. Раз начав говорить, он не выказывал расположения оставить это занятие.

Пегги, однако, ухитрилась прервать неторопливый поток сознания мистера Перригора. Она воспользовалась моментом, когда ему понадобилось промочить горло водой со льдом, и поспешно вставила:

— О, извините! Мне страшно жаль перебивать вас, но я должна представить вам моих добрых друзей. Мистер Уоррен, мистер Морган...

— Не-у-же-ли? — замогильным голосом произнесла миссис Перригор.

— А! — протянул мистер Перригор. Казалось, он слегка раздосадован. В своей блестящей речи он, фигурально выражаясь, только что дал в глаз Шекспиру и сбил шляпу с головы Бена Джонсона; Морган понял: критику совсем не нравится, когда его перебивают. — А! Весьма, весьма рад. Я тут... так сказать, *en passant*¹ упоминал некоторые наиболее элементарные положения моей речи, которую меня попросили прочесть на сегодняшнем концерте. — Он едва заметно улыбнулся. — Но я... так сказать... боюсь, что вас утомлю. Моя речь станет всего лишь своего рода прелюдией к кукольному спектаклю месье Фортинбраса. Боюсь...

— Ну что вы, мистер Перригор, моим друзьям будет очень интересно вас послушать! — с жаром возразила Пегги. — Керт, я как раз рассказывала мистеру и миссис Перригор о представлении в Дюбюке, когда у рыцаря Оливера в битве с маврами порвались штаны и пришлось срочно опускать занавес, потому что из него высыпались все опилки и его необходимо было зашить, чтобы дядя смог продолжить представление. Мистер Перригор назвал мой рассказ «очаровательной подробностью». Не так ли, мистер Перригор?

— Вот именно, мисс Гленн, — подтвердил оратор, благожелательно осклабясь, хотя выглядел он так, словно мечтал о том, когда же все уйдут и позволят ему вернуться к литературе. Он был так тяжеловесно вежлив,

¹ Мимоходом (фр.).

что всем стало неудобно. — Вот именно. Очаровательные подробности. Но я уверен, что утомляю этих джентльменов, которые, возможно, не интересуются...

— Нет, вы только подумайте! — воскликнула Пегги, обращаясь к Моргану. — Хэнк, злодей, в конце концов я проиграла вам пари! Придется мне теперь ставить всем коктейли. Ужасный позор! Разве вы так не считаете, милый мистер Перригор?

Уоррену это совсем не понравилось.

— Пари? — переспросил он. — Какое пари? Кто заключал пари?

Кто-то больно лягнул его в ногу под столом.

— Оказывается, — продолжала девушка, — вчера ночью мой шотландский берет все же не влетел в каюту мистера Перригора! Мне чертовски повезло, потому что теперь я уж наверняка потеряла его; но раз берет не у них, то и дело с концом. Как раз перед тем, как мистер Перригор начал свою замечательную речь... — Она благоговейно посмотрела на него. Он прокашлялся. Лицо его исказилось злобной гримасой. Уоррен это заметил. Заметила и миссис Перригор. — Как раз перед тем, как мистер Перригор начал так замечательно говорить, он сказал мне, что в его каюту ночью ничего не влетало. В общем, боюсь, я навсегда потеряла мой чудный берет.

— Не-сом-нен-но, — заявила миссис Перригор, злобно глядя на Пегги в монокль. — На павубе быво ужасно темно, вегно, мой дохогой?

— Да-да. Но милые мистер и миссис Перригор были со мной так любезны, верно, миссис Перригор? То есть я хочу сказать, все это было просто ужасно, но, в конце концов, что тут поделаешь? Я считаю, лучше покориться судьбе, чем устроить скандал и побеспокоить всех, правда?

— О да! — Лицо миссис Перригор оставалось непроницаемым. — Пгизнаю, я почти ничего не знаю. Возможно, лишь малую то-олику. Но... ах, мой дохогой, так как я почти увегена, что слышала, как по кгайней меге ше-стеро пьяных пиговали на палубе, я признаю, что вовсе не удивилась бы, найдя утгом у себя на полу и нечто большее, чем бегет. Как я заявила утгом стюагду...

— Стюарду? — изумленно уставилась на нее Пегги. — А где же в то время был ваш муж, миссис Перригор?

Муж миссис Перригор, которому не терпелось вернуться к излюбленному занятию — сбивать шляпы с литературных авторитетов, — поспешил вмешаться:

— Дышал воздухом, мисс Гленн. Просто дышал воздухом. Ха-ха! Люблю откровенные виды, свободную и несдержанную прямоту нашей современной молодежи, не стесненную, не связанную, не ограниченную древними предрассудками...

У миссис Перригор тут стал такой вид, что не будь она стеснена, связана и ограничена древними предрассудками, то охотно треснула бы супруга по голове блюдом с копченой рыбой.

— Я... Короче говоря, мне это нравится. Видите ли, мы с женой — люди свободных взглядов. Ха-ха!

— Да? — спросила миссис Перригор.

— Полно, полно, Синтия. Ах, молодость, молодость — или, как говорят французы, *jeunesse, jeunesse*. Помнишь, что сказал Д.Г. Лоуренс Джеймсу Джойсу? Ха-ха-ха!

— Дохогой Лесли, — холодно произнесла его супруга, — вавилонские огии и пигы в честь богини Иштаг в духе Пьегу Луи очень хогоши в книгах. Но если твой эстетический вкус не оскогблен этими пигушками на палубе почтенного лайнега в два часа ночи пгямо у тебя под окнами, то я должна пгизнать, что гешительно не согласна. Мивочка, мои пегеговогы со стюагдом носили... чисто деловой хагактех...

— Да ну? — спросила Пегги.

— ...и огганичивались, — миссис Перригор чуть повысила голос, — тем, что я позвонила, откгыла двегь и спгосила (мой муж может вам подтвегдить), можно ли что-то пгедпгинять, чтобы пгекгатить шум. Увегяю вас, я гваз не сомкнува до самого утга.

Мистер Перригор еще раз заявил: всем следует помнить, что именно ответил Джеймс Джойс Д.Г. Лоуренсу. Морган понял: пора вмешаться, прежде чем стороны закончат обмениваться колкостями и вцепятся друг другу в волосы. Он был ошеломлен. Куда же подевался изумруд? Морган не собирался отчитываться ни перед лор-

дом Стэртоном, ни перед капитаном Уистлером, но факт остается фактом: они стянули вещицу стоимостью в пятьдесят тысяч и бросили в иллюминатор одной из двух кают. Если изумрудный слон каким-то невероятным образом все же исчез, значит, Стэртон лишился огромной суммы денег, а на карьере капитана Уистлера, скорее всего, придется поставить крест. Что-то не так. Кайл заявил, что в его каюте ничего не было и имеется свидетельство того, что Цирюльник не мог забрать слона из каюты доктора. С другой стороны, Перригоры не спали; они слышали шум на палубе и, разумеется, заметили бы, если бы что-то бросили к ним через окно, и, уж конечно, обнаружили бы находку утром. Его ошеломление росло. Что же случилось?

Морган постарался изобразить самую обаятельную улыбку (хотя ему самому казалось, что его лицо расплывается в зловещую маску) и принялся успокаивать и обхаживать миссис Перригор. Между прочим, при ближайшем рассмотрении она оказалась вовсе не безобразной; и он продолжал это дело с удовольствием. Уоррен молча наблюдал за странной переменой в поведении приятеля. Морган посочувствовал женщине и пылко отчитал неизвестных пьяных кутил, которые помешали ей спать. Даже тонко намекнул на то, что ему все равно, о чем беседовали Джеймс Джойс и Д.Г. Лоуренс; наверняка два таких известных старых распутника не могли говорить ни о чем хорошем.

— ...однако, по правде говоря, миссис Перригор, — продолжил он, доверительно склоняясь над ее стулом, — я тоже слышал шум, хотя не могу утверждать, поскольку меня там не было, вы понимаете...

— О, вповне! — с облегчением заявила миссис Перригор и села поудобнее. Морган понял, что его слова дошли до ее королевского слуха. — Продолжайте!

— Тем не менее, по-моему, вчерашний шум не очень напоминал... ну, скажем, дионисийский кутеж; скорее всего, это была обыкновенная потасовка. Кулачный, так сказать, бой, — пояснил Морган, подыскивая какое-нибудь заумное определение. — Особенно потому (вы уж простите мне такую вольность, миссис Перригор), что

дама с вашим обаянием, с вашим вкусом, которая, несомненно, знает толк в утонченных чувственных наслаждениях, наверняка снисходительно отнеслась бы к моральной неустойчивости как мужчин, так и женщин, если бы только они отличались известной степенью деликатности. Более того...

— О-о, ну что вы! — воскликнула миссис Перригор, награждая его игривым взглядом. — Повно, мистер Морган, вы ведь едва ли ожидаете, чтобы я всецело согласивась с вами, правда? Хе-хе-хе!

— Конечно! Совершенно верно, миссис Перригор! — воскликнул Уоррен. До него наконец дошло, что Хэнк пытается расположить к себе старушку, и он неуклюже поспешил на помощь другу. — Мы знаем, что вы славный малый. Абсолютно. Помните, что сказал коммивояжер фермерской дочке?

— Заткнитесь, — уголком рта процедил Морган. — И естественно, я предполагаю, что мысль о схватке посетила и вас. Боже! Надеюсь, миссис Перригор, вы не встали и не заперли дверь на задвижку, чтобы эти пьяные под... чтобы эти кутилы не подумали...

— Но именно так я и поступаю! — воскликнула миссис Перригор. — О, увегаю вас, двегь была запегта! С того самого мгновения, как я усвышава женский говос, котогый уговагивал кого-то... удагить еще газ, я запегла двегь. Я всю ночь глаз не сомкнува. С повной опгеделенностью могу вам заявить, что в каюту никто не входил.

Что ж, все кончено. Морган посмотрел на своих товарищей. У Пегги был расстроенный вид. Уоррен хмуро насупился. Задача усложнялась все больше и больше; к тому же теперь и мистер Перригор бросал на них злобные взгляды. Морган понял, что лучше всего им сейчас выйти и немного остыть перед допросом у капитана Уистлера. Он уже заготовил тактичную фразу...

— Но посвущайте, — заявила миссис Перригор, очевидно пораженная новой мыслью. — Кто-то упомянул... вы тот самый мистер Морган, который пишет детективы?

— Мм... да. Да, по всей видимости. Спасибо большое, миссис Перригор, и вам тоже, сэр. Очень приятно было

познакомиться с вами; надеюсь, у нас еще будет возможность...

— Обожаю детективы! — воскликнула миссис Перригор.

Ее муж остался недвижим. Но на его лице застыло странное выражение. Так мог бы выглядеть человек, не понаслышке знакомый с испанской инквизицией, когда наутро назначенного аутодафе Торквемада вдруг объявил бы, что намерен отпустить несчастных грешников, ограничившись строгим предупреждением.

— Неужели, дорогая? — ледяным тоном осведомился мистер Лесли Перригор. — Как необычно. Что ж, Синтия, не будем их задерживать. Надеюсь, сегодня я буду иметь удовольствие пообщаться с вами — и с вашим прекрасным дядюшкой. Я с нетерпением жду встречи с ним и надеюсь уладить дело с сегодняшней постановкой. А bientôt!¹

— Вы, конечно, пойдете на концерт? — спросила миссис Перригор, любезно осклабившись. — Мы с Лесли так стагались его устроить. Мы говорили с судовым казначеем. Я очень надеюсь, что вы пойдете, милая мисс Гленн. Подготовлена интегеснейшая проггамма. Мадам Джулия Леда Кампозоуци споет отгывки — так сказать, погсеаух — из совгеменных мастегов; ее муж, синьор Бени-то Фуриозо Кампозоуци, будет аккомпаниговать. Надеюсь, — добавила она, хмурясь, словно эта мысль впервые посетила ее, — что казначей, некий мистег Макггэгог, убедил доктога Оливега Кайла погчесть отгывки из сочинений Гобегта Бегнса. Газумеется, все эти выступления погедвагят пьесу мистега Фоггинбгаса. А bientôt!

— Всего хорошего! — откликнулась Пегги, вставая из-за стола, — и огромное спасибо за предоставленные сведения. Вы непременно должны навестить меня, мистер Перригор, и рассказать мне все подробно... Н-но... то есть... если вы соберетесь навестить моего дядю...

— Да? — поинтересовался мистер Перригор, подняв брови при виде ее озабоченности.

— Не считите меня дурочкой, но я действительно очень хорошо его знаю. Прошу вас, обещайте, если он встанет и

¹ До скорого свидания! (фр.)

будет в состоянии... то есть я знаю, как это ужасно для вас, таких умных людей, — на сей раз Пегги, казалось, действительно говорила серьезно, и даже миссис Перригор снизошла до того, что удостоила ее взглядом, пока она тянула, не решаясь открыть страшную правду, — обещайте, что не станете угощать его спиртным. Знаю, это звучит глупо, но он не умеет пить. И еще... вы не поверите, но особенно плохо он переносит джин. Видите ли, мне приходится следить за ним, потому что однажды, когда мы выступали в Филадельфии...

— Мисс Гленн, я не притрагиваюсь к спиртному, — поспешно и довольно кратко отрезал мистер Перригор. — Зачем впускать в душу вора, который крадет мой разум? — как сказал где-то Т.С. Элиот. Это чудовишно. Я также вегетарианец. На моем попечении месье Фортинбрас будет в безопасности. До свидания.

В молчании трое заговорщиков поспешили прочь. Морган, поглощенный собственными ошеломляющими мыслями, ничего не говорил. У Пегги был испуганный вид. Молчание нарушил Уоррен.

— Вот видите? — свирепо проговорил он. — Они просто парочка глупых индюков. Такие не способны ничего украсть. Послушайте моего совета, пока не поздно. Уверю вас, доктор не настоящий! Господи! Ведь не мог же слон взять и исчезнуть, испариться! Он у него в каюте!

— Пегги, — сказал Морган, — другого объяснения нет. Должно быть, вы перепутали каюты.

Они дошли до подножия лестницы, и Пегги подождала, пока проходивший мимо стюард удалится на такое расстояние, что ему ничего не будет слышно.

— Хэнк, — спокойно и серьезно ответила она, — ничего я не перепутала. Я совершенно уверена в том, что ничего не перепутала. Сегодня утром я снова вышла на палубу и встала точно в то место, где стояла ночью...

— Ну и?..

— Я не ошиблась. Я бросила коробку в одну из двух этих кают, потому что рядом с тем местом всего два иллюминатора. Коробка упала в одну из этих кают; и мне кажется, я подчеркиваю — только кажется, что она попала в каюту доктора Кайла.

— Что касается меня, то я не знаю, каких еще улик вы ждете, — довольно ворчливо заметил Уоррен. — Я подчинюсь решению мозгового центра и не стану задавать лишних вопросов, но у меня свой взгляд на вещи. Ну, пойдемте. Нам пора навестить капитана Уистлера.

Голос прямо над ними сказал:

— Извините, мистер Уоррен. Не хотелось бы вам мешать, но, если у вас найдется свободных десять минут, по-моему, вы не пожалеете, что посвятили их мне.

Они подняли головы. На лестнице, облокотившись на позолоченные перила и постукивая по ним пальцами, стоял мистер Чарльз Вудкок и очень странно поглядывал на них.

Глава 11

ТОТ, КТО ВИДЕЛ СЛЕПОГО ЦИРЮЛЬНИКА

На лице мистера Вудкока застыло такое напряженное и тревожное выражение, что Моргану снова стало не по себе. Он припомнил замечания Валвика по поводу неких туманных намеков Вудкока на то, что ему якобы известно все. Морган всегда чувствовал себя не в своей тарелке, общаясь с коммивояжерами, потому что те какие-то уж слишком бойкие; их мозги работают совершенно по-другому. Морган подумал о нескольких возможных неприятных для них вариантах развития событий, включая шантаж. Надо же такому случиться! Еще неделю назад сам Морган счел бы положение, в котором они очутились, полной нелепостью; и все же дело представлялось крайне серьезным. Вольно или невольно, они оказались в паутине лжи, недомолвок и полнейшей бессмыслицы.

Вудкок был жилистый, беспокойный человечек с копной взъерошенных волос, костлявым личиком и добродушными глазками, которые тем не менее смотрели на мир довольно зорко. Лицо у него было морщинистое, особенно в нижней части, вокруг острого подбородка, словно бы оттого, что он много болтал. День-деньской Вудкок гулял по палубам, заводил знакомства с пассажирами, часто хохотал и подмигивал. Казалось, он во что

бы то ни стало намерен произвести впечатление своего в доску парня — хвастливого, недалекого, но доброго малого. Сейчас, облокотившись о перила, коммивояжер буравил их острыми глазками.

— Пришлось побеседовать со старым шкипером, — затарахтел он, доверительно понизив голос, — потому что я понятия не имел, как пробраться туда, где, как вы понимаете, мое присутствие могло быть нежелательным. Отлично! — Мистер Вудкок поднял ладонь, словно ожидал возражений. Он делал так всякий раз, когда восклицал: «Отлично!» Так коммивояжер давал понять, что он подошел к главному, а уж потом продолжал свою речь в уверенности, что слушатели поняли его как надо. — Отлично! Но я знаю, как бывает в подобных случаях, и хочу поговорить с вами, как мужчина с женщиной, — честно и откровенно. Вам никогда не придется жалеть о том, что вы приняли мое предложение. Отлично! Итак, мистер Уоррен, все, что я хочу, — это десять минут вашего драгоценного времени — наедине. Всего десять минут. Можете снять часы, положить их на стол, и если за десять минут я вас не заинтересую... — он сделал многозначительный жест кистью и поднял брови, — значит, больше и говорить не о чем.

— Вовсе нет, вовсе нет, — довольно туманно пробубнил Уоррен. Вмешательство постороннего лица взволновало его. Он решил, что Вудкок, скорее всего, попытается что-то ему всучить. — Буду рад уделить вам столько времени, сколько понадобится. Давайте... давайте выпьем и все обсудим. Но не сейчас. У меня и моих друзей важная встреча...

Вудкок перегнулся через перила.

— Вот именно, старина. Вот именно. Я знаю. С капитаном. Все в порядке, сейчас все в порядке, — прошептал он, поднимая руку. — Я понимаю, старина.

Заговорщики переглянулись. Вудкок переводил взгляд с одного на другого.

— Что у вас? — задал вопрос Уоррен. — Чего вы хотите?

— Десять минут, — повторил коммивояжер, — с глазу на глаз.

— Ну... хорошо. Но мои друзья тоже будут присутствовать при разговоре. У меня от них секретов нет.

Казалось, Вудкок учуял подвох. Брови его взлетели вверх, он с трудом возразил:

— Послушайте, старина. Вы уверены, что все правильно поняли? Вы уверены, что хотите, чтобы при нашем разговоре присутствовала молодая дама?

— А почему бы и нет? Господи! Да что вы там вдобили себе в голову?

— Хорошо, отлично, старина, раз вы так хотите! — Вудкок был сама любезность. — Признаю, я охотнее переговорил бы с вами наедине, однако спорить не стану. Давайте пойдем, скажем, в почтовый салон; там тихо, и нам не помешают.

По пути он непрерывно болтал, беспрестанно пересякая с предмета на предмет, от души хохотал, успевая сделать много игривых замечаний. Почтовый салон, отделанный белыми панелями, был пуст. Вудкок подвел их к углублению в проеме большого окна; сквозь толстые шторы пробивались солнечные лучи, а тишина нарушалась только гудением двигателей. Когда все уселись в кресла, коммивояжер провел рукой по своим жестким, щетинистым волосам, поерзал на месте и внезапно бросился в атаку.

— Знаете, старина, я хочу вам помочь, — объявил он, по-прежнему доверительно и негромко, — но, видите ли, дело представляет обоюдный интерес. Вы молоды, вам этого не понять. Но когда станете старше, женитесь, обзаведетесь семьей, ах! — Мистер Вудкок сделал выразительный жест. — Тогда вы поймете, что в бизнесе не место любезностям. Отлично! Итак, признайтесь: вы попали в изрядную переделку, верно?

— Попал, — кратко согласился Уоррен.

— Хорошо. Итак, продолжим. Я не знаю, что творилось на корабле вчера ночью, хотя весь корабль гудит; не знаю и знать не желаю. Это меня не касается, понятно? Но мне известно, что произошло вчера днем. Из вашей каюты украли ролик с фильмом, так? Нет, нет, не отвечайте и не перебивайте меня. Я намерен показать вам, — продолжал мистер Вудкок, выдержав долгую паузу, которой позави-

довал бы первоклассный артист, — я намерен показать вам, — продолжил он довольно резко, — собственный маленький фильм на тему того, что могло случиться. Я не говорю, что так именно и было, понятно? Я не собираюсь загонять себя в угол, ведь я же себе не враг! Я утверждаю — так могло случиться. Отлично! Итак, вот вам мой фильмик. Я иду по палубе примерно в полпятого, только что послав радиogramму в мою фирму, и на душе у меня легко. Вдруг, проходя мимо одного из отсеков, слышу позади шум, оборачиваюсь и вижу, как оттуда вылезает парень и со всех ног несется в душевую. Отлично! Я вижу, что в руках у него кинопленка, которую он пытается запихнуть себе под куртку... Тихо, тихо! — предупредил мистер Вудкок. — Пожалуйста, не перебивайте! Предположим, я так хорошо разглядел этого типа, что, увидев снова, непременно его узнаю. Естественно, я задумываюсь: что случилось, однако прихожу к выводу, что это не мое дело. И все же решаю взглянуть на место действия. Поэтому возвращаюсь и заглядываю в приоткрытую дверь. Но не вижу ничего, кроме массы пленки и коробок из-под кинофильмов, разбросанных по полу. Еще вижу парня — может быть, вас, — который встает с пола, схватившись руками за голову. И тут я думаю: «Хо-хо, Чарли! Ты лучше сюда не суйся, не наживай себе врагов», — понимаете? И потом, тот парень вроде как пришел в себя, так что помощь ему не требовалась, иначе я непременно бы зашел. Но потом я подумал...

— То есть, — довольно хрипло перебил его Уоррен, — вы хотите сказать, что видели...

— А вот теперь полегче, старина, полегче. Досмотрите мой фильм до конца!

Далее коммивояжер расцвел свой, как он выражался, фильм кучей пикантных и ненужных подробностей. Очевидно, он обожал читать таблоиды и желтые газетенки, впрочем, он объяснил, что является постоянным подписчиком журнала «Правдивые истории о жизни и сексе». Оказалось, что одна из его любимых газетенок недавно опубликовала скандальный, яркий репортаж из столицы. Статейка содержала косвенные намеки, инсинуации; в ней повествовалось о некоей важной персоне,

у которой был племянник, вертевший ручку кинокамеры в Голливуде; более того, намекалось, что важная персона, находясь в подпитии, допустила вольные высказывания перед его камерой.

— Однако, как говорят французы, «ищите женщину»! Где же женщина в нашем деле?

— Женщина? — непроизвольно вырвалось у Уоррена. — Жен-щи-на?! Никакой женщины нет! Да мой дядя...

— Осторожно, — с бесстрастным лицом перебил его Морган. — Мистер Вудкок просто болтает.

Коммивояжер даже не улыбнулся и не стал возражать. Возможно, он ожидал такой реакции, поэтому говорил все тем же вкрадчивым, тихим голосом; однако складки вокруг его рта углубились, а глаза остекленели.

— Позвольте порассуждать вслух, — продолжал Вудкок, дергая запястьем и плечом забавным еврейским жестом, в то время как острые его глазки пристально смотрели на Уоррена. — В радиорубке я случайно подслушал очень забавную каблогранму. Вначале мне показалось, что в ней нет никакого смысла, понимаете? Потому что услышал не все; только понял, что речь в ней идет о кинофильме, а также о том, что кто-то голый¹. Ну, ну, старина, не нужно так странно на меня смотреть — теперь я понимаю, что к чему. Но я сказал себе: «Чарли, возможно, ты ошибаешься. Может, это просто обычный грабёж. Но если бы это был обычный грабёж, вечером об этом стало бы известно, а мистер Уоррен заявил бы о том, что его обокрали». Отлично! Вот только, — тут мистер Вудкок наклонился вперед и похлопал Уоррена по колену, — никакого шума не было, и он ни о чем не заявлял.

Все молчали. Стало слышно, как снаружи кричат дети и барабанят в дверь почтового салона. Двигатели тихо пульсировали. Уоррен медленно провел рукой по лбу.

— Всеу происшедшему давались самые невероятные интерпретации, — заявил он сдавленным голосом, — но

¹ В английском языке слова «beag» («медведь») и «baga» («голый») звучат одинаково.

всему есть предел! Женщина!!! Отлично, старый дурень, — добавил он с внезапной решительностью. — Вы, разумеется, ошибаетесь; однако здесь не время и не место это обсуждать. Кто был человек, который украл фильм? Вот все, что мы хотим знать. А вам чего надо? Денег?

Очевидно, такая мысль и в голову не приходила его собеседнику. Вудкок так и подскочил на стуле.

— Может, я не такой здоровяк, как вы, — негромко заметил он, — но только попробуйте предложить мне еще деньги, и, клянусь богом, вы пожалеете об этом. Вы что думаете, я шантажист? Полно вам, старина, — примирительно проворчал он. Глазки его заблестели. — Полно вам. Я деловой человек, и передо мной открываются блестящие перспективы. Я не намерен упускать удачу. Если мне удастся провернуть это дельце, я смогу стать заместителем вице-президента. Я ничего от вас не скрываю: если бы я считал, что украдено что-то действительно ценное или нечто в таком роде, я бы и не подумал предлагать вам подобную сделку. Однако вот что пришло мне в голову. Что случилось? Один старик, которому следовало быть осмотрительнее, увлекся молодой женщиной и попал в передрагу; о его похождениях заснят фильм. Отлично! Я не желаю ему зла, наоборот, сочувствую ему и предлагаю помощь. Я хочу рассказать вам, кто украл фильм, чтобы вы могли вернуть его... любым способом, каким пожелаете. Однако взамен рассчитываю на ответную услугу. А теперь попробуйте скажите, что это несправедливо!

Вудкок был отчаянно серьезен. Морган внимательно разглядывал его, пытаясь понять, что им движет. Коммивояжер — неожиданное препятствие; но, помимо угрозы, он внушает и жалость. Вудкок не переживал и не смаковал забавную ситуацию, в которую попал важный правительственный чиновник из-за женщины. Подумаешь — старика засняли на пленку в неподходящий момент. Дело житейское. По всей вероятности, он решил, что, раз уж правительственный чиновник попал в затруднительное положение, ситуация непременно связана с женщиной, и не преминул воспользоваться удачным стечением обстоятельств. Морган посмотрел на Уоррена

и понял, что тот достаточно правильно расценивает ситуацию.

— Ясно, — угрюмо проворчал Уоррен. — У вас есть право предъявлять мне подобное предложение. Валяйте! Но не пойму, чем я-то могу быть вам полезен?

Вудкок глубоко вздохнул.

— Мне нужно подписанное рекомендательное письмо с фотографией, — объявил он, — для газет и журналов.

— Рекомендательное письмо? Черт побери, я дам вам любую рекомендацию, на что угодно. — Уоррен удивленно уставился на него. — Но что вам пользы от меня? Что... Погодите минутку. Господи боже! Неужели вам нужно рекомендательное письмо для вашего порошка?!

— Да, — кивнул Вудкок. — Мне нужна рекомендация на определенный товар, который моя фирма собирается выпустить на рынок и который изобрел я. Послушайте, старина, если бы я не был уверен в том, что товар классный, я не посмел бы предложить вам ничего подобного. И я не собираюсь продавать вам kota в мешке. Я намерен показать вам мое изобретение. — Внезапно мистер Вудкок жестом фокусника извлек из-под куртки длинный сверток, словно анархист, который заводит свою жертву в уголок и достает бомбу. — Я намерен показать вам, что реклама не врет и это маленькое приспособление действительно незаменимо в своем роде. Да, старина, мне нужны рекомендации... Но не от вас.

— Керт, он хочет сказать, — Пегги завороченно и с ужасом наблюдала за мистером Вудкоком, — понимаете, он имеет в виду...

Вудкок кивнул:

— Совершенно верно, леди. Мне нужна рекомендация и поддержка от почтенного Таддеуша Дж. Уорпаса для противомоскитной электрической пушки «Русалка», оснащенной жидким инсектицидом номер два. Скажем, он заявит, что лично пользуется этим устройством в своем загородном доме в Нью-Джерси и настоятельно рекомендует его всем. Это мой шанс, и я не собираюсь его упускать. Долгие годы мы пытаемся добыть рекомендацию на свои изделия у важных шишек или светских дам. И не можем. А все почему? А все потому, что, как они за-

являют, рекламировать тараканью морилку ниже их достоинства. Но какая разница? Сигареты, зубную пасту, крем для бритья, крем для лица они рекламируют охотно. Я не прошу вас рекомендовать потребителям порошок от насекомых; речь идет о чистой, красивой, посеребренной и эмалированной трубочке. Позвольте, я объясню, как работает мое устройство — сочетает все преимущества большого электрического фонаря с... — И он, нетерпеливо, испуганно поглядывая на Уоррена и Моргана, начал срывать с устройства оберточную бумагу.

Каким бы смешным ни казалось поначалу предложение Вудкока, судя по всему, он сделал его серьезно. Уоррен нахмурился.

— Послушайте, да будьте же благоразумны! — возразил он, взмахивая рукой. — Будь это что угодно другое — зубная паста, сигареты... Нет, это невозможно. Он будет выглядеть по-дурачки...

— Да? — холодно переспросил Вудкок. — В таком случае ответьте на мой вопрос. Когда он будет выглядеть более по-дурачки — когда будет рекламировать мое устройство или выступая в роли порнозвезды? Извините, старина, но деваться вам некуда. Вот мое предложение. Принимайте его или отказывайтесь.

— Иначе вы не скажете, кто украл фильм?

— Именно так, — подтвердил Вудкок почти равнодушно. — Вот что я вам скажу, старина. Пошлите ему радиogramму; известите его, что он может спасти свою шкуру, если сыграет в игру с Чарли Вудкоком...

— Но он ни за что не согласится!

— Тем хуже для него, верно? — чистосердечно заявил Вудкок и скрестил руки на груди. — Вы славный малый, и вы мне нравитесь. В деле нет ничего личного. Однако мне приходится заботиться и о себе... Да, и не пытайтесь меня запугать, — добавил он, видя, как Уоррен внезапно вскочил на ноги. — Только притроньтесь ко мне, и я, возможно, не получу нужную мне рекомендацию, но история о том, как Т.Дж. Уорпас засветился в коротком фильме, распространится по свету с небывалой скоростью! Понятно? Дело в том, старина, — мистер Вудкок пытался сохранять доверительную игривость, однако

дыхание его стало прерывистым, — если до того, как мы высадимся на берег, я не получу определенных гарантий... если я не буду уверен, что Т.Дж. Уорпас все правильно понял и примет предписанное лекарство, я могу... нечаянно выпить лишнего в баре и утратить бдительность.

— Вы этого не сделаете! — сказала Пегги.

Наступило молчание. Вудкок отвернулся к окну и стал смотреть через штору на море, теребя пальцами костлявый подбородок. Потом рука его безвольно упала вниз, и он обернулся.

— Правильно, леди, — пробурчал он слегка охрипшим голосом. — Вы меня раскусили. Да, скорее всего, я не смогу так поступить. — Он обрушился на Уоррена: — Я не жулик! Просто на минуту потерял контроль над собой, вот и все. По крайней мере, об этом вам беспокоиться не придется. Я бываю иногда несдержан, но я не подлый шантажист. Я делаю вам честное предложение, и вот моя позиция. Ну же, не сердитесь; я погорячился. Ну как?

Уоррен молча бил себя кулаком по колену. Он посмотрел на Пегги. Потом обернулся к Генри Моргану.

— Я рад, что вы это сказали, мистер Вудкок, — заявил Морган.

— Что сказал? А, что я не жулик? Спасибо, — с горечьюотреагировал коммивояжер. — Ничего страшного. Я не принадлежу к числу лстивых и вкрадчивых мафиози, которые пытаются запугать вас, чтобы заставить плясать под свою дудку. Только они называют это торговой сметкой... Что?

Морган старался держать себя в руках. У него возникла одна мысль, и он боялся, как бы все не испортить.

— Скажите, вы бы не хотели предстать перед судом за укрывательство убийцы?

— Ах, бросьте, — отмахнулся Вудкок. — А я-то все ждал, когда вы начнете блефовать...

Однако его светло-голубые глазки беспокойно забегали. Он вытащил носовой платок и стал промокать мокрый лоб; видимо, переговоры его утомили. Вдруг его

костлявая рука замерла. В деловых переговорах слово «убийство» звучит нечасто. По мере того как в голове Моргана вырисовался план, благодаря которому они могли бы уже через несколько минут услышать имя Слепого Цирюльника, ему все труднее было удержаться и не выказать своего нервного возбуждения. «Спокойно, — повторял он себе. — Спокойно». А вслух спросил:

— Итак, вы знаете имя человека, укравшего кусок киноплёнки из каюты Керта Уоррена?

— Я могу показать его вам. Вряд ли он сумеет незаметно покинуть корабль.

— Вчера ночью он совершил убийство. Перерезал глотку женщине в каюте, соседней с каютой Керта. Помоему, честнее всего предупредить вас заранее, только и всего. Хотите, покажу вам бритву, которой он зарезал женщину?

— Ради бога, — дернулся Вудкок, — придите в себя!

В белом почтовом салоне, среди зеркал в позолоченных рамах и мрачных, словно в морге, стульев с высокими спинками, царили полумрак и духота. Белые столы, покрытые стеклом, чернильницы и подставки для ручек подрагивали от легкой качки «Королевы Виктории»; в тишине слышался сонный шелест воды. Морган полез в нагрудный карман пиджака и достал сложенный носовой платок, испачканный темными пятнами. Сквозь штору пробивался солнечный луч; Морган развернул платок на свету. Тускло блеснуло лезвие бритвы.

Снова наступила тишина...

Однако на мистера Вудкока это не подействовало. Он сидел прямо, опустив руки на колени; на лице его заиграла бледная улыбка. Любопытный психологический факт, но предъявленная улика — испачканная кровью бритва — окончательно убедила коммивояжера, что его искусно разыгрывают.

Он укоризненно покачал головой:

— Теперь все понятно, старина Хэнк! Ведь вы у нас сочинитель. Я преклоняюсь перед вашим талантом. Признаю, в первое мгновение я готов был вам поверить. — Судя по виду Вудкока, он искренне наслаждался зрели-

щем. — Замечательно. Ценю вашу находчивость. Сам бы я до такого не додумался. А сейчас уберите это, старина; спрячьте, и поговорим откровенно.

— Мы не знаем эту девушку, — гнул свое Морган с отчаянием человека, который понимает, что проиграл, — то есть пока не знаем. Мы как раз собирались пойти к капитану, чтобы выяснить, кто она такая. Это будет очень просто доказать...

— Послушайте, — Вудкок поморщился; розыгрыш начинал ему надоедать, — до меня дошла ваша хохма; отлично придумано. Великолепно! Но зачем продолжать? Я уже говорил, что не попался на вашу удочку; я для этого слишком стреляный воробей. Так почему не поговорить о деле?

— Но мы говорим правду, мистер Вудкок! — Пегги стиснула руки. — Ну неужели вы не видите, что это правда? Мы признаем, что пока не знаем, кого убили...

— Ладно, ладно!

— Но мы это выясним. Ну почему вы нам не скажете? Могли бы хоть намекнуть!

— Вам ни за что не догадаться, — заявил Вудкок. Он мечтательно улыбнулся и посмотрел в потолок с видом отличника, который знает, как решить трудную задачу, сводящую с ума остальных учеников. По крайней мере, на троих друзей его вид произвел именно такое впечатление. Знать, что разгадка тайны заключена в тщедушном тельце сидящего перед ними человека, и выслушивать его насмешки... — Я отвечаю вам, — заметил Тараканья Смерть, — сразу же после того, как, в свою очередь, получу тот ответ, которого жду от мистера Уорпаса. Не раньше.

— Я постараюсь, — начал было Уоррен, однако Вудкок состроил такую гримасу, что стало ясно: дипломат его не убедил.

— Вы не верите, — мрачно продолжал Морган, — что человек, укравший фильм, совершил убийство. Ладно; а если мы предоставим вам доказательства? Погодите, погодите минуту! У вас свои соображения, так выслушайте, по крайней мере, и мое мнение. Предположим, убийство все же было совершено и мы можем это доказать. Таким

образом, окажется, что своим молчанием вы покрываете убийцу. Если окажется, что мы правы, вы скажете нам, кто этот человек?

Вудкок неопределенно пожал плечами; на лице его по-прежнему играла слабая улыбка человека, который вынужден терпеть дурацкие выходки собеседников.

— Ну-у, старина! Теоретически, в таком случае мне нет причин ничего скрывать — повторяю, теоретически. Да, разумеется. Если совершено убийство, если кого-то убили, это совершенно меняет дело. Разумеется, в таком случае я вам все расскажу.

— Обещаете?

— Слово чести. Ну а теперь, если позволите, вернемся к делу...

— Хорошо. — Уоррен внезапно решился и встал. — Сейчас мы идем к капитану. И я заключаю с вами небольшую сделку. Если мы сумеем сегодня убедить вас в том, что здесь произошло убийство, то вы рассказываете нам все, что знаете. Если нет, тогда — так или иначе — я торжественно обещаю вам, что добуду нужную вам рекомендацию от дяди Уорпаса.

Впервые им показалось, что Вудкока слегка проняло.

— Не знаю, в чем ваша хохма, — скептически заметил он, — и совершенно уверен, что вы меня пытаетесь обдурить. Однако мой ответ таков: действуйте! Вперед, старина! Действуйте, да поживее. Отлично! А пока суд да дело, окажите мне любезность: возьмите мою «Русалочку» и испытайте, хорошо? Внутри находится подробная инструкция, как ею пользоваться, но позвольте все же разъяснить самые важные моменты — некоторые особенности, благодаря которым, как я и говорил, автоматическая противомосkitная пушка «Русалка» станет самым заметным товаром в мире рекламы. Возьмем старомодные, выходящие из употребления противомосkitные спринцовки. С ними приходилось работать вручную — рукой двигать поршень вперед-назад, не так ли? Вот именно. А в «Русалке» все автоматизировано. Просто нажмите на эту эмалированную кнопку, и электричество сделает за вас остальное. Из наконечника вырывается струйка жидкого инсектицида, которую можно регули-

ровать по степени мощности и размеру охвата; можно также разбрызгивать жидкость, как из душа, покрывая широкую площадь, и все при помощи кнопок. И снова, господа, еще раз прошу вас обратить внимание на уникальность моей «Русалки». Как обнаружить надоедливых москитов, которые под покровом темноты лишают вас сна и подрывают ваше здоровье? Сейчас покажу. Просто нажмите кнопку...

Уоррен взял у него этот дар данайцев, а Морган и Пегги поспешно увлекли его за собой. Они боялись, что Уоррен не выдержит и попытается вытянуть нужные сведения из Вудкока силой. Последний стоял, покачиваясь на пятках и напряженно улыбаясь. Выйдя в коридор, друзья прислонились к стене; все были без сил.

— Мерзкий вымогатель! — прорвало Уоррена. Он потрясал в воздухе автоматической противомоскитной пушкой «Русалка». — Подлый надувала! Он знает! Он знает, но не говорит...

— А он серьезно насчет этой рекомендации? — спросила Пегги, которая до сих пор не совсем разобралась в этом вопросе. — Послушайте! Не хочет же он, чтобы ваш дядя на самом деле появился на страницах газет со словами: «Я обожаю тараканью морилку Вудкока!» Нет, правда! По-моему, это просто ужас!

— Вот именно, детка. Он так же серьезен, как... скажем, как дядя Уорпас, когда тот пытается заключить мир между народами или защитить чей-то нейтралитет. Вы не знаете, — в голосе Уоррена послышалась ярость, — на что способны современные рекламщики. Они заявляют, что приносят пользу обществу. Ну, пошли. Навестим старого конокрада. Я даже представить не в силах, что ответит мне дядя Уорпас, если я предложу ему рекламировать средство от насекомых. Мой желудок этого не переваривает. У меня такое чувство: чем скорее мы увидим старую селедку, капитана Уистлера, и выясним, кто такая убитая девушка, тем раньше мне полегчает. Пойдемте.

— А вот у меня, наоборот, такое чувство... — начал было Морган, но осекся.

Однако будущее показало, что он был прав.

Глава 12

ВЫХОДКА КЕРТИСА УОРРЕНА

Они постучали в дверь каюты Уистлера, расположенной сразу за капитанским мостиком. Им открыл меланхолический стюард, который там убирался. Он как раз собирал на поднос тарелки от завтрака. Каюта была просторная, удобная, отделанная панелями палисандрового дерева. Иллюминаторы завешены шторами с довольно игривым рисунком.

— Капитана сейчас нет, сэр, — сообщил стюард, подозрительно косясь на Уоррена. — Он пошел к лорду Стэртону и просил вас подождать.

Уоррен попытался сохранять беззаботный вид, однако не скрыл, что все понимает.

— А! — протянул он. — Ага! Спасибо, стюард. Ну а как чувствовала себя утром старая скумбрия? То есть...

— Хо! — многозначительно отозвался стюард и принялся яростно взбивать подушку.

— Ясно, — кивнул Уоррен. — Что ж, мы... пожалуй, сядем.

Стюард лениво слонялся по каюте, подбирая отдельные части капитанского гардероба. Гости поняли: Уистлер, побросав все, выбежал в спешке. Наконец стюард неохотно покинул каюту, унося поднос с остатками завтрака. Судя по зловещему взгляду, который он бросил им через плечо, подтверждалось их предположение о том, что красоты природы не побудили капитана Уистлера подняться на мостик и распевать морские песни.

— По-моему, он все еще раздражен, — высказал мнение Уоррен. — А дело у нас деликатное, Хэнк. Поэтому говорить будете вы. По-моему, мне лучше не высываться.

— Да уж, — согласился Морган. — Разговаривать буду я. Я не поручусь ни за кого из нас, если капитан войдет и увидит у вас в руках эту бритву. После свидания со Стэртоном он вряд ли будет настроен шутить. Помните, в продолжение всей беседы вы должны молчать. Ни слова, ни движения, если только вас не попросят что-нибудь подтвердить. Иначе я ни за что не отвечаю. Но я не знаю... —

Он сел на кожаный стул, взъерошил волосы и стал смотреть в иллюминатор на бледное небо. Залитая солнцем каюта сонно покачивалась на волнах. Однако мира в душе Моргана не было. — Не знаю, — продолжил он, — в состоянии ли я сам сейчас вести такого рода беседу. Пока давайте забудем Вудкока. Пусть хранит свои сведения, и будь он проклят. Но где изумруд? Вот в чем вопрос.

— Хэнк, но ведь, в конце концов, это не наше дело, — заметила Пегги, проявив присущую всем женщинам практичность. Она сняла очки в черепаховой оправе с довольным видом человека, решившего трудную задачу, и уложила их в сумочку, решительно щелкнув застежкой. — Я бы на вашем месте не волновалась, старина. Какое это имеет значение?

— Как... какое значение?!

— Ну да, разумеется, мне безумно жаль лорда Стэртона и все такое; но ведь у него же, как известно, денег куры не клюют. А что он сделал бы с этим изумрудом? Наверняка запер бы в каком-нибудь противном сейфе, и что тогда от него толку?.. А вот фильм Керта — это на самом деле важно. Жаль, что я не мужчина! — пылко воскликнула она. — На вашем месте я бы пыталась мерзкого Вудкока до тех пор, пока он не заговорит. Или заперла бы его где-нибудь, как заперли того барона — как бишь его звали? — в «Графе Монте-Кристо», и не давала бы ему есть, только водила бы миской супа перед его носом и хохотала, пока он не расколется. Эх вы, слабаки!

— Юная леди, — отозвался Морган, — ваши жестокость и логика скандальны и позорны. Иногда, к моему ужасу, я замечаю подобные черты даже в собственной жене. Не говоря уже о том, что водить миской с супом перед носом Тараканьей Смерти и хохотать при этом просто невозможно технически, приходится думать и о другом. Не фыркайте. Что произошло на самом деле? Фактически, мы украли изумруд старика Стэртона, и ответственность лежит... Что там за шум? — Он даже подскочил на месте. Уже несколько мгновений Морган сознавал, что где-то рядом с ним раздается низкое, мерное шипение. В теперешнем состоянии это шипение показалось ему в точности похожим на зловещий свист в тем-

ной спальне, который слышал доктор Ватсон в рассказе «Пестрая лента». На самом же деле это шипела автоматическая противомоскитная пушка «Русалка».

— Керт, — Пегги с подозрением крутанулась к нему, — что вы на сей раз затеяли?

— Удобная вещичка, — объявил Уоррен. Он находился в каком-то лихорадочном возбуждении. Глаза его сияли; он склонился над противомоскитной пушкой, сверкающей серебром и эмалью. «Русалка» представляла собой длинную хитроумную трубку со множеством выемок и кнопок. Из сопла, как и было заявлено в рекламе, вырывалась тонкая струя тараканьей морилки; она лилась прямо на бумаги капитана, лежащие на письменном столе. Уоррен передвинул трубку. — Видите, все кнопки подписаны. Вот «разбрызгиватель» — это то, что я нажал сейчас. Можно пустить жидкость «вполсилы» и на «полную мощность»...

Пегги закрыла рот рукой и захихикала. Ее внезапная радость еще больше расстроила Моргана. Кроме всего прочего, воняла жидкость неимоверно.

— Выключите эту чертову штуку! — простонал он, когда тонкая струя жидкого инсектицида заблестела совсем рядом с ними. — Нет-нет, болван, не цельтесь в платяной шкаф! Ну вот, теперь вы облили парадную форму капитана. Отведите ее в сторону...

— Ладно, ладно, — проворчал Уоррен. — Не беспокойтесь! Я просто испытывал пушку... Видите, всего лишь надо нажать на звоночек, и... Почему же она не выключается? Эй!

Нажатие на кнопочку и правда покончило с разбрызгиванием. Вместо этого из сопла «Русалки» пошла мощная струя, которую инженеры-конструкторы устройства обозвали «вполсилы». Уоррен беспомощно заглядывал в сопло и одновременно с каким-то неистовством жал на все кнопки подряд. Однако преуспел только в том, что зажег электрическую лампочку.

— Дайте эту штуковину мне — сейчас же! — приказал Морган. — Я ее выключу. Да сделайте же что-нибудь! Она все зальет этой тараканьей морилкой! Не цельтесь в себя, идиот вы законченный! Отверните в сторону... О господи,

нет, только не туда! Не на койку капитана! Бога ради, держите ее подальше от капитанской койки... Нет, подушкой ее не заткнешь. Да не в постель, болван! Вы просто...

— Ну, все же лучше, чем залить всю комнату, правда? — Голова Уоррена вынырнула из светящегося облачка инсектицида. — Да ладно вам. Не волнуйтесь так, не то вас удар хватит. Сейчас выключу. Сейчас...

Он уклонился от руки Моргана и с дьявольским выражением на лице бросился на середину комнаты.

— Нет, не надо. Я включил эту штуку, и я же, с Божьей помощью, ее выключу! — Он размахивал «Русалкой», шипящей, словно энергичная кобра. — И вот эту дрянь должен рекомендовать мой дядя? Дешевка! Не выйдет! Я найду Вудкока и все ему скажу! Я нажимал все паршивые кнопки...

— Хватит разглагольствовать! — перебил его Морган, задыхаясь в едком, вонючем облаке; в каюте стало трудно дышать. — Сделайте что-нибудь. Направьте струю в иллюминатор...

— Я знаю, что я сделаю! — вскричал Уоррен, входя в раж. — Я все понял! Надо включить хреновину в полную силу, и она сразу выключится. Вот именно! Если Вудкок говорил правду...

Вудкок действительно говорил правду и имел законное право гордиться своим детищем. Струя жидкого инсектицида вырвалась из сопла с силой и яростью пожарного шланга. Не мог мистер Вудкок пожаловаться и на точность удара. Обжигающая струя со свистом пронеслась по каюте и угодила прямоком в лицо капитана, сэра Гектора Уистлера, который как раз в тот момент открыл дверь.

Морган закрыл глаза. Менее всего ему хотелось смотреть на лицо капитана Уистлера. Уж скорее он взглянул бы на горгону Медузу. Более того, ему хотелось напрячь все свои силы, ускользнуть из каюты и бежать куда глаза глядят. Но зловещее шипение «Русалки» заставило его приоткрыть один глаз и посмотреть — но не на Уистлера, а на Уоррена.

Уоррен первым обрел дар речи.

— Я ничего не мог поделать, капитан! — взвизгнул он. — Клянусь всем, что есть святого, я бессилен! Я ис-

пробовал все. Нажимал на все кнопки, но она не выключается. Смотрите! Сейчас я вам покажу. Смотрите!..

Раздался резкий щелчок. «Русалка» всхлипнула, заклокотала, и струя инсектицида немедленно иссякла. Кошмар прекратился. Блестящая трубка снова стала такой же безобидной, как и прежде.

Впоследствии Морган осознал, что их спасло лишь чудо. Вглядевшись в коридор поверх капитанского плеча, он заметил изумленное лицо Валвика. Только одна фраза: «Так, значит... это... вы!» — успела сорваться с дрожащих от бешенства губ капитана «Королевы Виктории». И тут же мощная рука Валвика зажала ему рот. Одновременно норвежец другой рукой ухватил обезумевшего капитана за брючный ремень и втащил его в каюту, захлопнув дверь ногой.

— Пыстро! — проревел Валвик. — Отфлеките ефо чем-нибудь, шштопы он остыл, иначе он пософет перфофо помощника, и токта — рас-тфа — мы все окашемся са решеткой! Я тико исфиняюсь, Старый Морж, но у меня не пыло трукофо фыхота... — Нахмурившись, он бросил на Уоррена укоризненный взгляд: — Ф икрушки икрались, а? Нашли фремя! После тофо как я из сил фыпился, шштопы успокоить старину Морша и расскасать, чем мы санимаемся, не фремя тля икры. Ну, хорош! Чем это тут так фоняет?

— Всего-навсего морилка от тараканов, капитан, — упрямился Уоррен. — Подумаешь, всего-навсего тараканья морилка!

Судорога сотрясла мощное тело капитана Уистлера; неповрежденный глаз вылез из орбиты, но его протесты угасли втуне под мощной ладонью Валвика, запечатавшей его уста. И все равно Валвику пришлось зажимать ему рот обеими руками.

— Шестно, Старый Морж, это рати тфоей ше польсы! — умолял Валвик, таща капитана за стол и насильно усаживая на стул. Ответом ему послужил фонтан невнятных звуков, словно под землей заработал гейзер. — Инаше ты сейшас стелал пы шшто-нипуть такое, о чем потом пришлось пы пошалеть. Эти госпота все опьяснят; ручаюсь! Если обещаешь ситеть тихо, я тепя отпущу. Ты

мошешь скасать им фсе, шшто тумаешь о них, если тепе путет лехше, только ничефо не телай. Иначе притется тепя утихомирить... Кофорю тепе, фсе рати тфоей ше польсы! Ну, смотри. Ты — шелофек слофа. Ну как?

Ответом ему послужило согласное мычание — капитан Уистлер склонил голову, словно умирающий гладиатор. Валвик отошел назад и убрал руку.

Последующие полчаса Морган с удовольствием вычеркнул бы из своей жизни. Сказать, что это была нервотрепка, значило ничего не сказать; ибо как можно не упомянуть о тех неуловимых нюансах, которые, по мнению мистера Лесли Перригора, являются солью классической драмы. Речи и поведение капитана были исполнены поистине классической мощи; он часто хватался за шею и устремлял дрожащий перст на Уоррена, словно Макбет, увидевший призрак Банко, и беспрестанно повторял:

— Говорю вам, он сумасшедший! Он пытался меня отравить! Он одержим манией человекоубийства! Вы что, хотите, чтобы он перерезал всех моих пассажиров? Почему вы не разрешаете мне посадить его под замок?

Если в конце концов возобладали более трезвые намерения, то лишь благодаря некоему обстоятельству, которое в тот момент не пришло Моргану в голову. Он вынужден был признать: у капитана Уистлера имеются веские причины для недовольства. Помимо физического ущерба и ущемления личного достоинства (струя из «Русалки» угодила прямоком в поврежденный левый глаз Уистлера, словно стрела, пущенная из лука меткой рукой), у капитана были все основания жаловаться и на вездесущую жидкость от насекомых. Вся каюта была ею залита. Призрачное марево окутывало парадную форму капитана; морилка пропитала его постель, одеяла, подушки, простыни; вокруг его ботинок образовалась лужица; вахтенный журнал благоухал, от деловых бумаг капитана остались одни намеки и воспоминания. Короче говоря, можно было смело спорить на что угодно, что еще долгие месяцы ни один таракан не осмелится приблизиться ни к чему принадлежащему капитану Уистлеру.

Тем не менее Морган был изрядно изумлен, когда через короткий промежуток времени — через полчаса — ка-

питан снизошел до того, чтобы выслушать их объяснения. Правда, он швырнул автоматическую электрическую противомоскитную пушку «Русалка» на пол посреди комнаты и яростно растоптал ее ногами. Правда, он ни на йоту не отступился от своего заявления, что Кертис Уоррен — опасный сумасшедший, который скоро перережет кому-нибудь глотку, если на него не наденут смирительную рубашу. Но — читатель сам решит, благодаря ли задабриванию и лести Пегги или же по другой причине, которая вскоре будет указана, — через полчаса капитан все же согласился предоставить Уоррену последний шанс реабилитироваться.

— Всего один шанс, — объявил он, наклоняясь вперед на стуле и хлопнув рукой по столу, — и это все!!! Еще одно подозрительное движение — касается не только его, но и всех вас — всех вас, понятно? — и он отправляется под арест! Вот мое последнее слово. — Не спуская с них взгляда, Уистлер откинулся назад и принялся пить лекарство в виде виски с содовой, которое ему принесли. — А теперь, если не возражаете, перейдем к делу. Во-первых, вот что. Мистер Морган, я обещал делиться с вами всеми полученными сведениями, потому что считал, что по крайней мере вы находитесь в здравом уме. Что ж, кое-какие сведения я получил, хотя, признаюсь, они меня изрядно озадачили. Но прежде чем я поделюсь новостью с вами, я хотел бы кое-что заявить. И молодой маньяк, да и вы трое причинили мне больше забот, чем было у меня когда-либо на борту управляемого мною судна. Я просто готов вас всех растерзать!!! От вас столько хлопот, сколько от всех остальных пассажиров, за исключением вора, который украл изумруд. Но, в своем роде, вы тоже замешаны в эту историю...

«Осторожно», — подумал Морган.

— Но дело прежде всего. И раз уж вы сами изъявили готовность мне помочь... Вы уверены, что за дверью никто не подслушивает?

Старик так подозрительно озирался, что Валвик высунул за дверь, проверил, нет ли кого в коридоре, а потом задернул все иллюминаторы. Пегги серьезно сказала:

— Капитан, по-моему, вы даже не представляете, насколько мы были бы рады помириться с вами и уладить недоразумение. Если мы чем-нибудь можем вам помочь...

Уистлер помялся. Потом сделал еще один глоток виски и нехотя признался:

— Я только что видел его светлость.

Друзья поняли, что капитан в отчаянном положении.

— Он... м-м-м... в ярости, потому что изумруд не был застрахован. Вообразите, старая калоша имела наглость заявить, что я был пьян и халатно отнесся к своим обязанностям! Гром и молния! Прямо так и сказал!!! Заявил, что этого бы не произошло, если бы слон остался у него...

— Вы ведь не нашли его — случайно, а? — уточнил Морган.

— Нет!!! Я обыскал судно вместе с пятнадцатью отборными людьми от носа до кормы, но не нашел слона, вот так-то, молодой человек! А теперь замолчите и слушайте. Я не думаю, что он подаст на пароходство в суд. Однако следует учитывать и юридический аспект дела. Вопрос в следующем: виновен я или нет в преступной халатности? С юридической точки зрения изумруд находился в моем владении, хотя я и не успел запереть его в сейф. Покажите мне того увальня, — здоровый глаз капитана Уистлера налился кровью, — который говорит, что я виновен в небрежном обращении — в неосторожности, повлекшей за собой несчастный случай! Просто покажите мне его, и все. Я только на него взгляну, и он пожалеет о том дне, когда его папаша начал ухаживать за его мамашей! Как я могу быть виновен в небрежном обращении, если сзади на меня напали четверо вооруженных мерзавцев и оглушили бутылкой? Виновен ли я? О нет! — Капитан Уистлер подкрепил речь выразительным жестом, достойным самого Марка Туллия Цицерона. — Нет, я не виновен. Так вот. Если кто-нибудь убедит старика Стэртон в том, что на меня напали, а я не мог защититься... Помните, я не хочу, чтобы вы говорили, будто вы видели, как на меня напали. Если начнете лгать, то — провалиться мне на этом месте! Лгать я и сам умею. Но если бы вы сказали ему, что,

исходя из ваших собственных наблюдений, готовы поклясться, что я стал жертвой подлых негодяев, напавших на меня из-за угла... В общем, деньги для него почти ничего не значат; я почти уверен в том, что он не подаст в суд... Ну как? — поинтересовался капитан, внезапно понижая голос до своего поразительно нормального тона.

Все хором заверили его, что согласны.

— Так вы сделаете это? — переспросил Уистлер.

— Капитан, я сделаю больше, — серьезно заявил Уоррен. — Я назову вам имя сукиного сына, у которого этот изумруд находится сейчас.

— Что-о?

— Да. Я ничего не утаю. Итак, человек, у которого в данную минуту находится изумруд, — сообщил Уоррен, наклоняясь вперед и тыча пальцем в лицо капитана, — не кто иной, как подлый преступник, который выдает себя на нашем корабле за доктора Оливера Харрисона Кайла.

Душа Моргана, испустив глубокий стон, вылетела из тела и стала с шумом колотиться крылышками в иллюминатор. Он думал: «Все кончено. Это конец. Сейчас старая скумбрия испустит вопль, рассвирепеет и позовет на помощь». Морган ожидал от капитана многих странных, возможно многоэтажных, замечаний. Он ожидал, что капитан прикажет принести смирительную рубашу. В сущности, он ожидал чего угодно, но только не того, что произошло на самом деле. Добрую минуту Уистлер молча смотрел на них, прижав платок ко лбу.

— Как, и вы тоже? — спросил он. — Вы тоже так считаете? — Голос его был исполнен благоговейного трепета. — Как говорится, устами младенцев... и сумасшедших. Но погодите. Я забыл вам показать. Собственно, за этим я вас сюда и позвал. По-моему, это вранье. Не представляю, как такое возможно... Но раз уж даже психи и маменьки заметили... Сдаюсь. И потом, может быть, там совсем другой смысл. Я в это не верю. Я сам потихоньку схожу с ума. Вот! Вот! Прочтите!

Он бросился к письменному столу и принялся рыться в бумагах.

— Вот почему я хотел вас видеть. Она пришла сегодня утром. — Он вытащил радиogramму, благоухающую жидким инсектицидом номер два, и протянул ее Моргану.

Вот что в ней говорилось:

«Капитану парохода «Королева Виктория», открытое море. Правительственные агенты сообщают 25 марта в пригороде Вашингтона найден неизвестный при смерти. Возможно стал жертвой автокатастрофы сотрясение мозга. Документы удостоверение личности метки на одежде отсутствуют. Пациент в коматозном состоянии направлен в больницу. Две недели в бреду до вчерашнего дня. Несмотря бессвязную речь утверждает что является лицом находящимся у вас на борту. Федеральный агент полагает преступник виновный делах Стелли и Макги. Федеральный агент полагает также врач самозванец на вашем корабле. Весьма известная персона никакой огласки ошибки в опознании быть не должно иначе осложнения стороны медиков всестороннее внимание...»

Морган присвистнул. Уоррен, читавший из-за его плеча, восхищенно хлопнул его по спине.

— Вы тоже пришли к такому выводу? — осведомился капитан Уистлер. — Если в этой радиogramме правда, я не знаю, что и думать. На борту «Королевы Виктории» нет другого врача, кроме доктора Кайла, не считая, конечно, судового врача, но он работает со мной уже семь лет.

«Случай пока неясен. Во избежание ошибки никого пока не арестовывать. Посылаю инспектора Патрика. Он лично знает обвиняемого. Патрик плывет на пароходе «Этруска», который прибывает в Саутгемптон на день раньше вас. Прошу содействовать расследованию. О результатах известите.

Арнольд,
комиссар полицейского
управления Нью-Йорка».

— Ха-ха! — Уоррен горделиво выпятил грудь. Затем взял у Моргана радиogramму и торжествующе помахал ею над головой. — Что, капитан, вы и теперь назовете

меня сумасшедшим? Ну, давайте же, назовите, если можете. Господи! Я же знал, что я прав. Я его вычислил...

— Каким образом? — удивился капитан Уистлер.

Уоррен осекся. Он чуть не попался в расставленный капкан, причем шел туда добровольно и с песнями! Сказать, почему он считал виновным доктора Кайла, Уоррен как раз и не мог, не имел права! Морган похолодел. Он увидел, как остекленели глаза его молодого компаньона. Молчание становилось тягостным...

— Я жду, молодой человек, — отрубил капитан Уистлер. — Чтоб мне потонуть! Гореть мне в вечном пламени, если я позволю полиции произвести арест на моем судне! Да еще думают, будто я помогу поймать этого... Продолжайте! Говорите! Почему вы считаете его виновным?

— Говорю вам, я с самого начала так думал. Спросите Пегги, Хэнка и Валвика, если не верите мне! Я был готов поклясться, что этот человек выдает себя за доктора Кайла с тех самых пор, как он треснул меня по башке у меня же в каюте... — Уоррен в ужасе закрыл рот рукой, но было поздно.

Капитан Уистлер, собравшийся отхлебнуть успокаивающего средства в виде виски с содовой, поперхнулся и поставил стакан на столик.

— Доктор Кайл треснул вас по башке у вас же в каюте? — повторил он, сверля Уоррена глазами. — Когда это произошло?

— Капитан, я ошибся. Это был несчастный случай! Честное слово. Я упал и ударился головой...

— Оправданы за недостаточностью улик, молодой человек. Но я больше не позволю водить меня за нос! Вы высказали обвинение, и мне кажется... я повторяю: кажется... вы правы. Почему вы обвиняете доктора Кайла?

Уоррен взъерошил волосы и заскрипел зубами.

— Что ж, капитан, — начал он после паузы. — Я знал, понимаете, понял, что он виновен! У него такой вид. У него... словом, сегодня за завтраком он был сам не свой — юлил, лебезил и заявил нам, что ночью на палубе кого-то изнасиловали. Вот почему... Вы мне не верите? Ладно, я вам докажу; я собираюсь доказать, что его надо немед-

ленно заключить под стражу! И я расскажу вам, зачем я к вам пришел. Вчера ночью на корабле произошло убийство, старый вы осетр! Хэнк, — Уоррен молниеносно обернулся к писателю, — дайте мне бритву!

Капитан Уистлер буквально — мы не преувеличиваем — подскочил на стуле по меньшей мере на шесть дюймов в воздух. Вне всякого сомнения, частично его прыжок был вызван привычкой к морской качке — он взметнулся в воздух, словно пружина. Однако, помимо этого сугубо материалистического объяснения, очевидно было, что капитан чрезвычайно возбужден. Хотя душа его пребывала в смятении, он пошарил в ящике письменного стола и вскоре направил на Уоррена автоматический пистолет.

— Ладно, — сказал он. — Спокойно, ребята!

— Капитан, это истинная правда. — Морган схватил его за руку. — Он не сумасшедший и не шутит. Преступник действительно убил человека; я имею в виду самозванца на борту. Если вы дадите мне минуту времени, я вам докажу. Действуйте, Валвик. К черту его пушку. Усадите его обратно на стул и держите, пока мы не вобьем правду ему в голову. К этому времени второй помощник наведет справки и узнает, что пропала одна из пассажирок. Вчера ночью была убита женщина, а труп выкинули за борт...

Раздался стук в дверь.

Все похолодели; друзьям почему-то показалось, что они остались в дураках... Наступило молчание. Наконец Уистлер невнятно крикнул:

— Войдите!

— Осмелюсь доложить, сэр, — на пороге стоял второй помощник, — вам, а также... — глаза его сверкнули, — мистеру Моргану, как вы и приказывали. Мы вдвоем совершили полный обход корабля. Мы навели справки обо всех пассажирах и членах экипажа. Вчера ночью никто не пострадал.

На виске Моргана забилась жилка.

— Отлично, мистер Болдуин. Но мы не ищем человека, который просто пострадал или был ранен. Мы ищем женщину, которая была убита и исчезла...

Болдуин окаменел.

— Сэр, можете сами проверить, — он огорченно пожал плечами, — но вы не найдете ее. Я лично проверил судно. Все пассажиры и члены экипажа в наличии.

— Верно ли это, мистер Болдуин? — почти добродушно пророкотал капитан Уистлер. — Так-так...

В 11.45 по летнему времени Уоррена под усиленным конвоем препроводили в корабельную тюрьму.

Интерлюдия

НАБЛЮДЕНИЯ ДОКТОРА ФЕЛЛА

Косые лучи теплого майского солнышка падали на пол просторного, уставленного книгами кабинета в доме по Аделфи-Террас; река за окном искрилась и сверкала. Через открытое окно до них доносился отдаленный звон курантов на здании парламента. Биг-Бен отбивал полдень. В пепельнице скопилась гора сигарных окурков. Морган совершенно выдохся и охрип.

Глаза доктора Фелла были полузакрыты. Откинувшись спиной на спинку стула, он оторвался от созерцания потока машин на набережной Виктории и перевел взгляд на собеседника. Его тройной подбородок под бандитскими усиками подпрыгивал от сдерживаемого смеха.

— Полдень, — сказал доктор Фелл. — Отдохните немного, я прикажу подать нам ленч. Большой глоток холодного пива доставит вам неизъяснимое наслаждение. — Отдуваясь, он дернул шнуток колокольчика. — Во-первых, мой мальчик, позвольте признаться: я отдал бы год моей жизни за то, чтобы оказаться на «Королеве Виктории» вместе с вами. Хе! Хе-хе-хе! А пока — только один вопрос. Скажите, вы больше ничего не натворили? Хотя трудно представить, что можно запутаться и наделать бед больше, чем сделала ваша славная компания!

Морган смущенно хмыкнул.

— Сэр, — глаза его были печальны, — то, что я успел вам рассказать, это... всего лишь микроскопическая часть, можно сказать атом, микроб, скрытый в капле воды, по сравнению с обширным океаном бедствий, которые нас

ждали. Вы еще ничего не слышали, ни-че-го! Охотно признаю: мозг у меня до сих пор не расплавился, но почему я пока не сошел с ума — просто не понимаю. После зловещего эпизода с золотыми часами... но об этом после. — Он немного помялся. — Послушайте, сэр. Я знаю, вы мастер распутывать детективные интриги. Если бы я пришел просить вас о помощи, то так сразу и заявил бы. Когда я пишу роман, то особенно слежу за тем, чтобы сюжетная линия была ясна и четко очерчена. Если, невзирая на всю путаницу и глупости, на корабле действительно произошло убийство, мне надо быть в этом уверенным, понимаете? К такому развитию событий необходимо подготовиться; обидно, если все окажется просто гигантской мистификацией, розыгрышем. Выражаясь фигурально, нужен труп на полу. Когда в детективе кто-то внезапно исчезает, автору не на что опереться. Чаще всего требуется недюжинная ловкость, чтобы доказать, что убийства вовсе не было или убили не того человека... Читателя такой поворот только раздражает... Разумеется, с аналитической точки зрения, а не с общечеловеческой. Однако, если вы сейчас спросите меня, действительно ли на борту «Королевы Виктории» произошло убийство, я вынужден буду признаться, что не уверен в этом.

Доктор Фелл глухо заворчал. В руке у него был карандаш, которым он торопливо царапал на листке бумаги какие-то пометки.

— Хорошо, — произнес он, и глаза его сверкнули из-за стекол очков, — но если вы не уверены, то почему бы вам не спросить об этом меня?

— Вы... стало быть... полагаете...

— Да, — кивнул доктор Фелл, — на «Королеве Виктории» произошло убийство. — Он нахмурился. — Мне очень неприятно говорить вам об этом. Мне неприятно, что приходится думать об этом; возможно, я и ошибаюсь. Дабы развеять все сомнения, вам неизбежно придется поведать мне еще одну вещь. Однако на этой одной вещи я настаиваю. Не бойтесь чуши. Пусть вам не будет неловко за радостный рождественский смех, когда адмирал поскальзывается на куске мыла и садится на собственную шляпу с перьями. Не говорите, что смеху и радости

не место там, где речь идет об убийстве. Как будто сам убийца не способен смеяться! Отнесясь к убийце как к монстру из музея восковых фигур, который злобно смотрит на свои окровавленные руки, вы никогда не сумеете понять его и, возможно, так никогда и не поймете, кто он такой. Будь он проклят, если вы не сумеете найти его, однако не говорите, что он не человек или что жизнь налагает на детективные истории обязанность вселять ужас. Те, кто так рассуждают, чаще всего склонны осуждать невиновного. Детектив в таком случае оборачивается фикцией. И все же... — Он ткнул кончиком карандаша в свои заметки. — И все же, друг мой, ваш случай весьма показателен. Если следовать вашей логике и вашему веселому рассказу, в данном конкретном случае вырисовывается некий подставной убийца...

— Подставной убийца?

— Мы имеем дело с профессиональным преступником и прекрасным имитатором, надевшим маску. Короче говоря, с убийцей, который убивает ради выгоды. Человек, выдающий себя за другого, всего лишь копия — дурная или хорошая, но копия с оригинала. Нам трудно разглядеть его за личиной. Единственное, что нам остается делать, — это судить, хорошо или плохо он выучил украденную роль. Хм!.. Тут нужно хорошенько пораскинуть мозгами; вне всякого сомнения, маска очень похожа на оригинал. Однако о том, как разглядеть под маской его подлинную сущность, вам лучше поговорить с одной из марионеток дядюшки Фортинбраса... — Он замолчал и сузил сонные глазки. — Почему, кстати, вы сейчас дернулись? Или нет?

— Н-ну... — замялся Морган, — собственно говоря, дядюшку Жюля... как бы это сказать... словом... его посадили под арест.

Секунду доктор Фелл молча смотрел на него, а затем громко фыркнул, отчего из его трубки вылетел целый сноп искр.

— Дядюшка Жюль под арестом? — Доктор Фелл задумчиво сощурился. — Еще того веселее. За что?

— О, не за убийство, ничего подобного. Я все вам расскажу. Разумеется, сегодня его выпустят. Они...

— Хм... Кгм!.. Давайте проверим, понял ли я смысл сказанного вами. Его сегодня выпустят? Разве корабль еще не пришвартовался?

— Об этом и речь, сэр. Нет. Однако благодарение Господу, что вы спросили, ведь именно поэтому я к вам и пришел... Вы знакомы с капитаном Уистлером? А он знает вас, не так ли?

— У меня был некоторый опыт общения, — доктор Фелл мечтательно закрыл один глаз, — со старой... хм... каракатицей. Хе! Хе-хе-хе! Да, я знаю его. А что?

— Мы должны были причалить к берегу сегодня рано утром. Проблема в том, что в последнюю минуту в порту неверно указали наш док, причал, или как там его называют; «Королева Анна» не сдвинулась с места, чтобы пропустить нас, и мы остались в гавани; теперь мы никак не можем пристать к берегу примерно до двух часов дня...

Доктор Фелл выпрямил спину.

— Значит, «Королева Виктория» все еще...

— Да. Благодаря кое-чему, о чем вы услышите в свое время, мне удалось уговорить Уистлера отпустить меня на берег вместе с лоцманом. Конечно, пришлось ускользнуть незаметно, иначе остальные просто взбесились бы от злости. Но... — он перевел дыхание, — так как Уистлер знает вас, мне удалось, наконец, убедить его в том, что, если я попаду к вам до того, как пассажиры покинут корабль, его, возможно, ожидают слава и почет. Собственно говоря, сэр... вы расцените мое поведение как наглость, но я практически пообещал ему, что вы передадите ему в руки выдающегося преступника — порукой тому ваша репутация, — если я сумею попасть к вам до того, как пассажиры покинут «Королеву Викторию». — Морган откинулся назад и пожал плечами, не сводя встревоженного взгляда с доктора Фелла.

— Наглость? Ха! Хе-хе-хе! Чушь! — весело загремел доктор Фелл. — Для чего же и нужен Гидеон Фелл, как не для таких оказий? И потом, у меня свои счета с Хэдли; он дал мне в глаз на прошлой неделе во время того дельца в Блумгартене. Спасибо, мальчик мой, спасибо.

— Так, по-вашему...

— Только между нами. Я уверен, что мы предадим Слепого Цирюльника в руки правосудия. У меня довольно сильное подозрение, — доктор Фелл нахмурился и громко фыркнул носом, — что я знаю, кто такой ваш Слепой Цирюльник. Если я ошибаюсь, большого ущерба не выйдет, кроме слегка уязвленного достоинства... Но послушайте, какая в этом необходимость? Ведь из Нью-Йорка сегодня утром на «Этруске» должен был прибыть полицейский агент?

Морган покачал головой.

— Наверное, забегать вперед — дурной тон, — сказал он, — но у нас и без того так все запуталось, столько раз приходилось начинать все сначала, столько раз мы попадали в неловкое положение, что еще одна оговорка не сильно повредит стройности моего рассказа. «Этруска» прибыла вовремя, однако инспектора Патрика на ней нет. Он вообще не переплывал Атлантики. Не знаю почему, я вообще не придаю этому большого значения, однако факт остается фактом. Если не предпринять никаких шагов, Цирюльник уже через три часа сойдет на берег свободным человеком.

Доктор Фелл откинулся на спинку стула и какое-то время смотрел в пространство, а потом скосил глаза на свои заметки, лежащие на столе.

— Гм!.. Да-да. Будьте любезны, передайте мне вон тот телефонный справочник — он лежит на табурете. Спасибо... Каким поездом вы приехали? 7.53, вокзал Ватерлоо? Ясно. Ага... Так. Вот это подойдет. Кстати, вы, случайно, не захватили с собой список пассажиров?

— Да. Я подумал...

— Передайте его мне. — Фелл стремительно перелистывал страницы, пока не нашел нужную фамилию. Затем он еще раз перечитал список, водя пальцем по номерам кают. Найдя искомое, сопоставил фамилию пассажира и номер каюты; однако список лежал на противоположном конце стола, и Моргану были непонятны манипуляции доктора. — А теперь на минутку прошу извинить старого шарлатана. Мне необходимо сделать несколько звонков. Даже под самой страшной пыткой не выдал бы, что я намерен делать или почему продолжаю

забавляться и мистифицировать вас. Ха-ха! Мой мальчик, ни одно удовольствие не сравнится с мистификацией, но только если вы в состоянии справиться с задачей... Собственно говоря, я как раз хочу отбить телеграмму капитану Уистлеру. Я назову ему фамилию убитой женщины и внесу ряд предложений. Также не повредит позвонить в Скотленд-Ярд и дать им несколько ценных указаний. Выпейте еще пива. — И он заковылял к двери, радостно хихикая, ударяя по полу тростью.

Вернулся доктор, ликуяще потирая руки: впереди него шла женщина, которая несла такой огромный и уставленный яствами поднос, какой Моргану давно не доводилось видеть.

— Сосиски с картофельным пюре, — объявил доктор Фелл, плотоядно раздувая ноздри. — Ставьте сюда, Вида... Ну вот. Продолжим. Мне необходима ясность еще в нескольких мелочах. Просветите меня, если вы не против того, чтобы беседовать за едой. Ваш случай, друг мой, — самая интересная шкатулка с сюрпризом, какую мне когда-либо доводилось открывать. Каждое отдельно взятое событие похоже на макет пистолета. До тех пор, пока вы не спустите курок, невозможно сказать, что это такое — детская игрушка или настоящее смертоносное оружие. Дело в своем роде уникальное, потому что некоторые самые очевидные улики кажутся полной ерундой и бессмыслицей...

— У меня вопрос, — вставил Морган.

— Погодите. — Доктор Фелл заправил салфетку за воротник и ткнул в гостя вилкой. — Случалось ли вам размышлять... — судя по виду доктора, он был уверен в том, что на размышления его гость вообще не способен, — случалось ли вам размышлять над старинными пословицами? Вам не бывало грустно оттого, что никто настоящему не вникает в смысл народных сентенций и афоризмов, несмотря на то что их столь часто и охотно цитируют? Более того, в них не верят! Например, сколько людей на самом деле считают, что «честность — лучшая политика»? Особенно если им самим случается поступить честно. Многие ли следуют принципу «рано ложиться и рано вставать»? Сходным образом реагируют и на посло-

вицу о том, что частенько правда говорится в шутку. Следовать народной мудрости в жизни слишком хлопотно; на это необходимо больше изобретательности и больше ума, чем способно выказать большинство людей. Кроме того, трудно представить, насколько осложнилась бы общественная жизнь, если бы все на секунду поверили в то, что правду действительно можно говорить в шутку! Жизнь стала бы просто невыносимой — все равно что ежедневно обедать с толпой психоаналитиков.

— О чем вы? — не понял Морган. — В шутку нельзя повесить преступника.

— О, я не шучу. Вы не догадываетесь, к чему я клоню?

— Нет.

Доктор Фелл небрежно нацарапал что-то на листке бумаги и передал его гостю.

— Вот, набросал кое-что для вашего просвещения, — сообщил он, хмурясь. — Я составил список из восьми ключей. Или восьми рекомендаций, если вам угодно. Ни один из ключей не является прямой уликой. Я рассчитываю услышать от вас прямую улику в продолжении вашей замечательной истории. Я смутно надеюсь и верю, что вы упомянете ту улику, которая мне нужна; и моя вера настолько сильна, что я готов ради нее поставить на карту карьеру капитана Уистлера. Ну как?

Морган взял листок, на котором было написано:

- «1. Внушение.
2. Счастливый случай.
3. Слепое братское доверие.
4. Невидимка.
5. Семь бритвенных лезвий.
6. Семь радиограмм.
7. Устранение.
8. Телеграфный стиль».

— Я совершенно ничего не понимаю, — признался он. — Первые два ключа можно толковать как угодно... Погодите, сэр! Не надо возмущаться! Говоря «можно толковать», я имею в виду себя. А третий ключ... он вну-

шает мне тревогу... А что насчет семи бритвенных лезвий? Мы не находили семи.

— Вот именно, — прогудел доктор, поднимая вверх вилку, словно это все и объясняло. — Суть в том, что, видите ли, бритвенных лезвий, скорее всего, было семь. Вот в чем суть.

— Хотите сказать, что нам надо было поискать остальные?

— О нет! Скорее всего, остальные Цирюльник выкинул. Главное, вам необходимо помнить, что их было семь. А?

— И потом, — продолжал Морган, — какие семь радиограмм? Что за семь радиограмм? В моем рассказе я упомянул только о двух...

— А, здесь мне необходимо объясниться. — Доктор Фелл пронзил вилкой сосиску. — Семь — число мистическое; округленное, целое, наводящее на определенные мысли; число с любопытной историей. Я использую число «семь» в аллегорическом смысле, вместо слова «несколько», потому что мы сошлись на том, что их было несколько. Самое интересное, что я вовсе не имею в виду те радиограммы, которые вы читали. Тех вы не видели. Ведь это очень важно, верно?

— Будь я проклят, если что-нибудь понял, — заявил Морган, потихоньку закипая. — Если мы их не видели...

— Продолжайте ваш рассказ, — попросил доктор, взмахнув длинными пальцами. — Я почти уверен: еще до того, как вы закончите ваш рассказ, мне удастся дополнить мой список еще восемью ключами-подсказками — всего, значит, их будет шестнадцать, — при помощи которых мы решим и закроем ваше дело.

Морган откашлялся и заговорил.

Часть вторая

Глава 13

ДВА МАНДАРИНА

Среди легкомысленных хроникеров чрезвычайно популярен следующий прием: в самый ответственный момент они принимаются размышлять о роли в жизни людей и во всемирной истории совершенно незначительных происшествий, пустячных случаев, оговорок и так далее. Иногда договариваются до того, что в гибели Трои в конечном счете виновен чистильщик сапог царя Приама. Естественно, это полная ерунда.

Так, подобный историк не преминул бы заметить, что в тот момент, когда Керта Уоррена поместили в обитую войлоком камеру на нижней палубе, больше никаких трагических происшествий на борту «Королевы Виктории» не произошло. За исключением одного маленького обстоятельства: в тот день наши заговорщики по крайней мере один раз — если бы они тогда только знали! — были на волосок от того, чтобы поймать Слепого Цирюльника.

Автор настоящей хроники так не считает. Мужчины обычно неуклонно, словно струя жидкого инсектицида из сопла автоматической противомоскитной пушки «Русалка», следуют курсом, заданным их характерами, и никакой гвоздь от подковы не в силах повлиять на их судьбу. Читатель, наверное, уже понял, что Кертис Уоррен был довольно порывистым молодым человеком, в высшей степени поддающимся внушению. Не попади он в эту переделку, так с ним непременно случилось бы что-нибудь иное.

Sic volvere parcoe!¹ Дабы утешить друга в неволе, которую они не могли с ним разделить, Пегги Гленн снабдила его полной до краев бутылкой виски, а Генри Морган — одним из своих старых детективных романов.

Таким образом, между прочим, каждый проявил собственный характер. Если кто-то скажет, будто Морган мог бы быть осмотрительнее, то вскоре станет ясно, как обременен он был собственными мыслями. Морган столь яростно негодовал, что почти забыл об осторожности. Кроме того, посоветовавшись с Пегги, он пришел к следующему выводу: если уж такой неистовый буреизвестник, как Кертис Уоррен, сумеет попасть в беду, будучи запертым в обитой войлоком камере, то где же тогда, черт возьми, он будет в безопасности?

Но оставим философствование и перейдем к делу.

После трогательной сцены прощания три дюжих матроса водворили Уоррена под замок. Правда, сразу после этого двум матросам пришлось обратиться к врачу, чтобы тот залатал их изрядно попорченные физиономии. За недостатком места пропустим продвижение конвоя с арестантом вниз, от капитанской каюты до нижней палубы. Их движение напоминало беспорядочное огненное колесо, катящееся по трапам, отчего пассажиры бледнели и, словно зайцы, спешили укрыться в своих каютах. Последний рывок — и Уоррен оказался в камере. Дверь за ним захлопнулась. Изрядно ошипанный, но непобежденный, он продолжал трясти решетки и осыпать колкостями измученных матросов.

Пегги заливалась горючими слезами, наотрез отказываясь покинуть друга. Даже заявила, что если ей не позволят остаться с Уорреном, то она так лягнет капитана Уистлера в какое-нибудь жизненно важное место, что сама попадет под стражу. Морган и Валвик, также верные друзья, поддержали ее. Если Старый Морж решил, будто Уоррен спятил, значит, они тоже психи! Оба настаивали, что тоже имеют право быть заключенными под стражу. Но тут у Уоррена, видимо, случилось временное просветление, а может, ему просто захотелось сделать

¹ Так распорядились парки! (*лат.*)

красивый жест, но он, во всяком случае, заявил, что и слышать не хочет о таких жертвах.

— Так держать, старина! — угрюмо произнес Кертис и мужественно пожал руку Моргану, просунув ладонь между прутьями решетки своей темницы. — Цирюльник еще на свободе, и вам нужно найти его. И потом, надо помочь дядюшке Пегги с его марионетками. Так держать! Мы еще прищучим Кайла!

То, что Уистлер в конце концов не согласился с требованием друзей отправить их в тюрьму вместе с Уорреном, Морган впоследствии приписал желанию капитана сделать из них свидетелей вероломного на него нападения ночью. Однако в то время такое объяснение не пришло ему в голову, иначе он попытался бы шантажировать капитана отказом свидетельствовать в его пользу; а самому капитану Уистлеру, как станет ясно позднее, не пришлось бы выслушивать колкости и издевки желчного старика лорда Стэртона. В тот момент трое заговорщиков понимали только одно: их союзник сидит под замком в недрах корабля, вдали от роскошных салонов и прогулочной палубы, в темном коридоре, пропахшем машинным маслом и освещаемом лишь тусклой лампочкой, за дверью со стальной решеткой, за которой он стал похож на короля Ричарда в изгнании. Караулить узника посадили флегматичного матроса со свистком. Он сидел на стуле и читал «Голливудские романы», так что возможность побега равнялась нулю.

Однако нет худа без добра. Судовой врач, настроенный довольно скептически, вовсе не верил в безумие Уоррена, однако по долгому опыту знал, что капитану Уистлеру лучше не перечить, пока тот не утихомирится. Врач не возражал против того, чтобы маньяка снабдили сигаретами и чтивом. Если он и заметил бутылку виски, которую Пегги засунула в журналы, свернутые трубкой, то не показал виду.

Вкладом Моргану в передачу узнику была пачка сигарет «Голд флейк» и один из его старых романов под названием «Игра окончена, напарник!». Всем, кто пишет детективные романы, должно быть известно: подробности более ранних произведений выветриваются из

памяти автора еще быстрее, чем они улетучиваются из памяти читателей. Морган, в общем, помнил, о чем шла речь в той книге. Главным героем в ней был лорд Джералд Дерревал, известный в районе клубов Вест-Энда как состоятельный бездельник, прожигатель жизни и спортсмен. Однако в Скотленд-Ярде он проходил под леденящей душу кличкой Блуждающий Огонек. Будучи джентльменом-взломщиком, лорд Джералд принес полиции немало хлопот. Его захватывающие побег из-под усиленной стражи заставляли Гарри Гудини бледнеть от зависти. По сравнению с лордом Джералдом Гудини выглядел дилетантом, «сапожником», который выходит из тюрьмы только для того, чтобы предстать перед судом. Разумеется, на самом деле за лордом Джералдом не числилось ничего серьезного. Что он такого делал? Обчищал мерзавцев, которые самым пошлым образом нажили состояние нечестным путем. Образ лорда Джералда получил высокие оценки в социалистической прессе, такой популярной в наши дни. Кроме того, его грехи искупались любовью к красавице Сардинии Трелони. В конце книги лорд Джералд ловил настоящего негодяя, который пытался повесить убийство на него, и мирился с инспектором Дэниелсом, своим заклятым врагом, тупицей и разиней, который так часто попадал впросак, что, даже жалея его, читатель невольно удивлялся, как это он ухитрился устроиться на работу в полицию.

Увы, все эти подробности испарились из памяти Моргана, иначе он понял бы, что, в сочетании с бутылкой «Старого Роба Роя», роман представляет в руках Кертиса Уоррена настоящий динамит. Возможно, разумнее было бы снабдить узника железнодорожным справочником Брэдшо или сборником проповедей. Но что сделано, то сделано, и потом, философские ремарки по данному вопросу уже высказывались. После того как Пегги со слезами на глазах сказала узнику последнее прощанье, а Морган и Валвик обменялись с ним рукопожатием, друзья, мрачные как тучи, пошли наверх, к капитану.

— Скашите шестно, — начал Валвик, выходя на залитую солнцем шлюпочную палубу, которую Уоррену

запрещено было видеть, — по-фашему, мы пыли прафы или софершили ошибку? Это фам не шуточки. Если они скасали, шшто фсе пассажиры на месте, токта я не понимаю, как кто-то мошет пропасть. Мошет, мы тумаем, шшто упийство пыло, а на самом теле никакофо упийства и не пыло.

— Говорю вам, мы правы! — отрезал Морган. — Мы правы, но нам необходимо каким-то образом доказать свою правоту. Во-первых, я постараюсь как можно хладнокровнее убедить в этом Уистлера. Я заставлю его сделать сравнительный анализ крови на лезвии бритвы и на матрасе. Анализ может сделать судовой доктор или, может быть, доктор Кайл...

— Кайл? — Пегги изумленно уставилась на него. — Но ведь он...

— Когда же вы, наконец, возьметесь за ум? — устало сказал Морган. — Давайте забудем эту версию раз навсегда. Неужели вы не понимаете, что Кайл — единственный человек на всем корабле, который просто не может быть виновным?

— Почему?

— Потому что у него одного есть железное алиби, старушка. Послушайте, шкипер, вы совершенно уверены в честности вашего приятеля, у которого болели зубы, — ну, того боксера, Грозы Бермондси? Уверены? Отлично. А теперь припомните, что он говорил. По его словам, он всю ночь глаз не спускал с двери каюты доктора Кайла, а также слышал шум на палубе... Погодите-ка. Пегги, ведь вы об этом не знали, верно?

Морган вкратце пересказал ей сведения, полученные от Грозы Бермондси, а заодно просветил и Валвика, сообщив ему показания Перригоров.

— Значит, что получается? Слепой Цирюльник украл оставшуюся часть фильма и убил девушку в то время, когда на палубе разразился скандал. Всю ночь в каюту доктора Кайла никто не входил и оттуда тоже никто не выходил. Так как он мог незаметно выйти и потом вернуться к себе? Ничего не сходится.

— Хэнк, это у вас ничего не сходится, — язвительно парировала Пегги. — Может, его вообще не было в своей

каюте! Железное алиби? Ха! Подумаешь! Все железные алиби в конце концов оказываются ложными.

Морган сделал протестующий жест:

— Ладно. Это легко проверить. Мы сразу же приступаем к решительным действиям и, во имя Господа, докажем, что правы! Вот вам поручение, капитан. Отправляйтесь к вашему другу, Грозе Бермондси, и допросите его. Еще найдите коридорного стюарда и задайте ему любые вопросы, какие сочтете нужным...

— И все? — спросил Валвик, почесывая затылок.

— И все. Мы докажем нашу правоту! — После того как Валвик, пробормотав что-то под нос, заковылял прочь, Морган повернулся к Пегги: — А я тем временем дожду Уистлера с анализом крови. Я поклянусь, что кровь человеческая; и если окажется, что так оно и есть, мы укажем ему на следующее обстоятельство: невозможно потерять столько крови и утром представиться совершенно здоровым. Никто не признался, старушка! Затем мы сами совершим обход всего судна, если понадобится. Мы им покажем! — И он довольно злобно оглядел шлюпочную палубу, которая в этот час была полна пассажирами.

Триумфальное шествие Уоррена в тюрьму происходило ниже, да и вели его кружным путем, однако новость уже разнеслась по кораблю, и палуба гудела от пересудов; время от времени слышался женский визг. Томные фигуры в шезлонгах, вышедшие погреться на солнышке, стряхнули сон и отбросили пледы; картежники застыли с картами в руках, а двое теннисистов, забыв об игре, сошлись у сетки и оживленно беседовали. Первая красавица — на кораблях всегда бывает одна такая — убрала с лица профессиональную улыбку; берет сполз у нее на одно ухо, незажженная сигарета была забыта. Она жадно склонилась к группе обожателей и слушала потрясающий рассказ. Красавица стояла на платформе у спасательной шлюпки, и ее кричащий ярко-зеленый шарф развевался по ветру. Высоко у них над головами, над одной из трех громадных черных труб, над которой курилась тонкая струйка дыма, слышался такой резкий и мощный свисток, словно объявили тревогу. Все с не-

терпением ожидали сигнала на ленч. Кое-где слышался смех. Морган нахмурился.

Уистлер был у себя; злость он вымещал на стюарде, который пытался навести в капитанской каюте подобие порядка.

— Больше я не намерен ничего обсуждать, — заявил Уистлер. — Возможно, я поспешил. Не стану утверждать обратное. Однако я действовал в пределах моих полномочий и буду держать молодого пьяницу или сумасшедшего под замком до тех пор, пока не сочту нужным его выпустить. Не стану обсуждать его слова. Но смотрите, во что он превратил мою каюту! Вы только оглянитесь по сторонам, а потом говорите, имел я право поступить так, как поступил, или нет. — Он упрямо выпятил вперед подбородок и уперся кулаками в бедра. Его здоровый глаз зловеще сузился, а золотые галуны на рукавах сверкнули.

Однако друзьям почему-то не было страшно.

Внезапно капитан переменял тему:

— Ну, давайте же! Мы одни. Вам нет нужды защищать вашего друга. В чем тут правда?

Наступила тишина, только слышно было, как у капитана из носа со свистом вырывается воздух.

— Капитан, что это значит? — ошеломленно спросила захваченная врасплох Пегги. — На самом деле вы не считаете Керта сумасшедшим? Ох, какой же вы негодяй! После того, как вы приказали своим людям избить его... после того, как они поволокли его...

— Мадам, мне нужна правда. Правда, только и всего. В моем положении...

— Послушайте, капитан, — заговорил Морган после небольшой паузы, во время которой Уистлер стиснул зубы, — в чем дело? Случилось что-то еще?

— Почему бы это?

— Я только так спросил... — Морган быстро оглядел каюту и увидел разгадку. У дверцы платяного шкафа лежало окровавленное постельное белье, скатанное в ком; простыня, обмотанная вокруг испачканного кровью одеяла. — Значит, — продолжил он, — стюард обнаружил нечто странное в каюте, соседней с каютой Керта? Вошел и об-

наружил, что на койке постельное белье все в крови? И доложил об этом вам? Превосходно. Вот бритва, которой было совершено убийство. — Он вынул бритву из кармана и выложил ее на стол; Уистлер все это время пристально смотрел на него. — Теперь все прекрасно. Сказать, что вы натворили? Вы обозвали невинного человека лжецом и сумасшедшим и отправили его под арест. Если старик Стэртон может всего лишь обвинить вас в преступной халатности, повлекшей за собой потерю пятидесяти тысяч фунтов, то представляю, как развеселится начальство вашего пароходства, узнав о вашем самоуправстве! — Неожиданно для себя Моргану стало жаль старую скумбрию. Настойчивый внутренний голос твердил ему: в конце концов, все произошло по их вине. Он злился на обстоятельства, которые словно сговорились, чтобы скрыть истину, казавшуюся ему непреложной.

— Убийство!!! — Им показалось, что капитан задыхается. — Убийство! И вам хватает наглости стоять здесь и болтать со мной об убийстве, когда на корабле не обнаружено ни одного пропавшего? Где убитый?.. И нечего пугать меня тем, что подумает мое начальство. Я поместил этого психа под арест за нарушение дисциплины. Вот и все. Карать нарушителей дисциплины — мое право! На судне мое слово — закон, и любой морской суд...

— Однако из этого выйдет хорошая история для газет, — заметил Морган. — «Защита капитана Уистлера!» «Подлый негодяй напал на меня с противомоскитной пушкой!» А уж как порадует пароходство «Зеленая звезда»! Да, точно порадует. На ваш счет.

Казалось, капитан слегка затрепетал.

— Неужели нет на свете справедливости? — неожиданно спросил он, обводя каюту бараньим взглядом. — Неужели на всем белом свете нет справедливости? Что я такого сделал, чем заслужил все это? — И тут капитан произнес страстную, пылкую, хотя и довольно патетическую, речь, для которой у него, вне всякого сомнения, были основания.

Его речь была исполнена поистине библейской мощи. Капитан Уистлер подробно перечислил все свои невзгоды. Вначале на него нападают замаскированные незна-

комцы, вооруженные кинжалами и бутылками. Незастрахованные драгоценности, принадлежащие таким-растаким виконтам (далее следовали многочисленные пожелания в адрес виконта и всех его родственников), украдены! Вор и убийца прикидывается почтенным врачом с Харлестрит, к тому же проник за капитанский столик. В каютах загадочным образом возникают пропитанные кровью одеяла и бритвы; исчезнувшие женщины на самом деле не исчезают; племянники знаменитых американских политиков вначале сходят с ума на почве географии и молотят всякий вздор о медведях, а затем впадают в буйное помешательство. На него, капитана, кидаются с противомоскитными пушками! Его пытаются отравить и зарезать — угрожают опасной бритвой. Беспристрастный слушатель, несомненно, решил бы, что ситуация на борту «Королевы Виктории» безнадежна. Беспристрастный слушатель сказал бы, что данное судно избрано местом проведения ежегодного съезда древнего ордена колдунов и что ребятки решили немножко порезвиться. Капитан Уистлер заявил, что с него хватит. Он сильный человек, но предпочел бы, чтобы его скормили акулам.

— Я вас понимаю, — согласился Морган, который чувствовал себя неловко. Тайфун начал стихать, и капитан трясущимися руками попытался налить себе виски. — Хотите верить, хотите нет, нам все случившееся так же неприятно, как и вам. Поэтому первое, что мы должны сделать...

— Делать нечего, — обреченно возразил капитан, — разве что напиться.

— ...мы должны объединить усилия и начать распутывать зловещий клубок. И вот вам гарантия нашей верности. Мы пойдем вместе с вами к Стэртону и полностью обелим вас в его глазах. Мы скажем, что видели, как на вас напали — внезапно, из-за угла, так что возможности защищаться у вас не было. Ведь так оно и было на самом деле...

— Вы серьезно? — Капитан насторожился. — Будь я проклят, если попрошу вас об одолжении, но, раз вы сами предлагаете... если вы сумеете... друг, я все для вас сделаю. Даже выпущу вашего психа из камеры.

Морган задумался.

— Вообще-то, — нерешительно произнес он, — лучше бы поддержать его там еще несколько часов.

— Хэнк! — вскричала Пегги, но тут же осеклась.

— Да, да, вы сами понимаете, — кивнул ей Морган. — Когда мы думали, что капитан не прислушается к разумным доводам, мы были готовы взорвать стену, чтобы выпустить Уоррена. Но раз мы теперь союзники... Мы ведь союзники, капитан?

— До гробовой доски, друг.

— Тогда, наверное, в настоящий момент лучше всего оставить его там, где он есть. Никаких неудобств и лишений он не испытывает, а у нас развязаны руки, пока он находится в таком месте, где ничего не натворит. По крайней мере, — присовокупил Морган с большим сомнением в голосе, — я не вижу, каким образом он там может наделать бед. Все зависело от вашего отношения, капитан. Если вы хотите, чтобы мы поговорили со Стэртоном прямо сейчас, мы готовы.

Энергично постучав в дверь многокомнатных апартаментов лорда Стэртона, они вошли в душную прихожую. Все иллюминаторы были задраены наглухо и задернуты плотными шторами. Дверь в гостиную — закрыта. Позолоченная мебель — расставлена в беспорядке, а вокруг шезлонга, где Стэртон, очевидно, страдал от морской болезни, выстроились многочисленные пузырьки с лекарствами. Обязан ли он был своим выздоровлением улучшению погоды или потере изумруда, вошедшие не поняли; однако Стэртон определенно поправился. Из-за двери спальни доносился его высокий, дребезжащий, придиричивый голос:

— ...И запишите радиограмму. Ха. Вот. «Господам Киквуду, Бейну и Киквуду, поверенным...» Как пишется? Черт побери, мисс Келлер, пишется так же, как и произносится: К-и-к-в-у-д! Киквуд! Ха. Кингз-Бенч-Уок, 31б. Или 31а? Ну почему эти проклятые адвокаты не могут договориться? Как мне упомянуть все их чертовы адреса? Погодите, погодите минутку...

Дверь с шумом отворилась и тут же захлопнулась. В темную гостиную выбежала тощая фигура в поношен-

ном сером халате, с накинутой на плечи шерстяной клетчатой шалью. Даже в помещении лорд Стэртон носил широкополую черную шляпу; его сероватое лицо на фоне дорогих безделушек, разбросанных по всей гостиной, напомнило Моргану изображения магов кисти Артура Рэкема. Еще Моргану захотелось, чтобы кто-нибудь открыл иллюминатор.

Фигура сказала: «Ха!» — и бросилась к ним. Капитан Уистлер заметно оробел. Можно сказать, Уистлер побледнел перед суровым взглядом лорда Стэртона в точности так, как Уоррен бледнел перед капитаном Уистлером.

— Итак? — спросил лорд Стэртон. — Я жду, я жду. — Он прищелкнул тощими пальцами. — Вы нашли изумруд?

— Сэр, если вы проявите терпение, — ответил Уистлер, силясь казаться дружелюбным и вернуть былое беззаботное состояние духа, — то я... Ха-ха-ха! Конечно, мы найдем его.

— Значит, изумруда у вас нет. Очень хорошо. Почему вы не желаете в этом признаться?

— Я только хотел сказать...

— Вздор, вздор, вздор! Отвечайте: да или нет? Если у вас нет изумруда, то зачем вы пришли? — Стэртон наклонил к нему тощую шею.

— Помните, мы с вами обсуждали одно дельце... Ха-ха! — Уистлер беспомощно махнул рукой, изо всех сил стараясь казаться дружелюбным. — Помните, ваша светлость, я говорил, что могу привести свидетелей, которые подтвердят, что я действовал во исполнение своего долга. Вы сказали, что я несу ответственность...

— Совершенно верно, совершенно верно, вы несете ответственность. У меня и расписка ваша имеется. Вот.

— Наше замечательное пароходство, ваша светлость, в котором я имею честь быть одним из старших командиров, всегда стремилось избегать неприятностей, — начал капитан раскатистым голосом. — Тем не менее, принимая близко к сердцу его интересы...

Стэртон презрительно фыркнул и, резко опустившись в шезлонг, плотнее закутался в шаль.

— Почему не сказать прямо, что у вас на уме? Вы хотите сказать, что попали в передрагу и желаете оправдаться. Так ведь? Верно? А?

— Грубо говоря, да, ваша светлость...

Стэртон выпростал палец из-под шали и указал им на капитана:

— Я дам вам шанс. Никого не обвиняй бездоказательно. Так и в Писании сказано. Докажите, что не виновны; вреда от этого нет. Ну же, доказывайте!

Моргану показалось: Стэртон испытывает огромное и какое-то извращенное наслаждение от того, что получил право вершить чью-то судьбу. Он потакает своему капризу и жаждет, чтобы его ублажали. Писатель понял, что, когда его подвергнет допросу этот остроглазый старикан, ему придется напрячь все свои способности, чтобы ложь прозвучала убедительно. Иначе он будет бит. Да уж, посмотрев на старика, поневоле захочешь спасти шкуру Уистлера! Стэртон откинулся на спинку шезлонга и скрестил руки на груди. На столике у его локтя стояла забавная безделушка — его собственность: кивающая голова мандарина на подставке; вместо глаз у нее были два рубина. Время от времени Стэртон протягивал руку и толкал голову, чтобы она кивала.

— Итак? — резко спросил он. — Что вы имеете мне сообщить?

— Ваша светлость, некоторое время назад вы упомянули о том... как я говорил этим вот леди и джентльмену... что если я сумею предоставить обещанное доказательство... — Уистлер откашлялся, — то вы не станете...

— Так-так! Где же доказательство? Я его не вижу!

— Видите ли, они свидетели...

Морган приготовился и напрягся. Однако необходимости в этом не было.

— А вы кто такой, молодой человек? Вы — тот самый племянник моего друга? Вы племянник Уорпаса, а?

— Нет, ваша светлость, — вмешался капитан. — Это мистер Генри Морган, очень известный писатель, который, по-моему, представит достаточные доказательства...

Стэртон закудахтал. Смех его звучал зловеще. Морган взглянул на Пегги. У той были испуганные глаза. Стэртон снова засмехался:

— Первая попытка провалилась. Из вас адвокат никудышный. Я хочу услышать знакомых свидетелей, свидетелей, которых я знаю. Послушайте, капитан, по-моему, вы заявляли, что сумеете привести ко мне этого племянника. Где он? — И лорд наклонился вперед в нетерпеливом ожидании.

Морган готов был присвистнуть от восхищенного изумления или выругаться.

— Сегодня утром, — продолжал Стэртон, — вы утверждали, что сумеете привести его. Почему его нет? Он что, не придет?

Уистлер очнулся от забытья:

— Да, да, конечно, ваша светлость. Я... то есть... я уверен, он с удовольствием придет.

— Повторяю, — проскрипел Стэртон, щелчками пальцев поворачивая голову мандарина, пока рубины не засверкали адским пламенем, — поскольку этот маленький судебный процесс может обойтись мне в пятьдесят тысяч фунтов, я имею право потребовать от вас прямого ответа. Не юлите. Не портите мне настроение. Он — именно тот свидетель, на присутствии которого я настаивал особо; это единственный свидетель, которого я ждал. Почему вы его не привели?

— Видите ли, это не совсем удобно... — В голосе Уистлера послышались рычащие нотки. Его здоровый глаз вылез из орбиты и уставился на Моргана.

Писатель беспомощно пожал плечами.

— А! — сказал Стэртон. — Знаки подаете, да? Условные знаки. В таком случае...

— Если позволите, я найду и приведу его, ваша светлость...

— Послушайте, я требую, я настаиваю на прямом ответе! Где он?

Вся осторожность покинула капитана; можно сказать, его хорошие манеры сели на «Летучего голландца» и со свистом улетели в небо.

— Он в корабельной тюрьме, старый вы зануда! — за-ревел капитан Уистлер наконец, взрываясь. — Он в корабельной тюрьме. А теперь я выскажу вам все, что думаю о вас, о вашем поганом слоне, и...

Стэртон снова захихикал.

В мрачной, душной комнате, на фоне зловещего мерцания рубинов, его кудахтанье казалось чем-то нечестивым; голова Стэртона под шляпой задержалась.

— Ах, — произнес он, — так-то лучше! Так вы больше похожи на себя. Видите ли, я уже слышал новости. Значит, он в тюрьме, Да, да. Вот именно. За что вы его туда посадили?

— За то, что он псих, буйнопомешанный, вот за что! Он напал на меня с бритвой. Он пытался меня отравить. Он нес вздор о медведях. Он...

— Вот как? — отозвался Стэртон. — Значит, сумасшедший. Так-так. И такого человека, как я понял, вы собирались выставить свидетелем вашего безупречного поведения? Таков ваш главный свидетель, который должен был показать, как вы потеряли изумруд?.. Капитан Уистлер, вы уверены, что сами находитесь в здравом уме?

Пегги подошла к капитану и, похлопывая его по спине, попыталась утешить ласковыми словами. Сработал ее материнский инстинкт. Она поняла: старый капитан дошел до такого состояния, что готов расплакаться. И снова он лишился дара речи, когда зловещие богини судьбы взмахнули крылами. Зато, подумал Морган, теперь капитану, может быть, понятно, какие чувства в свое время испытывал Уоррен.

— Я жду ответа, — напомнил Стэртон. Злорадство распирало его изнутри. Но он чего-то ждал.

Уистлер высказал еще несколько ядовитых замечаний, но лорд остановил его, подняв тощую руку:

— Вздор, вздор, вздор! Погодите. Помолчите, капитан, иначе потом вы пожалеете о своей несдержанности. А вот у меня есть что вам сказать. Я всегда стоял за справедливость. Шутка была превосходной, замечательной, прекрасной. Она меня позабавила, хотя, как юрист, капи-

тан... Однако настало время все кончить. Я достаточно долго наслаждался... Капитан, в суд я не подам.

— Не подадите?

— Нет. Моя секретарша сообщила мне, какие слухи ходят по кораблю. Будто бы племянник моего старого друга посажен под арест за попытку кого-то убить. Очень забавно! Но... Время вышло. Шутки в сторону. У меня дела... Никакого суда. Кончено, конец, дело сделано. Не желаю больше ничего об этом слышать.

— Но ваш изумруд!..

— Ах да! Да, да, да. Разумеется, изумруд. На вашем судне творятся очень странные вещи. Но зачем же подавать в суд? Может, вор одумался; может, его замучила совесть. Откуда мне знать? Как бы там ни было...

Он порылся в кармане халата. И снова засмеялся, тряс костлявыми плечами.

Перед их изумленными глазами предстал изумрудный слон, который медленно покачивался на золотой цепочке. От него исходило тусклое мерцание.

Глава 14

МОЖЕТ ЛИ ТАКОЕ БЫТЬ?

— Не знаю, как это случилось, — довольно беззаботно продолжал Стэртон, — и мне наплевать, раз я получил его назад. Я знаю, что слона вернули не вы. Ха!.. Я нашел его здесь полчаса назад. — Он выставил палец. — Он лежал посреди стола. Никого не видел, ничего не слышал. Вот где он лежал. Кто-то вошел ко мне и положил его на стол... Вот ваша расписка, капитан. Больше я вам моего слона не доверю. — Лорд Стэртон окинул взглядом их ошеломленные лица и снова злоратно закудахтал.

Расписка взлетела в воздух и упала к ногам Уистлера.

Морган с трудом понимал слова старика. Неожиданность так же притупляет чувства, как и сильная боль. Он тупо смотрел на маленькую головку мандарина, которая самодовольно ухмылялась и кивала на столе. Как сквозь

вату до него доносилось невнятное бормотание Стэртона: лорд уверял капитана, что никаких неприятностей не будет. Постепенно Морган начал различать слова и слышал конец скрипучей тирады:

— ...найти, кто его украл? Валяйте, если хотите. Я не стану вам мешать. Но я получил слона назад, и больше меня ничего не заботит. Лично я не намерен никого обвинять. Ха! С меня хватит судебных разбирательств. Пусть себе грабитель идет с миром. К чему беспокоиться? Я нисколько не удивлюсь, если узнаю, что слона украли по ошибке, потом вернули. А теперь марш отсюда. Убирайтесь!.. — И он замахал на них руками, словно ведьма-банши; на цепочке тускло мерцал изумрудный слон.

Они выкатились в коридор, и дверь за ними закрылась. Остановившись посреди коридора, все трое посмотрели друг на друга.

— Вы совершенно правы, капитан, — согласился Морган, выслушав комментарии Уистлера, высказанные, правда, довольно слабым голосом. — Хотя я усилил бы некоторые эпитеты. Однако вопрос остается открытым: кто, как и почему?

Уистлер, успокоившись, вытер лицо платком — он тихо ликовал. У него был вид гладиатора, перенесшего на арене смертные муки и вдруг увидевшего перед собой не жестокие черты рыжебородого императора Нерона, а сияющий лик святого Петра во главе небесного духового оркестра. Капитан подтянулся. Выражение его лица слегка изменилось. Взяв расписку, он разорвал ее на мелкие кусочки и сдунул с руки. Разбитое лицо, похожее на перезревшую сливу, озарилось благожелательной улыбкой.

— Друзья мои, — сказал Уистлер, обнимая Моргана и Пегги за плечи, — не знаю, кто подкинул лорду проклятого слона, да и мне все равно. Кто бы это ни был, он оказал Гектору Уистлеру такую услугу, которой я век не забуду. Я готов все ему простить, даже... — тут его лицо помрачнело, но лишь на мгновение, — даже это. Да, даже подлый удар. Он вероломно напал на меня сзади! Если старику Стэртону наплевать... Друзья мои, завтра

вечером, в наш последний вечер в море, капитан дает обед. Друзья, я закачу такой обед, который не видели морские волны со времен Фрэнсиса Дрейка! Шампанское будет литься рекой за каждым столом, и все дамы будут в корсажах. Кстати, друзья мои... Кажется... у меня где-то завалилась бутылка «Пола Роджера» урожая 1915 года. Если вам доставит удовольствие пойти со мной и воспользоваться гостеприимством старого, грубого морского волка...

— Не спешите, капитан, — предупредил Морган. — Мы не разрешили и десятой доли всех проблем. И десятой доли! Мы не узнали, кого убили...

— Убили? — добродушно переспросил старый, грубый морской волк. — О каком еще убийстве вы все время толкуете, друг?

Загадочные штуки выделяет иногда человеческая психология.

— Капитан Уистлер! — вскричала пораженная Пегги. — А как же та девушка... в каюте рядом с каютой Керта? И ужасная бритва...

— Ах да, дорогая моя! — согласился капитан, сохраняя терпимое благодушие. — Да, конечно. Вы говорите о той вашей шутке. Конечно. Да. Ха-ха-ха!

— Но...

— Знаете, дорогая моя, — продолжал Уистлер, лучась добродушием, — послушайте меня. Полно! Примите совет старого моряка — я достаточно стар, чтобы быть вашим отцом. С самого начала, мисс Гленн, вы мне очень понравились. Личико у вас милое, и характер, и одеваетесь вы хорошо. Да, девочка, у меня могла бы быть дочка вроде вас, если бы миссис У. не скончалась, не покинула меня двадцать лет назад, упокой, Господи, ее душу. Это было к юго-западу от мыса Гаттерас... Но не будем о грустном. Послушайте меня, девочка. Опыта у меня побольше вашего. Если, по-вашему, кого-то убили, то где же труп? — Логика капитана Уистлера была неопровержимой. — А если человек мертв, он не может дышать воздухом на палубе моего корабля. Никто не пропал, и никто не жалуется, как бывает обычно, если происходит убийство. Так что... полно, успокойтесь. Пока

кто-нибудь не пожалуется, я свободный человек. Только между нами, признайтесь: ведь вы меня разыгрывали?

— Капитан, но вы обещали сотрудничать и помогать нам...

— И помогу, мисс Гленн! — добродушно подтвердил капитан, похлопав ее по плечу. — Вы двое — и старина Акулье Мясо, если захочет, — вольны расспрашивать всех пассажиров на судне; можете даже сказать, что это я послал вас. Если у вас будут новости... Ха-ха! Тогда милости прошу ко мне... Между прочим, хотите, чтобы я выпустил вашего приятеля? Нет? Ладно, но помните: я вам это предлагал. Я скажу вам, что сделаю. Пошлю ему огромную корзину фруктов с наилучшими пожеланиями, жирного каплуна к обеду, зажаренного по особому рецепту. Вот так-то! А послезавтра, когда мы пристанем к английскому берегу, посмотрим, удастся ли нам заручиться помощью лучшего лондонского психиатра... — Он замолчал.

— Да, — кивнул Морган, торопясь воспользоваться случаем, — сейчас кстати будет вспомнить о докторе Кайле. Лично я не верю, будто он и есть Слепой Цирюльник, но как быть с радиограммой от комиссара полиции? Верите вы или нет — на борту «Королевы Виктории» находится чрезвычайно опасный преступник.

— Хм!.. — фыркнул Уистлер. — Хм!.. Возможно. Но они же сами велели мне воздерживаться от решительных действий, помните? Во избежание ошибки. Чтоб мне лопнуть! И чем больше я обо всем этом думаю, — продолжил он, радостно воодушевляясь, — тем вернее мне кажется, что они сами все и напутали. Почему мне так кажется? Я вам скажу. Какой опасный преступник крадет побрякушку стоимостью в пятьдесят тысяч фунтов, а потом подбрасывает ее владельцу? Триста бочек селедок! Знаете, если бы старый хрыч Стэртон не сказал, что изумруд вернули, когда молодой Уоррен находился под замком, я бы скорее решил, что это еще одна его дикая выходка. Но я знаю, что подбросить слона молодой Уоррен не мог...

— Спасибо и на том, — ввернул Морган.

— Во всяком случае, — Уистлер снова излучал благодушие, — я все обдумаю. По-моему, они ошиблись и на судне вовсе нет никакого жулика. Хотя... хм... какой почет для нашего пароходства, если бы я сумел утереть нос нью-йоркским сыщикам и лично задержал голубчика! В общем, торопиться некуда. Так вы не хотите чокнуться со мной «Полом Роджером»? Нет? Ну, как хотите. До свидания, друзья мои, до свидания!

Капитан весело отсалютовал и удалился, прежде чем окаменевшие от изумления союзники успели его остановить. Он шел, покачивая плечами, засунув руки в карманы и хрипло горланя старинную матросскую песню о капитане Белле, работорговце-янки, — «Йо-хо-хо и бутылка рому». На душе у капитана было светло и радостно.

Пегги уныло посмотрела ему вслед.

— Хэнк, — сказала она, — у меня больше нет сил. Мы не можем сражаться с самим Провидением. Я предлагаю сдаться. Пойдемте лучше в бар и напьемся в стельку.

Морган угрюмо покачал головой:

— Не пойдет. Я хотел сказать, мы не сдадимся. Но подкрепиться чем-нибудь горячительным действительно не помешает — нам ведь предстоит прочесать весь корабль от носа до кормы... Кстати, почему здесь так тихо? — И он огляделся. — Все завтракают, вот почему! Мы пропустили ленч, а я даже не слышал гонга. Ничего, закажем в баре сэндвичи. Пошли. Нам необходимо все выяснить. Интересно все же, что случилось со слоном?

— Ах, да к черту слона! — досадливо поморщилась Пегги. — Мне наплевать на мерзкий старый изумруд. Но, если честно, Хэнк, я уже начинаю думать, что мы, наверное, все-таки ошиблись... Хм!.. И потом, мне кажется, та девушка выглядела как шлюха...

— Она звала Керта по имени, — напомнил Морган. Он был полон решимости не потерять последнюю союзницу. — Эта девушка знала что-то, касающееся Уоррена, разве вы не понимаете? Так что, если хотите ему помочь, ни в коем случае не забывайте про нее. Возможно, все дело в том фильме; помните, я ведь пред-

чувствовал! А потом, не забываяте и другое. Керт обещал Вудкоку до вечера предъявить ему доказательства того, что здесь произошло убийство. Иначе ему придется вытягивать из старого Уорпаса рекламу тараканьей морилки.

Пегги хлопнула рукой по лбу:

— Послушайте, я ведь совершенно забыла о противном Вудкоке! Ах, Хэнк, какой ужас! Как подумаю о бедном Керте, который тоскует за решеткой, всеми покинутый, сидит, закрыв лицо руками... — Она сдавленно всхлипнула, и глаза ее наполнились слезами. — О, это ужасно, ужасно, ужасно!

— Ради бога, не плачьте! — Морган беспомощно взмахнул руками. Потом огляделся кругом, чтобы убедиться, что в коридоре никого нет. — Послушайте. Я не знал, что вы примете это так близко к сердцу. Слушайте же! Да перестаньте рыдать! Все в порядке. Вы слышали, что сказал капитан. Сейчас спустимся вниз и выпустим его...

— Н-нет, я бы ни з-за какие к-коврижки не согласилась его выпустить! — безнадежно давясь, проговорила Пегги через платок, который прижимала к глазам. Грудь ее тяжело вздымалась. — Он... с-разу, к-как выйдет, уч-чинит ч-что-нибудь и... и с-нова уг-годит за реш-шетку. Но... к-как п-подумаю о бед-дняжке, как он там с-страдает од-дин... п-просто т-томится и ч-чахнет... в мерзкой темнице... о-о-о! — И она снова горько рыдалась.

Читатель, бывают ситуации, когда мужская душа испытывается на прочность. Например, если у женщины текут слезы, повинаясь некоей необъяснимой логике, по причине, которую вы не в силах понять, и вам ничего не остается, кроме как хлопать девушку по плечу и в отчаянии вопрошать, что случилось. Морган попытался успокоить Пегги, но у него ничего не вышло. Он напомнил ей, что Уоррен вовсе не похож на узника Бастилии, которому не суждено увидеть солнечный свет, что к обеде ему пришлют специально зажаренного жирного каплуна... Неужели вы думаете, спросила она сквозь слезы, что несчастный в состоянии есть? Пегги обозвала писа-

теля жестоким и бессердечным животным за то, что он мог только предположить такое, и снова горько разрыдалась. После такой гневной отповеди Морган решил, что наилучшим выходом будет утащить ее в бар и как можно скорее влить в нее пару стаканчиков какого-нибудь крепкого напитка.

Как только они вошли в бар, слезы Пегги мгновенно высохли, но лишь потому, что у нее появился новый повод для беспокойства.

Бар (который на «Королеве Виктории» кокетливо именовался «курительной») располагался в просторном зале, обитом дубовыми панелями, на корме палубы второго класса. Зал, благоухающий ароматами спиртного, тонул в клубах табачного дыма. В нишах стояли столики, окруженные глубокими кожаными креслами; на потолке, расписанном в пасторальном духе, на длинных шнурах были подвешены электрические вентиляторы. Бар был пуст, если не считать одного посетителя, стоявшего у стойки к ним спиной. Солнечные лучи, проникающие сквозь окна, выложенные цветным мозаичным стеклом, косо падали на пол. Лишь мирное поскрипывание деревянных переборок да сонный плеск волн нарушали кафедральную тишину.

Заметив этого единственного посетителя, Пегги окаменела. Затем начала осторожно подкрадываться к нему. Это был низенький, тучный человечек, на голове которого вокруг круглой плечи дыбился венчик черных волос. Он обладал мощными руками и плечами борца. Мужчина только поднес стакан к губам, как вдруг будто какая-то телепатическая сила взволновала его. Но прежде чем он обернулся, на него обрушилась Пегги.

— Ах! — театрально воскликнула она и всплеснула руками. Потом отступила на шаг назад, словно не могла поверить собственным глазам. — *Tiens, mon oncle! Qu'est-ce que je vois? Ah, mon Dieu, qu'est-ce que je vois, alors?*¹ — Она скрестила руки на груди.

¹ Дядя, это ты? Что я вижу? Ах, боже мой, что же я вижу? Ты опять за свое? (фр.)

Мужчина вздрогнул, обернулся и виновато посмотрел на нее поверх очков. У него оказалось красноватое лицо, с толстогубым ртом и необычайно длинными, пышными и кудрявыми седеющими усами. Морган заметил: когда Пегги переходила на язык галлов, ее жестикуляция также претерпевала изменения. Взрываясь вихрем энергичных звуков, она бешено размахивала руками перед самым носом собеседника.

— Eh bien, eh bien! Encore tu bois! Toujours tu bois! Ah, zut, alors! — зачастила она. — Tu m'a donné ta parole d'honneur, comme un soldat de la France! Et qu'est-ce que je trouve? Un soldat de la France, hein? Non! Je te vois en buvant le gin!¹

Вне всякого сомнения, это был дядюшка Жюль, ускользнувший из номера с похвальной целью пропустить пару рюмочек. Однако ему не повезло: племянница застала его с поличным. Судорога исказила его лицо. Подняв мощные плечи, он распростер руки театральным жестом.

— Mais, chérie! — пронзительно загудел дядюшка, мучительно-настойчиво, словно пароходная сирена. — Mais, ché-é-riiii-e! C'est un très, très, très petit verre, tu sais! Regards-toi, chérie! Regards!! C'est une pauvre, misérable boule, tu sais. Je suis enrhumé, chérie, — он закашлялся и прижал руку к груди, — et ce soir...²

— Tu parles! Toi, — объявила она, устремляя в него обвиняющий перст и говоря размеренно, — toi, je t'appelle dégoutant!³

Казалось, слова племянницы повергли дядюшку Жюля в трепет — он помрачнел. Пегги представила ему Моргана. Дядюшка Жюль поплелся за ними к столику, где Морган заказал два двойных виски и молоко с содовой. Напрасны были мольбы дядюшки Жюля. Он уве-

¹ Хорошенькое дело! Ты снова пьешь! Как всегда!.. Ведь ты давал мне честное слово, слово французского солдата! И кого же я нахожу? Французского солдата? Нет! Я вижу перед собой любителя джина! (фр.)

² Милочка! Дорогая моя! Всего одну рюмочку, понимаешь? Вот, смотри! Какая-то жалкая рюмочка. Я простужен, дорогая... а вечером... (фр.)

³ Да что ты говоришь! Ты... ты мне отвратителен! (фр.)

рял, что в жизни так не простужался, ужасно кашлял в доказательство своих слов и заявлял, что, если не предпринять необходимых мер, к пяти часам он совершенно потеряет голос. Пегги довольно резко возражала ему. Она живо напомнила дядюшке примеры его прошлых «простуд», включая гастроли в Буффало, когда его привезли в отель в тележке угольщика.

Месье Фортинбрас немного просветлел, вспомнив о вечернем спектакле. Приготовления, заявил он, идут полным ходом. Для транспортировки пятидесяти восьми марионеток (у кукол собственная каюта, примыкающая к его номеру, хотя они-то не страдают морской болезнью, счастливики!), а также всех реквизитов подогнали три специальные платформы. Готовы три костюма для актеров-людей — в одном он произносит пролог, а два остальных предназначены для французского рыцаря и мавра. Костюмы заканчивают утюжить; за кулисы прикатили пианино и принесли скрипку, так как представление состоится в концертном зале корабля. Огромный концертный зал расположен на палубе первого класса; из-за кулис можно по трапу подняться наверх, прямо в гримерку, которая находится во втором классе. Кстати, оживился дядюшка, обследуя грим-уборную, они с помощником, Абдулом, встретили мистера и миссис Перригор.

— Муж и жена, — взволнованно продолжал дядюшка Жюль, — и оба очень славные, очень умные. Кстати, их каюта рядом с гримеркой. Послушай, милочка! Ведь это он написал обо мне такие великолепные статьи, хотя я не понимаю в них ни слова. Гром и молния, я просто очарован ими! Да, да, голубушка. И мы все вместе обсудили ход спектакля. Отлично! Еще мы встретили доктора Кайла, шотландского медика; он будет читать стихи. Прекрасно! Все устроено. Роли воинов исполняют два университетских профессора; а еще месье Фуриозо Кампозоцци, пианист, и скрипач месье Иван Слифовиц обещали сопровождать мое представление камерной музыкой, которую я тоже не понимаю. Однако, милочка, подумать только! Какой триумф разума! Я же буду великолепен... Я...

— Милый дядя, — произнесла Пегги, отпивая утешительный глоток виски и не переставая прикладываться к рюмке во время разговора, — мне необходимо переговорить с этим господином. Ступай к себе и ложись. Но помни! Заруби себе на носу! Ни капли алкоголя! Ни капли! Понятно?

Месье Фортинбрас горячо поклялся, что капли в рот не возьмет. Еще сказал, что старый французский солдат скорее перережет себе горло, чем нарушит обещание. Потом, сморщившись, одним глотком выпил молоко с содовой и заковылял прочь.

— Слушайте, Хэнк. — Пегги снова перешла на английский с языка Расина. Вид у нее был взволнованный. — Увидев старика, я снова вспомнила о деле. Мне придется приглядывать за ним, чтобы он оставался трезвым, до самого конца представления; но я кое-что придумала... Вы решили расспросить всех пассажиров и членов экипажа, причем с каждым хотите беседовать с глазу на глаз...

— Никого не пропущу, — мрачно подтвердил Морган, — кроме тех людей, о чьем присутствии на борту нам точно известно. Возьму список пассажиров, а у капитана выясню фамилии членов экипажа и проверю каждого, даже если на это уйдет весь день. Когда второй помощник совершал свой обход, обмануть его было легче легкого. «О, что вы, она вовсе не ранена — извините, но сейчас она вышла. Она лежит, однако даю вам слово...» — ну и так далее. Пегги, та девушка не испарилась. Она где-то на корабле. Мы ее не выдумали! В конце концов, мы ведь ее видели! И надо ее найти.

— Отлично. А я придумала для вас отличный предлог.

— Предлог?

— Конечно, глупенький. Вам же нужен какой-нибудь предлог для расспросов. Вы не можете шляться по кораблю и орать во всю глотку: «Не видел ли кто-нибудь убитую девушку?» Нельзя сеять панику. Представьте, что скажет на это капитан Уистлер! Вы должны расспрашивать людей незаметно, не возбуждая подозрений. У меня отличный план. — Она склонилась к нему и под-

мигнула, очаровательно пожав плечами. — Разыщите вашу подругу — очаговательную миссис Перригор...

Морган пока ничего не понимал. Он открыл было рот, чтобы возразить, но ограничился тем, что заказал еще два виски.

— Все просто, как апельсин. Вы ищете добровольцев для корабельного любительского концерта. Причем за подбор участников отвечает именно она. Таким образом вам удастся лично побеседовать со всеми претендентами, не возбуждая ничьих подозрений.

Морган обдумал ее предложение. Потом сказал:

— По правде говоря, после вчерашней ночи я склонен относиться к любой вашей затее с особой осторожностью. Ваш план не кажется мне таким уж блестящим. В нем много слабых мест. Мне нетрудно побеседовать с толпой претендентов, которые жаждут показать свои таланты. А вдруг они согласятся? Нет, я лично не против застенчивых девиц, которые поют романсы на домашних вечеринках; мне также нравится слушать, как любители исполняют австрийские йодли. А ну как попадутся виртуозы-исполнители? Во-первых, как мне убедить миссис Перригор помочь мне, а во-вторых, как уместить всех звезд эстрады в нашем концерте?

Пегги лаконично ответила, что ему надо сделать с миссис Перригор, на что Морган довольно сурово напомнил ей, что он — человек женатый.

— Подумаешь! — отмахнулась Пегги. — Ну, раз вы такой моралист, все становится еще проще. Примерно так. Вы говорите миссис Перригор, что изучаете человеческие характеры для написания романа и хотите понаблюдать за реакцией различных типов. Как разные люди реагируют на предложение выступить публично, показать себя... И нечего корчить рожи, я ничего плохого в виду не имею! Вот увидите, она клянет. Вы только предложите ей последить за реакцией людей на всякие дурацкие предложения. Раз она интеллектуалка, ей должно это понравиться. А вы тем временем обхаживайте ее, ну, стройте ей глазки. А пассажиры... Подумаешь! После того как они все пропоют и протанцуют, вы им откажете; скажите, что их номер вам не подходит...

— Женщина, — Морган глубоко вздохнул, — меня тошнит от ваших выражений! Я не стану — повторяю, не стану — строить глазки ни миссис Перригор, ни кому другому. И потом — как проводить прослушивание? Если вы считаете, будто мне охота целый день наблюдать, как любители разбивают яйца мне в шляпу и дикими сопрано визжат «Розовый сад», то вы ошибаетесь. Убедительно прошу вас перестать пороть чушь. Мне и так сегодняшнего дня хватило с лихвой.

— А вы можете придумать что-нибудь получше?

— Признаю, в вашем плане что-то есть, но...

— Вот и хорошо, — кивнула Пегги, закуривая сигарету. Она лучилась торжеством, а также двумя порциями виски. — Я бы и сама это сделала, взяв в помощь мистера Перригора, да только мне нужно помогать дяде. Я, видите ли, изображаю все шумовые эффекты за сценой: цокот лошадиных копыт, звук рога Роланда и все такое, и за день мне нужно успеть все подготовить. Я постараюсь управиться побыстрее, потому что ведь нам еще нужно найти кинопленку. Только непонятно: раз наш вор такой честный, что подбросил владельцу изумрудного слона, почему он пока не вернул пленку в каюту Керта? А вдруг вернул? Как вы думаете, может, нам заглянуть туда?

Морган раздраженно отмахнулся:

— Разве вы не понимаете, что фильм украл вовсе не Цирюльник? Вы, конечно, скажете, что на это существует только одно объяснение. Когда мы выкинули слона, он упал либо в каюту Кайла, либо к Перригорам. Напрашивается ответ: кто-то из них нашел слона у себя на полу, какое-то время колебался, думая, не присвоить ли изумруд, но потом убоился скандала и незаметно подкинул фигурку Стэртону. Но, провалились все пропадом, не верится мне! Похоже такое на Кайла? Нет! Не похоже. И наоборот, если наш грабитель маскируется под Кайла, можете что угодно ставить на то, что хладнокровный Слепой Цирюльник ни за что не вернул бы слона — как и говорил Уистлер. Кайла тоже сбрасываем со счетов, все равно, грабитель он или нет. Если Кайл взаправду великий психиатр, то не поступил бы так, а

если он взаправду великий преступник, то не поступил бы иначе... И что нам остается?

— Вы что же, думаете, что слона подбросила мерзкая миссис Перригор?.. — заволновалась Пегги.

— Нет, нет. И на друга Лесли тоже грешить не стоит. Я могу представить, как Лесли с огромным удовольствием передает изумруд Стэртону, а потом читает ему длинную лекцию о безвкусице старинных безделушек, но... А! Сейчас узнаем что-то новенькое. Вон идет наш викинг.

Он помахал с места капитану Валвику, который неуклюже топтался на пороге бара. Капитан тяжело отдувался; его обветренное лицо покраснелось больше обычного. Вдобавок, когда Валвик подошел поближе, Морган учуял исходящий от него, словно от странствующей винокурни, аромат «Старого Роба Роя». Капитан, тяжело отдуваясь, плюхнулся на свободное место.

— Я кофори́л со Спарксом и Кросой Пермондси, — объявил норвежец, хотя это было понятно и так. — И получил токасательста́фа. Токтор Кайл не шулик.

— Вы уверены?

— Та. Кроса Пермондси котов поклясться. Он котов присягнуть, шшто токтор Кайл вчера ушел в свою каюту в полтесятофо и не фыхотил оттута то савтрак. Он снает, потому шшто слышал, шшто Кайл — токтор, и фсе не решался постучаться к нему и спросить, не мошет ли он фылечить ефо польной суп. Он не сашел к нему, потому шшто слышал, шшто Кайл феликий фрач, который шифет на такой улице — ну, фы снаете, — и он ефо испукался. Но он снает.

Наступило молчание.

— Хэнк, — с усилием проговорила Пегги, — все больше и больше... та радиогамма из Нью-Йорка... ведь они в ней были совершенно уверены... Вам не кажется, что где-то произошла ужасная ошибка? Да что же тут могло случиться? Всякий раз, как нам кажется, будто мы что-то знаем, все оборачивается полной противоположностью. Я начинаю бояться. Я ничему не верю. Что нам теперь делать?

— Пошли, капитан, — позвал Морган. — Нам нужно отыскать миссис Перригор.

Глава 15

О ТОМ, КАК МИССИС ПЕРРИГОР ЗАКАЗАЛА ШАМПАНСКОЕ, А ИЗУМРУД ПОЯВИЛСЯ СНОВА

Наступил ясный золотистый вечер. «Королева Виктория» неуклонно следовала своим курсом; нос корабля с тихим шелестом взрезал водную гладь. Вдали, над горизонтом, небо окрасилось в пурпур. Воздух был так прозрачен, что лучи заходящего солнца отчетливо виднелись сквозь толщу воды; облака, переливающиеся разными оттенками пурпура, походили на цветы в вазе-кратере темнеющих туч, куда спряталось и солнце. Не успели зажечь электричество, как прозвучал сигнал переодеться к обеду. И пассажиры «Королевы Виктории» словно впервые ощутили разлитое в воздухе благоухание, пробудились от спячки.

Рано или поздно такое случается в каждом морском путешествии. Доселе скучающие, томные пассажиры поднимаются из шезлонгов и смотрят друг на друга. Они нервно улыбаются, втайне жалея, что не успели обзавестись на корабле новыми знакомствами. Музыканты настраивают инструменты; впереди словно вырисовываются еще неясные контуры Европы, и пассажирам уже мерещатся фонари на парижских бульварах. Внезапный радостный шумок пробегает по палубам, как при появлении популярного комика. Потом пассажиры разбиваются по двое и по трое и дрейфуют в сторону бара.

Бурная деятельность в тот вечер закипела еще до того, как стемнело. Красотка с раскосыми глазами мангусты, которая ехала в Париж, чтобы развестись, рылась в чемоданах, отыскивая самое причудливое вечернее платье; тем же самым занималась скромная школьная учительница, собравшаяся навестить Озерный край. То тут, то там вспыхивали скоротечные романы; завязались две или три партии в бридж; из-за ширмы в баре выкатили расстроенное пианино. В ресторане повсюду слышался гул голосов. Застенчивые леди вышли к обеду, неожиданно обвешавшись драгоценностями, оптимисты радостно изучали винную карту, а оркестранты в первый раз за все плавание почувствовали прилив вдохновения.

Когда Генри Морган — усталый, не в духе, не нашедший в себе сил переодеться — вошел в ресторанный зал вместе со своими двумя спутниками, он увидел, что на ступенной «Королеве Виктории» начинается великая ночь.

В голове у него была полная каша. После четырех изматывающих часов расспросов он был почти убежден, что девушки с греческим профилем никогда не существовало. На борту ее нет и, судя по всему, никогда не было. Произошедшее становилось все более странным.

Никто ее не знал; даже когда Морган от отчаяния перестал притворяться, будто подбирает участников для концерта, все в один голос уверяли его, что не помнят такую девушку. Собственно говоря, некоторые пассажиры — особенно лорд Стэртон, некий английский полковник из Индии и его супруга, страдающая морской болезнью, и одна дама из Бостона, член организации «Дочери американской революции», а также ее многочисленные родственники — просто разъярились. Едва Морган успевал спросить про девушку, как приходилось чуть ли не спасаться бегством. Лорд Стэртон не пустил их на порог и с руганью прогнал. Даже капитана Валвика — уж на что добряк — такой вопрос покоробил.

С другой стороны, помощь миссис Перригор оказалась бесценной. Хотя она, должно быть, и догадывалась, что изучение типажей — всего лишь предлог, но вела себя бесстрастно, трудилась добросовестно и даже иногда вносила в их план усовершенствования. Миссис Перригор взяла на себя обязанность отказывать желающим выступить на концерте, и делала это так блестяще, что беспечный романист невольно восхищался, хотя подражать ей не мог. Когда гордая мамаша начинала хвастать, как ее девятилетняя Фрэнсис ловко играет на скрипке «Рождественские колокольчики», хотя взяла всего шесть уроков, и рассказывать, что профессор И.Л. Кропоткин уверенно предсказывает девочке блестящее будущее, миссис Перригор непреклонно заявляла:

— Откровенно говоря, я не хочу далее злоупотреблять вашим вменением!

Она говорила столь громко и холодно, что даже самые отъявленные болтуны понимали, что им отказали.

Да, миссис Перригор держалась безупречно, хотя Морган уже не мог ею восхищаться после долгих, утомительных часов, проведенных без еды за разговорами. Он начал испытывать отвращение ко всему роду человеческого.

Миссис Перригор была весьма радушна. Она уверяла, что получает удовольствие от интервью, весело щебетала и время от времени кокетливо брала Моргана под руку. Более того, она проявила явный интерес к капитану Валвику и по секрету сообщила Моргану громким театральным шепотом, что капитан «так свеж и неиспогчен»! Подобные эпитеты норвежец привык связывать исключительно с рыбой, поэтому почувствовал себя не в своей тарелке. Еще более озадачивало друзей странное поведение Уоррена. Перед тем как пойти обедать, они спустились навестить его.

Темнело, но света Уоррен не включал. Он лежал на койке, вытянувшись во всю длину и повернувшись лицом к стене, как будто спал. В одной руке узник держал закрытую книгу, заложив пальцем страницу. Дыхание его было глубоким и ровным.

— Эй! — позвал Морган и свистнул. — Керт! Проснитесь! Слушайте!..

Уоррен не шелохнулся. Смутное подозрение овладело его другом, однако потом он заметил, что из-под одеяла торчит горлышко бутылки. Объем жидкости в ней уменьшился лишь немного: значит, он не пьян.

— Ах, бедня-ажка! — растрогалась миссис Перригор.

Матрос, охранявший узника, при их приближении вскочил со стула и отдал честь. Потом сообщил, что джентльмен валяется вот так целый день — должно быть, очень устал.

— Не нрафится мне это, — сказал Валвик, качая головой. — Э-эй! — заревел он и затряс прутья решетки. — Мистер Уоррен! Эхей!

Фигура на койке слегка пошевелилась. Уоррен осторожно приподнял голову во мраке; на лице его играла зловещая улыбка. Поднеся палец к губам, он прошепел: «Тс-с-с!», яростно махнул на них рукой, прогоняя прочь, и немедленно замер в прежней позе.

Они ушли. Что бы ни значило странное поведение Уоррена, все померкло в сознании Моргана в предвкушении предстоящих еды и питья. Яркий свет и соблазнительные ароматы, идущие из зала ресторана, благотворно действовали на его расшатанные нервы; он понял, что жизнь еще не кончена. Но... за капитанским столом не было никого, даже доктора Кайла. Вокруг столика в центре зала стояло шесть пустых стульев. Писатель огляделся.

— ...Вы пгосто должны, — говорила в это время миссис Перригор, — вы пгосто обязаны пообедать за нашим столиком! Что бы вас ни тгевоживо, мистег Могган, я настаиваю: забудьте все! Пойдемте!

Она одарила своих спутников загадочной улыбкой и чуть не насильно потащила их через весь зал.

— Лесли сегодня с нами не будет. Он пообедает мо-воком и сухим печеньем; ему ведь пгедстоит пгоизнести гечь. — Она доверительно наклонилась к Моргану. — Видите ли, у моего мужа довольно своеобгазные пгинципы, мистег Могган. А вот я, наобогот...

Она снова улыбнулась. Именно в тот момент ей пришло в голову заказать шампанское.

После супа Морган ощутил, как в желудке у него разливается приятное тепло. После рыбы человеконенавистничество стало таять, и он постепенно взмыл из глубин отчания. Поедая нежный бифштекс с кровью, на котором отпечатались полоски гриля, вместе с хрустящей, не пережаренной картошкой, он внезапно ощутил приятную расслабленность. Оркестранты сделали перерыв. Моргану начали нравиться лица сидящих рядом людей. Жизнь перестала казаться горой немытой посуды; мягкий, теплый свет успокаивал. Шампанское приятно пощипывало. Капитан Валвик протяжно выдохнул:

— Ах-х-х!

Когда унесли тарелки и подали загадочно окрашенное мороженое и дымящийся черный кофе, Морган воспарил. Ему нравился гул людских голосов. Шампанское приятно грело желудок, отчего хотелось лучезарно улыбаться миссис Перригор и капитану; ноги сами пустились в пляс под столом, когда неутомимый

оркестр заиграл мелодию из оперетты Гилберта и Салливана.

— Та-ти-та-та, ти-та-та-та-ти... Ива-ивушка, милая ивушка, — бормотал Генри Морган, покачивая головой. Он улыбался во весь рот, и миссис Перригор в ответ тоже расплылась в лучезарной улыбке.

— Или ты умом ослапла, птичка, — гулко вступил капитан Валвик, задумчиво опуская голову.

— Или червячка нашла синичка. — Миссис Перригор, зачихивая, вторила тоненьким голоском.

И все трое вместе, подхваченные радостным порывом, грянули припев:

Покачав головкой бедной, птичка отвечала:
Ива-ивушка,
Милая ивушка! (Эх!)

— Ох, послушайте, — чуть громче, чем требовали приличия, взмолилась миссис Перригор, чье лицо запылало, — нам вовсе не стоит так буяннить, пгавда? Ох, хо-хо! Хе-хе-хе! Закажем еще бутылочку? — И она озарила их улыбкой.

— Еще пы не сакашем! — прогудел капитан Валвик. — И на этот раз за мой счет. Стюард! — Пробка вылетела вверх, над бутылкой показался дымок, и они подняли бокалы. — У меня есть тост!

— Ой, знаете ли, мне кажется, с меня хватит! — выдохнула миссис Перригор, прижимая руку к груди. — Подумать только! Что скажет мой мивый Лесли? Но если вы, два жестоких тигана, опгеделенно настаиваете... Хе-хе-хе! Виват-виват-виват!

— Вот что я хочу сказать, капитан, — с жаром начал Морган. — Если и стоит за кого пить, то в первую очередь мы должны выпить за миссис Перригор. Она — самый славный малый на свете; пусть-ка кто-нибудь попробует это отрицать. Миссис Перригор послушно выполняла все наши дурацкие поручения и ни разу не задала ни одного вопроса! Так что позвольте...

Он говорил довольно громко, однако его все равно никто не слышал. Все посетители ресторана под влиянием шампанского заговорили во весь голос, за исключением

одного-двух зануд, которые изумленно озирались по сторонам. Люди такого сорта не в силах понять причину, по которой океанские лайнеры внезапно охватывает необъяснимое веселье. Такие зануды неисправимы и сойдут в могилу, так ничего и не поняв. То тут, то там слышались взрывы смеха, взмывавшие в воздух, словно ракеты; хихиканье, кудахтанье, хохот, возбужденные смешки доносились с разных сторон. Пробки от шампанского взмывали в потолок; стюарды проворно сновали между столиками. Вообще-то курить в ресторане не разрешалось, но сейчас ресторанные столики постепенно закрывала дымовая завеса. Оркестр весело грянул мелодию из «Пиратов Пензанса»; затем вспотевший дирижер подошел к перилам балкона и поклонился публике; его встретил шквал аплодисментов. Дирижер повернулся к оркестру, и музыканты заиграли еще одну веселую песенку. В воздухе сверкали драгоценности; пассажиры, до сей поры совершенно незнакомые друг с другом, начали курсировать между столиками, знакомиться, жестикулировать, решать, остаться ли здесь или подняться в бар. Тем временем Генри Морган заказал третью бутылку шампанского.

— О нет, нет, ни за что! — жеманилась миссис Перригор, отпрянув назад и кокетливо взмахивая руками. Она заговорила еще громче: — Ни в коем свучае! Знаете ли, вы пгосто дикаги, жестокие дикаги! Пгосто ужасно, как вы пользуетесь свабостью бедной женщины, котогая не в сивах устоять... Хи-хи-хи!.. Но шампанское пгосто чудесное, пгавда? Подумать только! Какие вы хитгецы! Я ведь буду совегшенно пьяная! И это будет ужасно, пгавда? — Она громко расхохоталась. — Пгосто до ужаса смешно, ужасно пгиятно иногда напитокся в стельку...

— Я фам фот шшто скашу, миссис Перрикор, — доверительно пробасил капитан Валвик, хлопая по столу. — Шампанское отличное. Ничефо не имею против шампанскофо. Но это напиток не тля настоящих мужчин. Нам нушшно фыпить такофо, от чефо фолосы тыпом фстают. Нам нушшно фыпить «Старофо Роба Роя»! Фот шшто я претлакаю. Кокта мы токончим эту путылку, потнимемся ф пар и сакашем «Старофо Роба Роя», а потом сыкраем ф покер...

— Послушайте, — укоризненно заметила миссис Перригор, — ну к чему такие фогмальности? «Миссис Перригор»! Будем пгоще... Генри! О-о! Вот я и сказала это! О господи! И тепегь вы гешите, что я совегшенно... хи-хи-хи... совегшенно несносна, пгавда? Но знаете ли, мне о столь многом необходимо с вами поговогить...

Над ними прощобетал новый гогос:

— Привет!

Морган виновато поднял голову и встретился глазами с Пегги Гленн — в зеленом вечернем платье, у которого был довольно помятый вид. Пегги с трудом преодолела последнюю ступеньку лестницы и устремилась к ним. Она улыбалась ангельской улыбкой, но что-то в ее походке, пока она пробиралась сквозь облака табачного дыма, насторожило писателя, даже несмотря на выпитое шампанское. Миссис Перригор обернулась.

— Ах, моя милая! — неожиданно громко и возбужденно воскликнула она. — О, как невыгазимо чудесно, что вы пгишли! О, идите же скогее, скогее к нам! Пгосто чудесно видеть, какая вы нагядная, как пгекгасно выглядите, — и это после всех ужасов, котогые пгоизошли с вами вчегя ночью! И...

— Дорогая! — Пегги, сияя, бросилась к ней, чуть не раскрывая объятия.

— Пегги, — заявил Морган, устремляя на нее суровый взгляд, — Пегги, в-вы... пьяны.

— Хо-хо! — вскричала Пегги, победительно вскидывая вверх руку в знак подтверждения. Глаза ее сверкали; она была очень довольна собой.

— Но почему, почему вы напились?

— П-почему бы и нет? — возразила Пегги с видом победителя.

— Ну, тогда, — великодушно предложил Морган, — выпейте еще. Капитан, налейте и ей шипучки. Я только подумал, после того как вы днем ревели и стенали...

— Это вы ревели и стенали. Сокрушались, что Керт заперт в мерзкой темнице с крысами...

— Что вы такое говорите?!

— Я его ненавижу! — страстно призналась Пегги. Она сжала кулаки; глаза ее увлажнились. — Я ненавижу и

презираю его. Он мне отвратителен, вот что я вам скажу. Не желаю больше слышать о нем, никогда, никогда в жизни! Д-дайте выпить.

— Господи! — Морган изумленно уставился на нее. — Что на сей раз случилось?

— О-о-о, как я его ненавижу! Он д-даже не ответил мне, п-подлый негодяй! — Губы у нее дрожали. — Хэнк, больше н-никогда не упоминайте при мне его имени. Сейчас напьюсь в стельку, до бесчувствия, вот что я сделаю, и надеюсь, что его слопают крысы. А я-то... принесла ему большую корзину фруктов, а он... просто валялся на койке и притворялся, будто спит; и т-тогда я сказала: «Ладно!» — и поднялась вверх и встретила Лесли... то есть мистера Перригора... и он спросил, не хочу ли я послушать его речь. А я ответила: ладно, если он не против того, что я буду пить. Он ответил, что сам никогда в рот не брал спиртного, но не возражает, чтобы я пила; в общем, мы пошли к нему в каюту...

— Выпейте еще, миссис Перригор... То есть Синтия! — заревел Морган, дабы предотвратить, как ему показалось, неминуемый скандал. — Налейте всем выпить. Ха-ха!

— Но, Генри! — радостно закудахтала миссис Перригор, широко раскрывая глаза. — П-по моему, это пгосто чудесно и так ужасно, ужасно забавно, знаете ли, потому что мивый стагина Лесли всегда говогит, говогит без конца; пгедставляю, как бедняжка был газочагован... Хи-хи-хи!

— Люплю смотреть, как молотешь феселится, — дружелюбно заметил капитан Валвик.

— ...раз Керт вел себя так безобразно — и именно сегодня, когда все уже готово к представлению, когда мне наконец-то удалось сохранить дядю Жюля в трезвости! А это, знаете ли, ужасно трудно, — пояснила Пегги, морщась, чтобы скрыть слезы. — Четырежды я ловила его на том, что он пытался незаметно выбраться из каюты за ужасным старым джином! — Мысль об ужасном старом джине чуть снова не заставила ее заплакать, но ей удалось сдержаться. Сморщив лоб, она топнула ногой. — Н-наконец мне удалось заставить его прислушать-

ся к голосу разума, и все уладилось, и он сошел к обеду в прекрасной форме, и все было прекрасно...

— Куда именно сошел к обеду ваш дядюшка Жюль? — поинтересовался Морган в наступившей внезапно тишине.

— Как — куда? Сюда, конечно... А разве...

— Нет, он не спускался, — объявил Морган.

Пегги живо обернулась кругом. Медленно, с трудом преодолевая хмель, она оглядела зал — дюйм за дюймом. Из-за дымовой завесы доносились взрывы хохота и слышалось хлопанье пробок; но дядюшки Жюля здесь не было. Пегги некоторое время постояла в нерешительности, а потом села за столик, уронила голову на руки и горько расплакалась.

— Пошли! — Морган вскочил на ноги. — Пойдемте, шкипер! Если мы будем действовать быстро, есть шанс предотвратить крушение. Скорее всего, он укрылся в баре... Пегги, сколько времени прошло с тех пор, как он вывалился на свободу?

— С-сорок пять минут! — рыдала Пегги, ударяя себя руками по лбу. — А до представления остался... всего час... О-о-о! Кто вообще придумал этот мерзкий джин и зачем противные мужчины пьют?

— Сколько он способен выпить за сорок пять минут?

— Б-бочку, — призналась Пегги. — О-о-о!

— О, моя догогая! — вскричала миссис Перригор, у которой на глазах тоже показались слезы. — Неужели вы хотите сказать, что наш милый месье Фогтинбгас пгавда напился? О, мивочка, как ужасно! Ужасный, пьяный стагикашка...

— Дамы, дамы, — зарокотал капитан Валвик, ударяя кулаком по столу, — фот шшто я фам скашу: сейшас не фремя плакать! Пошли, мистер Моркан; фы посапотьтесь оп отной, а я о трукой. Та перестаньте плакать, фы опе! Пойтемте...

Морган железной рукой вытащил из-за стола миссис Перригор, а Валвик подхватил Пегги, и они потащили их через веселящуюся добродушную толпу. Казалось, все одновременно, в едином порыве, устремились к бару, чтобы успеть повеселиться до концерта. Бар, перепол-

ненный и шумный, показался Моргану еще более переполненным и шумным. Они с Валвиком и миссис Перригор выпили ровно по бутылке шампанского; и хотя он с негодованием отмахнулся от утверждения, будто способен захмелеть от бутылки жалкой шипучки, тем не менее не мог со всей откровенностью отрицать, будто шампанское вовсе не подействовало на него. Например, ему казалось, что у него вовсе нет ног, а его тело может двигаться в воздухе, словно он привидение. Между тем обе дамы рыдали все горше — им казалась нестерпимой мысль, что дядюшка Жюль закутил. Моргану, наоборот, становилось все веселее. Происшествие со стариной Фортинбрасом представлялось ему превосходной шуткой. С другой стороны, мозг его работал как часы: образы, звуки, цвета, голоса были четкими и ясными, как никогда. Он кожей ощущал духоту, дым и алкогольную сырость, пропитавшие атмосферу бара. Видел, как пассажиры с покрасневшими лицами толпятся вокруг кожаных стульев под бешено вращающимися лопастями вентиляторов и пасторальными сценами, изображенными на потолке. Заметил янтарный свет, проникающий сквозь мозаичное оконное стекло, и слышал, как кто-то брэнчал на пианино. Добрый старый бар! Превосходный бар!

— Пошли! — сказал капитан Валвик. — Усатим их рефеть на стулья фот са этим столиком и опойтем фесь пар. Хр-рм!.. Я сам хочу посмотреть шоу марионеток. Пойтемте. Начнем с этофо краю и осмотрим фесь пар. Фитите ефо? А то я ефо не снаю ф лицо.

Морган его не видел. Он видел стюардов в белых куртках, снующих в толпе пассажиров с подносами; и казалось, все словно сговорились преграждать ему дорогу. Они дважды обошли помещение, однако не обнаружили и следа дядюшки Жюля.

— По-моему, все в порядке, — заявил Морган, промокая лоб платком, когда они вернулись к двери, ведущей на палубу. — Наверное, он спустился вниз, чтобы в последний раз перед спектаклем оглядеть своих марионеток. Все в порядке. В конце концов, ему ничто не угрожает...

— «...Бр-ратва бр-родяжъя собралась... — прогудел прямо за ними замогильный голос, — пр-ропиться до

р-рубяхи. Буянили, горланили и пели кто о чем»...¹ — Неплохо, совсем неплохо, — добродушно перебил самого себя голос. — Добр-рый вам вечерочек, мистер Морган!

Морган круто обернулся на каблуках. Из угловой ниши приветственно поднималась рука доктора Оливера Харрисона Кайла. Прославленный врач сидел за столиком в гордом одиночестве. Обычно суровое лицо доктора Кайла было исполнено радостного величия; может, он действовал чуточку заторможенно, но взгляд у него был мечтательный и добродушный. Доктор величественно воздел одну руку вверх и читал стихи с полузакрытыми глазами. Закончив строфу, гостеприимно помахал им, подзывая к себе.

Доктор Кайл был напичкан стихами, которые так и лились из него; видимо, он был прирожденный чтец-декламатор. Морган понял, что доктор Кайл смертельно пьян.

— «И чокались, и чмокались по десять раз подряд», — провозгласил доктор Кайл с гордым видом первого парня на деревне. — Да! Мистер Мор-рган, наш великий шотландский поэт Р-робби Бернс здор-рово умел писать! И знал толк в жизни! Присядьте, мистер Морган! А может, глоточек виски, а? «Всадили мне две пули под барабанный бой».

— Извините, сэр, — сказал Морган. — Боюсь, мы не можем сейчас присесть, но, может, вы нам поможете? Мы ищем француза по фамилии Фортинбрас; такой низенький, плотный старичок... Может, вы его видели?

— А! — задумчиво произнес доктор и покачал головой. — Не спешите, мистер Морган, не гоните лошадей. Да-а! Выпив такое количество, он взял пер-вые шесть барьеров, но дальше уже не мог дер-жаться пр-ежнего кур-рса... Вы найдете его вон там. — И доктор показал в самый дальний угол.

Они выволокли дядюшку Жюля из кресла; на его красном лице играла приятная, рассеянная улыбка; вне

¹ Доктор читает отрывок из кантаты «Голь гулящая» Роберта Бернса (пер. С.В. Петрова).

всякого сомнения, он сладко дремал. Пегги и миссис Перригор прибыли в тот момент, когда Морган и капитан Валвик хлопали его по щекам, пытаясь оживить.

— Быстро! — скомандовала Пегги. — Так я и знала. Встаньте вокруг, чтобы никто его не видел. Дверь прямо сзади вас... вынесите его и снесите вниз.

— Думаете, он очнется? — поинтересовался Морган, не слишком, впрочем, надеясь. — На вид он...

— Да идите же! Не спорьте! Доктор Кайл, вы ведь никому не расскажете, правда? — спросила она. — К началу представления он совершенно оправится. Пожалуйста, никому не говорите. Никто никогда не узнает...

Доктор галантно заверил ее, что будет нем, как могилла. Он заклеил бессовестных алкоголиков и предложил свою помощь в переноске дядюшки Жюля. Однако Морган и Валвик справились сами. Им удалось вынести дядюшку Жюля на палубу и спустить вниз, не возбудив ничьего любопытства, кроме разве что нескольких безразличных взглядов стюардов. Пегги высушила слезы и преисполнилась энергии.

— Нет, не в его каюту — в гримерку у задней двери концертного зала! Ох, будьте осторожны! Осторожно! Куда же подевался Абдул? Почему он за ним не уследил? Абдул будет в ярости; вообще-то характер у него взрывной... О, если мы не сумеем привести его в чувство, некому будет произносить пролог, и Абдулу придется самому играть все роли, но он вряд ли справится один... Слушайте! Слышите? Зрители уже собираются...

Они вышли в коридор, ведущий на правую кормовую часть палубы второго класса, и Пегги повела их по темному проходу. В конце прохода они прошли в дверь, поднялись по крутому трапу и наконец очутились в большой каюте. Пегги включила свет. Откуда-то снизу до них доносились приглушенные голоса; видимо, в зале собралось много детей. Запыхавшийся Морган помог Валвику уложить дядюшку Жюля на кушетку. Кукольных дел мастер был так же недвижим и тяжел, как одна из его марионеток. Когда голова дядюшки Жюля упала на подушку, с губ его сорвался тихий свист. Он про-

бормотал: «Magnifique!»¹ — и, блаженно улыбаясь, захрапел.

Пегги, одновременно плача и ругаясь, подбежала к открытому сундуку в углу. Пока она рылась в нем, Морган осматривал гримерку. Все было уже готово к вечернему спектаклю. В гардеробе на вешалках висели три великолепных форменных мундира с остроконечными шлемами, палаши, кривые турецкие сабли, кольчуги и плащи, украшенные стеклянными драгоценностями. В воздухе витал аромат пудры; на освещенном туалетном столике лежали накладные бакенбарды, бороды различных оттенков и длиннокудрые завитые парики. Там же стояли бутылочки с лосьонами и притираниями, коробки театрального грима, специальный клей и карандаши для подводки глаз. Морган всей грудью вдохнул аромат театра; он ему понравился. Пегги тем временем выхватила из сундука большую пачку питьевой соды.

— Фам ни са шшто не утастся это стелать, — вымолвил Валвик, скептически озирая дядюшку Жюля. — Мне прихотилось мноких пьяниц пофитать на сфоем феку, и фот шшто я фам скашу...

— Нет, я приведу его в чувство! — вскричала Пегги. — Миссис Перригор, прошу вас, пожалуйста, перестаньте плакать и налейте стакан воды. Воды, кто-нибудь! Однажды в Нэшвилле мне удалось его оживить таким способом; тогда он был почти так же плох. Пожалуйста... пожалуйста, кто-нибудь, дайте воды...

— О, бедня-ажка! — протянула миссис Перригор, наклоняясь, чтобы пощупать дядюшке лоб.

Немедленно послышался громкий храп со свистом, постепенно переходящий в раскатистое крещендо, и дядюшка Жюль перевернулся на другой бок.

— Поднимите его! — скомандовала Пегги. — Усадите его... Посадите его, капитан! Придерживайте ему голову. Вот так. А теперь пощекочите его. Да, пощекочите; вы не ошиблись. — Она бросила в стакан воды комок питьевой соды и стала осторожно подступать к дяде, зажимая нос, чтобы не задохнуться в алкогольных парах. Запах джина

¹ Великолепно! (фр.)

совершенно перекрывал ароматы закулисья. — Держите его! Да где же Абдул, господи? Абдул умеет с ним обращаться... Говорю вам, поддержите ему голову и слегка пощекочите...

— Хр-р-р!.. — всхрипнул дядюшка Жюль, дергаясь, словно плененный дельфин. Лицо его исказила обиженная гримаса.

— Viens, mon oncle! — ласково прошептала Пегги. Ноги у нее заплетались, глаза подозрительно блестели; однако настроена она была решительно. — Ah, mon pauvre enfant! Mon pauvre petit gosse! Viens, alors...¹

«Pauvre enfant», казалось, отдаленно понял смысл ее слов. Внезапно он, не открывая глаз, сел и замахнулся кулаком, словно желая поразить невидимого врага. Затем выхватил стакан из рук племянницы и швырнул его в стену, отчего тот разбился вдребезги. Победив врага, дядюшка Жюль снова повалился на подушку и сладко заснул.

— Хр-р-р... хм-м-м!.. — захрапел он.

Послышался стук в дверь.

Пегги чуть не вскрикнула от страха и отпрянула назад.

— Только бы не мистер Перригор! — запричитала она. — О, только не это! Он нас погубит, если все узнает. Он ненавидит пьянство, он говорил, что снова собирается написать о дяде большую статью. Абдул! Может быть, это Абдул?.. Он справится с дядей. Он сумеет...

— Ошшень странный стук, — внезапно заметил капитан Валвик. — Ошшень. Слушайте!

Они молча уставились на дверь, и у Моргана неизвестно почему появилось дурное предчувствие. Кто-то словно подавал им условные знаки, так как стучали по какой-то сложной системе, быстро и тихо. Валвик дернулся было открыть, но тут дверь медленно начала открываться сама — довольно странно и резко, толчками...

— Тс-с-с! — прошипел чей-то голос.

¹ Ну же, дядя!.. Ах, бедное дитя! Бедный глупыш! Ну же, пей! (фр.)

И в комнату, предварительно оглядевшись, ворвался не кто иной, как мистер Кертис Уоррен. Вид у него был изрядно помятый: куртка порвана, а белый фланелевый костюм живописно испачкан; волосы стояли дыбом, да и на лице явственно отпечатались следы борьбы. На губах его играла злорадная улыбка. Он осторожно закрыл за собой дверь и горделиво оглядел друзей. Потом, не дав им прийти в себя от потрясения, засмеялся низким, довольным, даже самодовольным смехом. Наконец, порывшись в кармане, он что-то вытащил оттуда и с торжеством поднял над головой. На золотой цепочке медленно поворачивался, тускло поблескивал и подмигивал изумрудный слон.

— Он снова у нас! — ликующе провозгласил Уоррен.

Глава 16

ОПАСНОСТЬ В 46-Й КАЮТЕ

Морган ничего не сказал. Подобно капитану Уистлеру в нескольких предыдущих случаях, о которых нет нужды напоминать, говорить он просто не мог. Первой его реакцией был острый страх, так как он не поверил собственным глазам и приписал явление действию шампанского и усталости. Однако оказалось, что перед ним не мираж, а суровая действительность. Уоррен. И у него изумрудный слон. Что он еще натворил? У Моргана не было ни сил, ни желания думать о поступках друга. Впоследствии он отчетливо вспомнил лишь то, что Валвик хрипло проговорил:

— Сакройте тферы!

— А вы... — продолжал Уоррен, уничтожающим жестом махнув в сторону Пегги, — а вы-то! Но, наверное, ваше поведение объясняется лишь верой в меня и доверием ко мне, правда? Вот какую помощь я получил, детка! Ха! Я разработал изощренный план. Но разве вы мне поверили, когда я притворялся спящим? Нет! Вы в гневе бросились прочь...

— Милый! — вскричала Пегги и, рыдая, бросилась к нему в объятия.

— Ну ладно, ладно, — проворчал Уоррен, немного успокоившись. — Выпьем! — воскликнул он в порыве вдохновения и извлек из кармана бутылку «Старого Роба Роя», опустошенную ровно наполовину.

Морган прижал кулаки к пульсирующим вискам и сглотнул подступивший к горлу комок. Силясь понять, что же происходит, он приблизился к Уоррену так же осторожно, как вы стали бы подходить к плененному орангутану, и попытался заговорить благоразумно.

— Начнем с того, — произнес он, — что нет смысла тратить время на пустые разговоры. Кроме того, что вы пьяны, а также того, что у вас крыша поехала, я не скажу ничего. Но... пожалуйста, постарайтесь взять себя в руки, встряхнитесь и, если можете, дайте мне связный отчет о ваших передвижениях. — Вдруг ужасное подозрение зародилось в его воспаленном мозгу. — Только не говорите, что вы снова обчистили и избили капитана! — воскликнул он. — О господи! Скажите, вы ведь не напали на капитана Уистлера в третий раз? Нет? Хоть на том спасибо. Так что вы натворили?

— И это вы меня спрашиваете? — изумился Уоррен. Одной рукой он хлопал Пегги по плечу, утешая ее, а другой передал бутылку Моргану. Морган немедленно сделал большой глоток — в лечебных целях. — Он еще спрашивает! А что сделал лорд Джералд в главе девятой? Ведь это вы все придумали! Так что сделал лорд Джералд в девятой главе?

Для ошеломленного Моргана ответить, что сделал некий лорд в главе девятой, было все равно что ответить, какие положения выдвинул У.Ю. Гладстон в своей речи в 1886 году.

— Погодите, не спешите, — примирительно сказал он. — Будем разбираться постепенно. Во-первых. Где вы снова стащили изумрудного слона?

— У Кайла, подлого мошенника, где же еще! И пяти минут не прошло, как я вытащил слона из его каюты. Да, да, можете не сомневаться, слон был у него! Ну, теперь он у нас попляшет. И если капитан Уистлер не даст мне медаль...

— У Кайла?.. Выражайтесь яснее, мой милый Керт, — потребовал Морган, снова прижимая руки к вискам. — Я не вынесу больше никакой вашей невнятицы. Вы не могли взять слона из каюты Кайла! Слона вернули лорд-ду...

— Хэнк, старина, — перебил его Уоррен. — Ведь мне должно быть известно, откуда я его взял, верно? — Логика его была неопровержима, и говорил он ласково, спокойно, увещевая друга. — Уж это-то вы, по крайней мере, признаёте? Да, он был в каюте Кайла. Я пробрался к нему, чтобы уличить негодяя, — ведь именно так поступил лорд Джералд, когда банда сэра Джеффри думала, что они заключили его в тюрьму в доме в Мурфенсе. И я таки его уличил... Да, между прочим, — Уоррен внезапно оживился, сунул руку в нагрудный карман куртки и вытащил оттуда толстый сверток. — Я и его частные записи прихватил!

— Что-о?!

— Видите ли, я ведь пооткрывал все его сумки, и сундук, и чемоданы, и...

— Но как же вам, бедняжке, удалось бежать из темницы? — слезливо спросила миссис Перригор. Она вытерла слезы, поправила монокль и, не дыша, ждала ответа, прижав руки к груди. — По-моему, это ужа-асно, пгосто потгясающе умно с его стогоны...

Тут раздался быстрый стук в дверь.

— Это за ним! — выдохнула Пегги, круто оборачиваясь на каблуках. Глаза у нее сделались огромными, как блюдца. — Эт-то за ним, б-бедняжкой... хотят сс-нова з-заточить его в эт-ту уж-жасную тюрьму. О, не позволяйте им...

— Ш-ш! — Валвик властно махнул на нее рукой и оглядел комнату. — Я не снаю, шшто он натфорил, но ему нушно спрятаться...

Стук повторился...

— Стесь нет шкаф... стесь нет... Хрр-хм!.. Притумал! Ему нато натеть фальшифую пороту и пакенпарты! Итите сюта. Итите сюта, кофору фам, или я фам фрешу! Фы турак! Не спорьте со мной, — загудел он, волоча за собой

бессвязно лопочущего Уоррена. — Фот пара рыших пакенпартоф с профолочками, шштопы сакрепить са ушами. Фот парик. Мистер Моркан, тостаньте ис шкафчика халат или еще шшто-нипуть...

— Но зачем, зачем мне прятаться? — удивлялся Уоррен. Ему с трудом удавалось сохранить видимость достоинства, так как Валвик успел кое-как нахлобучить на него устрашающего вида черный косматый парик с длинными кудрями. Когда он высвободил одну руку и попытался что-то возразить, Морган обернул его ярко-алым плащом, украшенным драгоценными камнями. — У меня есть доказательство! Я могу доказать, что Кайл — вор. Теперь осталось пойти к Уистлеру и сказать: «Послушайте, старый вы дельфин...»

— Саткнитесь! — прошипел Валвик, хлопая рукой по париксу. — Ну фот. Он котоф. Открывайте тферь...

Они напряженно смотрели на дверь, но вид, который перед ними открылся, был не особенно тревожным. При обычных обстоятельствах они бы догадались, что гость, который к ним пожаловал, еще больше нервничает, чем они сами. Коренастый матрос в рабочих брюках и тельняшке тянул себя за чуб, переминался с ноги на ногу и сверкал белками глаз. Прежде чем кто-нибудь обрел дар речи, матрос хриплым, доверительным шепотом выпалил:

— Мисс! Вот вам крест — мы не виноваты; ребята специально послали меня к вам, потому что, понимаете, все сошлось одно к одному. Мисс! Чтоб мне ослепнуть, если мы в чем-то виноваты. Просто так получилось. Мы не нарочно, просто он стал распоряжаться, словно мы — грязь какая-то, а он кто такой? Какой-то грязный турок, понимаете? В общем, мисс, я об этом придурке, Абдуле...

— Абдул? — переспросила Пегги. — Абдул! Да где же он?

— Там, мисс, вот, понимаете? Я убрал его на палубу. Увез на тачке, мисс.

— Что-о? На тачке?!

— Ну да, мисс. Вы уж нам помогите! Мы с ребятами битый день ворочали тяжеленных кукол, мисс, и, уж поверьте мне, уработались как звери. А Билл Поттл, мой на-

парник, мне и говорит: «Том, чтоб я лопнул, знаешь, кто плывет на нашем корыте? Сам Гроза Бермондси, это парень, который уложил Техасца Вилли в прошлом году!» И вот мы решили пойти поглядеть на него, потому что, мисс, он чертовски хороший спортсмен. Когда мы зашли, он там выпивал со шведом и сказал: «Заходите, ребята, заходите все!» И начал рассказывать, как он побил Дублинского Мясника за восемнадцать секунд. И как раз когда началось самое интересное, мисс, вваливается этот Абдул и начинает скандалить. А кто-то из ребят ему спокойненько так, вежливо сказал: «Ты, лягушатник паршивый, возвращайся в свой вонючий гарем!» Тогда этот Абдул совсем озверел и говорит: «Ладно, пусть я лягушатник, все лучше, чем такой-растакрой англичашка, ростбиф набитый!» Так и сказал. Тут Гроза Бермондси встает и говорит: «Да неужели?» А Абдул: «Да». И тут Бермондси как хватит его разок, да, мисс, такие вот дела...

— Но с ним ведь все в порядке, а? — вскричала Пегги.

— Конечно, в порядке, мисс! — поспешил заверить ее матрос, подкрепляя слова жестом, исполненным подлинного добродушия. — Только вот... понимаете, говорить он не может. Бермондси попал ему по голосовым связкам, врезал как следует, мисс...

Пегги медленно подняла на матроса глаза, полные слез:

— Ах вы... мерзкие, подлые задиры... Не может говорить? Несите его назад, немедленно, слышите? И приведите в чувство, слышите? Если он через полчаса не придет в форму, я пойду прямо к капитану и пожалуюсь ему...

Пегги не в силах была больше говорить. Она бросилась к двери. Изрядно напуганный матрос отпрянул. Он что-то бормотал в свое оправдание, уверяя, что Абдул сам виноват и первый расквакался, а Гроза Бермондси заявил, что ему наплевать и если он еще раз при нем вякнет... Но Пегги, не дослушав, хлопнула дверью.

— Ну тела! — Капитан Валвик вытер лоб и уныло покачал головой. — Фот шшто я фам скашу: фитал я пуйные корапли и преште, но этот, кте капитаном Старый

Морж, просто шуть. Ушас! Помню, пыл у меня на «Петси Тиши» кок, так он спятил и фсе крушил и крушил по куприку с ношом тля рубки мяса; теперь мне кашется, шшто на этом корапле он пы пришелся как раз к месту. Ну и тела! Шшто тут еще случится?

Сзади слышалось негромкое и очень приятное бульканье. Все обернулись. Горлышко бутылки исчезло в зарослях косматых рыжих бакенбардов. Потом вынырнуло из них. Кертис Уоррен, с рыжими бакенбардами и в черном парике, дружелюбно озирает друзей.

— Молодец Гроза Бермондси! — воскликнул он. — Хотелось бы мне с ним познакомиться. Он бы хорошо вписался в нашу компанию. Кстати, чуть не забыл вам рассказать, как я отделал старину Чарли Вудкока этак с час назад... Пегги, Абдул тяжелый? У Вудкока цыплячий вес.

Холодное отчаяние овладело Морганом. Но потом к нему враз вернулись приятное расположение духа и собранность. Он был уверен: больше уже ничего не случится. Им остается лишь поклониться богиням судьбы и наблюдать за выкрутасами этих безжалостных сестер.

— Ха-ха-ха! — произнес он. — Ну, говорите, что вы сделали с Вудкоком? И, главное, как он на это отреагировал?

— А как, по-вашему, я выбрался из тюрьмы? — обиделся Уоррен. — Говорят вам, я разработал план операции; не хочу хвастаться, но, по-моему, вышло здорово. Помните, я вам задал наводящий вопрос: что сделал лорд Джералд в главе девятой? Я вам напомню. Вот в чем фокус. Пока все думают, будто он надежно заперт, он может рыскать как хочет и добыть улики, чтобы прищучить убийцу. Вот в таком же положении очутился и я! Поэтому мне нужна была замена — человек, который занял бы мое место, так чтобы никто ничего не заподозрил. Хотя и нехорошо хвалить самого себя, но смею вас заверить, я проделал все просто замечательно. Правда, если честно, тут благодарить нужно в первую очередь вас, Хэнк. — Он отклеил бакенбарды, чтобы они не мешали ему говорить. — Вудкок был единственным человеком, кого я мог призвать к себе, и он явился бы в любое время, которое

мне подходит, согласны? Итак, я тщательно подготовил почву, весь день притворяясь спящим, пока к этому не привыкли. Я отказался от обеда и от всего остального. Потом написал Вудкоку записку. Сообщил, что у меня есть новости от дядюшки Уорпаса, и попросил его спуститься ко мне в корабельную тюрьму ровно в семь часов. Заодно попросил его дать телеграмму на имя капитана для моего часового — я выяснил его фамилию: надо было удалить его на десять минут, чтобы мы без помех могли обсудить наши дела. Я спросил матроса, можно ли послать записку? Он ответил, что можно, только ему нельзя отлучаться с поста, поэтому послали мальчишкуче-стюарда. Я боялся, вдруг кто-нибудь прочтет записку, поэтому ухитрился запечатать ее... — Уоррен бросил на них ликующий взгляд, потирая руки.

— Вы просто мастер, — глухо отозвался Морган.

— Хотите узнать, что я сделал? Я разодрал книгу. В книгах обложку к внутренним страницам всегда приклеивают толстым слоем клея. Я оторвал одну из сторон обложки и заклеил записку! И вы знаете, сработало! Старый добрый Чарли прибежал, как я его и просил. Матросу не хотелось уходить, когда пришла фальшивая телеграмма, но он видел, что снаружи камера заперта на засовы, так что бежать я не мог, да и все равно я спал. — Уоррен махнул рукой. — Тут приходит Вудкок и говорит: «Вы получили подтверждение, да?» А я ему: «Да; вы только отодвиньте засовы и на секунду откройте дверь; выходить я не хочу, но надо же мне передать вам это». И он отпер дверь. Тогда я сказал: «Послушайте, старина. Я очень извиняюсь, но вы ведь знаете, как бывает», — и врезал ему в челюсть...

— Милый! — воскликнула Пегги. — Ах вы, бедный, милый дурачок! Ну почему вы сразу врезали, а не заставили его заговорить перед тем, как ударили?.. Ах, будь все проклято! Ну почему вы не догадались немножко попытать его перед тем, как ударили! — Она в отчаянии заломила руки. — Абдул и дядя Жюль, посмотрите на них! И пока мы не поставим их на ноги, представления не будет. Слушайте! Публика стекается в зал... — Выхватив бутылку из рук Уоррена, она подкрепила силы

солидным глотком виски. Казалось, у нее перед глазами закрутился огненный вихрь. — П-противные п-пьяницы! — воскликнула Пегги. — П-просто ж-животные...

— О, моя мивая! — сказала миссис Перригор. — О, послушайте, не знаю, что там у вас свучивось, но, по моему, чегтовски умно со стогонны мистега Джойса пытаться всех этих людей и выбгаться из застенка. Пгавда, пгавда, я так считаю, особенно газ это была идея Генги, и мне кажется, мы вполне можем любезно пгедложить мистегу Лоуренсу бокал шампанского...

— Тихо! — взревел Морган. — Послушайте, Пегги. Какой уж теперь спектакль? Неужели вам не пришло это в голову? Разве вы не поняли, что на нас снова взвалили проклятый изумруд?.. Который к тому же, как клянется Керт, он стащил из каюты не кого иного, как Кайла!!! Керт, опомнитесь. Уверяю вас, вы что-то перепутали. Не могли вы взять слона в каюте Кайла! Лорд Стэртон...

Уоррен терпеливо покачал головой, отчего кудряшки черного парика, сползшего на одно ухо, задергались.

— Нет, нет, старина, — откликнулся он. — Вы не понимаете. Не лорд Стэртон, а лорд Дерревал. Лорд Джералд Дерревал. Если вы мне не верите, спуститесь в каюту Кайла — она недалеко отсюда — и посмотрите за сундуком. Сундук стоит прямо под иллюминатором. Стальная коробка там; я оставил там коробку, чтобы вор подумал, будто изумруд все еще в ней...

Валвик круто обернулся к Моргану.

— Мошет, — сказал он, — мошет пить, слон там и пыл все это фремя! Ну тела! Как по-фашему, мошет пить, есть тфа исумрудный слон, отин фальшифый, и кто-то фернул фальшифый слон тому анклийский керцок, а?

— Невозможно, капитан, — возразил Морган, ощутивший странную легкость в мыслях. — Неужели, по-вашему, Стэртон не отличит настоящего слона от фальшивки? Если, разумеется, ему не вернули подлинного слона... Ничего не понимаю! Я скоро с ума сойду! Продолжайте, Керт. Продолжайте с того момента, как вы успешно осуществили ваш искусный план по заточению Вудкока в корабельную тюрьму. Что было потом?

— Ну, я уложил его на месте хорошим апперкотом...

— Да, да, это мы уже знаем. А потом?

— Разорвал простыню на полосы, тщательно связал его, заткнул ему рот и привязал к койке, чтобы он не шелохнулся, потом накрыл его одеялом. Когда караульный вернется и посмотрит на узника, он решит, что на койке лежу я... Здорово сделано, правда?

— У меня нет сомнений, что в настоящий момент мистер Вудкок весьма высокого мнения о вашей предусмотрительности, — заметил Морган. — Если раньше он был склонен нам уступить и не мучить вашего дядю Уорпаса, то теперь... Знаете, Керт, вы просто чудо. Продолжайте в том же духе...

— Ну вот. Я выскользнул из камеры и пошел прямо в каюту Кайла, чтобы поймать его с поличным. Столкнуться с Кайлом я не боялся, потому что посмотрел в иллюминатор и увидел, что он в баре; кроме того, я знал, что он занят в концерте. Ну и... Собственно, вот и все. Улика! Заодно я прихватил его бумаги. Я боялся только одного. Помните, капитан Уистлер говорил, что, может быть, арестует Кайла? Но все сошло гладко. А теперь нам остается только изучить его бумаги. Я уверен, мы обнаружим улики того, что он действительно мошенник, притворяющийся доктором Кайлом...

— Та, стесь и пумаки тоше, — пророкотал капитан Валвик. — Кофору фам, это ушасная опита. Хуше нет ф открытом море, чем украсть чьи-то личные пумаки. И шшто ше нам теперь телать?

Морган ходил взад и вперед по каюте и хлопал себя рукой по затылку.

— Остается только одно. Нам надо вернуть Керта в корабельную тюрьму до того, как капитан узнает, что он на свободе. Не представляю, как это сделать без... — Вдруг он резко обернулся на каблуках. — Миссис Перригор! — закричал он. — Что вы делаете?

— О, Генри, догогой мой. — От неожиданности миссис Перригор непроизвольно дернулась и досадливо поморщилась. — О, я искренне надеюсь, что ничем вас не обидева! Пгавда-пгавда, я всего лишь звонива, чтобы вызвать стюагда. Видите ли, Пъегу Луи хочется бутылку шампанского, и, вы ведь понимаете, будет ужасно невеж-

живо, если мы не выполним его просьбу... Но я и павда понятия не имеа, г-где тот ковокольчик, котогым вызывают стюагда, и поэтому я става звонить во все ковокольчики...

Морган пошатнулся. Он успел броситься к ней и схватить за руку в тот момент, когда она уже собралась нажать последнюю кнопку, помеченную надписью: «Пожарная тревога».

— Пегги, — сказал он, — ради бога, выкажите все ваше благоразумие и скорость. Если от этого звона сюда не слетится толпа народу, скоро сюда начнут слетаться интеллектуалы, чтобы посмотреть, все ли готово к спектаклю. В настоящий момент это самое безопасное место на корабле для Керта, если вы сделаете то, что я вам скажу. Закрасьте ему лицо; наденьте на него парик и бакенбарды...

— Есть, капитан! — мрачно ответила Пегги. — Я сделаю все от меня зависящее, чтобы бедняжка не вернулся в эту ужасную тюрьму. Но что...

Морган взял ее за руки и серьезно посмотрел ей в глаза:

— Могу ли я оставить вас с Кертом здесь на пять минут и быть уверенным, что вы ничего не натворите? Всего на пять минут, это все, о чем я прошу! И, ради бога, не наделайте новых глупостей! Хорошо?

— Клянусь, Хэнк! Но что вы намерены делать?

— Мы с капитаном пойдем и вернем бумаги в каюту доктора Кайла, прежде чем обнаружится, что они пропали. Вероятность того, что нас схватят, невелика; единственная возможность того, что мы попадемся, единственная опасность находится здесь. Керт, дайте сюда слона. Не знаю, что там произошло и что это значит, но мы вернем его и избавимся от ответственности. Дайте мне изумруд!

— Вы что, совсем больной? — закричал Уоррен. — Я, рискуя жизнью и дипломатической карьерой, ловлю с поличным вора и убийцу, а вы просите вернуть...

Морган понизил голос, угадав, что лишь таким способом может повлиять на своего сообщника, и посмотрел на него в упор, словно гипнотизируя:

— Керт, это тонкий план. Тонкий, расчетливый, глубокий план. Мы только притворимся, будто возвращаем слона. Но мышеловка уже захлопнулась! Булавка, пробка и карточка — и мы прибавим новый экспонат к нашей коллекции на Бейкер-стрит! Понимаете? Вы уже один раз воспользовались плодами ума и изобретательности лорда Джералда, так доверьтесь ему еще раз... Ну что? То-то. Вот именно, дружище. Все бумаги здесь? Отлично! И еще... до нашего возвращения не налегайте особо на виски, пожалуйста, и на все, что тут имеется. Будьте осторожнее... Пегги, помните: вы обещали, что проблем не возникнет. Я на вас полагаюсь. Пошли, капитан...

Он осторожно попятился, словно дрессировщик, который выбирается из клетки со львами. Миссис Перригор заявила, что хочет пойти с Генри. Она просто настаивает на том, чтобы пойти с Генри. Морган так и не понял, как же удалось отговорить ее от этой затеи, так как они с Валвиком поспешно выскользнули из каюты и молниеносно закрыли за собой дверь.

Коридор был пуст, хотя сверху до них доносились шум голосов, смех и громкий звук передвигаемых стульев. В зрительном зале, расположенном наверху, собиралась публика.

— Та, — задумчиво заметил капитан, — только мы тфое и остались плакорасумными лютми; не ошшень-то я фысокофо мнения о фашем лорте Тшералте, кто пы он там ни пыл. Ну и тела! Я не ферю, шшто прафительстфу Соетиненных Штатоф так нушен этот фильм. Мошет, они и не токатыфаются, но у них есть о чем посапотиться и пес фильма. Им фсефо лишь нато отпрафить молотофо Уоррена на типломатическую слушпу, и котофо — шти фойны каштую нетелю! Фсе сафисит от нас. Мы толшны спасти полошение.

— И мы спасем его, капитан! А теперь потише!.. Проклятие! Не крадитесь, как вор! Мы просто вышли прогуляться. Возьмите бумаги. Теперь вон туда, за угол. Спасибо, хоть мы с вами пока не вляпались ни в какую неприятность. Если бы кто-нибудь увидел, как Керт крадывается в каюту Кайла, его бы тут же связали. Мы не имеем возможности положить бумаги Кайла на ме-

сто — он все равно догадается, что к нему вламывались... но, по крайней мере, у него ничего не пропадет. При последующих поисках этого изумруда... Послушайте, как по-вашему, кто-то снова украл его у Стэртонса?

— Не утифлюсь, если так. Я уже нишему не утифлюсь. Ш-ш-ш! Нам тут. Слушайте!

В полутемном боковом отсеке, ответвляющемся от главного коридора, они остановились и стали всматриваться вниз. Все корабельные шумы были теперь далеко от них — на палубе возле концертного зала. Там томились пассажиры в ожидании концерта. А здесь, внизу, было так тихо, что снова стали различимы плеск волн и поскрипывание деревянных переборок. Но откуда-то доносились голоса. Некоторое время они прислушивались, а потом определили, что голоса доносятся из-за закрытой двери 47-й каюты.

— Фсе ф порятке, — кивнул капитан. — Это фсефо лишь Спаркс и ефо кусен, Кроса Пермондси. Мы с Кросой распили путылочку «Старофо Ропа Роя», и тершу пари, он не хочет останафлифаться. Но не нушно их песпokoить, иначе притется опьяснять, зашем мы стесь. Ступайте тише!

Дверь в каюту доктора Кайла под номером 46 была закрыта. Они на цыпочках подошли поближе. Когда Морган взялся за ручку двери, он ощутил, как сердце подпрыгнуло ему в горло и бешено забилося. Он распахнул дверь...

Никого.

Одна опасность миновала. Если бы здесь кто-то был...

Он снова испытал приступ липкого страха, когда включал свет, но в каюте никого не оказалось. Каюта была большая; сбоку — дверь; Морган решил, что эта дверь ведет в ванную. Беспорядок здесь царил страшный. Даже частный детектив не назвал бы работу Уоррена хоть в малейшей степени искусной.

Прямо под иллюминатором стоял большой сундук с откинутыми створками и поднятой крышкой. Содержимое сундука валялось на полу. Морган показал на сундук пальцем:

— Смотрите, шкипер. Если вчера ночью стальную коробку бросили именно в этот иллюминатор, она упала

бы за сундук и никто никогда не заметил бы ее, пока сундук не передвинули бы...

Валвик тихо прикрыл за собой дверь. Он устремил взор на два дорожных чемодана, стоящих открытыми на полу, и на отпертый портфель, небрежно брошенный на койку.

— Начнем, — сказал Валвик. — Нам нато тейстфотать пыстро. Фосьмите эти пумаки и сапихните их кута-ни-путь. Ну и тела! Я чуфстфую сепя как фор! Мне это не нрафится. Шшто фы телаете?

Морган шарил за сундуком. Пальцы его коснулись металла, и он извлек на свет божий круглую коробку с защелкнутой крышкой. Мгновение он смотрел на нее, соображая, а потом передал Валвику.

— Вот она, капитан. А вот слон. — Он посмотрел на трофей Уоррена, лежащий у него на ладони, и невольно вздрогнул. — Ну, давайте же вернем его на место. Самое меньшее, что мы можем сделать...

— С-слушайте! — прошептал Валвик, резко поднимая голову.

Иллюминатор был открыт. Они слышали, как колышется занавеска на ветру; за иллюминатором шумел океан. Еще до них очень слабо доносился гул голосов из противоположного коридора, оттуда, где сидели Спаркс и Гроза Бермондси. Больше ничего.

— Бросьте, — шепнул Морган. — Вы становитесь нервным, шкипер. Распихайте эти бумаги куда попало, и пошли отсюда. Сделаем работу без сучка без задоринки; и никто нас не заподозрит...

Тут чей-то голос сказал:

— Вы так думаете?!

Морган почувствовал, как у него мурашки поползли по коже. А так как он стоял на коленях перед сундуком, он больно ударился головой о крышку. Голос был негромкий, но от него вся вселенная остановилась, словно часы, у которых кончился завод.

Он поднял глаза.

Дверь в ванную, до сих пор закрытая, распахнулась настежь. На пороге стоял капитан Уистлер, держась одной рукой за дверную ручку. Другая его рука сжимала

пистолет. Он был в парадной форме, на синей куртке тускло мерцали завитушки золотых галунов. Даже в этот момент полнейшего оцепенения Морган явственно ощущал исходящий от формы слабый запах жидкого инсектицида номер два. Здоровый глаз капитана злобно сверкал: он наконец-то понял очевидную вещь, которая до сих пор не приходила ему в голову... Из-за капитанского плеча выглядывал второй помощник Болдуин...

Взгляд капитана упал на изумрудного слона в руке у Моргана.

— Так, значит, изумруд все-таки стащили вы! — злобно заметил Уистлер. — Мне следовало догадаться. Дурак я был, что сразу не понял этого, еще вчера ночью... Не двигаться! Все в порядке, мистер Болдуин. Идите и общитесь их: вдруг они вооружены. Спокойно, ребята...

Глава 17

БЕРМОНДСИ ДЕРЖИТ ОБОРОНУ

Впоследствии они поняли, что даже из их положения было несколько выходов. Однако любой внимательный человек пришел бы к выводу, что двое заговорщиков крепко влипли. Если раньше Морган или капитан Валвик еще могли бы что-то объяснить капитану Уистлеру, то теперь оба поняли: богини судьбы, парки, настолько переплели и запутали все, что сейчас объяснить что-либо практически невозможно. Морган сам сомневался, сумеет ли он разобраться в случившемся даже при условии просветления сознания.

И все же, как размышлял он впоследствии, им следовало бы избрать более благоразумный выход из положения. Тот способ действия, который они избрали, благоразумные люди сочли бы предосудительным, однако они повиновались инстинкту, более древнему, чем разум. Например, капитан Валвик мог бы прежде всего избавиться от стальной коробки. Он мог бы бросить ее на пол, к ногам Уистлера, а затем сдаться на милость победителя и все объяснить.

Капитан Валвик не сделал ничего подобного.

Коробку-то он швырнул. Ловким, закрученным движением метнул ее прямо в люстру на потолке. Стекланный абажур со звоном разбился. Свет погас. Потом, чуть не выкрутив Моргану руку из сустава, он поволок его за собой в коридор и захлопнул за ними дверь.

Морган слышал отдаленные ругательства Уистлера. Его швырнуло на противоположную переборку, и он едва успел снова навалиться на дверь снаружи, в то время как капитан Уистлер с помощником изо всех сил навалились на дверь изнутри, пытаясь ее открыть.

— Проклятый Старый Морж, шштоп ему! — ревел Валвик, чьи сильные руки уверенно удерживали дверную ручку. — Старый пень!!! Я ему покашу! Он шшто, решил, шшто мы форы? Клянусь фсеми сфятыми, я ему покашу; никто никокта не кофорил мне, шшто я фор! Никто! Ну, он у меня попляшет. Пыстро, трук... ферефку. Мы ее прифяшем и утершим тферь...

— В-в чем д-дело? — осведомился сиплый голос за спиной у Моргана.

Говорившему пришлось повысить голос, так как изнутри доносился беспрестанный стук в дверь, смешанный с приглушенными воплями капитана «Королевы Виктории». Морган крутанулся на каблуках и увидел, что дверь 47-й каюты открыта. На пороге, упираясь плечами в дверной косяк, стоял молодой человек, такой высокий, что ему пришлось нагнуть голову, чтобы разглядеть их. У него был приплюснутый нос, он жевал жвачку, словно задумчивая корова.

— Ну и тела! — загрохотал капитан Валвик. В его голосе послышалось облегчение. Он обернулся, тяжело отдуваясь. — Пермондси! Это фы?

— Хо! — Лицо Грозы Бермондси просветлело. — Сэр!

— Пермондси... пыстро... нет фремени опьяснять. Помните, я фам фылечил супы?

— Хо! — повторил Гроза Бермондси.

— И фы скасали, шшто фы мой толшник. Отлично! Окашите мне услуку. Потершите эту тферь, а мы сходим са помощью и... принесем ферефку, шштопы сфясать их. Фот, тершите...

Еще раз повторив свое многозначительное восклицание, Гроза Бермондси одним прыжком подскочил к ним, ударившись головой о дверной косяк (впрочем, он этого, кажется, не заметил), и всей тяжестью навалился на дверь.

— Что случ-чилось? — поинтересовался он.

— Там крапители, — объяснил капитан Валвик.

— Хо?

— Сперли мою шемчушную пулавку, — пророкотал капитан Валвик, быстро жестикулируя, — и еще платиновые сапонки, которые потарила мне моя старая матушка. Они украли часы у этого тшентльмена и пумашник со фсеми теньками...

— Они обокрали в-вас?

— Точно. А фас я попрошу только потершать эту тферь, пока мы...

— Хо! — воскликнул Гроза Бермондси, отступая на шаг от двери и застегивая ремень. — С-сейчас я им...

— Нет! — заревел Валвик, с ужасом сообразив, какого джинна выпустил из бутылки его, если можно так выразиться, поэтический порыв. — Нет! Не нушно! Только тершите тферь! Кофору фам, там капитан...

Но миниатюрные мозги Грозы Бермондси были не способны сосредоточиться сразу на нескольких вещах. Боксер-тяжеловес обрушился на дверь всеми своими ста килограммами, даже не остановившись, чтобы выслушать объяснения или возражения. Послышались глухой удар и треск; потом еще более глухой удар, какой бывает, когда два довольно тяжелых тела отшвыривает от двери, как пушинки. И Бермондси ворвался в темную каюту.

— Надо его остановить! — задыхаясь, выпалил Морган, пытаясь протиснуться в образовавшийся пролом. Рука Валвика остановила его. — Послушайте! Он там...

— Мне кашется, сейшас нам остается только отно — бешать, — заявил шкипер. — Нет! Нет! Не вхотите. Мне шаль старину Морша, но...

Из каюты доносился зловеющий приглушенный шум, рычание, достойное Кинг-Конга, и четкий, явственный хруст ломающихся костей. Из темноты вылетел большой

чемодан, словно на сеансе спиритизма. Он ударился о противоположную стену, и из него высыпалось нижнее белье, носки, рубашки и бумаги. Коридор начал наводняться вещами доктора Кайла. Морган, высвободившись, предпринял еще одну попытку ворваться в каюту. Это была храбрая попытка, которая могла бы увенчаться успехом, если бы в тот момент кто-то не швырнул в него стулом.

Потом у Моргана возникло неясное ощущение того, что его тащат прочь. Он смутно слышал хриплый голос Грозы Бермондси, который приглушенно, между ударами, объявлял, что он покажет, как воровать жемчужные запонки и золотые часы, полученные в подарок от мамочки. Когда секунду спустя или чуть позже сознание Моргана прояснилось, он был уже на некотором расстоянии от эпицентра шума. Его потряс новый звук — усиливающийся, нарастающий гул голосов и смеха. Они оказались в коридоре, ведущем к заднему выходу из концертного зала.

— Фы не ранены! — говорил Валвик ему в ухо. — Фас просто утарило. Ну, встряхнитесь! Та пошифее! Поконая путет стесь через минуту, а нам нато найти место, кте можно спрятаться, если мы не хотим, шштопы на нас натели наручники... Ш-ш-ш! Итите осторожнее! Стесь кто-то есть...

Морган выпрямился во весь рост; голова у него гудела, перед глазами все двоилось. Кто-то вышел из-за угла узкого коридора. Это оказался стюард; в руках у него был большой поднос, на котором стояло шесть высоких бутылок с горлышками, обмотанными позолоченной фольгой. Не обращая на них никакого внимания, стюард проплыл мимо и постучал в дверь гримерной. В ответ на стук из гримерной высунулась такая жуткая, такая отталкивающая рожа, что Морган поморгал глазами, чтобы проверить, не мерещится ли ему. Это было коричневое лицо с перепутанными черными волосами, косыми злобными глазками и бакенбардами.

— Шампанское, сэр, — жизнерадостно объявил стюард, — для мистера Д.Г. Лоуренса. С вас шесть с половиной фунтов.

Головорез покосился на него и щегольским жестом нахлобучил себе на голову остроконечный медный шлем, усыпанный изумрудами и рубинами; так ему легче было сунуть руку под причудливый зеленый халат. Он некоторое время рылся в карманах, а потом положил на поднос два банкнота по двадцать долларов США. Бутылки загадочным образом исчезли, подхваченные женскими ручками, высунувшимися из-за спины воина. Затем, когда стюард поспешил прочь, воин выхватил из ножен кривую турецкую саблю и грозно оглядел коридор во всех направлениях. Увидев Валвика и Моргана, он поманил их пальцем.

— Ну как? — осведомился воин голосом Керта Уоррена, когда двое заговорщиков ввалились в гримерную и Валвик запер дверь. — Положили его на место? Вы вернули... — Слова замерли на его губах. Он задумчиво сдвинул шлем на лоб и почесал парик. — В чем дело, Хэнк? Я вижу, что слон до сих пор у вас! Что...

Морган устало кивнул и огляделся по сторонам. Дядя Жюль по-прежнему лежал на кушетке, раскинув руки в стороны. Пегги пыталась приподнять ему голову и незаметно влить в него вторую порцию питьевой соды. Дядя Жюль дергался и морщил нос. Послышался громкий хлопок: это миссис Перригор откупорила бутылку шампанского.

— Объясняйте лучше вы, шкипер, — сказал Морган, грустно подбрасывая на ладони изумрудного слона. — Достаточно сказать, что игра окончена. К-конец. Продолжайте, капитан.

Валвик вкратце описал, что с ними произошло.

— То есть вы хотите сказать, — Уоррен затрясся в приступе неудержимого смеха и фыркнул из-под своих диких усов, — вы хотите сказать, что Гроза Бермондси находится в каюте и убивает сейчас старую сардину за то, что тот украл у Хэнка часы? Почему, о, почему меня там не было? О-о-о-о! Я бы все отдал, только бы это увидеть! Надо же, как мне не везет! Ну почему я всегда пропускаю все самое интересное?

Слезы снова навернулись на глаза Пегги.

— О, почему вы не можете оставить в покое бедного старого капитана? — запротестовала она. — Что вы, между прочим, против него имеете? Ну почему всякий раз, как вы не у меня на глазах, вам непременно нужно нападать на бедного, милого капитана? Это нечестно. Это несправедливо, особенно после того, как он сказал, что у него могла бы быть такая же дочка, как я, на мысе Гаттерас...

— Ужас! — Миссис Перригор сочувственно цокнула языком. — Ах вы, негодные, противные мальчишки! Выпейте шампанского.

— Та, но зачем он вообще там очутился? — с жаром возразил Валвик. — Фот шшто я фам скашу: Старый Морж опосфал меня фором, и теперь я ошшень, ошшень слой. Я сопираюсь токопатья то сути, таше если притется прыкать с нок-реи. И я сфоефо топьюсь.

— Наш капитан просто пытался выполнить свой долг, — пояснил Морган. — Нам следовало быть осторожнее. Помните, что он сказал сегодня днем? Он хочет лично иметь честь прищучить Кайла. Наверное, они со вторым помощником обыскивали каюту доктора и услышали, как идем мы. Они спрятались в ванной, а когда открыли дверь и увидели нас, то подумали... Ну а вы что подумали бы на их месте? Нет, шкипер, так не пойдет. Через пять минут нас начнут искать. Единственное, что остается, — пойти к Уистлеру, попытаться все ему объяснить и принять горькую пилюлю, которая нам причитается. Одному Богу известно, что с нами сделают. Полагаю, нам достанется на орехи. Но... придется терпеть.

Валвик сделал выразительный жест рукой:

— Я не путу терпеть! Я сол, ошшень сол, и терпеть не стану! Старому Моршу не утастся сасатить меня под самок, как пьянофо матроса, пока наш шулик куляет на сфопоте и смеется. Нам нушно кте-то спрятаться, фот шшто я претлакаю, шштопы он не мог нас схватить, а потом...

— И что толку? — осведомился Морган. — Остыньте, шкипер. Даже если бы мы и сумели спрятаться, в чем я сомневаюсь, что в этом толку? Послезавтра мы приплы-

ваем в Англию, и там нас уже будут ждать. Не можем же мы навеки остаться на корабле...

— А фы сапыли, шшто в Саутхемптон припыфает теткиф ис Нью-Йорк, шштопы опоснать этот фор?

— Да, но...

— И нам нушно опъяснить, пошшему мы украли исумруд...

— И еще много другого, включая побег Керта, нападение на Вудкока и его избиение; я уж не говорю о...

— Потумаешь! Кто такой Футкок? Тостаточно поопещать ему рекламное письмо про ефо морилку, и он фсе сапутет. А шшто то остальных, то кто они такие? Кокта тетектиф укашет на настоящефо фора, фы шшто тумаете, Уистлер по-прешнему станет опфинять нас ф фороф-стфе? Спорим, шшто нет. Ефо просто насофут психом, а мы прикросим, шшто расскажем касетчикам о протифомоскитной пушке, и они так пришмут колупчика, если он только рот раскроет! Ну и тела! Все ошшень просто. Меня не посатят ф эту тюрьму. Фот мое послетнее слофо. «Са Коспота. Са наше тело! Са сфятую церкофь! Са сакон!» Сфопота нафсекта, ура! Фы со мной, мистер Уоррен?

— Ну, друг, никогда вы еще не говорили более истинных слов! — отозвался мавританский воин и с чувством пожал оратору руку. — Уж мы им покажем, зададим жару! Пусть только попробуют снова засадить меня за решетку! — И он потряс в воздухе своей саблей.

Пегги бросилась к нему в объятия, сияя сквозь слезы.

— «Наше воинское братство нерушимо, гордо реет красно-бело-синий стяг!» — с воодушевлением затащил мавританский воин, и Валвик подхватил:

— «Армия с фло-отом нафе-эки ети-ины, нашей армии ура, ура, ура!»

— Ш-ш! — прошипел Морган, когда все трое сцепили руки театральным жестом. — Ладно! Делайте по-своему. Раз все с ума посходили, то чем я хуже? Ведите; я последую за вами... Главное, скажите, где вы предполагаете спрятаться?.. Да, миссис Перригор, спасибо, я и правда выпью шампанского.

Пегги захлопала в ладоши.

— Придумала! Придумала! Я знаю, где вы спрячетесь так, что они не посадят вас в эту ужасную тюрьму. Вы спрячетесь среди марионеток.

— Как — среди марионеток?

— Конечно, глупенький! Слушайте. Ведь марионеткам отведена отдельная каюта, так? И она примыкает к каюте дяди Жюля, верно? Стюарды боятся туда заходить. Вы трое наденете форму, словно вы марионетки, и нацепите накладные бакенбарды. Еду вам можно будет незаметно передавать через каюту дяди Жюля... А если кто-то случайно заглянет, то увидит только кукол, которые валяются на полу. Милый, это чудесно, и все получится...

— Рад слышать, — заметил Морган. — Не хочу показаться занудой, но мой пыл изрядно охлаждает перспектива провисеть целый день на крючке, а потом окажется, что номер все же не прошел. И еще, мне кажется, капитану Уистлеру достаточно на сегодня; не хватает только, чтобы марионетка чихнула ему в лицо, когда он заглянет в каюту! Пегги, вы сумасшедшая! И потом, как нам туда попасть? Мы попусту тратим время. Скоро в этой каюте столпятся все умники и начнут интересоваться, готов ли дядюшка Жюль к началу представления. Тут-то нас и накроют. Возможно, гримерка уже окружена, и мы даже не сумеем пробраться в убежище. Я также считаю возможным, что участники поисков проникнутся особым любопытством к трем мавританским воинам в полном облачении, которые рука об руку бродят по кораблю.

Пегги устремила на него указующий перст.

— Нет, нас не схватят! Потому что вы трое немедленно облачитесь в эти одежды, и мы сами дадим представление! В костюмах вас никто не узнает; а после спектакля вы сможете откатить марионеток обратно в их каюту и сами останетесь там.

Наступило молчание. Морган стиснул голову руками и беспомощно заплясал на месте.

— Детка, идея просто потрясающая! — восхищенно выдохнул Уоррен. — Но как мы все сделаем? Я охотно могу стоять перед сценой с секирой в руках; но как же остальное? Я даже не умею двигать этих марионеток, не говоря уже о том, чтобы произнести текст...

— Послушайте меня. Быстро, шампанского, кто-нибудь! — Она выхватила бутылку у сияющей миссис Перригор и отпила большой глоток. Спустя секунду, лучась вдохновением, продолжила: — Вдобавок мы спасем шкуру дяди Жюля. Начать с того, что на корабле нет ни одного настоящего француза, за исключением дядюшки Жюля и Абдула. В зале собрались в основном дети, а взрослые помнят по-французски только несколько слов. Всем хочется посмотреть битву марионеток...

— А Перригор? — напомнил Уоррен.

— Я о нем не забыла, дорогой. Вот тут в игру вступает Хэнк. Хэнк будет императором Карлом Великим, а также коварным Бангамброй, мавританским султаном...

— Здорово, старина! — Уоррен захлопал в ладоши и добродушно хлопнул императора Карла Великого по спине.

— ...потому что я слышала, как он говорит по-французски; этого вполне хватит, чтобы обмануть Перригора. Все решат, что он и есть дядюшка Жюль, потому что мы обвяжем его подушками и переоденем до неузнаваемости; а пролог он будет произносить из-за кулис, на фоне освещенной газовой ширмы, и никто и не поймет, кто там. Да, это чудесно, и чем больше я об этом думаю, тем больше мне нравится мой план! В остальное время его не видно. У меня есть перепечатанный на машинке текст его роли; ему придется лишь прочесть его... А что касается движений марионеток, я обучу вас за десять минут, пока мадам Кампозоцци будет петь, Кайл декламировать стихи, а Перригор произнесет вступительную речь. Все, что вам нужно, — это иметь сильные руки. Тут Керту и шкиперу равных нет. Вам ничего не стоит заставить кукол сражаться! Итак...

— Та, но кте ше путу я? — спросил Валвик. — По-французски я не кофору, снаю пару слов, и все; но я умею шонклировать тарелками, — с надеждой прибавил он, — и икрать на пианино...

— Вы умеете играть на пианино? — Пегги оживилась. — Тогда... все в полном порядке. Потому что, ви-

дите ли, остальные роли со словами очень маленькие — рыцарь Роланд, рыцарь Оливер и разбойник Терпин. Их текст будет произносить Керт. Я в общих чертах подскажу ему — это всего несколько слов; но то, что он будет говорить, значения не имеет, так как в это время капитан будет громко играть на пианино какую-нибудь бравурную музыку...

Морган расхохотался. Он ничего не мог с собой поделать. Нарастающее возбуждение от шампанского побуждало его прыгать и кричать; усталость испарилась. Он оглянулся на сияющую миссис Перригор, которая уселась на живот бесчувственного дядюшки Жюля и кокетливо поглядывала на него. Планы снова начали роиться и плясать у него в голове.

— Здорово! — вскричал он, хлопая в ладоши. — Во имя Господа! Мы оведем себя бессмертной славой, даже если не сделаем больше ничего! Затея чертовски рискованная, можно сказать, безумная, но мы это сделаем! Мы им покажем! Пошли, капитан, переоденемся в форму — времени нет...

Времени и правда не было. Сверху, из зрительного зала, доносились все более стройные и настойчивые аплодисменты; шум голосов усилился; от криков на потолке закачалась люстра. Пегги лишь на минутку остановилась, чтобы наскоро пошептаться с Уорреном и пожелать ему удачи, и тут же ринулась доставать грим.

— И здесь, — продолжил Морган, возбужденно сбрасывая куртку, — в игру вступает миссис Перригор. Ребята, возблагодарите милосердные звезды, пославшие ее сегодня нам...

— Хо-хо! — возрадовалась миссис Перригор. — О, вы совершенно, совершенно ужасный чевовек, вы не должны говорить такие вещи! Хи-хи!

— ...потому что, — продолжал он, хлопая Уоррена по груди, — она поможет нам избавиться от людей, которые должны были сегодня исполнять роли в костюмах. Разве непонятно? За кулисами не должно быть никого, кроме нас. Кажется, эта мадам Кампозоцци должна была играть на фортепиано, а какой-то русский — на скрип-

ке? Да, а парочка каких-то профессоров должна была изображать воинов...

— О господи! Я о них совсем позабыла! — вскричала ошеломленная Пегги. — Хэнк, но как же мы...

— Легко! Когда они явятся, миссис Перригор посмотрит на них ледяным взглядом, как она умеет, и скажет, что их места заняты. Она — организатор концерта, и они ей подчинятся; иначе будет скандал, и нас мигом разоблачат... Слушайте! — Он круто обернулся к ней. — Ведь вы согласны, правда? Миссис Перригор! Синтия! Ведь вы сделаете это для меня? — Голос его был методичив.

Организаторша концерта не наградила его ледяным взглядом. Она сказала: «О, вы ужа-асный, ужа-асный чевовек!», встала и обвила его руками за шею.

— Нет, послушайте! Погодите немного... да послушайте, Синтия! — в отчаянии молил Морган. — Послушайте, мне нужно вам кое-что сказать. Да отпустите же меня, черт побери! Говорю вам, нельзя терять ни минуты! Позвольте, я сниму жилет...

— По-моему, вы выразились недостаточно ясно, — критически заметил Уоррен. — А если бы вас сейчас увидела ваша жена, старый вы греховодник? Отпустите сейчас же бедную женщину!

— Хэнк, вам просто необходимо привести ее в чувство, чтобы она говорила с ними! — воскликнула Пегги, летая по комнате. — О, к-какой уж-жас! К-как мы уж-жасно обх-ходимся и муч-чаем этих прот-тивных пьяниц!..

— Кто это ужасные противные пьяницы, осмелюсь спросить? — поинтересовалась миссис Перригор, внезапно отрывая пылающее лицо от плеча Моргана.

— Дорогая, я только хотела сказать...

Снаружи по двери забарабанили, отчего заговорщики застыли на месте.

— Синьор Фортинбрас! — позвал голос с сильным итальянским акцентом. Стук повторился. — Синьор Фортинбрас! Это есть я, синьор Бенито... Фуриозо... Кампозоцци! Синьор Перригор, она хочет знать, весь ли вы в порядок. Она...

Пегги с трудом обрела дар речи и дрожащим голосом проговорила:

— Синьор Кампозоцци, с ним все в порядке. Она... то есть он переодевается. Пожалуйста, возвращайтесь через пять минут. Миссис Перригор хочет поговорить с вами.

— А! Хор-рошо! Десять минута — и мы начинать. Хор-рошо! Хор-рошо! Я очена рада это слышать. Синьор Иван Слифовиц сказала мне, — как и все латиняне, синьор Кампозоцци не отличался тактичностью, — она думает, может быть, вы слишком много пить джин...

— Джин? — послышался вдруг задумчивый замогильный голос из-за спины Моргана. Казалось, голос этот исходил из недр земли. — Кто сказал «джин»?

Внезапно дядюшка Жюль сел на кровати. Потом соскользнул на пол. С полузакрытыми глазами и решительным выражением лица, словно его вдруг озарила какая-то светлая мысль, он направился напрямик к двери.

— Je vais chercher le gin¹, — поспешно объяснил он.

Валвик одним прыжком настиг его, но, так как дядюшка уже ухватился за дверную ручку, только чудо могло предотвратить разоблачение... Как вдруг внимание синьора Кампозоцци что-то отвлекло.

— Эй! — заверещал синьор Кампозоцци по непонятной для них причине. — Кто вы есть такой? Убирайтесь! Вы были в драка, вы просто жалкий вор...

— Да послушайте, командир, — перебил его чей-то хриплый бас, — не бойтесь, идет? Эй, вы! А ну, вернитесь! У меня тут, — продолжал Гроза Бермондси, — две пары золотых часов, две булавки для галстука, два бумажника, но только одни платиновые запонки. Я ищу парня по имени капитан Валвик. Я хочу, чтобы он выбрал свои вещички. Эй! Вернитесь! Я только хотел спросить, где мне найти...

Итальянец бросился бежать. Друзья слышали грохот двух пар ног, так как Гроза Бермондси пустился за ним в погоню.

¹ Я иду за джином (фр.).

ЗОЛОТЫЕ ЧАСЫ И ДРУГИЕ ПРОПАЖИ

— Еще одна кража, — заметил Морган, — ровно ничего не значит по сравнению с тем, что мы уже натворили. Но все равно, шкипер, лучше остановите Грозу Бермондси, объясните ему, что произошло недоразумение, и извинитесь под любым предлогом. Также было бы неплохо вернуть капитану Уистлеру его лучшие запонки и золотые часы.

Одной рукой Валвик прислонил к стене бессмысленно улыбающегося дядюшку Жюля, а другой рукой отпер дверь. Потом высунулся в коридор и позвал:

— Пермондси!

Топот затих. Валвик усадил дядюшку Жюля на кушетку рядом с дверью. Месье Фортинбрас не протестовал.

— Он приходит в себя, — заметил Уоррен, обозрев красное лицо кукольника. — Послушайте, детка, а что будет с нашим планом, если старикашка очнется? Все равно он будет не в форме для спектакля. Лучше дайте ему еще выпить.

— Мы не сделаем ничего подобного! — отрезала Пегги. — Нам не придется ничего менять. Если он все же придет в чувство, мы спрячем его за кулисами. Керт, снимите шлем и налейте туда воды. Мы его окатим, и потом, может быть...

Она замолчала, так как в дверь просунулся Гроза Бермондси, нагруженный добычей. За исключением съехавшего на сторону галстука и царапины на скуле, Гроза не пострадал. На лице его блуждала сонная ухмылка.

— Хо! — произнес он. — Вот все вещички, сэр. Вы с другим джентльменом просто выберите, что тут ваше.

Валвик торопливо оглядел коридор, затащил боксера в каюту, забрал из его рук награбленное добро и бросил все на кушетку.

— Слушайте, Пермондси, — проворчал он, вытирая вспотевший лоб, — поюсь, произошла ошибка. Мне кажется, фы испили не тех лютей. Я...

— Хо? — удивился Гроза, заметно мрачней. Затем покачал головой и зловеще прикрыл один глаз. — Мне

тоже так показалось, сэр, когда я понял, кто они такие. — Внезапно боксер хрипло захохотал и подмигнул. — Ничего, командир. Мне такая тренировка только на пользу. В чем дело-то? Сперва я решил, что-то стряслось, когда увидел, как кто-то входит в каюту костоправа, а потом оттуда вышел джентльмен с зеленой побрякушкой. — Кивком он указал на Моргана, которому удалось высвободиться из цепких объятий миссис Перригор. — Дело это, как вы понимаете, не мое, но вы сами позвали на помощь. — И он снова хрипло расхохотался.

Морган, перед которым слабо замерцала надежда отменить безумный план Пегги, вмешался:

— Послушайте, Бермондси. Те двое грабителей... Они сильно пострадали?

Гроза самодовольно ухмыльнулся, поднял голову, задумался, словно считал звезды на потолке, и, наконец, закатив глаза, шумно засопел.

— Вырубилесь, — понял Морган.

— Точно, — согласился Гроза.

— Они вас видели? То есть они узнают вас, если увидят?

— Хо! — откликнулся боксер. — Они-то? Да ни за что. Там ведь света не было. Пришлось зажечь спичку, когда я снимал с них часы. Хо-хо-хо!

— Бермондси, — с воодушевлением произнес Уоррен, пока боксер тупо обозревал его наряд, — позвольте позжать вашу мужественную руку. Хотите шампанского? Хэнк, что это с вами?

Морган начал возбужденно расхаживать по каюте. Взял часы и осмотрел их. Потом положил на кушетку вместе с изумрудным слоном.

— Если план сработает, — сказал он, раскачиваясь, — тогда не придется два дня валяться вперемежку с марионетками и притворяться неживыми. И в тюрьму отправляться тоже не придется — никому из нас, кроме Керта...

— Вот это мило, — заметил Уоррен. — Просто великолепно! А теперь послушайте, что я скажу. Клянусь, в эту проклятую камеру я больше не вернусь, что бы ни случилось! Поняли? Более того...

— Да замолчите же! Послушайте меня. Вам придется вернуться туда не больше чем на час. Самое главное: капитан Уистлер не знает, что вы оттуда бежали, ясно? Хорошо. А теперь не перебивайте меня. Значит, что у нас получается? В лице Бермондси мы имеем свидетеля, который может определенно доказать, что мы не крали слона из каюты Кайла, а, наоборот, возвращали его вместе с бумагами доктора. Нашему свидетелю не нужно упоминать о том, что Керт перед тем утащил все это оттуда. Далее...

— Посслушайте! — запротестовал Валвик. — Ну и тела! Уж не хотите ли фы сейшас отпрафиться к Старому Моршу?

— Молчите! Вот как нам надо поступить: Пегги берет бумажники, часы и все остальное, включая слона. Идет к Уистлеру и говорит: «Капитан, знаете, что сделали двое людей, которых вы приняли за воров? Они спасли вашу шкуру и спасли слона, когда его чуть не украли во второй раз». И рассказывает, как мы с капитаном, проходя мимо, заметили таинственного незнакомца в маске...

— Гром и молния! — обреченно произнес Уоррен. — Вы пьяны.

Морган выпрямился.

— Ладно, согласен, маска — лишнее. Мы увидели, как незнакомец крадется из каюты Кайла с бумагами доктора и слоном под мышкой. Мы напали на него; и хотя он сбежал и мы не узнали, кто он такой, мы отняли все награбленное... — Тут поднялся протестующий ропот, и Морган язвительно посмотрел на друзей. — Я знаю, почему вы возражаете! Вам просто хочется спрятаться среди марионеток и участвовать в этом проклятом спектакле! Разве я не прав?

— Я с фамилией согласен, — проворчал Валвик, — но как быть с тем, шшто их испили?

— Это часть моего плана. Ведь вряд ли Уистлер подумает, что именно мы сдернули с него запонки и часы, верно? Отлично, полагаю, капитан поверит, что наше положение было незавидным. Мы спешили, когда столкнулись с ним. Но наш таинственный вор, который крутился где-то поблизости, был начеку. Считая, что Уистлер

забрал у нас слона, он врывается в каюту. Используя бутылку как орудие нападения — помните, Уистлер сам так решил, и теперь ему придется придерживаться этой версии, хочет он того или нет, — так вот, вор укладывает на месте капитана и второго помощника и утаскивает добычу...

Морган замолчал. Его рассказ звучал неубедительно даже для него самого; однако он был убежден, что план, предложенный Пегги и остальными, еще хуже. Тут приходилось из двух зол выбирать меньшее, но его план, по крайней мере, был направлен на то, чтобы отчасти утихомирить и успокоить громадный гнев капитана Уистлера. Уоррен заворчал.

— А тогда, полагаю, вы с Валвиком снова напали на этого вора? Хэнк, это же чушь собачья. Я просто удивляюсь...

— Да нет же! Вы ничего не поняли. Вор, шатаясь от мощных ударов капитана Уистлера, спотыкается и падает. Мы, привлеченные шумом, возвращаемся. И снова находим награбленное. Сначала мы не осмеливаемся вернуть вещи Уистлеру, зная, что именно он подумает. Но Пегги понимает, что наша совесть чиста; она убеждает нас, что бояться нечего, так как мы поступили благородно... — Морган увидел, что Валвик колеблется и чешет подбородок, а потом в отчаянии добавил: — Давайте проголосуем. Мы все сделаем, а Керт вернется в тюрьму и утешит Вудкока, определенно пообещав добыть ему рекламную статью. Да послушайте! — воскликнул он. — Вы что, совсем ничего не понимаете? Если капитан Уистлер властен распоряжаться только в открытом море, то Вудкок — частное лицо и может подать на вас иск в гражданский суд! Он может отсудить тысячу фунтов за моральный ущерб, и уж он-то не станет церемониться из боязни уронить свое достоинство! Керт, хотите сесть за решетку? Что ж, оставьте Вудкока связанным там, где он лежит, — возможно, до завтра его не обнаружат; но коммивояжер будет в такой ярости, что его не утихомирят и сам президент, даже если согласится рекламировать его морилку. Ради бога, хоть на три секунды отвлекитесь от шампанского, которое затуманило вам мозги, и по-

думайте! Керт, вам не придется оставаться в корабельной тюрьме дольше, чем вы того пожелаете! Уистлер уже пообещал вас выпустить.

— И все же я проголосую против, — заявил Уоррен.

Все зашумели, сойдясь на середине каюты, стали размахивать руками и кричать. Миссис Перригор заявила, что план «четговски хогош» и она проголосует так, как велит ей ее Генри.

— Эй! Стойте! — взвизгнула Пегги, закрывая уши руками. — Послушайте! Да дайте же сказать! Вы очень мило все за меня решили. И я не против того, чтобы пойти к капитану, строить ему глазки и все такое. Погодите! Но тогда мы подставим дядюшку Жюля... Мне все равно, что вы скажете, но он мой дядя, и я не хочу, чтобы над ним... с-смеялись... Ведь все с-скажут, что он с-слишком пьян, чтобы...

— Успокойтесь! — велел Уоррен, видя, как она в отчаянии машет кулаками.

— ...чтобы играть. Все же именно так и п-подумают. Если он протрезвеет настолько, что сможет продержаться, скажем, минут пятнадцать или полчаса, мы на это время прикроем его, а потом будем действовать по плану Хэнка. Если же нет, давайте сделаем все, о чем договаривались раньше... Что там за шум? — Она резко осеклась. Ее заплаканные глаза устремились куда-то за спину Моргана и расширились от ужаса. Потом вдруг закричала: — Где... дядя... Жюль?!

Корабль слегка качнуло на волне; дверь легонько хлопнула.

Дядюшка Жюль исчез. Вместе с ним исчезли золотые часы, запонки, бумажники и изумрудный слон.

Глава 19

ВЫХОДКА ДЯДЮШКИ ЖЮЛЯ

Мавританский воин снял остроконечный шлем и швырнул его на пол.

— Чтоб мне лопнуть! — взорвался он. — Чтоб мне лопнуть! Мы его проворонили! Ну, давайте проголосуем,

если хотите, но теперь мы не можем поступить ни так, ни иначе. Как мне все надоело! Какая муха укусила старикашку? Он что, клептоман?

— Вы его упустили! — зарыдала Пегги. — Он ничего не может с собой поделать. Он пьян, бедняжка! О, почему, почему я не подумала об этом? Он уже проделывал такое и раньше... только в основном крал ключи от машин, и особого шума никогда не устраивали, несмотря на то что некоторые подлецы...

— Что вы имеете в виду? Какие еще ключи?

Она сощурила глаза:

— Ну, ключи от машин, ключи, которыми включают зажигание. Он ждет, когда хозяин уйдет, оставив ключ в моторе, а потом тихонько подкрадывается и — хват! — утаскивает ключ. Затем где-то бродит, пока не наткнется на забор или стену, и швыряет туда ключ. И отправляется искать другую машину. Самый ужасный скандал был в Сент-Луисе, потому что он очутился на площадке, где паркуют машины, и одним махом украл тридцать восемь ключей... Но вы-то что стоите? Бегите за ним! Верните его, прежде чем его найдут...

— Ха! — раздался ужасный голос.

Дверь с треском распахнулась. На пороге стоял коротконогий и толстенький человечек с жирным лицом, дрожащими щеками, зловещими кустистыми бровями и огромными усами. Он показал пальцем на Пегги:

— Вот как! Вот как! Ви хотите меня обмануть, а? Ви хотите обмануть синьор Бенито Фуриозо Кампозоцци, да? Я вас поймал! Ви скажаль, с ним все хорошо, да? Ха-а-а! Что, по-вашему, значить хорошо? Я говорить вам, синьорина, прямо в ваш лицо, что он есть пьяниц! — Синьор Кампозоцци чуть не задохнулся от возмущения.

Пегги поспешила к нему.

— Вы его видели? О, прошу вас, скажите мне! Где он?

Синьор Кампозоцци воздел одну руку к небесам, хлопнул себя по лбу и дико закатил глаза.

— Вот как! Ви спрашивать меня, где он! Ха-а-а! Я вам сказать! Я никогда в моя жизнь не был так возмущаться! Я подойти к ней. Я скажаль: «Синьор Фортинбрас!» А он

сказаль так: «Ш-ш-ш!» И у нее в руки были четырнадцать золотые часы и бумажники. Он открывать эти бумажники и передавать мне. Он мне дал банкнот в один фунт!!! И говорил: «Ш-ш-ш! Ви купить мне одна бутылка джин? Ш-ш-ш!» И ушель, и повторяль: «Ш-ш-ш!», и совать под все дверь по один фунт. Вот что я сказать...

— Так он растратит все денежки Старого Моржа, — заметил Уоррен. Его глаза под буйными накладными бровями сияли. — Послушайте, мистер Соцци, или как вас там, вы не видели... То есть не было ли у него при себе каких-либо драгоценностей? Такой зеленой штучки на золотой цепочке?

— Ха-а-а! Не видеть ли я? — возмутился синьор Кампозоцци, испепеляя его взглядом. — Она висель у него на шея.

Морган повернулся к Валвику.

— Ну, шкипер, масло уже вовсю полыхает в огне, — заявил он. — Что бы нам ни предстояло сделать, марионетками нам уже не бывать. Но если дядюшке Жюлю стукнет в голову кому-нибудь передать этого слона... Ладно, все равно хуже, чем сейчас, нам уже не будет. Лучше бежать за ним. Нет, Керт! Нет! Вы никуда не пойдете, слышите?

— Конечно, пойду, — возразил Уоррен, снова хватая саблю и засовывая в карман халата бутылку шампанского. — Думаете, я это пропущу? Все абсолютно безопасно. Меня родная мать не узнает в таком наряде. А если мы нарвемся на старую пикшу или еще на кого-нибудь, я просто помашу руками и скажу: «Не говорить английский». Ясно?

Собственно, последние слова он произнес уже за дверью. Никто не протестовал. Масло вовсю шипело и полыхало ярким пламенем. Ладно, подумал Морган, втроем им будет легче справиться с дядюшкой Жюлем — при условии, что они его найдут прежде, чем он отдаст кому-нибудь часы капитана Уистлера и усеет всю палубу капитанскими деньгами. К ним также присоединился Гроза Бермондси.

— Вперед, в бар! — скомандовал Морган, когда троица понеслась по коридору. — Инстинкт влечет его туда.

Нет, не туда! Развернитесь и обойдите со стороны иллюминатора, не то мы можем наскочить на Уистлера и его команду...

Они остановились. Со стороны 46-й каюты до них донесся шум, топот бегущих ног, возбужденные голоса и зычные призывы к оружию. Четверо союзников резко сменили курс и бросились по направлению к носовой части — счастливое обстоятельство, так как вскоре, буквально через несколько секунд, они напали на след дядушки Жюля. Правда, такой след упустить было бы трудно — его не заметили бы разве инспекторы Лестрейд, Грегсон и Атторни Джонс. Двери нескольких кают были настежь распахнуты, около них босиком топтались разъяренные пассажиры, ругая ошеломленного стюарда.

— А что я мог поделать? — возражал он. — Извините, сэр...

— Вы! — вскричал Уоррен, приставляя острие сабли к груди несчастного, отчего последний чуть не подавился. — Вы! — повторил он, видя, что стюард собирается спастись бегством. — Вы его видели? Лысого пьяницу с борцовскими плечами, у которого полные руки всякой всячины?

— Да! Д-да, сэр... Уберите, пожалуйста, ваше... оружие! Он только что был здесь! Он что, ваши тоже унес?

— Мои — что?

— Ботинки! — пояснил стюард.

— Я наведу порядок на этом корабле! — вскричал один взбешенный пассажир, хватая стюарда за воротничок. — Я такой иск на них подам, что мало не покажется! Я пожалуюсь капитану. Я выставил ботинки за дверь, чтобы их почистили, а сейчас хотел их забрать, и что же я вижу?!

— Он украл все ботинки, выставленные за дверь! — вопил другой пассажир, который в поисках пропавшей обуви носился по коридору взад и вперед, словно терьер. — Где капитан? Кто это сделал? Кто...

— Пошли, — позвал капитан Валвик. — На палупу и фокруг.

Они толкнули дверь и очутились на той же самой палубе, где прошлой ночью разыгралась буря, причем с той

же стороны. Как и вчера, палуба была еле освещена, но на сей раз здесь было тихо. Они остановились и огляделись по сторонам. После духоты в гримерной свежий воздух успокаивал. И тут Морган, который стоял ближе всех к трапу, нос к носу столкнулся с мистером Чарльзом Вудкоком.

Кто-то выругался, а затем наступило молчание.

Мистер Вудкок взбирался по ступенькам медленно и с трудом. Если не считать измятой одежды, следов повреждения на нем не было, но шагать ему было нелегко, оттого что он был связан рваной простыней. Волосы его развевались по ветру. Плечи подергивались судорогой, костяшки пальцев потрескивали. Когда же он увидел, кто перед ним, на его костлявом лице появилось такое выражение...

Морган застыл на месте от этого взгляда. Многого он ожидал от несчастного распространителя тараканьей морилки: злорадной усмешки, угроз, обещаний мести за уязвленное достоинство — в общем, проявлений враждебности. Однако выражение лица Вудкока его озадачило. Вудкок словно окаменел. Галстук задрался ему на лицо и щекотал нос, словно крылья летучей мыши в темноте. Его костлявая рука дернулась. На палубе царила тишина; слышно было лишь, как бурлит за бортом вода...

— Так это опять вы! — сказал Уоррен и хлопнул кривой турецкой саблей по ноге.

Вудкок узнал его по голосу. Он переводил взгляд с Уоррена на Моргана.

— Слушайте! — начал коммивояжер, откашлявшись. — Слушайте! Только не надо выходить из себя. Поймите меня правильно...

Странно; почему-то у него был виноватый вид. Морган, пораженный явлением Вудкока, поспешил вмешаться прежде, чем Уоррен смог бы снова подать голос.

— Итак? — Инстинктивно он заговорил зловещим голосом. — Итак?

Бледная улыбка порхнула по губам Вудкока.

— Вот чего я никак не пойму, старина, — зачастил он, дергая плечом, — ведь я-то нисколько не виноват в том, что вас посадили в корабельную тюрьму, даже если вы

думаете, что я виноват. Вот как на духу — я тут ни при чем. Слушайте, я на вас не сержусь, даже несмотря на то, что вы так меня отделали, что, может быть, придется лечь в больницу. Вот что вы натворили — но можете видеть, я не сержусь, понимаете, старина? Может, вы и правильно мне врезали — я имею в виду, если бы я думал так же, может, я так же и поступил бы на вашем месте. Я все понимаю. Тут с собой ничего поделывать нельзя. Но когда я вам сказал — вы знаете что, — я был абсолютно убежден...

Было в его поведении что-то настолько подозрительное и вид у него был такой виноватый, что даже Гроза Бермондси, который, очевидно, понятия не имел, что тут происходит, сделал шаг вперед.

— Эй! — пробасил он. — А это кто такой?

— Подойдите сюда, мистер Вудкок, — спокойно попросил Морган, ткнув локтем Уоррена под ребра, чтобы тот молчал. — Вы хотите сказать, что на самом деле не видели, как из каюты Керта Уоррена украли фильм, так?

— Видел! Клянусь, видел, старина!

— Попытка шантажа, а? — спросил мавританский воин, выпучив глаза и поигрывая ятаганом.

— Нет! Нет! Повторяю, это была ошибка, и я могу это доказать. То есть на первый взгляд кажется, будто человека, который украл фильм, вообще нет на корабле, но на самом деле он есть! Должен быть. Наверное, он замаскировался или...

В голове у Моргана зародилась слабая надежда: может быть, паркам надоело запутывать жизнь только их компании и они переключились на других?

— Давайте послушаем вашу версию случившегося, — сурово сказал он, пользуясь случаем. — А потом решим. Что вы имеете сообщить нам по данному поводу?

Вудкок выбрался на палубу. И огромный Валвик, и еще более огромный Гроза Бермондси по непонятным для них самих причинам так нахмурили свои и без того мрачные лица, что Вудкок, увидев их, задрожал как осинный лист на ветру.

Прочистив горло, он, тем не менее, дружелюбно начал свою заволаживающую речь:

— Значит, слушайте, старина. Я действительно видел того типа; даю слово чести. Но после того как сегодня мы с вами поговорили, я сказал себе: «Чарли, Уоррен — хороший белый парень, и он обещал добыть тебе рекомендательное письмо. А ты, Чарли — человек слова, — тут Вудкок понизил голос, — поэтому ты должен узнать для него фамилию вора».

— То есть вы хотите сказать, что не знали, кто тот человек?

— Помните, я ведь сказал, что не знаю, как его зовут? — вскинулся Вудкок. — Что я сказал? Вот что: я бы узнал его, если бы увидел еще раз. Провалиться мне на этом месте! Подеваться он ведь никуда не мог, правда? Вот я и решил обойти весь корабль и выяснить, кто он такой. Сегодня все пассажиры спускались в ресторан; я наблюдал, но его там не оказалось! И тогда подумал: «Что за черт?» — и испугался. — Вудкок сглотнул подступивший к горлу ком. — Поэтому я пошел к казначею и описал того человека, вроде бы мне с ним надо встретиться. Пропустить его я никак не мог; я запомнил все, включая странную форму ушной раковины и родимое пятно на щеке. Но казначей сказал: «Чарли, никого похожего на корабле нет». И тогда я подумал: «Он переоделся!» И все же вор не мог оказаться человеком, которого я вообще не видел раньше, потому что я узнал бы его в любом гриме — овал лица, отсутствие бакенбардов и все такое. — Вудкок заторопился, и речь его стала невнятной: — А потом я узнал, что вас посадили в корабельную тюрьму, так как капитан обвинил вас в том, что вы кого-то оклеветали, и подумал: «О господи, Чарли, это все твоя вина; он ни за что не поверит, что ты вправду видел вора». Когда я получил вашу записку с просьбой спуститься к вам, решил, что, может, вы все же не держите на меня зла, но, поскольку вы меня ударили... Послушайте, я компенсирую вам ущерб. Клянусь, я не жулик...

Добрые старые парки! Морган почувствовал прилив благодарности к богиням судьбы за эту маленькую услугу: он отказывается подавать в суд за нападение и побои! Мало ли что могло прийти в голову мистера Вудкока в более хладнокровном состоянии.

— Керт, слышите, что говорит мистер Вудкок? — спросил Морган.

— Слышу. — Тон Уоррена был странным. Он поглаживал баки и задумчиво поглядывал на саблю.

— И вы готовы признать свои ошибки, — продолжил Морган, — и все забыть, раз мистер Вудкок готов все забыть и простить? Отлично! Разумеется, мистер Вудкок, как человек деловой, понимает, что у него больше нет никаких оснований требовать от вас рекомендательное письмо...

— Хэнк, старина, — очень серьезно заявил мистер Вудкок, — вот что я вам скажу: к черту это рекомендательное письмо! Да и тараканью морилку тоже. Честно признаюсь: не лежит у меня к ней душа. Я умею продавать товар — на европейском направлении вы не найдете лучшего коммивояжера, чем Чарли Р. Вудкок, уверяю вас, — но, когда доходит до крупных ставок, я пас. Не пойдет. Кончено. Но я горю желанием, старина, оказать вам всевозможную помощь. Понимаете, я бился о стену в той камере, пока туда не заглянул матрос; наконец мне удалось выплюнуть кляп изо рта. В общем, он меня освободил и пошел искать капитана. И лучше мне вам сказать сразу...

Откуда-то с противоположного борта послышался шум. Где-то открылась и громко хлопнула дверь; топот бегущих ног приближался к ним.

— Вон он! — перекрывая все шумы, послышался зычный бас капитана Уистлера.

— Стойте, не пекитте! — тяжело дыша, потребовал Валвик. — Кофору фам, не пекитте, иначе мощно натолкнуться прямо на нефо. Фнис, по трапу — тута! Все! Осторошно! Мошет пыть, они нас не саметтят...

Поскольку, судя по шуму, погоня приближалась, Валвик потащил мавританского воина вниз по ступенькам; за ними ринулся Гроза Бермондси. Вудкок — Тараканья Смерть, исполненный новых страхов, споткнулся и с грохотом полетел вниз. Прижавшись к железным ступенькам рядом с Валвиком, Морган задрал голову и выглянул на палубу. Глазам его предстало весьма живописное зрелище. Он увидел дядюшку Жюля.

Почти неразличимый при тусклом освещении, дядюшка Жюль завернул за угол, держа курс на нос, и теперь величественно приближался к ним. Теплый ветерок развеивал венчик волос вокруг его лысой головы, словно нимб. Поступь у него была твердая, решительная, даже, можно сказать, величаявая; однако в повадках кукловода угадывалась и осторожная осмотрительность человека, который подозревает, что его преследуют. Неожиданно внимание дядюшки Жюля привлек ярко освещенный иллюминатор. На фоне светлой занавески мелькнуло его красное, решительное, искаженное лицо. Потом он просунул голову внутрь.

— Ш-ш-ш! — произнес дядюшка Жюль, поднося палец к губам.

— И-и-и! — завопил изнутри женский голос. — И-и-и-и!

Легкая досада исказила черты дядюшки Жюля.

— Ш-ш! — цыкнул он. Осторожно оглядевшись по сторонам, он порывлся в куче вещей, которые тащил в руках, выбрал нечто, издали похожее на золотые часы, и осторожно просунул в иллюминатор. — Onze! — прошептал он.

Друзья услышали, как часы со звоном ударились об пол. С безучастным видом дядюшка Жюль направился к бортовому ограждению. С особой тщательностью он выбрал пару мужских лакированных бальных туфель и швырнул их за борт.

— Douze! — считал дядюшка Жюль. — Treize, quatorze...¹

— И-и-и! — все вопил женский голос, когда лавина ботинок и туфель устремилась за борт. Казалось, дядюшку Жюля раздосадовала эта помеха. Однако, как истинный француз, он привык потакать капризам слабого пола.

— Vous n'aimez-pas cette montre, hein? — заботливо поинтересовался он. — Est-ce-que vous aimez l'argent?²

¹ Одиннадцать!.. Двенадцать!.. Тринадцать, четырнадцать... (фр.)

² Вам что, не нравятся эти часы?.. Хотите серебряные? (фр.)

Топот погони приближался. Из-за угла выбежала разъяренная толпа, возглавляемая капитаном Уистлером и вторым помощником Болдуином. Очутившись на носу, все остановились, точно громом пораженные. Они успели как раз вовремя, чтобы увидеть, как дядюшка Жюль высыпает содержимое бумажника капитана Уистлера в иллюминатор. Потом старик с быстротой молнии метнулся к леерному ограждению. За борт, сверкая в лунном свете, полетели часы капитана Уистлера, запонки капитана Уистлера, его булавка — и изумрудный слон.

— Dix-sept, dix-huit, dix-neuf, vingt!¹ — ликуяще шептал дядюшка Жюль. Наконец он обернулся, заметил своих преследователей, снова приложил палец к губам и прошептал: — Ш-ш-ш!

Бывают ситуации, в которых действовать бесполезно. Морган прижался лицом к холодной железной ступеньке и испустил такой громкий стон, что при обычных обстоятельствах преследователи неминуемо услышали бы его.

Но сейчас никто не обратил на него внимания. Не без оснований преследователи отказались подчиниться последнему запрету дядюшки Жюля. По мере того как кольцо вокруг дядюшки Жюля смыкалось, шум все нарастал; крики на палубе разбудили чаек. Птицы с жалобными стонами закружили над водой. Галдеж поднялся страшный. Но в тот момент, когда Морган и Уоррен вновь высунули головы из люка, громкий бас пригвоздил их к месту.

— Значит, — гремел капитан Уистлер, охваченный неодолимой яростью, — значит, вот кто вломился туда и... и н-напал на нас, как лютый зверь...

— Ясное дело, сэр, — прозвучал голос второго помощника Болдуина, может только чуть менее безумный. — Вы только взгляните на него! Посмотрите на его руки и плечи! Кому, кроме силача, который привык ворочать этих... марионеток день за днем, хватило бы силы на такой удар? На корабле нет другого такого...

— Хо? — удивленно вскинулся Гроза Бермондси, яростно вращая глазами.

¹ Семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать! (фр.)

— Ш-ш-ш! — одернул его капитан Валвик.

— Нет, сэр, — продолжал Болдуин, — он не вор. Он известный пьяница. Я все про него знаю. Пьяница и такие штуки откалывает не впервые...

— Pardonnez-moi, messieurs, — прорычал вежливый, но сдавленный голос, словно его владелец был придавлен грудой тел. — Est-ce que vous pouvez me donner du gin?¹

— Он... выкинул за борт изумрудного сло... — прерывисто прошептал Уистлер посреди странного шума. — А как же... те... эти...

Щелкнули каблуки. В разговор вмешался новый голос:

— Сэр, позвольте мне все объяснить! Я — Спаркс. Частично я все видел из каюты моего кузена. Если позволите, сэр, тот парень и швед не крали... ну, вы знаете что. Они, наоборот, пытались вернуть его на место. Я их видел. Они близкие друзья мисс Гленн, племянницы этого человека; на мой взгляд, они скорее покрывали старого пьяницу, после того как он украл слона...

— Из каюты доктора Кайла? Что вы тут несете? Они...

— Сэр, послушайте меня! — заревел Болдуин. — Спаркс прав. Разве вы не понимаете, что случилось? Старик страдает kleptomanie; именно он вчера ночью украл у вас изумруд! А кто еще мог бы ударить вас так сильно? И разве вчера он не вел себя точь-в-точь как сегодня, сэр? Смотрите: вы стояли почти на том самом месте, что и сейчас. И что он сделал? Он сделал именно то, за чем мы застукали его сейчас: швырнул драгоценность в ближайший иллюминатор, который случайно оказался окном каюты доктора Кайла; изумруд упал за сундук... Фортинбрас пьян, сэр, и не ведает, что творит; но случилось именно это...

На палубе воцарилось ужасное молчание.

— Господи! — воскликнул капитан Уистлер. — Господи!.. Но погодите! Изумруд же вернули лорду Стэртону...

¹ Извините, господа... Не дадите ли мне джину? (фр.)

— Сэр, — устало произнес Болдуин, — разве вы не понимаете, что племянница и ее друзья все время пытались защитить старого пропойцу? Один из них подкинул слона хозяину; я даже восхищаюсь их смелостью. А пьяница снова украл его. И тогда они решили снова подкинуть слона в каюту доктора, куда старикашка почему-то твердо вознамерился его подбросить, а затем подсказать кому-нибудь, где его искать. Мы просто не дали им объясниться, сэр. Мы... По-моему, мы должны извиниться перед ними.

— Один из вас, — решительно заявил капитан, — пусть идет к лорду Стэртону. Передайте ему от меня поклон и скажите, что я хочу немедленно переговорить с ним. Да принесите веревку и свяжите старого негодяя! Вот вы, — капитан Уистлер обратился к дядюшке Жюлю, — скажите, это... правда?

Морган рискнул высунуть голову наружу. Капитан Уистлер стоял в толпе, повернувшись к ним спиной. Писатель не сумел разглядеть следов последней схватки на его лице. Зато он увидел дядюшку Жюля. Тот отчаянно вырывался и пытался сесть, в то время как множество рук держало его. На лице Фортинбраса застыло яростное и решительное выражение. Дядюшка Жюль напряг широкие плечи и высвободился. В руках у него еще оставалась чья-то пара ботинок. Из последних сил он метнул ботинки за борт; потом глубоко вздохнул, улыбнулся, кулем свалился на палубу и захрапел.

— Хррм... ш-ш-ш!.. — храпел дядюшка Жюль, и в его храпе слышалось удовлетворение.

— Уведите его, — приказал Уистлер, — и посадите под замок.

По палубе затопали чьи-то ноги. Морган был уже готов выбраться наверх, но его удержал Валвик.

— Все в порядке! — прошипел он. — Я снаю шувстфа моряка. Они ошшень слятся, но не станут потафать в суд, есси шелофек пьян. По морскому сакону пьяный шелофек, шшто пы он ни стелал, это смягчающее обстоятельстфо. Ш-ш-ш! Я снаю. Слушайте!

Они внимательно слушали, как капитан Уистлер облегчает душу. Через несколько секунд, когда он начал

оплакивать судьбу своих часов и ценностей, в голосе его зазвучали траурные нотки; тон его постепенно повышался, пока не перешел в визг. Наконец капитан подошел к последнему затруднению.

— Значит, вот кто известный преступник, который хозяйничает у меня на судне!!! — заорал он. — Самый обыкновенный пьяница, который швыряет за борт изумруд стоимостью в пятьдесят тысяч фунтов, который... который...

Болдуин мрачно заметил:

— Теперь вы понимаете, сэр, почему молодой Уоррен притворялся сумасшедшим? Как мне сообщили, они с девицей вроде бы помолвлены. В общем, они изо всех сил старались защитить старика. Но должен признать, что мы обошлись с ним грубовато...

— Сэр, — слышался новый голос, — лорд Стэртон шлет вам поклон, но он...

— Продолжайте, — прохрипел капитан, и в голосе его слышалось безнадежное отчаяние. — Не молчите. Говорите же, ну? Говорите все как есть!

— Сэр, в общем... он... словом, он велит вам убраться к черту...

— Что?

— Лорд сказал... прошу прощения, я только повторяю его слова... он сказал, что вы пьяны, сэр. Он говорит, что никто не крал его слона, и в доказательство достал его и показал мне. Сэр, он жутко рассердился. Говорит, если услышит еще хоть слово про этот проклятый изумруд... если кто-нибудь просто упомянет в его присутствии о проклятом слоне, он подаст на вас и на все пароходство иск на сто тысяч фунтов. Так и сказал.

— Эй, Митчелл! — вмешался Болдуин. — Не стойте как болван! Помогите лучше привести капитана в чувство... Принесите бренди или еще что-нибудь. Скорее, черт бы вас побрал, скорее!

Послышался быстрый топот бегущих ног. Тут, оттолкнув Моргана, на палубу вылез мавританский воин — в полном военном облачении и с ликующей улыбкой на лице. Он шел, звеня шпорами; по полу за ним волочился плащ, усыпанный драгоценностями; воинские доспехи

гремели на ходу. Воин остановился и водрузил остроко-
нечный шлем поверх кудлатого парика. Затем надменно
поправил костюм. И перед затуманенным взором капи-
тана «Королевы Виктории», который тупо раскачивался,
прислонившись к перилам и чуть не свешиваясь за борт,
предстал Кертис Уоррен собственной персоной.

Подойдя к Уистлеру, он угрожающе поднял вверх
ятаган, а потом направил его острие на капитана, словно
указующий перст.

— Капитан Уистлер, — произнес он срывающимся го-
лосом, исполненным укоризны, — как вы могли во-
зводить напраслину на невинных людей? Эх, капитан
Уистлер... Как же вам не стыдно?

Глава 20

РАЗОБЛАЧЕНИЕ

Солнце подернулось дымкой. В просторном кабинете
дома по Аделфи-Террас стало заметно, как удлинились
тени. Башни к западу от изгиба реки окрасились багрян-
цем; Биг-Бен пробил четыре часа. Сильно охрипший рас-
сказчик потянулся и прислушался к ударам курантов,
замирающим вдали.

Доктор Фелл снял очки, вытер слезы большим крас-
ным платком, проговорил: «Уф!», в последний раз хи-
хикнул, тяжело дыша, и проворчал:

— Нет, ни за что себе не прощу, что меня там не было!
Мальчик мой, это просто поэма. О небо, чего бы я не
отдал, чтобы хоть одним глазком взглянуть на дядюшку
Жюля в момент его торжества! Или на старую устрицу,
капитана Уистлера... Вы уверены, что это все?

— Все, — устало кивнул Морган. — Теперь я с полным
правом могу заявить: вы знаете все. То есть, по моим
представлениям, все, что имеет отношение к делу. Разу-
меется, если вы решили, что на том все и закончилось,
вы недооценили разнообразных возможностей нашей
компании. Я мог бы исписать целую кипу страниц, по-
вествуя о тарараме, начавшемся в четверть десятого ве-
чера, после того, как дядюшка Жюль выкинул за борт

последний ботинок, и продолжавшемся вплоть до семи утра сего дня, когда я незаметно покинул проклятый корабль. Но я ограничусь тем, что опишу остальное лишь в общих чертах... И потом, я просто не решаюсь рассказать вам все подробности. Если позволите так выразиться, на «Королеве Виктории» взорвалась настоящая бомба, однако, по-моему, остальное не имеет существенного значения по сравнению с самым главным...

Доктор Фелл протер глаза; ему с трудом удавалось подавить смех. Он прищурился и внимательно посмотрел на своего собеседника.

— Самое любопытное заключается в том, что вы допустили ошибку с самого начала, — сказал доктор Фелл. — Смею вас заверить, лично я получил искреннее наслаждение. В вашем деле самые главные улики ускользнули незамеченными; их сочли глупой шуткой или совпадением. Если вы в вашем повествовании что-то упустили, то, возможно, лишили меня ценной улики. Кукование кукушки оборачивается львиным рыком, а у детского попрыгунчика досадная привычка оказываться вором и убийцей. Однако теперь все ключи у меня в руках; вы снабдили меня вторым комплектом из восьми улик. Хм!.. Уже четыре часа. Слишком поздно... Полагаю, все сказано; я предпринял все необходимые меры. Если не ошибаюсь, вскоре мы все узнаем наверняка. Если нет, Слепой Цирюльник ускользнул. Но все же хочется надеяться...

Внизу, у входной двери, раздался звонок.

Некоторое время доктор Фелл оставался неподвижным; колыхался только его большой живот. Вид у него был возбужденный и довольно смущенный.

— Если я ошибаюсь... — проговорил он, с усилием поднимаясь на ноги. — Я открою сам. А вы пока просмотрите мои записи, хорошо? Вот вам второй список из восьми ключей. Гляньте, не натолкнет ли он вас на какую-нибудь свежую мысль.

Пока его не было, Морган взял со стола полную бутылку пива и ухмыльнулся. Что бы ни случилось дальше, история достойна того, чтобы быть увековеченной в его блокноте. Прочитав заметки доктора, он вопросительно хмыкнул и потер виски руками.

- «9. Неверно выбранная комната.
10. Освещение.
11. Личные пристрастия.
12. Стремление избежать объяснений.
13. Прямая улика.
14. Двойники.
15. Недопонимание.
16. Заключительная улика».

Он все еще недоуменно хмурился над клочком бумаги, когда в комнату вернулся доктор Фелл. Он шел, тяжело опираясь на две трости. Под мышкой доктор сжимал пакет, обернутый в коричневую бумагу, а в другой руке у него был разорванный конверт. Доктор Фелл блистательно умел скрывать от собеседника многое: свои непостижимые логику и стратегию, блестящий, ясный, как у ребенка, ум; ему нравилось озадачивать, ошеломлять, поражать; ему удавалось скрыть свои выводы завесой тумана, отвлечь внимание добродушной болтовней. Однако явного облегчения скрыть он не мог. Морган заметил выражение лица доктора и невольно привстал.

— Вздор, вздор! — загудел хозяин дома, жизнерадостно кивая. — Садитесь, садитесь! Хе! Как я и собирался сказать...

— Неужели вы...

— Погодите, не спешите! Позвольте, я усядусь поудобнее... а-ах! Вот так. Итак, мой мальчик, что сделано, того уже не вернешь. Слепой Цирюльник либо ушел, либо нет. Если он все же ушел, весьма вероятно, что мы рано или поздно его схватим. Не думаю, что он намерен сохранять теперешнюю личину после того, как сойдет на берег во Франции либо в Англии; затем, спокойно сбросив маску, Цирюльник моментально явит миру одно из своих блистательных перевоплощений и исчезнет. В своем роде это гений. Интересно знать, кто он такой на самом деле?

— Но вы сказали...

— О, мне известно имя, под которым этот человек скрывается в настоящий момент. Но я ведь еще раньше предупреждал вас: его наряд — всего лишь маска, обман-

ка; а мне хочется узнать, как работает его подлинный ум... Как бы там ни было, корабль пристал к берегу. Кстати, вы, кажется, говорили, что молодой Уоррен собирается навестить меня? Как вы с ним условились?

— Я дал ему ваш адрес и велел найти в справочнике номер вашего телефона, если ему понадобится предварительно переговорить с вами. Они с Пегги и стариком приедут в Лондон, как только пересядут на поезд, согласованный с пароходным расписанием. Но слушайте! Кто же все-таки Слепой Цирюльник? Неужели он в конце концов уйдет? И, ради бога, объясните, что произошло на самом деле?

— Хе! — засмеялся доктор Фелл. — Хе-хе-хе! Вы прочли мои последние восемь ключей, но так и не догадались? Прямо на вас смотрит улика в виде железной коробки, а вы не желаете пошевелить мозгами? Однако я вас не виню. Вам пришлось слишком интенсивно действовать. Если приходится всякий миг вертеться и подбирать человека, которого сбили с ног, ни у кого не останется достаточно времени для того, чтобы хладнокровно мыслить... Видите этот пакет? — Он положил свою ношу на стол. — Нет, пока не смотрите, что там внутри. У нас еще есть некоторое время до окончательного совета и есть несколько вопросов, на которые мне бы хотелось пролить свет... Какова была развязка дела после того, как дядюшку Жюля уволокли в камеру? Считает ли Уистлер до сих пор, будто вор — дядюшка Жюль? И что случилось с кукольным спектаклем? Ваш рассказ кажется мне неполным. Собственно говоря, с самого начала у меня возникло сильное подозрение, что ваша банда каким-нибудь образом затешется в этот кукольный спектакль, и парки вовлекут вас в то, чтобы вы устроили представление...

Морган почесал за ухом.

— Представление... представление-то мы устроили, — признался он. — Виновата тут Пегги. Она настояла, чтобы мы спасли шкуру дядюшки Жюля. Заявила, если мы откажемся, она пойдет к капитану и все ему расскажет. Мы пытались ее разубедить; напомнили, что, какими бы мотивами ни руководствовался дядюшка Жюль, он на

самом деле оставил в кильватере целую вереницу ботинок; что капитан Уистлер не в том настроении, чтобы благосклонно улыбаться, после того как за борт полетели его золотые часы стоимостью в пятьдесят гиней; кроме того, дядюшке Жюлю в корабельной тюрьме даже лучше. Мы также напомнили мисс Гленн, что непосредственно перед пленением ее дяди все пассажиры видели, как он торжественно проследовал через бар и вручал по ботинку в руки каждого человека, привлечшего его внимание. Следовательно, сказали мы, пассажирам трудно будет представить, что он в состоянии сегодня играть спектакль.

— А что она?

Морган мрачно помотал головой:

— Она и слышать ничего не желала. Заявила, что мы виноваты в том, что он все это натворил. Заметила, что публика собралась в концертном зале и бешено аплодирует, ожидая начала представления; больше всех она опасалась мистера Лесли Перригора. Перригор успел подготовить искусную и сильную речь, увековечившую гений дядюшки Жюля; в тот самый момент, когда он начал свою речь, дядюшка Жюль как раз швырял за борт ботинки. Пегги сказала, что, если спектакля не будет, Перригор окажется в дураках и ни за что не позволит, чтобы о дядюшке Жюле писали в газетах, а их успех зависит от него. Она была похожа на сомнамбулу; не слушала никаких разумных доводов. Наконец мы обещали играть, если она согласится, чтобы дядюшка Жюль оставался в тюрьме. Такой вариант показался нам наилучшим выходом для всех, потому что люди обычно охотно прощают пьянице любые безумства, но чаще всего подают в суд из-за недоразумений чистой воды. Керт настаивал, что возместит ущерб, который составлял на круг двести фунтов. И нам показалось, что на «Королеву Викторию» пора уже снизить благодати...

— Продолжайте!

— Однако благодать не снизошла, — угрюмо продолжал Морган. — Я просил, я умолял Пегги. Я уверял ее: если мы попытаемся устроить спектакль, произойдет что-то ужасное, и Перригор разъярится больше, чем если

бы спектакля вовсе не было. Она ничего не слушала. Пегги не увидела опасности даже тогда, когда мы на скорую руку отрепетировали за кулисами первую сцену. Могу похвастаться: я исполнял роль Карла Великого живо и с королевским достоинством, но Керт, которому досталась роль рыцаря Роланда, слишком увлекся и все время пытался прочесть по-французски длинный доклад об экспорте сардин из Лиссабона. Мы сильно ошиблись, посадив к роялю капитана Валвика. Он не только сопровождал выход армии франков бодрыми звуками песенки «Мадлон»... Поскольку кто-то успел в общих чертах поведать ему, что мавры — «чернокожие», то коварный мавританский султан выходил на сцену под звуки «Когда святые маршируют». Потом...

— Продолжайте! — воскликнул доктор Фелл, глаза которого снова заблестели от слез. Он прижал руку к губам, пытаясь сдержать рвущийся из него смех. — Вот чего я не совсем понял. Ведь эта сцена должна была стать одной из изюминок вашего рассказа. Почему вы так неохотно рассказываете о спектакле? Выкладываете все! Так состоялся спектакль или нет?

— Н-ну... и да и нет. — Морган смущенно заерзал на стуле. — Во всяком случае, начался. Да, признаю, спектакль в каком-то смысле нас спас, потому что старухи парки теперь были на нашей стороне; но я бы предпочел, чтобы мы спаслись как-нибудь иначе... Вы ведь заметили, что сегодня я не особенно весел! Вы, наверное, также заметили, что со мною нет жены? Предполагалось, что она встретит меня в Саутгемптоне, но в последнюю минуту я послал ей радиogramму, чтобы она не приезжала, потому что я боялся, вдруг кто-то из пассажиров...

Доктор Фелл выпрямился.

— Что ж, — вздохнул Морган и сухо продолжал: — Полагаю, мне придется все вам рассказать. К счастью, дальше первой сцены дело не пошло — сцены, в которой Карл Великий произносит пролог. Карлом Великим был я. У Карла Великого были длинные седые бакенбарды, его почтенную голову увенчивала золотая корона, усыпанная бриллиантами и рубинами, его могучие плечи укрывала пурпурная мантия, подбитая горностаем, на

поясе висел украшенный драгоценностями палаш... Под кольчугу предусмотрительно засунули четыре диванные подушки, дабы император выглядел подороднее. Повторяю, Карлом Великим был я.

Карл Великий произносил текст пролога за освещенной газовой ширмой, которую установили сзади; он стоял словно в высокой картинной раме. Да. Надо признаться, пролог удался! Мистер Лесли Перригор как раз закончил свою пылкую речь, длившуюся ровно пятьдесят пять минут. Мистер Перригор заявил, что спектакль — именно то, что нужно. Он выражал надежду, что его слушатели, чьи мозги впали в спячку от миазматической вялости Голливуда, получают освежающий шок во время захватывающего действия, в котором каждый жест отражает пламенные порывы человеческой души. Он просил зрителей внимательно следить за развитием сюжета, даже если им не удастся в полной мере оценить все оттенки и полутона, все неуловимые переходы и ускользающие от восприятия связки, смелые аккорды, отражающие метафизические искания человека, которые не в силах превзойти даже самые мощные страницы Ибсена. Он произнес еще массу комплиментов в адрес отважного императора Карла Великого. Карлом Великим, напоминая, был я.

Выбившись из сил, оратор замолчал. В тишине слышалось три глухих удара. Несмотря на все усилия, предпринимаемые для того, чтобы остановить капитана Валвика, последний все же исполнил «Марсельезу» в качестве увертюры. Боюсь, занавес подняли немножко рановато. Изумленным очам мистера Перригора, среди всего прочего, во всем многоцветье предстала газовая ширма, зловеще и пышно освещенная на фоне темного задника. Увидел он и почтенного Карла Великого. А также... свою жену. Положение было... как бы сказать... исполнено неуловимых переходов и ускользающих от восприятия связок. Да. Был момент, когда кольчуга порвалась, а диванные подушки разлетелись во все стороны, словно подстреленные из ружья. Да, я был Карлом Великим... Теперь вы, возможно, поймете, почему мне не хотелось вплетать данный сюжет в нить моего по-

вестования. У меня нет сомнения: зрители получили освежающий шок, наблюдая захватывающее действо, в котором каждый жест отражал пламенные порывы человеческой души.

Морган отхлебнул большой глоток пива.

Доктор Фелл повернулся лицом к окну. Морган заметил, что плечи доктора вздрагивают, словно бы от изумления и оскорбления.

— Во всяком случае, нас это спасло и навсегда спасло дядюшку Жюля. Занавес закрыли под шквал аплодисментов! Полагаю, представление понравилось всем, кроме, наверное, мистера Перригора. Такой невероятный успех никогда еще не сопутствовал ни одной пьесе, длящейся буквально несколько минут, пока чья-то умная голова не догадалась опустить занавес. Публика будет рваться в театр марионеток дядюшки Жюля в Сохо до конца его дней, и зрителям будет совершенно все равно, пьян он или трезв. И можете быть совершенно уверены в том, что, какие бы чувства он ни испытывал по данному поводу, мистер Лесли Перригор никогда не напишет в газетах ни одной строчки, порицающей его.

Лучи заходящего солнца упали на ковер, ярко высветив завернутый в коричневую бумагу пакет в центре стола. Спустя некоторое время доктор Фелл, успокоившись, повернулся к своему гостю.

— Итак, — заметил он, в то время как его лицо понемногу утрачивало багровый оттенок, — значит, закончилось все ко всеобщему удовольствию, да? Кроме, возможно, мистера Перригора и... Слепого Цирюльника. — Он раскрыл перочинный нож и подбросил его в руке.

— Да, — признал Морган. — Да, кроме одного. В конце концов, факт остается фактом. Понятия не имею, в какую игру вы со мной играете, но мы все еще не знаем одной существенной детали. Мы не знаем, что произошло на «Королеве Виктории», хотя, несмотря на все дурачества, нам известно, что там произошло убийство. А в убийстве нет ничего особенно смешного. Да и Керт так и не вернул свой фильм; возможно, кое-кому такая подробность покажется смешной, только не ему... и не его дядюшке.

— М-да, — проворчал доктор Фелл. — Ну и дела! — И он одобрительно подмигнул своему гостю. — Если это все, чего вы хотите... — Он вдруг наклонился к столу, разрезал перочинным ножом веревку, которой был обвязан пакет. — Мне казалось, — сообщил он, порывшись под слоем оберточной бумаги и извлекая оттуда моток спутанной пленки, — мне казалось, лучше всего будет прислать ее сюда, прежде чем полиция опечатает имущество Слепого Цирюльника. Если бы они нашли это, скандал был бы грандиозный! — Обмотанный кинопленкой доктор напоминал добродушного Лаокоона. — Я передам пленку молодому Уоррену, когда он прибудет, с условием, чтобы он немедленно ее уничтожил... Хотя, учитывая, какую услугу я ему оказал... как по-вашему, не согласится ли он на частный просмотр — только один раз, ради моего удовольствия? Хе-хе-хе! Провались все пропадом, по-моему, я имею право требовать хотя бы такую скромную награду! Разумеется, пленка является своего рода косвенной уликой. Но и без нее наберется достаточно оснований, чтобы отправить Цирюльника на виселицу. Ведь я указал виновного капитану Уистлеру и предоставил ему честь лично арестовать опасного преступника. По-моему, старому тюленю не на что жаловаться...

Швырнув шуршащий комок в руки Моргана, доктор Фелл откинулся на спинку кресла и подмигнул. Ошеломленный, писатель вскочил на ноги:

— Вы хотите сказать, что преступник уже арестован?

— А, да. Схвачен блестящим капитаном Уистлером — не сомневаюсь, за такой подвиг он получит медаль. Дело завершилось ко всеобщему благу за час до того, как корабль пристал к берегу. По моему совету из Скотленд-Ярда экспрессом прибыл инспектор Дженнингс и ждал на берегу, готовый принять на свое попечение Цирюльника, когда он сойдет на берег...

— Готовый принять на попечение... но кого? — воскликнул Морган.

— Разумеется, самозванца, выдававшего себя за лорда Стэртона! — ответил доктор Фелл.

Глава 21

УБИЙЦА

— Глаза у вас совершенно вылезли из орбит, — дружелюбно заметил доктор, раскуривая трубку, — из чего я делаю вывод, что мое сообщение вас поразило. Хм!.. — И он выпустил кольцо дыма. — А ведь вам совершенно ни к чему удивляться. Если вы внимательно прочли все мои шестнадцать ключей-подсказок, вам должно быть ясно, что преступником мог быть лишь один человек. Первые восемь ключей были, так сказать, предварительными. Помните, я говорил вам, что всего лишь кое-что предполагаю? Если бы мои предположения оказались ошибочными, по крайней мере, никто бы не пострадал. Вторые восемь ключей подтвердили мою теорию, поэтому я был уверен в успехе. Но, чтобы убедиться во всем окончательно, я предпринял некоторые меры. Вот копия телеграммы, которую я послал капитану Уистлеру.

Он достал из кармана исчерканный конверт, и Морган прочел:

«Человек, выдающий себя за лорда Стэртона, — самозванец. Задержите его, пользуясь вашими полномочиями, и попросите представить вам Хильду Келлер, секретаршу, путешествующую с ним. Он не сможет предъявить ее вам; она мертва. Тщательно обыщите какоту названного лица, а также произведите личный досмотр. Вы обнаружите неопровержимые улики его виновности. Среди вещей вы, возможно, найдете пленку...

(Далее следовало описание пленки.)

Если вы вышлете ее мне первым курьерским поездом, который прибывает на вокзал Ватерлоо в 3.50, можете сказать, что захватили преступника по собственной инициативе. Выпустите из корабельной тюрьмы Фортинбраса.

С уважением,

Гидеон Фелл».

— Что толку от особых полномочий, — продолжал доктор Фелл, — если ими не пользоваться? И потом, если бы я оказался не прав, если бы на самом деле девушка не исчезла, никто не поднял бы шума. Однако она и в самом деле исчезла. Понимаете, фальшивый Стэртон прекрасно мог скрывать ее присутствие или отсутствие до тех пор, пока подозрение не падало лично на него. Кстати, несколько раз он чуть не попался; однако его положение, а также сознание того, что именно он пострадал от кражи больше всех, лучше всего охраняло его от того, чтобы на него пало подозрение... Ну, ну, успокойтесь; выпейте еще пива. Мне объяснить подробнее?

— Разумеется! — с жаром воскликнул Морган.

— Тогда передайте мне список ключей. Хм!.. Посмотрим, удастся ли мне убедительно доказать вам... разумеется, при условии, что все ваши сведения были правильными и полными... что лорд Стэртон — единственный человек на борту «Королевы Виктории», который по всем параметрам подходит на роль Слепого Цирюльника.

Начнем с главного: с некоего утверждения, на котором основано все остальное. Главное — то, что на корабле находится некий самозванец, выдающий себя за кого-то другого. Крепко запомните этот факт, прежде чем мы начнем. Постарайтесь даже поверить в истинность сообщения, содержавшегося в радиограмме от полицейского комиссара, и у вас по крайней мере будет отправная точка для рассуждений.

— Погодите минутку! — оживился Морган. — Теперь то нам, конечно, известно, что самозванец есть; и поскольку вы — единственный, кто представляет, как обстояло дело, вам и карты в руки. Но в той радиограмме комиссар полиции прямо указывал на доктора Кайла, и поэтому...

— Нет, не указывал, — вежливо возразил доктор Фелл. — Именно отсюда ваши мысли пошли по неверному пути. Ваше заблуждение вызвано таким на первый взгляд пустячным обстоятельством... Вполне естественно, что люди, отправляя радиограммы, обычно не тратят

деньги на расстановку знаков препинания. Вас ввело в заблуждение отсутствие пары запятых. В свое время я подробно остановлюсь на вашей ошибке; она озаглавлена у меня «Телеграфный стиль»... Пока же ограничимся лишь утверждением, что на корабле есть самозванец. Следующий ключ тесно связан с первым утверждением; он, можно сказать, валялся у вас под ногами. Поскольку он так очевиден, я даже не побеспокоился включить его в мой список. Такое часто случается. По своему опыту — а я успешно расследовал немало дел — я помню: никто никогда не замечает самых очевидных улик. А ведь обратив вы на это внимание, и круг подозреваемых в самозванстве мигом свелся бы к очень, очень небольшому числу людей. Полицейский комиссар Нью-Йорка — не тот человек, которого можно упрекнуть в нерешительности или излишней щепетильности. Обыкновенно он не останавливается даже перед тем, что случайно может быть арестован невиновный человек; лишь бы не упустить настоящего преступника, — так вот, он передает следующее: «Весьма известная персона; никакой огласки; ошибки в опознании быть не должно» — и добавляет: «Во избежание ошибки никого пока не арестовывать». Вот это наводит на определенные мысли. Даже поражает. Иными словами, разыскиваемый человек настолько важная персона, что комиссар находит нужным посоветовать не упоминать его имени, даже в конфиденциальном сообщении капитану корабля. Поэтому из списка подозреваемых не просто исключаются какие-нибудь Джон Смит, Джеймс Джонс или Чарльз Вудкок. Радиограмма определенно намекает, что интересующий полицию человек принадлежит к кругу влиятельных и знатных людей, фотографии которых обычно появляются в иллюстрированных журналах. Простые смертные любят на сильных мира сего, когда те, скажем, играют в гольф. Такая церемонность со стороны нью-йоркских блюстителей закона может быть также отчасти вызвана тем, что упомянутая персона — англичанин и ошибка может вызвать международный скандал. Но на данном обстоятельстве я не намерен останавливаться, потому что оно слишком очевидно.

Доктор Фелл говорил отрывисто; заметно было, что он чего-то ждет, а услышав звонок, кивнул, поднял голову и завопил:

— Вида,пусти их!

На лестнице послышались шаги. Дверь кабинета доктора Фелла отворилась, и в комнату вошли трое. Двое из вошедших определенно были полицейскими; между ними стоял арестованный.

— А, Дженнингс, здравствуйте; и вы тоже, Хампер! — Морган понял, что доктор Фелл именно их и дожидался. — Инспектор Дженнингс, это мистер Морган, один из наших свидетелей. Мистер Морган, сержант Хампер. Заключение, полагаю, вы знаете...

Но Морган и так не мог отвести взгляда от арестанта. Тот поздоровался почти дружелюбно:

— Здравствуйте, доктор. Я... хм... вижу, вы меня разглядываете. Нет, никакого обмана и маскарада. Слишком опасно и сложно... Добрый день, мистер Морган. Вижу, вы удивлены тем, как изменился мой голос. Какое облегчение перестать кривляться и ломаться; но я уже так привык... Как говорится, привычка — вторая натура. Вздор, вздор, вздор! — прокаркал фальшивый лорд Стэртон, демонстрируя свою вторую натуру, и радостно закудахтал.

Морган чуть не подскочил на месте, услышав это хриплое карканье. Теперь на лицо фальшивого лорда падал солнечный свет, в то время как раньше Моргану приходилось видеть его лишь в полумраке. В затемненной каюте он был похож на колдуна, сошедшего со старинной гравюры: голова, укутанная шалью, лицо скрыто под широкими полями шляпы. На свету этот человек оказался бледным, длиннолицым, с резкими чертами лица и довольно неприятной ухмылкой. Его тощую шею по-прежнему укутывал теплый шерстяной шарф, одежда также была прежней. Но на голове у него был котелок, сдвинутый на затылок, и он курил сигару. Хотя маскарад закончился, Моргану совсем не понравился истинный облик лже-Стэртонa. Глаза почти без век, взгляд как у гремучей змеи. Он смерил с головы до ног доктора Фелла, повернулся к окну, вероятно, просчитал в уме вероят-

ность побега, понял, что сбежать невозможно, и снова стал дружелюбным.

— Входите! — пригласил доктор Фелл. — Садитесь. Чувствуйте себя как дома. Мне очень хотелось познакомиться с вами, и если вы не прочь поговорить...

— Арестованный весьма словоохотлив, сэр, — сообщил инспектор Дженнингс, расплываясь в улыбке. — Всю дорогу, пока мы ехали в поезде, развлекал нас с сержантом Хампером. Я исписал весь блокнот, и он признается...

— Почему бы и нет? — пожал плечами пленник, поднимая левую руку, чтобы вынуть изо рта сигару. — Вздор, вздор, вздор! Ха-ха-ха!

— ...но, тем не менее, сэр, — продолжал Дженнингс, — я не думаю, что можно расстегнуть ему наручники. Он говорит, что его зовут Немо. Сядь, Немо, раз доктор приказывает. Я буду стоять у тебя за спиной.

Доктор Фелл заковылял к столу и налил Немо бокал бренди. Немо сел.

— Самое главное вот что, — начал Немо своим естественным голосом, вовсе не таким визгливым и отрывистым, как когда он изображал лорда Стэртона, но все же слышался в его голосе некий отдаленный отзвук, живо напомнивший Моргану сцену в темной, душной каюте. — Вот что главное. Думаете, вам удастся меня повесить? Нет, не удастся. Вздор! — Он дернул змеиной шеей и сверкнул глазами на Моргана. — Ха-ха, хо-хо! Вначале меня следует подвергнуть экстрадиции. Меня захотят судить в Штатах. А до той поры... фью! Я выбирался и из худших переделок.

Доктор Фелл поставил бокал у локтя Немо, сел напротив и принялся внимательно его рассматривать. Мистер Немо повернул голову и подмигнул:

— Вы спросите: почему в таком случае я сдался? Да потому, что я фаталист. Фаталист! А вы бы не стали фаталистом на моем месте? Организовано все было превосходно... легче не бывает... хо-хо! Мне вовсе не пришлось становиться специалистом по переодеваниям. Я же говорил вам: никакого обмана. Внешне я — вылитый лорд Стэртон. Я так на него похож, что могу встать перед ним,

и он решит, будто стоит перед зеркалом. Шутка. Но я не могу побить крапленые карты. Тяжелый труд, скажете вы? Никогда в жизни еще мне не приходилось так туго, как тогда, когда эти юные придурки... — Он снова выгнулся и посмотрел на Моргану. Писатель порадовался, что в этот миг у Немо в руках нет бритвы. — Когда эти юные придурки ухитрились так все запутать...

— Я как раз начал перечислять моему молодому другу, — вмешался доктор Фелл, — по его просьбе, некоторые моменты, указывающие на то, что вы были... собой, мистером Немо.

С величественным видом, скромно сияя, доктор отвернулся от света и внимательно оглядел преступника. Глаза мистера Немо, лишенные век, ответили ему вызывающим взглядом.

— Мне самому интересно послушать, — заявил он. — Все, что угодно, лишь бы... время протянуть. Хорошая сигара, хороший бренди. Послушай, дружок. — Он злобно покосился на Дженнингса. — Вот тебе мой совет. Если чего не поймешь, дожись, пока он закончит, тогда я все тебе разьясню. Но не раньше.

Дженнингс подал знак сержанту Хамперу; тот вытащил блокнот и приготовился записывать.

Доктор Фелл не мог отказать себе в удовольствии и начал с легкой похвалы:

— Итак, всего у нас шестнадцать ключей. Обозрев все предоставленные улики... нет, Хампер, это не нужно записывать; вы все равно не поймете всего... так вот, если не принимать во внимание совершенно очевидный факт, что самозванец изображал известного человека...

Мистер Немо очень серьезно поклонился, и у доктора сверкнули глаза.

— ...я пришел к следующему выводу. В нашем деле большую роль играло внушение. Именно во внушении все и дело. Ключ, названный мною «Внушение», отпирает очень хитроумный замок. Если не принимать во внимание силу внушения, главная улика может поначалу показаться совершенно диким предположением. Помните: вы поспорили с вашим приятелем Уорреном. В то время как Уоррен с энтузиазмом доказывал виновность

доктора Кайла на основе детективного романа, вы же сами и сказали: «Кстати, выкиньте из головы нелепую мысль, будто кто-то в состоянии изображать Кайла... Злоумышленник еще может выдать себя за человека, который редко появляется в обществе; но с такой известной личностью, как знаменитый врач-психиатр, номер не пройдет».

Само по себе это еще не улика. Просто ваши слова поразили меня: забавное совпадение! Ведь среди пассажиров действительно имеется человек, который редко вступал в контакт с людьми; по-моему, вы говорили, что его называют «Отшельником с Джермин-стрит». «Он ни к кому не ездит, — заметили вы, — у него нет друзей; он посвятил свою жизнь единственно собиранию всевозможных редких драгоценностей». Таковы были единственные отправные точки к моему первому ключу, который я назвал «Внушение»; однако трудно отрицать, что лорд Стэртон отвечает условиям, описанным в радиограмме. Просто совпадение...

Тут я припомнил еще одно совпадение: лорд Стэртон был в Вашингтоне. Стэртон, настоящий или фальшивый, заходил к дядюшке Уорпасу и рассказывал о том, что он купил изумрудного слона, из чего я вывел следующий ключ, названный «Счастливый случай». Был ли он на приеме у дядюшки Уорпаса, стал ли свидетелем его неблагоразумной выходки некоторое время спустя, известно ли ему о том, что снимается фильм, я не...

— Он там был, — хихикнул Немо.

— ...я не знал. Однако со слов Уоррена нам известно, что дело Стелли также имело место в Вашингтоне. Отчет о деле Стелли я назвал «Слепым братским доверием». Преступление осталось нераскрытым и, кроме того, было как-то связано с посольством Великобритании. Стелли славился как проницательный, осторожный, очень известный коллекционер, который, как он считал, не упустил ни одной предосторожности против воров, обычных или незаурядных. Однажды ночью он вышел из посольства — и был без шума ограблен. Полицию смутило то, что Стелли заманил в ловушку и ограбил какой-то обычный преступник; начать с того, откуда преступнику было

знать об ожерелье... Однако нет ничего странного, если два известных коллекционера намереваются показать друг другу свои сокровища и поговорить о делах. Вовсе не таинственно, если знаменитого лорда, даже если он такой отшельник, что никто его не знает, пригласили в посольство за границей — при условии, что у него есть документы, удостоверяющие его личность. Вот видите, совпадений становится многовато.

Однако наш лорд не путешествует совершенно один. Известно, что у него есть секретарша. В самый первый раз, когда о нем заходит речь в вашем повествовании, он взбегает по корабельным сходням (он такой признанный чудак, что постоянно с головой кутается в теплые шали и шарфы, скрывающие его лицо) в сопровождении секретарши. В списке пассажиров я нахожу некую Хильду Келлер, занимающую те же апартаменты, что и лорд Стэртон. Полагаю, позже вы и сами это обнаружили. Но вначале я умышленно упустил этот факт...

Послышалось какое-то бульканье: доктор Фелл закашлялся, не вынимая трубки изо рта.

— События начали развиваться через несколько дней, в открытом море (все это время лорд Стэртон не выходил из каюты, а с ним и секретарша). У Уоррена украли часть фильма. Загадочная девушка исчезла после того, как попыталась предупредить о чем-то вашего друга. Кто-то вероломно напал на капитана Уистлера — нападавшие пробыли на верхней палубе около получаса, а вернувшись, обнаружили исчезновение девушки. Вы, как и я, пришли к выводу, что ее убили, а труп выбросили за борт. Однако оставим пока вопросы о том, кто такая эта девушка и почему ее убили. Остановимся на любопытной детали: койку, на которой она лежала, тщательным образом перестелили заново и даже заменили испачканное кровью полотенце. Кто это сделал? Применив дедуктивный метод, я назвал злоумышленника Невидимкой...

Немо заерзал на стуле. Он снял очки; лицо его еще больше побледнело, рот скривился — но вовсе не от страха. Ему нечего было скрывать. Он побелел и стал еще более противным под влиянием какого-то чувства,

непонятного Моргану. Писатель словно увидел, как сгустилась атмосфера вокруг преступника; она стала осязаемой, словно лже-Стэртон окружило облако яда.

— Я с ума сходил по этой маленькой шлюшке, — неожиданно признался он; голос его и выражения переменялись так резко, что все поневоле вздрогнули. — Надеюсь, она в аду! Надеюсь...

— Достаточно, — мягко перебил его доктор Фелл и сам продолжил: — Если кто-то по какой-то причине желал ее смерти, почему ее просто не прикончили и не оставили на месте? Самый первый вывод, который тут напрашивается: убийца не хотел, чтобы труп обнаружили; для него безопаснее было выбросить тело за борт. Зачем? Казалось бы, все равно, исчез пассажир или его убили, все равно начнется расследование... Но это еще не все! Что делает убийца? Он аккуратно перестилает постель и заменяет полотенце. Он не пытался ввести вас в заблуждение: дескать, девушка очнулась и ушла к себе в каюту. Убийца рассчитывает на совершенно противоположный эффект. Он пытался заставить представителей власти (в нашем случае — капитана Уистлера) поверить в то, что девушка — просто вымышленное лицо; по какой-то причине вы сами тоже пришли к такому выводу.

Теперь представьте себе положение убийцы. Его план только на первый взгляд кажется безумным. Ведь девушку видели четыре человека! Но... Убийца знал о том, что произошло на верхней палубе; он надеялся, что Уистлер узнает в нападавшем молодого Уоррена и признает в вас воров, укравших изумруд; он знал, что после всего случившегося Уистлер вряд ли склонен будет вам верить, что бы вы ему ни рассказывали; он не станет и слушать ваши объяснения. Но пойти на такой риск, осмелиться представить дело так, словно девушка — плод ваших фантазий, можно было лишь при двух условиях. Во-первых, если бы девушку нашли мертвой, то след привел бы прямо к нему. Значит, он не сумел бы выстоять против любого расследования, предпринятого полицией потом. Во-вторых, его действия означали, что ему не составляло труда скрыть ее отсутствие; преступник также имел все основания надеяться, что ему это удастся.

А теперь представьте, господа, что вам надо скрыть чье-то отсутствие среди замкнутого сообщества, состоящего всего из сотни пассажиров. Почему наш преступник боялся какого бы то ни было расследования? Как смел надеяться убедить следователей, будто никто не пропал?

Вначале давайте зададимся вопросом: кем могла быть пропавшая девушка? Вряд ли она путешествовала одна: одинокая пассажирка не связана достаточно тесно ни с кем; тогда почему же он боится, что след приведет к нему — одному из сотни людей? Зачем надо изображать, будто девушки этой не было в природе; и потом, отсутствие одинокой пассажирки замечают в первую очередь. Она не ехала с семьей, иначе, как пронизательно заметил капитан Уистлер, родственники, скорее всего, тут же заявили бы о ее исчезновении. Значит, она путешествовала в компании одного-единственного спутника, то есть убийцы. Она могла быть его женой, компаньонкой... да кем угодно. Убийца смел надеяться скрыть ее отсутствие, во-первых, потому, что она не завела знакомых среди других пассажиров и все время неотлучно находилась при нем. Следовательно, убийца редко выходил или никогда не покидал свою каюту. Он мог скрыть ее отсутствие, во-вторых, и потому, что сам являлся такой высокопоставленной особой, что находился как бы выше подозрений — и не иначе, заметьте! — а еще потому, что сам стал жертвой кражи, уведившей от него внимание. Но, если он отвечал всем этим условиям, почему боялся настоящего расследования? Ответ напрашивается сам собой: он — самозванец, у которого есть все основания скрывать свою подлинную сущность. Если же затем вы задумаетесь: кто же путешествовал с единственной спутницей женского пола, кто же во все время плавания не выходил из каюты, кто столь высокопоставленная особа, что находится превыше подозрений; кто стал жертвой кражи; и, наконец, кто человек, которого меньше всего можно заподозрить в самозванстве... заметьте, мы постоянно возвращаемся мыслями к лорду Стэртону. Все мои умозаключения относительно Невидимки строятся на улике чистого полотенца. И все же это тоже совпадение.

У нас нет мотива. Но погодите! Вскоре мы обнаружим и мотив, да какой!

Я хочу сказать, что бритва, неосторожно забытая за койкой...

Немо, некоторое время жевавший сигару, крутанулся на месте и оглядел всех по очереди. Прежде взгляд у него был отсутствующий, но теперь его бледное, костлявое лицо расплылось в широкой улыбке, исполненной такой учтивости и такого обаяния, что Морган вздрогнул.

— Я перерезал горло этой сучке, — заявил мистер Немо, вынимая изо рта сигару. — Так-то лучше для нее. А мне — больше удовлетворения. Верно, старина. — Он посмотрел на застывшего Хампера. — Запишите это. Куда лучше бить по черепушкам. Однажды один хирург меня просветил. Если потренироваться, можно с первого раза попасть в нужное место. Но с ней... с ней так нельзя было. Мне пришлось взять один из бритвенных приборов Стэртона, а от остальных шести бритв избавиться. Жаль было их выкидывать! Такой бритвенный набор, должно быть, стоит больше сотни фунтов. — Он зашелся в хохоте, приподнял котелок, словно воздавая доктору дань уважения, самодовольно ухмыльнулся, щелкнул каблуками и попросил еще выпить.

— Да, — сказал доктор Фелл, с любопытством глядя на него, — именно это я и имею в виду. Я попросил присутствующего здесь моего молодого друга забыть о бритве и помнить, что всего их было семь — набор. Я попросил его подумать о безумно дорогом бритвенном наборе — это поистине редкость, с резными ручками черного дерева, инкрустированными серебром, которые, очевидно, делали по заказу. Обычному человеку такие ни к чему. Вот откуда следующий ключ — я назвал его «Семь бритвенных лезвий». Вероятнее всего, такой набор мог заказать человек, падкий на дорогие безделицы, человек, купивший изумрудного слона, «потому что это диковина, к тому же редкая вещица и стоит целое состояние...». Но бритвы снова возвращают нас к вопросу: кто же такая девушка?

Единственный раз она появлялась на публике в радиорубке, где радист описал ее как девушку, у которой

«были полные руки бумаг»; свидетельство радиста я символически назвал «ключом семи радиogramм». Зачем она пришла в рубку? Девушка явно не праздная туристка, которая спешит отправить родным весточку, что с ней все в порядке. У нее вид наемной работницы. Количество бланков, деловой вид... Напрашивается вывод, что она секретарша. Постепенно костяк наших предположений обростает мясом. Наш Слепой Цирюльник, оказывается, не только самозванец, изображающий высокопоставленного отшельника, который не покидает своей каюты и путешествует с компаньонкой; но и девушка оказывается секретаршей, а затворник — необычайно богатым человеком, питающим пристрастие к нелепым дорогим безделушкам...

Внезапно доктор Фелл поднял свою палку и наставил ее на преступника.

— Зачем вы ее убили? — спросил он. — Она была вашей сообщницей?

— Вы же рассказываете, не я. — Немо пожал плечами. — Но так как мне все это смертельно надоело... и потом, именно сейчас мне взбрела охота поговорить; кроме того, ваш бренди вовсе недурен. Ха-ха-ха. Я принимаю ваше гостеприимство. Валяйте, доктор. Сначала вы расскажите вашу версию, а потом я вас удивлю. Хотя могу дать вам маленький намек. Да. Веселая прогулка за ваш счет! Так, скорее всего, поступил бы и старина Стэртон... Видели бы вы, какую отповедь я устроил Уистлеру! Хо-хо! Да... Намек вот какой: она была... вы бы назвали ее изощренно честной. Она бы и пальцем не шевельнула мне в помощь, если бы узнала, кто я такой на самом деле. А когда она попыталась предупредить того малого... Вот дура! Ха-ха! Ну, валяйте дальше! — Мистер Немо снова сунул в рот сигару и важно подмигнул.

— Вы знали, — спросил доктор Фелл, — что вас видел пассажир по фамилии Вудкок, когда вы крали первую часть фильма?

— Правда? — Мистер Немо поднял одно плечо. — А мне-то что? Я снял бакенбарды — они накладные — и положил немного воску за щеки, налепил родинку на скулу; кто после этого меня опознает?

Доктор Фелл медленно чертил на листке бумаги одну линию поверх другой.

— И вот у нас появляется первая прямая улика: улика Уничтожения (Устранения). Вудкок определенно заявил, что вы — человек, которого он никогда раньше не видел. Далее. Вудкок не подвержен морской болезни. Он каждый день бывал в салоне-ресторане; когда пассажиры, оправившиеся после приступа морской болезни, выбрались из своих берлог, он непременно выследил бы вора — если только вор не остался в числе очень, очень немногих, по-прежнему не покидавших кают. Хм!.. Ха! Я все гадал, не придет ли кому в голову заподозрить... скажем, Перригора или еще кого-то в этом роде. Но Перригор отпал, Кайл тоже отпал; отпали почти все. Дело-то довольно простое, но всех ввела в заблуждение радиограмма из Нью-Йорка. — Доктор Фелл что-то торопливо написал на листе бумаги и подтолкнул записку к Моргану.

«Федеральный агент полагает преступник виновный делах Стелли и Макги. Федеральный агент полагает также врач самозванец на вашем корабле...»

— Ну? — осведомился Морган.

Доктор еще что-то черкнул на своей записке и вернул ее ему снова.

— Мой следующий ключ, названный «Телеграфный стиль», — сказал он, — указывает на то, что слово «также» является в данном стиле избыточным, оно в радиограмме неуместно; одним словом, если фраза значит: «Федеральный агент полагает также, что врач...» — слово «также» просто попусту расходует деньги в дорогой радиограмме. Но прочтите текст по-другому:

«Федеральный агент полагает — а также врач — на вашем корабле самозванец...»

Доктор Фелл смял бумажку.

— У этой фразы, — продолжил он, — совершенно иной смысл. Замечание об «осложнениях со стороны

медиков» значит лишь то, что доктор, который наблюдает за больным, встревожен. Лечащий врач настаивает, что, несмотря на слабость пациента, он верит его заявлению, что он Стэртон. К мнению доктора нельзя не прислушаться. Но, боже правый! Неужели вы всерьез полагали, что все врачи готовы горой встать на защиту доктора Кайла, если окажется, что убийца — он? Эта мысль была настолько нелепа, что я поразился, как она вообще могла прийти кому-то в голову. Фраза относилась к Стэртону! А теперь давайте распутаем весь клубок до конца. Рассмотрим одно доказательство, лежащее на самом виду, и вы сразу поймете, что преступником не мог быть никто другой; перейдем, наконец, к самой главной, можно сказать вопиющей, улике.

Вы навещаете Стэртона, чтобы успокоить его, утешить после потери изумруда. Видите вы его секретаршу? Нет! Вы слышите, как он с кем-то беседует за дверью спальни. Но, хотя вы входите тихо и не шумите, он немедленно выбегает к вам и закрывает за собой дверь. Он знал, что вы непременно придете к нему, слышал, что вы уже пришли, и ради вас устроил целое представление. Преступник совершил ошибку, неверно выбрав комнату, — помните мой девятый ключ? Чего ради он диктует секретарше письмо в спальне? Не в гостиной, где он, как предполагается, лежит все время, окруженный пузырьками с лекарствами. В гостиной его, так сказать, логово. Но ему понадобилось на время скрыться от вас, отгородиться дверью...

Морган услышал визгливый хохот Немо. Сержант торопливо черкал карандашом в блокноте. Доктор Фелл продолжил:

— И потом, подозрение возникает в связи с освещением: шторы всегда задернуты, плечи укутаны шалью, на голове всегда шляпа, и сидит он повернувшись спиной к свету. И вот — прямая улика: он невольно обнаруживает собственный вкус. Ему нравится игрушка-безделушка, у которой вместо глаз настоящие рубины; она подмигивает и качает головой. Издеваясь над вами, он все время толкает игрушечную голову; и все же вы не видите свя-

зи между кивающим мандарином и дорогим бритвенным набором. — Доктор Фелл резко стукнул палкой по столу. — вспомните также, что произошло, когда вы с капитаном Валвиком и миссис Перригор стали обходить пассажиров, решив во что бы то ни стало отыскать пропавшую девушку? Вы прочесали весь корабль — но, по простоте душевной, не настояли на том, чтобы лично переговорить с секретаршей Стэртон. Вы постучали в его каюту и, стоя на пороге, спросили, не знает ли он такую-то девушку. Он набросился на вас с руганью, выгнал вон, а вы даже не попытались узнать побольше! — Помолчав немного, доктор Фелл стремительно обернулся к инспектору Дженнингсу: — Дженнингс, у меня все. Держу пари, вы ни слова не поняли.

Инспектор угрюмо улыбнулся:

— Понял все до единого слова, сэр. Вот почему я не стал вас прерывать. Этот Немо всю дорогу в поезде потчевал нас подробностями. Здорово! Что скажешь, Немо?

— Вздор, вздор, вздор! — заквакал Немо, безудержно радуясь успешной имитации. — Сумасшедший капитан Уистлер! Иск на пароходство! Жаль, что не подал на них в суд... Что такое, инспектор?

Инспектор смотрел на арестанта, не скрывая отвращения. Казалось, ему не очень-то по душе быть прикованным к Немо наручником.

— Да, шутка что надо, — холодно сказал он. — Но ты будешь повешен за все свои художества, грязная свинья. Продолжайте, доктор Фелл.

Немо выпрямил спину.

— Однажды я вас за это убью, — так же холодно парировал он. — Может быть, завтра, может быть, послезавтра, может, через год. — Взгляд его блуждал по комнате; лицо стало чуть бледнее, и дышал он тяжело.

Морган понял, что убийцу буквально распирает от радости. Внезапно Немо спросил:

— А теперь можно мне говорить?

Глава 22

ВЫХОД НЕМО

В комнате сгущались тени. Немо снял шляпу и театральным жестом помахал ею. Потом поклонился зрителям.

— Кое-чего вам не понять, и тут ничего не поделаешь, — начал он. — Это врожденное: или дано, или нет. Я дополню ваш рассказ. Расскажу, как уловка, в которой никто не виноват, выманила меня из самого безопасного места на земле. А эти лоботрясы — они считали все происходящее забавным приключением...

Я не скажу вам, кто я такой. — Тут Немо оглядел всех присутствующих, и на лице его появилось странное выражение. Морган вспомнил Вудкока, который шурился на потолок в почтовом салоне. — Я мог стать кем угодно. Вы ни за что не узнаете. Я мог бы сказать, что меня зовут Гарри Джонс из Сербитона или Билл Смит из Йонкерса... а может, кто-то, стоящий по положению не слишком далеко от человека, которого я изображаю. Однако вот вам подсказка: я дух, я привидение. Думайте что хотите; я не шучу. У меня больше никогда не будет возможности выговориться. — Немо ухмыльнулся.

Все молчали. В сумерках лицо преступника приобрело странный оттенок; он переводил взгляд с доктора Фелла на Дженнингса, потом на Моргана...

— А может, я всего лишь Безумный Томми из... Да какая разница? Но вот что я вам скажу: подготовился я на славу. Я сходил за Стэртона, не возбуждая ничьих подозрений, однако не сообщу вам, как мне это удалось, чтобы не подставлять людей, которые мне помогали. Я обманул его секретаршу. Правда, она работала у него всего месяц или два — но я ввел ее в заблуждение. Поскольку меня считали чудаком, который вечно забывает о деловых встречах и тому подобном, она обо всем заботилась. Она была мила. — Он рубанул рукой воздух и сдавленно хихикнул. — Я так ловко все проделал, что подумывал, не остаться ли мне Стэртоном и дальше. Вначале я прикинулся лордом, чтобы стащить слона; но мне в его образе понравилось.

Я не отпускал ее от себя ни на шаг. Мне не стоило трогать Макги в Нью-Йорке; но он собирал бриллианты, а против бриллиантов я устоять не мог. Когда я поднялся на борт «Королевы Виктории», у меня были полные карманы наличности Стэртона — вы когда-нибудь видели, как я умею подделывать подписи? И драгоценностей почти на пятьсот тысяч фунтов. Однако всем было известно только одно: у меня при себе изумрудный слон. Что же я намеревался в связи с этим предпринять? Честно-благородно охранять мое сокровище, не поднимать никакого шума. Для всех я был знаменитым Стэртоном; никакой контрабанды у меня не было; багаж мой пропустили почти не глядя. Я понимал: находясь постоянно рядом, Хильда — то есть мисс Келлер, моя Хильда, — рано или поздно поймет, кто я такой. Но я и хотел, чтобы она поняла. Я собирался сказать ей: «Детка, ты завязла глубоко, по самые уши; тебе придется держаться только меня. И потому...» — Немо махнул рукой и страшным басом договорил: — «И потому, Хильда, перекладывай свои пожитки ко мне в койку!» Вот что я ей бы предложил. Ха!..

— Раз у вас было с собой столько денег, — резко вмешался доктор Фелл, — ради чего вы хотели украсть еще и фильм?

— Чтобы кое-кому испортить жизнь, — пояснил Немо, постукивая себя пальцем свободной руки по носу. — Ради того, чтобы причинить неприятности... Кому? Да любому, понимаете? Нет, не понимаете. Я собирался передать этот фильм — совершенно безвозмездно, заметьте! — тем, кому он причинил бы самый большой урон. Вы не видите в моих действиях смысла? А я вижу. Я похож на Стэртона. Я мог бы быть духом Стэртона! Я... ненавижу людей. — Он засмеялся и потер голову. — Я знал о фильме еще в Вашингтоне. А в тот роковой день Хильда, все еще не догадываясь о том, кто я такой, рассказала, что подслушала одну очень, очень странную радиogramму. И тут мои шарики завертелись... И я подумал: «Вот удобный случай мягко ввести ее в курс дела». Я бы украл фильм, показал ей, и мы бы вместе порадовались, сколько бед мы можем натворить.

Так я и сделал. — Немо внезапно повысил голос, отчего тот стал похож на хрипкое карканье. — Но Хильда меня не поняла. Не поддержала. Вот почему мне пришлось ее убить.

А перед тем я придумал еще кое-что. Меня посетил еще один прилив вдохновения; я надеялся, что после этого она влюбится в меня по уши. Вначале, когда я еще только собирался ограбить старика Стэртона, я вовсе не намеревался выдавать себя за него; у меня этого и в мыслях не было; мне нужен был только слон! Я изготовил почти совершенную копию кулона, собираясь подменить изумруд. Вот как я собирался поступить...

А потом подумал: почему бы не сыграть вчистую? Зачем возиться с подменой камушка? Все будет проще. Я решил держать копию при себе, а настоящего слона спрятать; именно копию я собирался предъявить на таможне, именно за подделку готов был платить огромную пошлину. Представляете? Таможенники говорят: «Это фальшивка». А я воскликну: «Что-о?..» — Здесь мистер Немо не удержался и снова захихикал. Однако в глазах его мелькнуло нечто похожее на изумление... — Мне объясняют: «Ваша светлость, вас надули. Изумруд не настоящий». И все станут смеяться надо мной, а я ругаться, прыгать на месте и раздам им крупные чаевые, чтобы они держали язык за зубами. А настоящий-то слон все это время будет спокойненько лежать в одном из чемоданов... Чтобы все выглядело естественно, я позволил капитану спрятать слона в его сейф...

А потом... все пошло кувырком! Пропади все пропадом! Все пошло кувырком! Эти молодые идиоты...

Доктор Фелл оборвал его.

— Да, — тихо сказал он, — и именно здесь вы допустили ошибку. Я углядел в ваших действиях прямую улику. Вы меньше всего хотели, чтобы слона украли именно потому, что он был фальшивкой. Если узнается, что кулон поддельный, неизбежно начнется расследование, а потом в дело вступит полиция; так сильно рисковать вам было нельзя. Единственное, чем вы могли спасти положение, — предъявить всем настоящего слона и сказать, что вам его вернули. Тогда бы все кончилось.

Ваша главная ошибка состояла в том, что вы впервые целиком вышли из образа; вы совершили нечто совершенно не свойственное лорду Стэртону. Вы заявили, что вам наплевать, как все получилось; главное, что слона вернули. Ни одно слово из этой фразы не звучит естественно, дружище Немо. Первое время я недоумевал — сейчас-то понимаю, в чем дело, — почему вы оставили поддельного слона лежать в стальной коробке за сундуком; ведь был риск, что коробку найдут. Должно быть, вы знали, где изумруд, если вертелись неподалеку и видели все, что произошло. С того момента, как молодой Уоррен обнаружил в каюте Кайла поддельного слона, все должны были догадаться, что кража и убийство — ваших рук дело...

— Погодите минутку! — встрепнулся Морган. — Ничего не понимаю. Как так?

— Ну, это же очевидно: было два слона. Если один слон все время лежал в коробке за сундуком Кайла, это не мог быть тот слон, которого Стэртон держал в руках. И все же... коробка с изумрудом была та самая, которую капитан Уистлер получил прямо из рук Стэртона! Стэртон лично вручил ему коробку; подразумевалось, что в ней настоящий изумруд; однако потом Стэртон, как фокусник из рукава, предъявляет им другой изумруд и объявляет, что он настоящий! Моя догадка о существовании двойников основана на вашем же собственном утверждении: если бы слонов было два, Стэртон, уж конечно, сумел бы отличить подлинник от подделки... Разумеется, сумел бы; но, если изумруд в стальной коробке, отданный Уистлеру, был настоящим, значит, тот, который ему возвратили, не мог быть подлинным; а лже-Стэртон утверждает, что его слон — настоящий! Не правда ли, тут не нужно сложных умозаключений? И улика прямо указывает на нашего милого самозванца. — Доктор Фелл посмотрел на него в упор: — Но вот чего я понять никак не мог, друг Немо. Почему вы пошли на такой риск? Почему оставили фальшивого слона лежать в каюте Кайла? Ведь его в любой момент могли найти...

Немо так необъяснимо возбудился, что опрокинул и разбил свой бокал. С некоторых пор он почему-то

волновался, словно ждал чего-то, что никак не происходило.

— Я думал, слон упал за борт, — зарычал он. — Я знал, что он упал за борт! Я слышал, как вон тот... как та свинья... — он гневно ткнул пальцем в Моргана, — отчетливо сказал... на палубе было шумно из-за шторма... но я подслушивал и слышал, как он сказал: «Упал за борт!»

— Боюсь, вы недослышали, — сдержанно заметил доктор Фелл и ткнул карандашом в свой список ключей. — Вот почему пятнадцатый ключ я назвал «Недопонимание». И вот последнее, заключительное доказательство — представляю, как оно должно было вас потрясти... Второй слон все же объявился! Ведь вы до последнего уверяли, что никакого ограбления не было, и зашли так смехотворно далеко, что запретили кому бы то ни было даже упоминать о слоне в вашем присутствии. Тут уж вы выдали себя с головой! Вы, выражаясь вашим языком, спеклись, и ваша подлинная сущность стала всем ясна, даже тем, кому прежде и в голову не приходило вас подозревать. Вам бы попытаться снова обвести всех вокруг пальца, рассказав, будто вас снова ограбили. И все же вам есть за что благодарить судьбу, друг Немо! На некоторое время вас спас добрый дядюшка Жюль, который выкинул слона за борт.

Немо выпрямился и вывернул шею. Глаза его остекленели.

— Может, я и привидение, — заявил он совершенно серьезно; его серьезность не казалась нелепой, нет, она внушала скорее ужас, — но все же, друг мой, я не всеведущ. Ха-ха! Впрочем, вскоре я стану бесплотным духом; и тогда вернусь с бритвой в руках — однажды ночью, когда вы не будете меня видеть. — И его снова сотряс приступ неудержимого хохота.

— Что с ним такое происходит? — удивился доктор Фелл, медленно вставая.

— Я всегда носил при себе один маленький пузырек, — пояснил Немо. — Я выпил его содержимое час назад, сразу после того, как мы сошли с поезда. Я боялся, что яд не подействует; все время боялся и потому был так словоохотлив. Я принял яд. Повторяю: я — при-

видение. Уже целый час с вами сидит привидение; надеюсь, вы хорошенько запомните мои слова и подумаете над ними ночью.

В причудливом сумеречном свете на фоне окна виднелась мощная фигура доктора Фелла. Арестант корчился от радости, и его тело издавало шуршание, от которого у Моргана мурашки побежали по спине... А потом наступила тишина, и со своего места поднялся инспектор Дженнингс. Лицо его было бесстрастно. Все услышали, как щелкнули и зазвенели наручники.

— Да, Немо, — с нескрываемым злорадством заметил инспектор Дженнингс, — я так и думал, что ты попробуешь отравиться. Вот почему я подменил содержимое пузырька. Большинство преступников выкидывают такие номера. Старая шутка. Ты умрешь не от яда...

Радостный смех захлебнулся, и преступник забился в наручниках...

— Ты, Немо, умрешь не от отравления, — повторил инспектор Дженнингс, медленно двигаясь по направлению к двери. — Тебя повесят... Спокойной ночи, господа, и спасибо.

ТРЕТЬЯ ПУЛЯ

*Посвящается Фредерику Дэнни¹ —
вдохновителю многих из этих историй*

На краю письменного стола заместителя комиссара находилась газета, сложенная таким образом, что был виден край заголовка «Судья Мортлейк убит...». На ней лежал бланк рапорта, исписанный аккуратным почерком инспектора Пейджа, а на нем — спусковыми крючками друг к другу — револьвер «айвор-джонсон» 38-го калибра и пистолет браунинг 32-го калибра.

Еще не было и одиннадцати утра, однако над столом горела лампа под зеленым абажуром, так как за окнами, выходящими на набережную Виктории, был пасмурный, дождливый день. Полковник Маркуис, заместитель комиссара столичной полиции, откинулся на спинку кресла, попыхивая сигаретой. Это был высокий, худощавый мужчина, чьи плотные, сморщенные веки придавали лицу несколько язвительное выражение. Его нельзя было назвать лысым, но седые волосы начали редеть, словно выражая сочувствие очень коротко подстриженным усам. Костлявое лицо выдавало отставного военного, а причина отставки — хромота — становилась очевидной, как только он вставал. Но в его маленьких блестящих глазах светился юмор.

— Да? — осведомился он.

Хотя инспектор Пейдж был молод и честолобив, сейчас он выглядел мрачным, как день за окнами.

¹ Дэнни Фредерик (1905—1982) — американский писатель, создавший в соавторстве со своим кузеном Манфредом Б. Ли (1905—1971) детективные романы и рассказы под псевдонимами Эллери Квин и Барнеби Росс. (Здесь и далее примеч. пер.)

— Суперинтендент сказал, что предупредил вас, сэр, — отозвался Джон Пейдж. — Я здесь по двум поводам. Во-первых, чтобы предложить отправить меня в отставку...

Полковник фыркнул.

— А во-вторых, просить этого не делать.

— Так-то лучше, — усмехнулся заместитель комиссара. — Ну и какова же причина этой двойной просьбы?

— Дело Мортлейка, сэр. Оно не имеет смысла. Как вы можете судить по моему рапорту...

— Я не читал ваш рапорт, — прервал полковник Маркуис. — И не собираюсь этого делать, видит бог. Мне скучно, инспектор Пейдж, смертельно скучно. А дело Мортлейка не выглядит особенно интересным. Конечно, это очень неприятно, — поспешно добавил он. — Но поправьте меня, если я ошибаюсь. Судья Мортлейк, недавно ушедший в отставку, работал в Центральном уголовном суде. Он был, что называется, «судьей в алом» и председательствовал в зале номер один при рассмотрении серьезных преступлений типа преднамеренного и непредумышленного убийства. Некоторое время тому назад он приговорил человека по фамилии Уайт к пятнадцати ударам плетью и восемнадцати месяцам каторжных работ за ограбление с применением насилия. Уайт угрожал судье. В этом нет ничего нового — все закоренелые уголовники так делают. Разница в том, что, выйдя из тюрьмы, Уайт осуществил свою угрозу и убил судью. — Заместитель комиссара нахмурился. — Разве в этом есть какие-то сомнения?

Пейдж покачал головой:

— Нет, сэр. Мортлейка убили выстрелом в грудь вчера в половине шестого вечера. Сержант Борден и я практически видели это. Мортлейк был наедине с Уайтом в павильоне на участке, прилегающем к дому судьи. Никто другой не мог к нему подобраться, а тем более застрелить его. Так что, если Уайт не стрелял в судью, дело выглядит невероятным. Но беда в том, что оно выглядит таким же, даже если это сделал Уайт.

На веснушчатом лице полковника Маркуиса отразился интерес.

— Продолжайте, — сказал он.

— Прежде всего, хочу познакомить вас с персонажами этой истории. — Пейдж раскрыл газету, на передней полосе которой была большая фотография судьи в мантии. На ней был изображен маленький человечек в парике, под которым виднелось мягкое, почти кроткое лицо. — Не знаю, были ли вы с ним знакомы.

— Нет. Но я слышал, что в судейском кресле он был весьма активен.

— Мортлейк ушел в отставку в семьдесят два года — для судьи это рано. Очевидно, ум его оставался острым, как прежде. Но самая примечательная его черта — мягкость и снисходительность. Я просматривал его речь, где он не одобряет использование плети.

— Тем не менее он приговорил этого Уайта к пятнадцати ударам?

— Да, сэр. Это другая сторона дела, которую никто не может понять. — Пейдж поколебался. — Теперь что касается этого парня, Гейбриэла Уайта. Он не закоренелый уголовник — это было его первое преступление. Парень молод, красив, как киноактер, правда, его манеры отдают театральностью, на мой вкус. К тому же он хорошо образован, и, по-видимому, Гейбриэл Уайт — не настоящее его имя, хотя мы не стали это выяснять, убедившись, что в полицейских архивах он не фигурирует.

История насчет ограбления с применением насилия выглядит весьма безобразно, если только Уайт действительно в этом повинен. Жертвой стала старуха, державшая табачную лавку в Попларе¹ и слывшая скрягой. Однажды туманным вечером кто-то вошел к ней в лавку под предлогом покупки сигарет, стал наносить ей жестокие удары по лицу, даже когда она потеряла сознание, и убрался оттуда с двумя фунтовыми купюрами и мелочью из кассы. Гейбриэла Уайта схватили на бегу. В кармане у него нашли одну из украденных банкнот, идентифицированную по номеру, и запечатанную пачку сигарет, хотя выяснилось, что он не курит. Он говорил, что, когда шел по улице, кто-то налетел на него в тумане, сунул руку

¹ П о п л а р — район в Ист-Энде — восточной, «пролетарской» части Лондона.

ему в карман и убежал. Уайт подумал, что стал жертвой карманника, и побежал следом за ним, но обнаружил, что у него не только ничего не украли, а, напротив, что-то положили ему в карман. В этот момент его остановил констебль.

Пейдж снова заколебался.

— Понимаете, сэр, в обвинении было несколько слабых пунктов. Прежде всего, старуха не могла с уверенностью опознать в Уайте напавшего на нее. Если бы у него были опытный адвокат и другой судья, не сомневаюсь, что его бы оправдали. Но вместо того, чтобы согласиться на защитника, которого ему хотел предоставить суд, этот болван решил защищать себя сам. К тому же его поведение в суде не вызывало сочувствия и настроило судью против него. Старый Мортлейк практически приказал жюри признать его виновным. Когда судья спросил Уайта, есть ли у него возражения против приговора, он ответил: «Вы дурак, и я вскоре с вами встречу». Очевидно, это восприняли как угрозу. Тем не менее он едва не свалился в обморок, когда Мортлейк приговорил его к пятнадцати ударам плетью.

— Знаете, Пейдж, мне это не нравится, — промолвил заместитель комиссара. — Разве не было оснований для обжалования?

— Уайт не стал подавать апелляцию. Он больше ничего не сказал, хотя, как мне говорили, с трудом перенес порку. Но мнения о нем противоречивы, сэр. Некоторые высказывались в его пользу, а некоторые — против него. Он отбыл наказание в Уормвуд-Скрабс. Начальник тюрьмы и тюремный врач дают о нем прекрасные отзывы, но капеллан и сержант Борден, который арестовал Уайта, говорят, что он порочен насквозь. Как бы то ни было, Уайт был образцовым заключенным. Отбыв традиционную шестую часть приговора, он был досрочно освобожден за хорошее поведение шесть недель назад — 24 сентября.

— Продолжая свои угрозы?

— Нет, сэр, — уверенно ответил Пейдж. — Конечно, его освободили условно, и мы присматривали за ним. Но до вчерашнего дня все было хорошо. В четыре часа мы

получили от одного ростовщика телефонное сообщение, что Гейбриэл Уайт только что приобрел в его лавке огнестрельное оружие. Вот это оружие.

Пейдж подтолкнул через стол револьвер «айворджонсон» 38-го калибра. Бросив любопытный взгляд на лежащий рядом пистолет, полковник Маркуис подобрал револьвер. Из полностью заряженного барабана был произведен один выстрел.

— Поэтому, — продолжал Пейдж, — мы распорядились задержать его — просто на всякий случай. Но потом нам позвонила мисс Айда Мортлейк, дочь судьи, сообщила, что Гейбриэл Уайт собирается убить старого Мортлейка, и попросила срочно что-нибудь предпринять.

— Не хочу делать поспешные выводы, — с саркастической усмешкой заметил полковник, — но не хотите ли вы сказать, что мисс Айда Мортлейк молода и очаровательна, что наш Адонис¹ по имени Гейбриэл Уайт хорошо с ней знаком и что судья знал об этом, вынося суровый приговор?

— Да, сэр. Но я скоро к этому подойду. После этого сообщения суперинтендент решил, что мне лучше немедленно отправиться в Хампстед, где живут Мортлейки. Я взял с собой сержанта Бордена, так как он уже имел дело с Уайтом. Мы вскочили в полицейский автомобиль и быстро добрались туда.

К дому прилегает обширная территория. Но пригороды вокруг Хампстед-Хит разрослись настолько, что дома и виллы со всех сторон подступают к участку судьи, и теперь его окружает каменная ограда высотой в пятнадцать футов.

На территорию только два входа: главная подъездная аллея и вход для торговцев. За первым присматривает старый слуга Робинсон, который живет в сторожке. Он открыл нам ворота. Было уже около половины шестого, и почти стемнело. К тому же шел дождь и в добром ноябрьском стиле дул ветер.

¹ Адонис — в греческой мифологии возлюбленный богини Афродиты. В переносном смысле — очень красивый молодой человек.

Робинсон сказал нам, что судья находится в павильоне среди деревьев, ярдах в двухстах от дома. Это маленькое строение — в нем всего две комнаты, разделенные коридором. Одну из комнат судья использовал как кабинет. Робинсон не сомневался, что он там. Вроде бы судья ожидал в половине четвертого к чаю старого друга, поэтому позвонил Робинсону в сторожку, сказал, что идет в павильон, и велел проводить туда посетителя, как только тот появится.

Борден и я направились по дорожке влево. Хотя павильон окружали деревья, ни одно из них не росло менее чем в дюжине футов от него, поэтому мы хорошо его видели. В середине павильона находилась дверь с веерообразным окошком над ней, а с каждой ее стороны — два окна. Окна справа были темными, а в окнах слева сквозь плотные занавеси пробивался свет. В коридоре тоже горел свет — он был виден сквозь окошко над дверью. Поэтому мы смогли разглядеть высокого мужчину, вынырнувшего из-за деревьев справа и побежавшего к парадной двери.

Дождь хлестал нам в затылок, гремел гром, и молния сверкнула как раз перед тем, как высокий мужчина взялся за дверную ручку. На пару секунд вокруг стало светло, как в фотостудии. Борден окликнул мужчину, и тот обернулся.

Это был Гейбриэл Уайт — молния не оставляла никаких сомнений. Увидев нас, он выхватил из кармана револьвер, но не для того, чтобы стрелять в нас. Уайт открыл дверь павильона и побежал по коридору к двери кабинета слева. Мы тоже побежали — Борден значительно опередил меня и кричал так громко, что мог перекрыть звук трубы в Судный день.

Услышав крики, судья Мортлейк подошел к окну слева, раздвинул портьеры и выглянул наружу. Хочу подчеркнуть, что никаких ошибок или подмен быть не могло. Это был старый Мортлейк — я много раз видел его в зале суда, и в тот момент он был жив и невредим. Его лысина поблескивала при свете. «Кто там?» — окликнул судья, а потом повернулся от окна.

Его отвлекло то, что Гейбриэл Уайт открыл дверь из коридора, вбежал в кабинет и сразу повернул ключ в

замке. Сержант Борден следовал за ним по пятам, но опоздал на несколько секунд. Я понимал, что, скорее всего, могу пробраться в кабинет через окно, которое теперь было приоткрыто. Потом я услышал первый выстрел.

Да, сэр, я сказал «первый выстрел». Он прозвучал, когда я находился шагах в двадцати от окна. Подбежав ближе, я услышал второй выстрел. Черные портьеры были раздвинуты только отчасти, и я не мог заглянуть в кабинет, пока не подбежал к окну.

Внутри, чуть поодаль и слева от меня, старый Мортлейк лежал лицом вниз поперек письменного стола с плоской крышкой. В центре комнаты стоял Гейбриэл Уайт, протянув вперед руку с револьвером «айвор-джонсон». Вид у него был не грозный и не испуганный, а скорее глуповатый. Ну, сэр, мне оставалось только пролезть в окно. Опасности не было — Уайт не обращал на меня внимания, и я сомневаюсь, что он вообще меня видел. Прежде всего я подошел к нему и забрал у него оружие. Он не сопротивлялся. Потом я отпер дверь в коридор — Борден все еще колотил в нее снаружи, — чтобы он мог войти. Только потом я подошел к телу судьи Мортлейка.

Как я говорил, он лежал лицом вниз поперек письменного стола. С потолка над столом свисал большой медный светильник в форме китайского дракона с мощной электрической лампой внутри. Он ярко освещал стол, но других источников света в комнате не было. Возле левой руки судьи стоял диктофон со снятым резиновым чехлом. Судья был мертв — ему выстрелили в сердце с близкого расстояния, и смерть была почти мгновенной. Всего было два выстрела. Одна из пуль убила судью, а другая разбила стекло разговорной трубки, подвешенной к диктофону, и застряла в стене позади него. Позднее я извлек ее оттуда.

Если вы посмотрите на нарисованный мною план, то представите себе комнату. Это большое квадратное помещение, меблированное в основном книжными шкафами и кожаными креслами. Камина там нет, но в северную стену вмонтирован двойной электронагреватель. В западной стене находятся два окна, но оба они были заперты изнутри и к тому же закрыты деревянными

ставнями. В южной стене тоже два окна — одно было заперто и зашторено, а другое, через которое я проник в кабинет, я постоянно держал под наблюдением. Выход из комнаты только один — дверь в коридор, — но с того момента, как Уайт вбежал внутрь и запер ее, за ней наблюдал сержант Борден.

Конечно, сэр, это была сплошная рутина. Мы знали, кто убийца. Уайт находился рядом с жертвой. Больше никто не мог выбраться из комнаты. Когда мы вошли, там никто не прятался — для проформы мы тщательно обыскали кабинет. Гейбриэл Уайт выстрелил дважды — одна пуля убила старика, а другая угодила в стену. Все выглядело абсолютно очевидным, пока мне не пришлось в голову открыть револьвер «айвор-джонсон» и взглянуть на барабан.

— Ну? — осведомился полковник Маркуис.

— Ну, — мрачно произнес инспектор Пейдж, — из револьвера Уайта была выпущена только одна пуля.

Пейдж не сомневался, что его шеф наслаждается этим. Полковник Маркуис выпрямился в кресле, а выражение его румяного веснушчатого лица стало менее язвительным.

— Великолепно! — сказал он, зажигая очередную сигарету. — Что мне нравится, инспектор, так это ваш неформальный стиль устного рапорта.

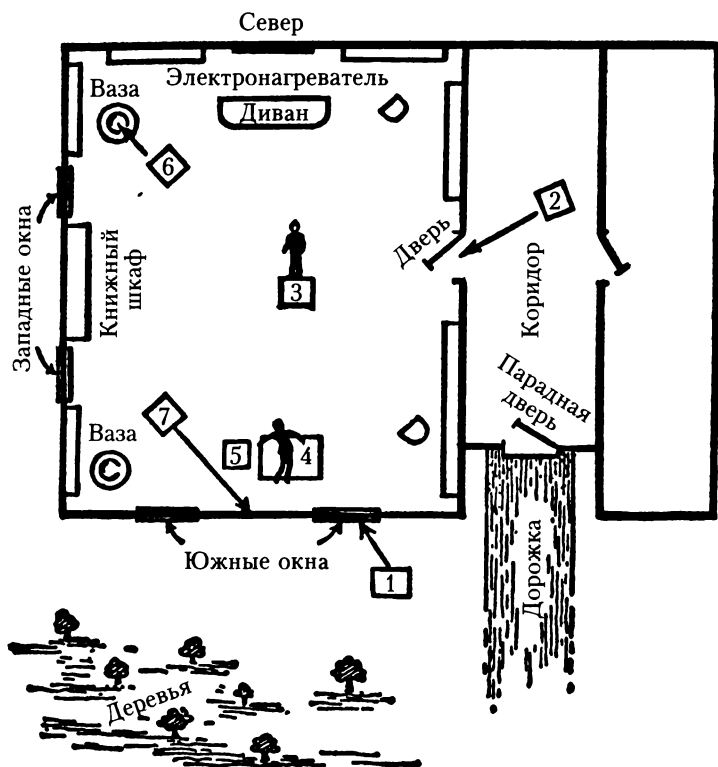
Пейдж никогда не был уверен, можно ли воспринимать слова заместителя комиссара всерьез, но усмехнулся в ответ:

— Откровенно говоря, сэр, мы не могли поверить глазам. Оружие выглядело таким, каким вы видите его сейчас, — полностью заряженным, кроме одной гильзы. Конечно, теоретически Уайт мог войти в комнату, выстрелить один раз, потом открыть барабан, достать израсходованную гильзу, вставить на ее место другую пулю и выстрелить вторично.

— Чепуха, — сказал полковник Маркуис.

— Да, сэр. Зачем кому-то проделывать такой нелепый трюк, когда барабан был с самого начала заряжен полно-

ПЛАН КАБИНЕТА В ПАВИЛЬОНЕ

1. Окно, в которое влез инспектор Пейдж.
2. Дверь, за которой стоял сержант Борден.
3. Здесь стоял Уйт, когда вошли полицейские.
4. Положение тела поперек письменного стола.
5. Диктофон.
6. Ваза, в которой нашли браунинг 32-го калибра.
7. Стрелка показывает место в стене, куда попала пуля из «айвор-джонсона» 38-го калибра.

стью? Кроме того, Уйт не мог этого сделать. В таком случае где-то должна была бы находиться гильза от первой пули, а ни при нем, ни в комнате ее не было. Мы в этом убедились.

— А что говорил обвиняемый?

Пейдж достал из кармана записную книжку и нашел нужную страницу.

— Я зачитаю вам вслух протокол допроса, — сказал он, — хотя Уайт пребывал в таком скверном состоянии, что его показания выглядят не более связно, чем все остальное в этом деле. Прежде всего, я предупредил его, что все сказанное им будет записано и может быть использовано как доказательство. Вот как это звучит:

«— Вы застрелили его?

— Не знаю.

— То есть как это не знаете? Вы не отрицаете, что застрелили его?

— Я стрелял в него. Потом началось странное. Я не знаю.

— Вы стреляли в него дважды?

— Нет, клянусь богом! Я выстрелил в него только один раз. Не знаю, попал ли я в него, но он не упал.

— Вы хотите сказать, что был только один выстрел?

— Нет-нет, выстрелов было два. Я их слышал.

— Который из них произвели вы?

— Первый. Я выстрелил в старую свинью, как только вошел в комнату. Он как раз повернулся от окна и протянул ко мне руки.

— Вы имеете в виду, что здесь был кто-то еще и он произвел второй выстрел?

— Не знаю.

— Но вы больше никого не видели?

— Нет. Горела только лампа над столом, и я не мог видеть всю комнату.

— Вы хотите сказать, что если бы кто-то выстрелил в этой комнате прямо под вашим носом, то вы бы не увидели ни человека, ни оружия?

— Не знаю. Я выстрелил в старую свинью, а он с криком побежал от меня к другому окну. Тогда я услышал другой выстрел. Он остановился, поднес руки к груди, сделал еще пару шагов и упал лицом вниз поперек стола.

— Откуда был произведен этот выстрел?

— Не знаю».

— Когда я задал ему этот вопрос, сержант Борден сделал открытие. Он шарил вдоль западной стены, возле двух огромных желтых фарфоровых ваз. Взгляните на план — они стоят в двух углах комнаты у этой стены. Борден наклонился рядом с вазой в северо-западном углу и подобрал гильзу.

Сначала он, разумеется, подумал, что это гильза от револьвера «айвор-джонсон», которую мы искали. Но я с первого взгляда понял, что это не так. Гильза была выброшена из пистолета 32-го калибра. Заглянув в вазу, мы нашли пистолет.

С кривой усмешкой Пейдж подтолкнул через стол браунинг 32-го калибра.

— Он лежал на дне вазы, куда кто-то его бросил. Ваза была слишком высокой, чтобы достать до дна рукой. Но судья принес в павильон зонтик — мы нашли его прислоненным к стене в коридоре и выудили пистолет его крючком.

По запаху из дула я определил, что браунинг стрелял совсем недавно. В обойме не хватало одной пули. Наши баллистические эксперты ручаются, что гильза от этой пули — та, которую мы нашли около вазы. Когда я прикоснулся к гильзе, она была еще теплой. Иными словами, сэр, ею выстрелили буквально несколько секунд назад.

Пейдж постучал пальцем по краю стола.

— Следовательно, сэр, нет никаких сомнений, что второй выстрел произвели из этого браунинга, что его произвел кто-то, находившийся в комнате, и что впоследствии он бросил пистолет в вазу.

— Какая же пуля убила судью?

— В том-то и дело, сэр, что мы не знаем.

— Не знаете? — резко переспросил полковник. — Мне кажется, определение этого не должно составить труда. Найдены две пули — из револьвера 38-го калибра и пистолета 32-го. Одна из них была, грубо говоря, в судье, а другая — в стене. Вы говорите, что извлекли пулю из стены. Какую именно?

Пейдж достал из кармана конверт с этикеткой и вытряхнул из него свинцовый шарик, сплюснутый и с отколовшимся кусочком.

— Эта пуля была в стене, — сказал он. — Стена кирпичная, и пуля слегка расщепилась. Поэтому мы не можем точно идентифицировать ее по весу. Я почти уверен, что это пуля 38-го калибра из револьвера Уайта. Но это нельзя занести в протокол, пока я не получу рапорт доктора Блейна о вскрытии и пулю из тела судьи. Доктор Блейн производит вскрытие этим утром.

Ухмылка на лице полковника Маркуиса сменилась выражением крайней серьезности.

— Ну и какова же ситуация, инспектор? — спросил он. — Если окажется, что эта пуля из револьвера 38-го калибра, значит, Гейбриэл Уайт выстрелил и промахнулся. Но что произошло потом? Согласно вашему рассказу, не позже чем через несколько секунд кто-то выстрелил из браунинга и убил судью Мортлейка. Кстати, на браунинге были отпечатки пальцев?

— Нет, сэр. Но на Уайте были перчатки.

Полковник поднял брови:

— Понятно. Вам кажется, что Уайт все-таки мог произвести оба выстрела?

— Думаю, это возможно. Он мог прийти в павильон с револьвером и пистолетом и проделать такой трюк с целью убедить нас, что второй выстрел, убивший судью, произвел кто-то другой. И все же...

— Да, и все же, — проворчал Маркуис. — Согласен с вами. Если бы он додумался до такого изощренного трюка, то позаботился бы о том, чтобы комната не была запечатана, как ящик, и все не выглядело бы так, будто никто другой не мог произвести выстрел. Его стрельба под носом у полиции больше похожа на намеренную жажду мученичества. Конечно, это звучит правдоподобно — чокнутых на свете хватает. Но использование при таких обстоятельствах двух стволов было бы совершеннейшим безумием. Чокнутый Гейбриэл Уайт или нет, полагаю, вы не думаете, что он в три раза безумнее Мартовского зайца?

— Согласен, сэр, — кивнул Пейдж. — Говорят, что он притворялся, но я готов поклясться, что, когда я заглянул в окно, выражение его лица было абсолютно искренним. Никакой актер не мог бы это изобразить. Человек

был потрясен тем, что он увидел. Но что еще мы можем предположить? Комната, как вы сказали, была запечатана, как ящик. Значит, Уайт должен был произвести оба выстрела. Больше никто не мог этого сделать.

— И вы не видите никакой альтернативы?

— Вижу, сэр, — ответил Пейдж.

— Я на это надеялся, — сказал полковник Маркуис. — Ну?

— Возможно, Уайт кого-то прикрывает. Предположим, кто-то еще находился в комнате, вооруженный браунингом. Уайт стреляет и промахивается. Тогда неизвестный — Икс — тоже стреляет и попадает в цель. Поскольку полиция у двери, Икс выпрыгивает из окна в западной стене, а Уайт потом запирает окно и ставни.

Маркуис одобрительно кивнул:

— Да. Давайте предположим — чисто теоретически, — что Уайт все-таки не убивал судью. Был ли кто-нибудь еще заинтересован в его смерти? Как насчет домочадцев и друзей?

— Домочадцев у него немного. Судья был вдовцом — женился довольно поздно, и его жена умерла лет пять назад. У него остались две дочери — старшая, Кэролин, двадцати восьми лет, и младшая, Айда, двадцати пяти. Помимо прислуги, в доме живет старик по фамилии Пенни — он годами был у судьи клерком, а когда судья вышел в отставку, то поселил его у себя, чтобы Пенни помогал ему в работе над книгой «Пятьдесят лет в судебском кресле» или что-то вроде того.

— А друзья?

— У судьи был только один близкий друг. Помните, сэр, я говорил вам, что его приятеля вчера ожидали к чаю и что судья велел сразу проводить посетителя в павильон? Это и есть его друг. Он гораздо моложе Мортлейка. Вам, вероятно, будет интересно узнать, что это сэр Эндрю Трэверс — величайший адвокат по уголовным делам. Он развалил не одно из наших хорошо подготовленных дел.

Заместитель комиссара уставился на него.

— Еще как интересно! — воскликнул он. — Я не знаю Трэверса лично, но много слышал о нем. Значит, вчера он был приглашен к чаю. И явился туда?

— Нет. Кажется, позже он позвонил, что его задержали дела.

Полковник Маркуис задумался.

— Полагаю, вы еще не успели опросить всех обитателей дома, но одна нить бросается в глаза. Вы сказали, что младшая дочь, Айда, звонила вам и сообщила, что Гейбриэл Уайт собирается убить ее отца, и вы думаете, что она знала Уайта лично.

— Да, сэр. Я говорил с мисс Айдой Мортлейк. Только ее я и смог повидать, так как мисс Кэролин и клерк Пенни вчера отсутствовали. Хотите знать мое мнение о ней? Она великолепна!

Эта чисто человеческая нотка была настолько неожиданной, что Маркуис недоуменно заморгал.

— Вы имеете в виду то, что я думаю, или что у нее великолепные манеры?

— Манеры? Вовсе нет. Я имею в виду, что готов за нее поручиться. — Пейдж живо представил себе большой дом в парке, маленький павильон и Айду Мортлейк с бледным лицом, спускающуюся по лестнице ему навстречу. — Что бы ни произошло в павильоне, она не имеет к этому отношения. Это утонченная девушка — не то что современные крутые девицы.

— Понятно. Вы спрашивали о ее отношениях с Уайтом, если таковые имели место?

— Дело в том, сэр, что я опрашивал ее не слишком настойчиво. Естественно, девушка была очень расстроена и обещала все рассказать мне сегодня. Она признала, что знакома с Уайтом, но только слегка, и он ей не слишком нравится. Насколько я понял, он проявлял к ней внимание. Она познакомилась с ним на вечеринке в студии в Челси¹. Такие вечеринки больше по вкусу старшей дочери, которая, похоже, тяготеет к богеме. В тот раз Айда Мортлейк пошла с ней и познакомилась...

Когда на лице полковника Маркуиса появлялась волчья усмешка, казалось, будто кожа лица трескается, как

¹ Ч е л с и — район на юго-западе Лондона, место жительства художников и писателей.

на поджаривающейся свинье. Он сидел прямо, устремив на Пейджа холодный взгляд.

→ Ваш послушной список, инспектор, не оставляет желать лучшего, поэтому я воздержусь от комментариев. Я не имею ничего против молодой леди. Но я хотел бы знать, почему вы так уверены, что она не имеет к этому отношения. Выходит, вы признаете возможность, что Уайт кого-то прикрывает, что в комнате мог находиться кто-то еще, кто выпрыгнул из окна после выстрела, и что Уайт мог потом запереть окно.

— Разве? — отозвался Пейдж, довольный, что может дать старику сдачи. — Не думаю, что мои слова можно истолковать подобным образом, полковник. Я думал над этим, но потом пришел к выводу, что это не срабатывает.

— Почему?

— Два южных окна были у меня на глазах до и после выстрелов. Никто не вылезал из них. Борден наблюдал за дверью. Единственный возможный выход был через западные окна. Но мы узнали от привратника Робинсона, что никто не прикасался к ним больше года. Стекла в рамах разболтались и пропускали холодный воздух. Судья обычно пользовался павильоном вечерами и боялся сквозняков. Поэтому окна и ставни снаружи всегда держали закрытыми. Когда Борден и я обследовали их, замки были такими ржавыми, что мы смогли справиться с ними только объединенными усилиями. Засовы на ставнях тоже заржавели, и нам не удалось сдвинуть их с места. Так что это определенно от-па-да-ет.

Полковник Маркуис использовал неофициальное словечко.

— Значит, мы возвращаемся туда, с чего начали?

— Боюсь, что так, сэр. Получается, что комната действительно была запечатана. Одной из четырех сторон квадрата была глухая стена, другая непроницаема из-за заржавевших замков и засовов, а за двумя остальными наблюдали. Приходится верить, что Гейбриэл Уайт произвел оба выстрела, — или сойти с ума.

Телефон на столе заместителя комиссара пронзительно зазвонил. Полковник Маркуис, очевидно соби-

рающийся отказаться сходить с ума, ответил на звонок не без досады. Но выражение его лица внезапно изменилось, и он прикрыл ладонью микрофон.

— Где сейчас Уайт? Вы арестовали его?

— Естественно, сэр. Сейчас он внизу. Я подумал, что вы можете захотеть поговорить с ним.

— Пришлите сюда обоих, — сказал Маркуис в трубку и положил ее на рычаг с довольным видом. — Думаю, — обратился он к Пейджу, — было бы неплохо устроить нечто вроде очной ставки. И мне не терпится составить собственное мнение об этом святом мученике или насквозь порочном убийце, мистере Гейбриэле Уайте. Но в данный момент у нас посетители. Сюда идут мисс Айда Мортлейк и сэр Эндрю Трэверс.

Хотя Пейдж боялся, что переборщил, описывая Айду Мортлейк, увидев ее во второй раз, он понял, что не погрешил против истины. Девушка была стройной и хрупкой, как дрезденский фарфор. Несмотря на солидный рост, она не казалась высокой. У нее были голубые глаза, золотистые волосы под черной, плотно прилегающей шляпкой с короткой вуалью, очень светлая кожа и обаятельная улыбка. Ее норковое манто Пейдж, неделю назад охотившийся за грабителями на Вест-Индия-Док-роуд, оценил в полторы тысячи гиней.

Это повергло его в уныние. Впервые ему пришлось в голову, что после смерти старого судьи Айда Мортлейк станет очень богатой девушкой.

— Полковник Маркуис? — спросила она, слегка покраснев. — Я думала...

Девушку прервал кашель за ее спиной. Пейдж никогда не видел сэра Эндрю Трэверса без мантии и парика, но манеры знаменитого адвоката оказались такими же, как в зале суда, очевидно став частью его самого. У сэра Эндрю были массивные голова и грудь, синеватый подбородок и непроницаемый взгляд; густые черные курчавые волосы коротко подстрижены над ушами. Он выглядел внушительно и в то же время дружелюбно. На нем было темное пальто с серым шарфом, а в руке он держал

шляпу и перчатки. Его звучный голос, казалось, заполнял собой комнату.

— После такого ужасного события, полковник Маркуис, вы поймете чувства мисс Мортлейк. Как личный друг бедняги Мортлейка, я взял на себя смелость сопровождать ее сюда.

Маркуис указал посетителям на стулья, а Пейдж вытянулся у стены по стойке «смирно». Айда узнала его и улыбнулась. Когда сэр Эндрю Трэверс опускался на стул, Пейдж представлял себе слугу, смахивающего с него пылинки, дабы придать ему лоск.

— Откровенно говоря, полковник Маркуис, — продолжал адвокат, — мы пришли сюда за информацией...

— О нет! — Айда снова покраснела; ее глаза блестели. — Но я хочу сказать вам, что не верю, будто Гейбриэл Уайт убил папу.

Трэверс выглядел слегка раздосадованным.

— Вы знакомы с деталями? — вежливо обратился к нему полковник.

— К сожалению, только с теми, о которых прочитал здесь. — Адвокат протянул руку и коснулся газеты. — Как вы понимаете, мое положение весьма деликатное. Я барристер¹, а не солиситор². В данный момент я здесь только как друг мисс Мортлейк. Есть какие-то сомнения в виновности этого злополучного молодого человека?

Заместитель комиссара задумался.

— Я бы сказал, не слишком разумные сомнения, — сказал он наконец. — Мисс Мортлейк не возражает ответить на несколько вопросов?

— Конечно нет, — быстро отозвалась девушка. — Вот почему я здесь, хотя Эндрю советовал мне не приходить. Говорю вам, я знаю, что Гейбриэл Уайт не мог этого сделать!

— Извините за нескромный вопрос, но у вас к нему личный интерес?

Ее лицо покраснело еще сильнее.

¹ Барристер — адвокат, имеющий право выступать в судах любой инстанции.

² Солиситор — поверенный, подготовляющий дела для барристера и выступающий только в судах низшей инстанции.

— Нет! Не в том смысле, какой вы имеете в виду. В этом смысле он скорее мне не нравится, хотя всегда очень хорошо ко мне относился.

— Но вы знали, что он был приговорен к телесному наказанию и тюремному заключению за ограбление с применением насилия?

— Да, знала, — спокойно ответила девушка. — Гейбриэл сам мне об этом рассказывал. Разумеется, он был невиновен. Понимаете, это совсем не в его натуре — он идеалист, и подобное противоречит всем его убеждениям. Гейбриэл ненавидит войну и любое насилие. Он член всевозможных обществ пацифистов и противников смертной казни. И даже возглавляет общество утопистов — Гейбриэл говорит, что утопизм — это политическая наука о будущем. Помните, когда его судили, прокурор спросил, что делал уважаемый гражданин в таком трущобном районе, как Поплар, вечером, когда ограбили бедную старуху? Гейбриэл отказался отвечать, и обвинитель обернул это в свою пользу. В действительности Гейбриэл шел на собрание утопистов. Большинство членов общества бедны, а многие из них иностранцы. Гейбриэл сказал, что, если бы он ответил на вопрос, присяжные решили бы, что это сборище анархистов, и предубеждение против него только усилилось бы.

— Хм, — произнес после паузы полковник Маркус. — Сколько времени вы его знаете, мисс Мортлейк?

— Думаю, почти три года. Я знала его примерно год до того, как... как он попал в тюрьму.

— Что вам о нем известно?

— Он художник.

— Один факт не слишком соответствует всему этому, — продолжал полковник, обследуя свои руки. — Вы готовы поклясться, мисс Мортлейк, что Уайт не мог убить судью Мортлейка. Тем не менее, если я правильно понял, вы позвонили сюда вчера в половине пятого, умоляя прислать людей для защиты вашего отца, так как Уайт угрожал убить его. Это правда?

— Правда, — с обезоруживающей простотой ответила девушка, — но, конечно, я никогда не думала, что он это сделает. Меня охватила паника. Понимаете, вчера я встре-

тила Гейбриэла между половиной четвертого и четырьмя. Если помните, около четырех или чуть позже начался дождь. Я находилась неподалеку от Норт-Энд-роуд, когда увидела Гейбриэла. Он шел опустив голову и выглядел мрачным как туча. Я остановила машину. Сперва он не хотел со мной говорить, но машина находилась рядом с закусочной, и он предложил зайти туда и выпить чаю. Сначала Гейбриэл молчал, а потом начал ругать моего отца и заявил, что собирается его убить...

— Но на вас это не произвело впечатления?

— Гейбриэл всегда так говорил. — Она сделала нетерпеливый жест рукой в перчатке. — Но я не хотела скандала в общественном месте, поэтому сказала: «Ну, если ты не в состоянии вести себя прилично, мне, пожалуй, лучше уйти». Я оставила его сидящим там, опершись локтями о стол. К тому времени начался дождь, сверкнула молния, и я испугалась грозы. Поэтому я поехала домой, как только взяла книгу в библиотеке.

— Да? — подсказал полковник, когда девушка умолкла.

— Я предупредила Робинсона — привратника, — чтобы он никого не впускал даже через вход для торговцев. Участок окружен стеной с битым стеклом наверху, так что я вообще не понимаю, как Гейбриэл смог пробраться. Когда я шла к дому, гроза усилилась, и я еще сильнее запаниковала, поэтому подбежала к телефону и... — Она откинулась назад, тяжело дыша. — Я потеряла голову — вот и все.

— Ваш отец знал Уайта, мисс Мортлейк? — спросил Маркуис.

— Думаю, да. По крайней мере, он знал, что я... встречаюсь с Гейбриэлом.

— И не одобрял это?

— Да, хотя не понимаю почему. Он никогда не виделся с Гейбриэлом в моем присутствии.

— Значит, вы думаете, что могла существовать личная причина, по которой ваш отец приговорил его к порке? — Когда Трэверс открыл рот, полковник быстро добавил: — Сэр Эндрю собирается посоветовать вам не отвечать на этот вопрос. Я прекрасно знаю, что вы не обязаны это

делать. Но мне кажется, защите потребуется любая помощь. Несмотря на ваше галантное заявление в пользу мистера Уайта, он признает, что произвел один выстрел. Вы это знали?

Голубые глаза девушки расширились, а краска сбежала с ее лица, на мгновение сделав его беспомощным.

— Нет, — ответила она, бросив взгляд на Пейджа. — Но это ужасно! Если он признает, что сделал это...

— Нет, он не признает, что произвел выстрел, убивший вашего отца. В том-то и беда. — Полковник Маркуис вкратце обрисовал ситуацию. — Так что, как видите, нам остается обвинить Уайта или, как говорит инспектор, сойти с ума. Вы знаете кого-либо еще, кто мог бы желать смерти вашему отцу?

— Ни одного человека в мире. Напротив, его все любили. Вы, вероятно, слышали, каким снисходительным судьей он был. Никто из приговоренных им не питал к нему вражды.

— А как насчет личной жизни?

Вопрос явно удивил ее.

— Личной жизни? Что вы имеете в виду? Конечно... — она поколебалась, — с отцом иногда бывало нелегко. У него были превосходные, гуманные принципы, он всегда стремился сделать мир лучше, но мне иногда хотелось, чтобы папа был более жестким в суде и на банкетах и более мягким дома. Пожалуйста, не поймите меня превратно! Папа был чудесным человеком и ни разу в жизни не сказал нам дурного слова. Но своим вежливым голосом он слишком любил читать нотации. Хотя, полагаю, это было для нашей же пользы...

Пейджу впервые пришлось в голову, что жизнь с либеральным и снисходительным судьей Чарлзом Мортлейком могла быть сущим кошмаром.

Полковник Маркуис посмотрел на Трэверса:

— Вы согласны с этим, сэр Эндрю?

Трэверс с трудом отвлекся от маленького браунинга, который он подобрал со стола и вертел в руке.

— Что у Мортлейка не было врагов? О, вполне согласен.

— Вам нечего к этому добавить?

— Есть, и очень многое, — резко отозвался Трэверс. — Значит, второй выстрел произвели из этого пистолета? Ну, это меняет дело. Не знаю, виновен Уайт или нет, но теперь я не могу взяться за его защиту... Понимаете, этот браунинг принадлежит мне.

Айда Мортлейк издала возглас. Трэверс достал из внутреннего кармана бумажник и показал карточку лицензии на огнестрельное оружие.

— Если вы сравните серийные номера, то увидите, что они совпадают.

— Хм, — произнес Маркуис. — Значит, вы собираетесь признаться в убийстве?

— Упаси бог! — Трэверс широко улыбнулся. — Я не убивал Мортлейка — он мне слишком нравился. Но ситуация для меня необычная, и я не могу назвать ее приятной. Пистолет сразу показался мне знакомым, хотя я не предполагал, что это тот же самый. Последний раз я видел его в моей конторе в Иннер-Темпл¹. Точнее — в нижнем левом ящике письменного стола в моем кабинете.

— Мог Уайт украсть его оттуда?

Трэверс покачал головой:

— Не думаю. Мне это кажется крайне маловероятным. Я незнаком с Уайтом и никогда его не видел. И он ни разу не бывал в моей конторе — разве только с целью ограбления.

— Когда именно вы видели пистолет в прошлый раз?

— Боюсь, я не могу ответить на этот вопрос. — Теперь Трэверс выглядел беспечным, хотя Пейджу казалось, что он все еще настороже. — Пистолет был, так сказать, частью мебели. Думаю, я не вынимал его из ящика больше года — он просто не был мне нужен. Так что он мог отсутствовать как год, так и несколько дней.

— А кто мог его украсть?

Лицо Трэверса омрачилось.

¹ И н н е р - Т е м п л — здание в Темпле, квартале лондонского Сити, где размещены конторы и жилища членов добровольных юридических корпораций.

— Любой, имеющий доступ в мою контору, мог это сделать.

— Например, кто-то из домохозяев судьи Мортлейка?

— Вполне возможно.

— Ладно, — кивнул заместитель комиссара. — Не возражаете, сэр Эндрю, отчитаться нам в ваших вчерашних передвижениях во второй половине дня?

Барристер задумался.

— Я был в суде примерно до половины четвертого. Потом пошел пешком в Темпл. Когда я проходил через Фаунтин-Корт, солнечные часы на стене показывали без двадцати четыре. Я обещал Мортлейку быть в Хампстед не позже половины пятого. Но мой клерк сообщил мне, что Гордон Блейк заболел и настоял на том, чтобы дело Лейка передали мне. Это довольно запутанное дело, и его должны сегодня рассматривать в суде. Я знал, что мне придется готовиться к защите весь остаток дня, а может быть, и всю ночь. Попасть в Хампстед к чаю я никак не мог, поэтому остался в конторе с документами по делу Лейка. Было без двадцати шесть, когда я внезапно осознал, что не позвонил по телефону с извинениями. Но к тому времени бедняга Мортлейк уже был мертв. Насколько я понимаю, его застрелили около половины шестого.

— И все это время вы находились у себя в конторе? Кто-нибудь может это подтвердить?

— Думаю, да, — серьезно ответил адвокат. — Мой клерк был в соседней комнате до шести. Я находился в жилых помещениях, и, чтобы покинуть их, должен был бы пройти через комнату клерка. Так что он может обеспечить мне алиби.

Опираясь на трость, полковник Маркуис поднялся с кресла и кивнул.

— Могли ли я посягнуть на ваше время и попросить вас подождать минут десять в другой комнате? — сказал он. — Я должен кое-что сделать, а потом хотел бы снова поговорить с вами обоими.

Нажав кнопку на столе, он так быстро выпроводил их из комнаты, что Трэверс все равно не успел бы возразить.

— Великолепно! — воскликнул полковник, радостно потирая руки. Пейдж чувствовал, что только хромота мешает его шефу пуститься в пляс. Маркуис указал длинным пальцем на инспектора. — В глубине души вы шокированы отсутствием у меня чувства собственного достоинства. Подождите, пока доживете до моих лет. Тогда вы поймете, что величайшее благо для перешагнувшего шестидесятилетний рубеж — возможность вести себя так, как хочется. В этом деле есть масса возможностей, инспектор, и, надеюсь, вы их видите.

Пейдж задумался.

— Что касается возможностей, сэр, то в краже пистолета у сэра Эндрю Трэверса есть что-то очень сомнительное. Если Уайт не мог его украсть...

— Ах да, Уайт. Вот почему я удалил наших друзей из комнаты. Я хотел поболтать с Уайтом наедине.

Он снова снял телефонную трубку и распорядился привести Уайта.

Пирс отметил, что со вчерашнего вечера во внешности молодого человека произошло мало изменений. Уайта привели два констебля. Его долговязая фигура по-прежнему была облачена в поношенное пальто. Он нервно приглаживал длинные темные волосы, зачесанные назад. Тонкий нос на осунувшемся лице контрастировал с крепким подбородком; серые глаза поблескивали под сдвинутыми бровями. Он выглядел наполовину воинственным, наполовину отчаявшимся.

— Почему бы вам не рассказать, что в действительности произошло в этом павильоне? — начал Маркуис.

— Хорошо бы вы рассказали мне об этом, — отозвался Уайт. — Думаете, я не ломал над этим голову с тех пор, как меня арестовали? Что бы ни случилось, длительный срок мне обеспечен, так как я стрелял в старую свинью. Но, хотите верьте, хотите нет, я его не убивал!

— Ну, в этом мы и должны разобраться, — сказал Маркуис. — Кажется, вы художник?

— Я живописец, — ответил Уайт. — Являюсь ли я художником, выяснится в будущем. — В его глазах появился фанатичный блеск. — Но я бы хотел, чтобы филистеры не использовали термины, которых не понимают! Я...

— Мы как раз к этому подходим. Насколько я понимаю, у вас радикальные политические убеждения. Во что вы верите?

— Так вы хотите знать, во что я верю? — осведомился Уайт. — Я верю в новый, просвещенный мир, свободный от грязи, в которую мы превратили этот. В мир света и прогресса, где человек может свободно дышать, в мир без насилия и войн, в мир, как прекрасно сказано у Герберта Уэллса, «просторный, чистый и чудесный». Вот все, чего я хочу, и это не так уж много.

— И как вы предлагаете это осуществить?

— Прежде всего, нужно повесить всех капиталистов. Тех, кто против нас, достаточно расстрелять, но капиталисты должны быть повешены, так как они принесли в мир эту грязь и сделали нас своими орудиями. Повторяю снова: мы орудия, орудия, орудия!

«Парень свихнулся», — подумал Пейдж. Но Гейбриэл Уайт говорил так горячо и серьезно, что его бредовые фразы звучали убедительно. Он умолк, тяжело дыша.

— И по-вашему, судья Мортлейк заслужил смерть?

— Он был свиньей, — спокойно ответил Уайт. — Что бы это понять, не нужно разбираться в политике.

— Вы знали его лично?

— Нет, — колебавшись, сказал Уайт.

— Но вы знаете мисс Айду Мортлейк?

— Слегка. И это не имеет значения. Незачем втягивать ее — она ничего не знает.

— Естественно. Предположим, вы расскажете нам, что именно произошло вчера. Для начала, как вы проникли на участок?

Уайт вздохнул.

— Лучше я расскажу вам, так как это единственное, чего я стыжусь. Понимаете, вчера я встретился с Айдой. Мы были в закуской в Хампстеде. Разумеется, я не хотел встречаться с ней именно тогда, но счел себя обязанным предупредить ее, что я убью старика, если смогу. — Его скулы слегка покраснели, а красивые руки не переставая постукивали по коленям. — Дело в том, что я спрятался в ее автомобиле. Айда этого не знала. Выйдя из закуской, она собиралась заехать в библиотеку на

той же улице. Я последовал за ней, а когда она была в библиотеке, проскользнул в ее машину и спрятался сзади под ковриком. Был пасмурный, дождливый день, поэтому я знал, что Айда меня не заметит. Иначе я не смог бы пробраться на участок. Там бдительный привратник.

Айда проехала через ворота к дому. Когда она поставила машину в гараж, я потихоньку выбрался. Беда была в том, что я понятия не имел, где старая свинья. Откуда мне было знать, что он в павильоне? Я думал, что найду его в доме.

Я потратил почти час, пытаюсь пробраться в дом. Повсюду были слуги. Наконец я пролез через боковое окно — и почти наткнулся на дворецкого. Он как раз входил в гостиную, где сидела Айда, сказал, что уже поздно, и спросил, подать ли ей чай. Она ответила, что да, так как ее отец в павильоне и, вероятно, не вернется к чаю. Вот как я узнал, где судья. Я вылез из окна назад...

— В котором часу это было?

— Бог его знает — я не следил за временем. — Уайт задумался. — Впрочем, вы легко можете это выяснить. Я побежал прямо к павильону и наткнулся на ваших полицейских — полагаю, это были полицейские, — но решил, что убью старого черта, чего бы мне это ни стоило.

Дыхание со свистом вырывалось из его ноздрей.

— Значит, мы можем считать, что это было в половине шестого? — спросил полковник Маркуис. — Отлично. Продолжайте.

— С тех пор я представлял себе это сотню раз. — Уайт закрыл глаза. — Я вбежал в кабинет и запер дверь. Мортлейк стоял у окна, крича что-то полицейскому снаружи. Услышав, как я вошел, он повернулся...

— Он сказал что-нибудь?

— Да. Спросил: «Что это значит?» или «Что вам нужно?» — точно не помню. Увидев у меня в руке револьвер, он вытянул руку перед собой, как будто я собирался его ударить. Тогда я выстрелил — вот из этого. — Уайт приоткрылся к «айвор-джонсону» 38-го калибра.

— Хм, да. Вы попали в него?

— Практически уверен, что нет. — Уайт опустил кулак на край стола. — Над столом горела яркая лампа в медном плафоне, освещая стол и пространство между окнами. Когда я нажал на спуск, то видел, как в стене позади старика появилась черная дырка от пули. А он все еще двигался и даже побежал. Кроме того...

— Ну?

Уайт внезапно как будто состарился на много лет.

— Убить человека не так легко, как кажется. Все в порядке, пока твой палец не оказывается на спуске. Тогда ты чувствуешь, что физически не можешь этого сделать... Все равно что бить лежащего. В тот момент я почти пожалел старого негодяя. Он выглядел таким испуганным и метался в разные стороны, как летучая мышь.

— Минутку, — прервал Маркуис. — Вы часто пользовались огнестрельным оружием?

Уайт был озадачен.

— Нет. Едва ли я когда-нибудь держал в руках что-нибудь более смертоносное, чем духовое ружье в детстве. Но я думал, что в такой маленькой комнате не смогу промазать. Однако я промахнулся. Старик побежал от меня вдоль задней стены. Хочу, чтобы вы поняли — все произошло за несколько секунд. Он повернулся лицом к углу стены позади меня справа...

— Лицом к углу, где стояла желтая ваза, в которой потом нашли пистолет?

— Да. Как будто он собирался бежать через комнату. Тогда я услышал еще один выстрел. Казалось, он прозвучал позади, справа от меня. Я почувствовал... ну, что-то вроде ветра, если вы понимаете, о чем я. Старик опять повернулся, сделал несколько шагов назад, а потом упал на стол лицом вниз. В этот момент ваш полицейский офицер... — Уайт кивнул в сторону Пейджа, — влез через окно. Это все.

— Вы видели в комнате кого-нибудь еще, до или после выстрела?

— Нет.

Заместитель комиссара посмотрел на Пейджа:

— Вопрос вам, инспектор. Могло ли быть в доме судьи устроено какое-либо механическое приспособление,

способное произвести выстрел и спрятать пистолет самостоятельно?

— Это совершенно невозможно, сэр, — сразу же ответил Пейдж. — Мы с Борденом почти разобрали павильон на куски. — Он улыбнулся. — Можете также выбросить из головы мысль о потайном ходе или люке. Там не было даже мышиной норки. Кроме того, в комнате был произведен выстрел из оружия, найденного в желтой вазе.

Полковник мрачно кивнул:

— Да, думаю, мы должны признать, что второй выстрел произвел кто-то, находившийся в комнате. Скажите, Уайт, на каком расстоянии вы были от судьи, когда стреляли в него?

— Думаю, около пятнадцати футов.

— Ладно. Значит, кто-то бросил пистолет в вазу. Вы говорите, Пейдж, ваза была слишком высока, чтобы кто-то мог дотянуться рукой до дна и положить туда пистолет. Следовательно, его падение должно было вызвать какой-то звук. — Он посмотрел на Уайта. — Вы слышали звук?

Уайт задумался.

— Честно говоря, не знаю. Не могу вспомнить...

— Вы сознаете, — с внезапной резкостью произнес Маркуис, — что ваша история просто невероятна? По-вашему, кто-то сбежал из комнаты, которая была заперта и охраняема со всех сторон. Каким образом?.. Да, в чем дело?

В комнату вошел секретарь полковника и что-то тихо сказал. Маркуис кивнул, снова став дружелюбным.

— Полицейский хирург произвел вскрытие, — сказал он Пейджу. — И результаты настолько интересны, что он хочет сообщить их мне лично.

Наступило молчание. Уайт сидел на стуле, прижав локти к спинке; на его лице было написано напряженное ожидание. Пейдж понимал, какие мысли роятся в голове у заключенного. Если из тела судьи извлекли пулю 38-го калибра, ему конец.

Полицейский хирург доктор Гэллатин — суетливый маленький человечек — вошел в комнату с портфелем в руке.

— Доброе утро, доктор, — поздоровался полковник Маркуис. — Мы не можем двигаться дальше, пока не узнаем ваш вердикт. — Он подтолкнул через стол револьвер и браунинг. — Мнения публики разделились. Одна ее часть полагает, что судья Мортлейк был убит пулей из револьвера «айвор-джонсон» 38-го калибра, выпущенной на расстоянии около пятнадцати футов, а другая — что его убила пуля из пистолета браунинг 32-го калибра, выпущенная на расстоянии около двадцати пяти футов. Какая из сторон права?

— Никакая, — ответил доктор.

Полковник медленно выпрямился.

— Что вы имеете в виду?

— То, что обе стороны не правы, сэр. Он был убит пулей из пневматического пистолета «эркман», приблизительно соответствующей 22-му калибру, и выстрел произвели примерно с десяти футов.

Хотя Маркуис и глазом не моргнул, Пейдж чувствовал, что старый сукин сын редко получал столь неожиданные сообщения. Он сидел прямо, холодно глядя на врача.

— Надеюсь, вы трезвы, доктор Гэллатин? — осведомился полковник.

— Увы, трезв как стеклышко, — отозвался врач.

— И вы серьезно пытаетесь убедить меня, будто в этой комнате произвели еще и третий выстрел?

— Мне ничего не известно об этом деле, сэр. Я только знаю, что в него всадили с достаточно близкого расстояния... — Гэллатин открыл маленькую картонную коробочку и достал оттуда сплюснутый кусочек свинца, — вот эту пулю из духового пистолета «эркман». Как правило, нам приходится иметь дело с армейским пистолетом «эркман», который гораздо тяжелее. Но и это оружие смертельно опасно, так как куда мощнее обычного духового ружья и стреляет почти бесшумно.

Полковник Маркуис повернулся к Уайту:

— Что вы на это скажете?

Очевидно, Уайт был так напряжен, что позабыл о своей роли социального реформатора и ответил как сердитый школьник:

— Я знаю об этом не больше вас.

— Вы слышали или видели третий выстрел в этой комнате?

— Нет.

— Инспектор Пейдж, вы обыскали комнату, как только вошли туда. Вы обнаружили пневматический пистолет?

— Нет, сэр, — твердо ответил Пейдж. — Если бы он был там, мы бы обязательно его нашли.

— Вы также обыскали арестованного. Был при нем такой пистолет и мог ли он избавиться от него?

— Не было и не мог. Кроме того, револьвер и два пистолета для одного человека немного чересчур. Ему было бы проще воспользоваться пулеметом. — При виде угрожающего выражения лица полковника Пейдж быстро добавил: — Могу я задать вопрос? Доктор, могли ли выстрелить пулей от этого духового пистолета из браунинга 32-го калибра или «айвор-джонсона» 38-го, чтобы внушить нам мысль об использовании третьего вида оружия?

Доктор Гэллатин усмехнулся:

— Вижу, вы не слишком разбираетесь в баллистике. Это не только невозможно, а просто невероятно. Спросите ваших экспертов. Эту маленькую пулю могли выпустить только из пневматического пистолета «эркман».

Уайт побледнел как смерть, переводя взгляд с одного на другого.

— Прошу прощения. — В его голосе впервые послышались нотки робости. — Это означает, что я очищен от... подозрений в убийстве?

— Да, — ответил полковник Маркуис. — Я ненадолго отправлю вас вниз. Поступившее сообщение резко меняет дело.

Он нажал кнопку на столе. Уайта увели — при этом он продолжал что-то бессвязно говорить. Заместитель комиссара смотрел ему вслед, барабанил по столу костяшками пальцев.

Пейдж и доктор наблюдали за ним.

— Это чистое безумие, — снова заговорил полковник. — Теперь нет сомнений, что было сделано три вы-

стрела: из «айвор-джонсона», из браунинга и из исчезнувшего «эркмана». Беда в том, что нам недостает одной пули — найдены только две из трех. Кстати, инспектор, дайте мне пулю, которую вы извлекли из стены. — Пейдж передал пулю полковнику, и тот взвесил ее в руке. — Вы говорите, что это пуля из «айвор-джонсона» 38-го калибра. Согласен. Каково ваше мнение, доктор?

Гэллатин взял пулю и обследовал ее.

— Несомненно, это 38-й калибр, — подтвердил он. — Я слишком часто видел такие. Она только немного расщепилась.

— Значит, это пуля, которой выстрелил Уайт, целясь в судью, как только вошел в кабинет. Но что за колдовство или фокус-покус произошли в течение следующих двух-трех секунд? Между прочим, доктор, вы сказали, что духовой пистолет «эркман» стреляет почти бесшумно. Насколько бесшумно?

Врач был осторожен.

— Как вы понимаете, это не моя епархия. Но думаю, я могу ответить. Он издает звук не громче щелчка выключателя.

— Вы имеете в виду, сэр, — вмешался Пейдж, — что из «эркмана» могли выстрелить почти под носом у Уайта, но он — особенно учитывая грозу — мог ничего не услышать?

Маркуис кивнул.

— Давайте расположим все по порядку. После выстрела Уайта судья пытается убежать. Затем кто-то еще — стоящий позади и справа от Уайта в углу у желтой вазы — стреляет из браунинга. Этот выстрел слышит инспектор Пейдж, находящийся в десяти шагах от окна. Но пуля из браунинга исчезает. Если она не убила судью, то куда же она попала? Где она теперь? Наконец, кто-то стреляет из духового пистолета «эркман» и убивает судью. Но на сей раз исчезает оружие. Когда Мортлейк падает замертво поперек письменного стола, инспектор Пейдж входит через окно, найдя комнату запечатанной со всех сторон. Тем не менее убийца исчезает тоже.

Он сделал паузу, позволяя слушателям представить себе эту сцену.

— Я не могу этому поверить, джентльмены, но это произошло. У вас имеются какие-нибудь предположения?

— Только вопросы, — мрачно отозвался Пейдж. — Думаю, мы согласились, сэр, что Уайт не может быть убийцей?

— Да, это можно утверждать с уверенностью.

Пейдж достал свою книжку и сделал запись: «Возникают три вопроса, связанные друг с другом: 1. Стрелял ли один и тот же человек из браунинга и «эркмана»? Если нет, значит, в комнате, кроме Уайта и судьи, были еще двое? 2. Был ли смертельный выстрел сделан непосредственно перед или после выстрела из браунинга? 3. В любом случае — где стоял убийца?»

— Да, я вижу, в чем загвоздка, — кивнул Маркуис, прочитав запись. — Самый трудный из ваших вопросов — третий. По словам доктора, Мортлейк был убит выстрелом в сердце с расстояния около десяти футов. Уайт, по его собственному признанию, стоял в пятнадцати футах от Мортлейка. Как же он мог не видеть убийцу? Во всем этом, джентльмены, есть нечто чертовски сомнительное.

— Вы имеете в виду нашу старую идею, что Уайт мог прикрывать кого-то? — спросил Пейдж.

— Но в том-то и беда. Даже если Уайт кого-то прикрывает, как мог этот кто-то выбраться из комнаты? Получается, что в комнате находился еще один человек, а может быть, и двое. Предположим, один, два или шесть человек стреляют в судью. Как они могут исчезнуть за восемь или десять секунд? — Полковник покачал головой. — Доктор, в медицинском заключении есть что-нибудь, способное нам помочь?

— Только не насчет исчезновения, — ответил Гэллатин. — Да и насчет другого тоже. Смерть была почти мгновенной. Он мог сделать несколько шагов или движений, но не более.

— В таком случае мне придется самому в этом разбираться, — заявил полковник. — Вызовите автомобиль, Пейдж, и поедem в Хампстед. Это дело меня интересует.

Прихрамывая, он подошел к вешалке за пальто и шляпой. В темно-синем пальто и мягкой серой шляпе полков-

ник Маркуис выглядел бы весьма элегантно, если бы не нахлобучил шляпу так сердито, что она торчала на голове, как на чучеле Гая Фокса¹. Сначала Пейдж дал указания проверить алиби Трэверса и архивы отдела огнестрельного оружия на предмет наличия записи о владельце духового пистолета «эркман». Затем полковник вышел в коридор, возвышаясь над всеми встречаемыми. Когда Пейдж напомнил, что Айда Мортлейк и сэр Эндрю Трэверс все еще ждут, Маркуис невежливо проворчал:

— Ну и пусть ждут. Дело приняло такой оборот, что они могут только еще сильнее его запутать. Между нами, инспектор, мне не хочется, чтобы Трэверс торчал рядом, когда я буду обследовать место преступления. Он слишком проницателен.

Полковник долго молчал, пока полицейский автомобиль ехал по мокрым улицам в направлении Хампстеда.

— Кажется, — заговорил инспектор, — теперь у нас крайне ограниченный круг.

— В каком смысле?

— Смотрите сами, сэр. Во-первых, у Трэверса не было причин убивать судью, а во-вторых, у него солидное алиби. У Айды Мортлейк тоже есть алиби, причем обеспеченное не ею самой...

— Так вы это заметили? — промолвил Маркуис, пристально глядя на него.

— Да, алиби девушки обеспечил Уайт. Помните его рассказ? Он пробрался через окно в дом судьи Мортлейка, не зная, что судья в павильоне. Об этом он услышал, только когда дворецкий спросил Айду, подавать ли чай. Тогда он вылез из окна и побежал к павильону. Это было в половине шестого, так как Уайт по пути встретил Боргена и меня. Следовательно, Айда еще была в доме, и дворецкий, вероятно, это подтвердит. Выходит, ее алиби тоже надежно.

— Вполне. Что-нибудь еще?

¹ Фокс Гай (1570—1606) — глава заговора английских католиков, собиравшихся взорвать 5 ноября 1605 г. здание Парламента, когда там должен был присутствовать король Иаков I. Заговор провалился, и Гай Фокс был казнен. В Англии вечером 5 ноября устраивают праздник, на котором сжигают чучело Гая Фокса.

— Если, — задумчиво отозвался Пейдж, — посторонний не мог проникнуть на участок, значит, полковник был убит либо одним из слуг, либо мисс Кэролин Мортлейк, либо клерком — старым Пенни.

Полковник Маркуис что-то буркнул — это могло означать как согласие, так и неодобрение. Автомобиль свернул на широкую пригородную дорогу, вдоль одной стороны которой тянулась высокая ограда дома судьи. На оживленной улице пересекались трамвайный и автобусный маршруты. Несколько магазинов контрастировали с унылой каменной стеной напротив, за которой на фоне пасмурного неба темнели вязы. Машина остановилась у ворот с железной решеткой, которые старый Робинсон, узнавший полицейский автомобиль, поспешил открыть.

— Есть новости? — спросил Пейдж.

Привратник — маленький человечек с морщинистым лбом — просунул голову в заднее окошко машины.

— Нет, сэр, — ответил он. — Ваш сержант все еще пытается выяснить, мог ли кто-нибудь пробраться сюда вчера незаметно для меня.

— А это возможно? — спросил полковник Маркуис.

Робинсон с любопытством посмотрел на него:

— Ну, сэр, мисс Айда велела мне вчера никого не впускать, и я так и делал. Это моя работа. Взгляните на ограду. Через нее не перелезть без стремянки, и к ней нигде не приставить лестницу так, чтобы этого не заметили жители Хампстеда. С этой стороны ограды проходит главная дорога, а ко всем другим примыкают сады соседних домов. — Он откашлялся, словно собираясь сплунуть. — Ворота только двое, как видите, и у одних сижу я.

— А как насчет других ворот — для торговцев?

— Они заперты, — сразу ответил Робинсон. — Когда мисс Айда вчера вернулась около двадцати минут пятого, она велела мне запереть их. Кроме моего ключа, ключ от вторых ворот есть только у мисс Айды.

— Вы сказали, что мисс Кэролин Мортлейк и мистера Пенни вчера во второй половине дня здесь не было?

— Не припоминаю, говорил ли я вам это. Но это правда.

— В котором часу они ушли?

— Мисс Кэролин — приблизительно без четверти четыре. Я помню, поскольку она хотела взять автомобиль, но мисс Айда уже уехала в нем минут пятнадцать назад. Мисс Кэролин очень рассердилась — она собиралась на вечеринку с коктейлями к Фишерам в Голдерс-Грин. Что до Элфреда Пенни, не спрашивайте меня, когда он ушел. Думаю, минут десять пятого.

— Для ясности нам лучше составить расписание, — сказал полковник Маркуис. — Когда судья перебрался из дома в павильон?

— В половине четвертого, — твердо ответил Робинсон. — Это точно.

— Айда Мортлейк уехала в автомобиле примерно в то же время, не так ли? Отлично. Кэролин Мортлейк отправилась на вечеринку без четверти четыре. В десять минут пятого Пенни также ушел. В двадцать минут пятого, когда начался дождь, Айда Мортлейк вернулась в автомобиле. Похоже, все они каким-то образом разминутись друг с другом, но расписание верное?

— Полагаю, что да, сэр, — согласился Робинсон.

— Ну, поехали, — сказал полковник.

Автомобиль помчался по гравиевой подъездной аллее мимо печальных вязов. Пейдж указал на ответвление дороги, ведущее к павильону, но сам павильон скрывали деревья, и полковник не мог его разглядеть. Дом не являлся архитектурным шедевром. Он был трехэтажным, оштукатуренным и выстроен в раздражающем готическом стиле, который впервые появился на Строберри-Хилл, но его несколько оживили дизайнеры середины XIX века. Остроконечные башенки теснились под дождем. Большинство длинных окон было зашторено, но из всех труб шел дым. Хотя дом выглядел символом солидной викторианской респектабельности, в нем ощущалось нечто недоброе.

Воплощением респектабельности казался также седой слуга, впустивший их. Пейдж видел его вчера, хотя еще не опрашивал. Только теперь они узнали, что его фамилия Дейвис.

— Если не возражаете, сэр, — сказал он, — я позову мисс Кэролин. Она как раз собиралась повидать вас и...

— А если вы не возражаете, — слышался новый голос, — я предпочитаю обсудить это сама.

Холл был затенен; свет впускало окно из красного стекла в задней стене. Женщина шагнула из-за занавесей из бус (такие еще существуют) в арке справа. Кэролин Мортлейк являла собой один из разительных внутрисемейных контрастов (которые также существуют). Если Айда была высокой и кроткой блондинкой, то Кэролин — низкорослой, крепкой и суровой брюнеткой. У нее было квадратное, очень красивое, но столь же жесткое лицо с блестящими черными глазами и темно-красными губами. Она быстро шагала вперед в простом темном пальто с меховым воротником и сдвинутой набок шляпе. Но Пейдж заметил, что ее веки покраснели и припухли. Кэролин холодно разглядывала посетителей, держа подмышкой тяжелую сумку.

— Вы... — начала она.

Полковник Маркуис представил себя и инспектора, но девушка, казалось, усмотрела в его вежливости нечто подозрительное.

— Надо же, — усмехнулась она. — Заместитель комиссара удостоил нас визитом. Возможно, мне лучше передать вам вот это.

Кэролин открыла сумку, решительно щелкнув замком, и достала оттуда никелированный пистолет с довольно длинным дулом.

— Это духовой пистолет «эркман», — сказала она.

— Где вы его взяли, мисс Мортлейк?

— В нижнем ящике бюро моей спальни, — ответила Кэролин и вскинула голову, с вызовом глядя на полковника.

— Пожалуйста, пройдите сюда, — пригласила она. Несмотря на вызывающий тон, было очевидно, что девушка пребывает в сильном нервном напряжении. Тем не менее она спокойно проводила их за занавеси из бус в довольно тесную гостиную. — Не вполне понимаю, что это за игра, — продолжала Кэролин. — Не знаю, кому это могло понадобиться — ведь моего отца убили не из этого

оружия... Но я догадываюсь, на какую мою реакцию рассчитывали, когда я найду пистолет. Надеялись, что я запаникую и снова спрячу оружие, если меня в чем-то заподозрят. Но от меня этого не дожидаться — не такая я дура. — Она мрачно улыбнулась и протянула руку к коробке с сигаретами. — Вот пистолет — можете забрать его или оставить здесь.

Полковник Маркуис повертел оружие в руке.

— Значит, вы думаете, — осведомился он, — что кто-то намеренно спрятал пистолет в вашей комнате? Вероятно, вы заметили, что одной пули в нем не хватает.

— Я не собираюсь притворяться, будто не понимаю, что вы имеете в виду. Да, я тоже об этом думала. Но это совершенно невозможно. Ведь там было только два пистолета — 32-го и 38-го калибра, — но этот пистолет не соответствует ни одному из них.

— Ну... ладно, оставим пока это. Вы, случайно, не знаете, кому принадлежит пистолет? Никогда не видели его раньше?

— Конечно видела, и много раз. Он принадлежал отцу.

Пейдж изумленно уставился на странную свидетельницу, в чьем голосе звучало презрение. Но заместитель комиссара кивнул с одобрительной улыбкой:

— Ах да. И где ваш отец хранил его?

— В ящике письменного стола в павильоне.

— Не помните, когда вы видели его в прошлый раз?

— Вчера во второй половине дня в ящике стола, как обычно.

— По спешке, с которой инспектор Пейдж достает записную книжку, — вежливо сказал Маркуис, — вы можете понять, что открытия происходят слишком быстро. Так что, мисс Мортлейк, давайте не будем торопиться и разберемся во всем по порядку. Прежде всего, естественно, я бы хотел выразить вам соболезнование по поводу кончины вашего отца...

— Благодарю вас.

— Можете назвать причину, мисс Мортлейк, по которой ваш отец, похоже, был не слишком любим в собственном доме? Ни вы, ни ваша сестра не выражаете особого горя по случаю его смерти.

— Чувствую я горе или нет, — бесстрастно ответила Кэролин, — я не склонна обсуждать это с посторонними. Но разве вы не знаете, что он не был нашим отцом? Мы были еще девочками, когда он женился на нашей матери, но наш настоящий отец давно умер. Не думаю, что это имеет значение, но вам лучше знать все факты.

Это было новостью для Пейджа и Маркуиса, которые посмотрели друг на друга. Заместитель комиссара проигнорировал вполне оправданную колкость в ответе на его вопрос.

— В мои намерения, мисс Мортлейк, не входит попытка заманить вас в ловушку или скрыть что-либо от вас. Ваш отец — будем называть его так — в действительности был застрелен из пневматического пистолета. — Он кратко описал результат вскрытия. — Вот почему я нуждаюсь в вашей помощи.

Лицо девушки стало мрачным как туча, но она спокойно спросила:

— Значит, кто-то действительно пытался меня подставить?

— Похоже на то. Хотя не исключено, что преступление совершил посторонний, согласитесь, что это маловероятно. Скорее всего, преступник — кто-то из обитателей дома. Здесь есть кто-нибудь, кто мог бы затаить злобу против вашего отца?

— Безусловно, нет!

— Тогда скажите откровенно, как вы уживались с отцом?

— Полагаю, как в большинстве семей. — Девушка впервые выглядела обеспокоенной.

— Очевидно, вы и ваша сестра — его наследницы?

Кэролин попыталась улыбнуться.

— Старая проблема с завещанием? — насмешливо осведомилась она. — Насколько я знаю, да. Он не делал из этого тайны. Маленькие суммы завещаны слугам и значительная — Пенни, но основную часть наследуем Айда и я. Отец составил завещание, когда наша мать умерла. Конечно, с тех пор он мог его изменить, но я так не думаю.

Полковник кивнул и поднял духовой пистолет.

— Вы сказали, мисс Мортлейк, что ваш отец постоянно держал его при себе?

— Господи, я не говорила ничего подобного! Конечно нет, иначе он не хранил бы его в павильоне. Отец держал его в качестве сувенира. Его друг был во время войны на секретной службе и подарил ему это оружие. Вероятно, пневматические пистолеты — редкость?

— Да. Значит, он не держал при себе оружие, потому что боялся нападения?

— Уверена, что нет.

— А как насчет угроз Гейбриэла Уайта?

— О, Гейбриэл!.. — Она презрительно отмахнулась. — Кроме того, пока я не увидела вчера вечером Айду и не прочитала сегодня утром газеты, я вообще не знала, что Гейбриэл произносил какие-то угрозы. Не то чтобы у него не было оснований... Отец знал Гейбриэла — по крайней мере, знал о нем. Он редко говорил об этом, но никогда не скрывал уверенности, что Гейбриэл — свинья.

— А вам нравился Уайт?

— Да. Нет. Не знаю. — Кэролин сделала паузу. — Вы мне льстите, полковник. За последние десять минут моим мнением интересовались чаще, чем за последние десять месяцев. Откровенно говоря, Гейбриэл был мне симпатичен, и я считала его честным. Но я ненавижу неудачников!

— Понятно. А теперь исключительно для записной книжки инспектора Пейджа, как вы провели вторую половину вчерашнего дня?

— Ага, алиби! — пробормотала Кэролин. — Ну, дайте подумать... Вначале я интервьюировала целую вереницу кандидаток в служанки. Наша единственная горничная в будущем месяце выходит замуж. Ох уж эта романтика! Поэтому нам приходится искать замену.

— Похоже, мы о многом не слышали, мисс Мортлейк, — вмешался Пейдж. — Вы имеете в виду, что вчера во второй половине дня здесь было несколько посторонних?

Девушка окинула его взглядом и, видимо, решила быть вежливой.

— Можете успокоить вашу записную книжку и самого себя, инспектор. Всю компанию выпроводили из дома

и с участка минимум за два часа до того, как отца застрелили. Робинсон подтвердит вам это, если откажется от обычной тактики держать язык за зубами. Он впустил их, пересчитал и выпустил. Последняя ушла между половиной четвертого и без четверти четыре. Я знаю это, потому что сама торопилась уйти. Потом я обнаружила, что Айда уехала, забрав машину. Это было чертовски досадно, так как я собиралась сама ею воспользоваться. Конечно, я могла взять такси. Сначала я, конечно, пошла в павильон...

— Почему, мисс Мортлейк?

Она слегка покраснела.

— Мне были нужны карманные деньги. Кроме того, я хотела сообщить отцу, что наняла новую горничную.

— Пожалуйста, продолжайте.

— Он пробыл в павильоне минут пять до моего прихода — отправился туда около половины четвертого. Если вас это интересует, деньги я получила. Кстати, таким образом я случайно узнала, что духовой пистолет лежит в ящике стала. Отец выдвинул ящик, чтобы достать чековую книжку. Было поздно идти в банк, но я знала, где могу обналичить чек. Когда он открыл ящик, я увидела пистолет.

— А ящик был заперт?

Девушка задумалась, прикрыв глаза ладонью.

— Да. Отец достал связку ключей и отпер его.

— А потом запер снова?

— Не уверена. Я не обратила внимания... когда получила чек. Но думаю, что запер. Ведь там была его драгоценная рукопись.

— Понятно. Он говорил или делал что-нибудь заметное, что вы бы запомнили?

— «Заметное» — это хорошо сказано. Нет. Отец был немного резок, так как не любил, когда его прерывали во время наговаривания на диктофон глав из книги. Он записал имя горничной, которую я собиралась нанять, — хотел проверить ее рекомендации, прежде чем она придет сюда в следующем месяце... Ах да, он упомянул, что сэр Эндрю Трэверс должен прийти к чаю. Они собирались пить чай в другой комнате павильона, через кори-

дор от кабинета — там есть электрический чайник и прочие принадлежности. Я предложила отцу включить в той комнате электронагреватель, чтобы согреть ее перед приходом Эндрю.

— И он включил его?

Кэролин выглядела озадаченной.

— Да. Вернее, я это сделала для него.

— Инспектор, когда вы и сержант Борден обыскивали павильон, полагаю, вы заглядывали в другую комнату? Там горел электронагреватель?

Пейдж увидел, что лицо Кэролин краснеет от гнева, и предотвратил вспышку:

— Да, сэр, горел.

— Благодарю за поддержку, — фыркнула девушка.

— Не думаю, что вы поняли смысл последнего вопроса, — спокойно сказал полковник. — Продолжайте, пожалуйста, ваш рассказ.

— Я вышла из павильона и с участка приблизительно без четверти четыре.

— А потом?

Кэролин глубоко вздохнула и посмотрела ему в глаза.

— Сожалею, — сказала она, — но на этом рассказ заканчивается.

— Не понимаю, — резко произнес полковник Маркус. — Вы не хотите рассказывать нам, что делали после того, как ушли из дому?

— Да.

— Но это абсурд! Ваш привратник сообщил нам, что вы собирались на вечеринку с коктейлями в Голдерс-Грин.

— Он не имел права говорить вам это, — сердито отозвалась девушка. — Вы только потратите время, справляясь обо мне у Фишеров. Я действительно собиралась туда, но за час до ухода получила по телефону сообщение, заставившее меня передумать. Это все, что я могу вам сказать.

— Но почему вы не можете рассказать остальное?

— Во-первых, потому, что вы мне не поверите. Во-вторых, потому, что я не могу доказать, где была, так что это не создаст мне алиби. А в-третьих... ну, потому, что

я предпочитаю не распространяться об этом. Бесполезно говорить со мной официальным тоном — это ничего не изменит.

— Вы сознаете, мисс Мортлейк, что это подводит вас под подозрение в убийстве?

— Да.

Пейдж чувствовал, что девушка собиралась что-то добавить, но в этот момент все эмоции исчезли с ее лица. Кто-то вошел в комнату — они услышали неуверенные шаги и шелканье занавесей из бус.

Вошедший был маленьким сутулым человечком с нервными и в то же время услужливыми манерами. Несомненно, это был клерк Элфред Пенни. Несколько прядей волос серо-стального цвета, зачесанные поперек его черепа, вызывали в памяти очертания скелета рыбы. На висках топорщилось нечто вроде бакенбардов. Маленькие глазки быстро моргали, глядя на присутствующих.

— Прошу прощения, — извинился он, быстро повернувшись.

Кэролин Мортлейк поднялась.

— Элфред, это полковник Маркуис, заместитель комиссара полиции, и инспектор Пейдж. Расскажите им все, что можете. Думаю, они не будут возражать, если я ненадолго отлучусь.

Пока Пенни продолжал моргать, приоткрыв рот, она быстро вышла из комнаты.

— Прошу прощения, — повторил клерк. — Мне не следовало вторгаться, но я увидел в холле дворецкого Дейвиса, который прислушивался к происходящему здесь, и... Не важно. Вы из полиции? Да, конечно...

— Садитесь, мистер Пенни, — предложил полковник Маркуис.

— Ужасная история, джентльмены, — сказал Пенни, опустившись на край стула. — Вы не представляете, каким потрясением это явилось для меня. Я сотрудничал с Чарлзом Мортлейком тридцать лет — точнее, двадцать девять с половиной. Надеюсь, вы не сочтете меня мстительным, джентльмены, если я спрошу, приняли ли вы какие-нибудь меры в отношении этого щенка, который убил его?

— Гейбриэла Уайта?

— Если вы предпочитаете называть его так.

Маркуис поднял брови.

— Уже предполагалось, мистер Пенни, что Гейбриэл Уайт — не настоящее имя этого молодого человека. Судья знал его?

Маленький человечек кивнул:

— Не стыжусь ответить, что знал. Вынося ему приговор, он вершил моральное правосудие, а это всегда было целью Чарлза Мортлейка. Он был хорошо знаком с отцом этого молодого человека, а его самого знал с детства. Гейбриэл Уайт в действительности лорд Эдуард Уайтфорд, сын графа Грея.

Пенни сделал паузу, покосившись на камин.

— К счастью, — продолжал он, наморщив лоб, — граф Грей не знает, где его сын и как низко он пал, а Чарлз Мортлейк был не настолько бесчеловечен, чтобы просвещать его... У Гейбриэла Уайта, как он предпочитает называть себя, были все преимущества. Он сделал блестящую карьеру в Оксфорде — был ведущим членом студенческого клуба и популярным спортсменом, имел рекорд по прыжкам в длину, отлично фехтовал и стрелял из пистолета. Но, как и многие, обладающие такими преимуществами...

— Погодите! — прервал Маркуис так резко, что Пенни вздрогнул. — Вы говорите, что он отлично стрелял из пистолета? А сегодня утром в моем кабинете в Скотленд-Ярде Гейбриэл Уайт заявил, что никогда в жизни не держал в руках оружие.

— Боюсь, что он солгал, — без особой враждебности промолвил Пенни. — Ложь входит в его привычки.

Маркуис подобрал со стула духовой пистолет.

— Вы когда-нибудь видели его раньше?

— Да, сэр, очень часто, — ответил озадаченный Пенни. — Он принадлежал Чарлзу Мортлейку. Могу я спросить, почему...

— Когда вы видели пистолет в последний раз?

— Думаю, несколько дней назад, но боюсь, не могу ответить точно. Судья держал его в ящике письменного стола в павильоне.

— Вы были в павильоне вчера во второй половине дня?

— Да, очень недолго — возможно, минут пять. Я собирался в библиотеку Гилдхолла¹ навести кое-какие справки для книги, которую писал судья, вышел из дому в начале пятого, когда начинался дождь, но по пути к воротам подумал, что стоит зайти в павильон и спросить судью, нет ли у него дополнительного материала, который мне следует уточнить. Я застал его в одиночестве, наговаривающим текст на диктофон... — Клерк сделал паузу, и в уголках его глаз блеснуло нечто похожее на слезы. — Он сказал, что больше у него нет для меня поручений, и я покинул дом около десяти минут пятого. Это был последний раз, когда я видел судью живым. Но...

— Но?

— Кто-то уже тогда бродил вокруг павильона. Когда мы разговаривали, я слышал шаги, приближающиеся к окнам.

— Каким окнам?

— Западным, сэр. К окнам, чьи замки и засовы на ставнях так заржавели, что их невозможно открыть.

— Продолжайте.

— Сразу после этого у меня создалось впечатление, что я слышу негромкое тарахтение у одного из западных окон, как будто кто-то пытается его открыть. Но так как шумел дождь, я в этом не уверен.

— А судья тоже это слышал?

— Боюсь, он приписал это воображению. Но через несколько секунд что-то ударило по наружному ставню одного из других окон. Мне показалось, что в него бросили камешек. Это было окно в южной стене... Судя по тому, что я слышал... — он повернулся к Пейджу, — именно в это окно, инспектор, вам пришлось влезать спустя почти полтора часа. Услышав этот звук, Чарлз Мортлейк раздвинул портьеры, поднял окно, отпер ставни и выглянул наружу, но ничего не увидел.

— Что он сделал потом?

¹ Г и л д х о л л — резиденция корпорации лондонского Сити.

— Закрыл и запер окно, хотя не стал запирасть ставни. Судья оставил их открытыми и прижатыми к стене. Боюсь, он был... несколько раздосадован. Он обвинил меня в том, что я фантазирую. Примерно в дюжине футов от окна находится дерево, и судья заявил, что, вероятно, веточка оторвалась во время грозы и ударилась о ставень. Ветер действительно был сильный, но я не мог поверить этому объяснению.

— Не знаете, находился ли тогда пневматический пистолет в ящике стола?

— Не знаю, но полагаю, что да. Судья не открывал ящик. Впрочем, тогда я не думал о... ну, о насилии. — Клерк не опустил глаза под пристальным взглядом Маркуиса и вскоре продолжил: — Вы хотите знать, что я делал после этого? Поехал на метро до станции «Мэншн-Хаус», а оттуда пошел пешком до библиотеки Гилдхолла. Туда я прибыл без двадцати пяти пять — я случайно взглянул на часы. Из библиотеки я ушел ровно в пять. На обратном пути я задержался и вернулся домой только без двадцати шесть, когда Чарлз Мортлейк уже был мертв. Боюсь, это все, что я могу сообщить... А теперь могу я спросить, почему вас так беспокоит духовой пистолет?

Полковник Маркуис вновь поведал знакомую историю. Пенни выглядел ошарашенным — он неподвижно сидел у камина, похожий на гнома с испещренными венами руками, и, казалось, едва дышал.

— Как видите, — закончил Маркуис, — мы вынуждены признать Уайта невиновным. Даже если вы возразите, что пневматический пистолет был в ящике стола и Уайт мог им воспользоваться, ему не хватило бы времени произвести три выстрела. Кроме того, хотя его сразу же схватили офицеры полиции, пистолет исчез, а он никак не мог его спрятать. И наконец, Уайта сразу увели в полицейский участок, так что он не мог перенести пистолет в дом. А именно здесь его нашли сегодня утром.

— Господи! — воскликнул Пенни. — Это самое невероятное из всего, что мне приходилось слышать! Неужели вы говорите серьезно? В этом нет никакого смысла,

а в жизни все подчинено логике и разуму. Не думаете же вы, что в той комнате находились три будущих убийцы?

У Пейджа создалось впечатление, что Маркуис играет со свидетелем, жонглируя фактами для забавы или детализации условий своего опыта, и прекрасно знает, что в действительности произошло в павильоне. Полковник оставался безукоризненно вежливым.

— Вы оспариваете эту теорию, мистер Пенни? Не обязательно три, но, безусловно, два. Например, вам не приходило в голову, что тот, кто выстрелил из браунинга, мог также выстрелить из духового пистолета «эркман»?

— Не знаю, что мне приходило в голову... — Пенни поднял руки и опустил их беспомощным жестом. — Я знаю только, что, как бы ни был убит мой бедный друг, его убил лорд Эдуард Уайтфорд — или Гейбриэл Уайт, если предпочитаете. Сэр, вы не знаете этого молодого человека, а я знаю. Это как раз в его духе. Он мог бы одурачить самого дьявола! Вы себе не представляете, как умен этот щенок!

— Но вы ведь не утверждаете, что он может творить чудеса?

— Может, — вполне серьезно отозвался Пенни. — Повторяю, вы не знаете, как он умен, и не узнаете, пока он не одурачит и не унижит вас. Например, как он проник на участок?

— Уайт уже объяснил это. Пока мисс Айда Мортлейк брала книгу в библиотеке, он залез в ее автомобиль и спрятался в салоне под ковриком. Когда она отвела машину в гараж и ушла, он выбрался оттуда. День был слишком пасмурным, и девушка его не заметила.

В дверях кто-то скромно кашлянул. Обернувшись, они увидели седовласого дворецкого Дейвиса.

— В чем дело? — раздраженно осведомился полковник Маркуис.

— При сложившихся обстоятельствах, сэр, я не боюсь признаться, что слышал, как вы говорили об этом человеке, Уайте, и о том, что он пробрался сюда, спрятавшись под ковриком в машине мисс Айды. Так вот, он не прятался в машине, и я могу это доказать!

Когда Дейвис шагнул в комнату, Пенни пробормотал нечто вроде протеста, который, однако, сменился интересом. Массивный подбородок придавал дворецкому внушительный вид, несмотря на нос картошкой и глаза навывкате.

— Признаюсь, сэр, что я подслушивал, — продолжал он. — Но так как мы все под подозрением, в наших интересах — в первую очередь, в интересах слуг — доказать, что мы не имеем отношения к убийству бедного судьи. Кроме того, я не профессиональный дворецкий — мне даже не позволили нанять горничную. Факт в том, сэр, что я был судебным глашатаем в Лидсе, но меня уволили за пьянство. Судья пожалел меня и дал мне эту работу. Думаю, я справлялся неплохо, хотя знал об этой профессии только от судьи и из книг. Теперь, когда он умер, мы с моей невестой собираемся пожениться и осесть где-нибудь. Но это не значит, что нас не заботит, кто убил его, и мы не ценим то, что он для нас сделал.

Пенни реагировал так, словно картина на стене внезапно скорчила ему рожу.

— Вы никогда не вели себя так! — Он почти брызгал слюной. — Никогда так не говорили!

— Нет, сэр, — кивнул Дейвис. — Но у меня не было возможности, судья бы меня уволил. — Он посмотрел на Маркуиса. — Но я думаю, что могу принести пользу.

Полковник был заинтересован.

— Судебный глашатай становится дворецким, — задумчиво произнес он. — Вы долго были с судьей?

— Одиннадцать лет, сэр.

— И получаете что-то по его завещанию?

— Да, сэр, пятьсот фунтов. Он показывал мне завещание. Кроме того, у меня есть кое-какие сбережения.

— Ладно. Давайте послушаем об Уайте, или лорде Эдуарде Уайтфорде, — о том, как он не мог проникнуть сюда, спрятавшись в машине мисс Мортлейк, и как вы об этом узнали.

Дейвис кивнул, сохраняя величавую позу:

— Дело в том, сэр, что мисс Мортлейк вчера во второй половине дня уехала в автомобиле. Начался дождь, и я знал, что она не взяла зонтик. Гараж находится ярдах

в двадцати от дома. Минут двадцать или двадцать пять пятого я видел, как она приехала. Я был в кухне и смотрел в окно, когда машина ехала по аллее. Поэтому я пошел к гаражу с зонтиком и держал его над мисс Мортлейк, пока она шла к дому, чтобы не дать ей промокнуть.

— Да, продолжайте.

— Когда я пришел в гараж, мисс Айда еще не вышла из машины. А как только она вышла, я открыл заднюю дверцу и заглянул внутрь посмотреть, не привезла ли она какие-нибудь пакеты. В автомобиле никого не было. И никто не мог выбраться оттуда, прежде чем я заглянул в салон, и выскользнуть из гаража незаметно.

— А он не мог выпрыгнуть из машины, когда она проезжала через ворота, или где-нибудь на подъездной аллее, прежде чем мисс Мортлейк доехала до гаража? — спросил Пейдж.

— Не могу вам это сказать, сэр. Лучше спросите Робинсона или мисс Айду. Но если он сам говорит, что не делал этого...

Полковник Маркуис воздержался от комментариев.

— Что-нибудь еще? — спросил он после паузы.

— Да, сэр, — быстро отозвался Дейвис. — Хотя я не настоящий дворецкий, но чувствую ответственность за других слуг. Нас здесь только трое, не считая Робинсона, но он редко бывает в доме. Раньше нас было четверо, когда судья держал шофера, но он уволил его, назначив щедрую пенсию. Остались кухарка, горничная и я. Могу я считать доказанным, что судья был убит, скажем, между двадцатью минутами шестого и без двадцати шесть?

— Можете, — ответил полковник Маркуис и посмотрел на Пейджа. — Вы заметили, инспектор, точное время, когда были произведены все выстрелы?

Пейдж кивнул.

— Я посмотрел на свои часы, как только вошел в павильон и забрал оружие у Уайта. Было половина шестого.

— Благодарю вас, сэр, — почти с улыбкой сказал Дейвис. — Потому что мы трое — кухарка, горничная и я — в это время были в кухне. Мы находились там до без четверти шесть. Я это знаю, так как в это время прихо-

дит вечерняя почта и я подошел к двери посмотреть, есть ли письма. Так что у нас коллективное алиби, если вы понимаете, что я имею в виду.

Маркуис прислонил трость к ноге и соединил кончики пальцев.

— Кстати, мы могли бы проверить другую часть показаний Уайта. Он признается, что пришел сюда с целью убить судью...

— Ага! — воскликнул Пенни.

— ...и, думая, что судья в доме, рыскал вокруг, пока не пролез через боковое окно. Уайт говорит, что прятался здесь незадолго до половины шестого и слышал, как вы спросили мисс Айду Мортлейк, подавать ли чай. Это правда?

— Так вот почему окно не было заперто, — пробормотал Дейвис. — Да, сэр, истинная правда. Это было двадцать минут шестого. Спросив мисс Айду, я пошел в кухню, поэтому я знаю, что все слуги были там. Мисс Айда также рассказала мне, что звонила в полицию насчет этого Уайта — или кто он на самом деле. Поэтому кухарка очень волновалась.

— У вас что-то на уме, — спокойно сказал Маркуис. — Что именно? Выкладывайте!

Впервые Дейвис проявил признаки беспокойства. Он бросил взгляд через плечо, но, очевидно считая это неподобающим, постарался взять себя в руки.

— Да, сэр, я знаю, что должен все рассказать. Это касается мисс Кэролин. Думаю, мне известно, куда она ходила вчера. Как вы слышали, сэр, наша горничная в следующем месяце увольняется и выходит замуж. Вчера мисс Кэролин беседовала со многими кандидатками на замену. У горничной есть кузина — славная девушка, — и она хотела, чтобы кузина заняла ее место. Но мисс Кэролин сказала, что в подобных делах не должно быть никаких сантиментов. Милли Райли — горничная — боялась не того, что ее кузину обставят случайные кандидатки, а того, что агентство откопает кого-нибудь с рекомендациями длиной в ярд. А из агентства сюда уже звонили несколько раз. Поэтому... — Дейвис слегка замялся, — у Милли вошло в привычку подслушивать все

телефонные разговоры, на случай, если оттуда снова позвонят. Наверху есть параллельный телефон.

Полковник Маркуис склонился вперед.

— Отлично, — сказал он. — Я надеялся на что-нибудь в этом роде. Так что не извиняйтесь. Мисс Мортлейк говорила нам, что собиралась на вечеринку с коктейлями, но телефонное сообщение заставило ее передумать. Милли слышала это сообщение?

— Да, сэр. — Дейвис нервно теребил манжеты. — Мужской голос произнес: «Если хотите знать кое-что важное, касающееся вас и Ралфа Стрэтфилда, идите в канцелярский магазин на Хейстингс-стрит, 66 в западном центральном почтовом округе и спросите письмо, адресованное Кэролин Бэр. Если не пойдете, это может скверно обернуться для вас».

Полковник выпрямился, а Пейдж едва не присвистнул. Если это не совпадение имен, то еще одно пересечение дорог с отделом уголовного розыска. Ралф Стрэтфилд, которого он знал, был хорошо известен Скотленд-Ярду, хотя им никогда не удавалось добиться его осуждения, чем он и похвалялся всему Вест-Энду¹. Ралф Стрэтфилд был супержиголо, живущий за счет женщин. Несколько раз он прибегал к шантажу и однажды угодил за это под суд. Но способный адвокат — теперь Пейдж припоминал, что это был сэр Эндрю Трэверс, — смог добиться оправдания. Пейдж понимал, почему Кэролин Мортлейк, несмотря на риск, держала язык за зубами.

Занавеси из бус раздвинулись, и Кэролин быстро вошла в комнату. Ее лицо пожелтело от злости, а глаза были яркими, как черная смородина в тесте. Она дрожала от с трудом сдерживаемой эмоции, и этой эмоцией был стыд.

— Можете идти, Дейвис, — достаточно спокойно сказала Кэролин. — Я поговорю с вами позже. Но советую начать упаковывать вещи. Вы получите месячное жалованье вместо предупреждения об увольнении.

— Оставайтесь, Дейвис. — Полковник Маркуис поднялся, опираясь на трость и возвышаясь над девушкой в отблесках пламени камина. — Боюсь, мисс Мортлейк,

¹ Вест-Энд — западная, фешенебельная часть Лондона.

приоритет распоряжаться здесь принадлежит полиции. Вы не можете отдавать такие приказы свидетелю, обладающему важной информацией. Естественно, вы вправе его уволить, но я буду очень сожалеть, если вы это делаете. Он всего лишь пытался защитить вас...

— Вы... — Девушка произнесла скверное слово, прозвучавшее дико в уютной викторианской комнате.

— Ралф Стрэтфилд — плохая компания, мисс Мортлейк.

— По-моему, не ваше собачье дело, с кем я встречаюсь. Или я не права?

— При нынешних обстоятельствах не правы. Теперь, когда все выяснилось, у вас нет причин хранить молчание. Нас интересует только то, где вы были вчера во второй половине дня. Какой будет вред, если вы расскажете, ходили ли вы туда?

Кэролин взяла себя в руки.

— Вреда не будет, но и пользы тоже. И вам незачем читать мне проповеди насчет Ралфа Стрэтфилда. Ралф не имеет отношения к этому сообщению — оно оказалось фальшивкой. Иными словами, мистер Умник, меня убрали с пути при помощи старейшего трюка из всех, когда-либо встречающихся в дешевых романах. Адреса Хейстингс-стрит, 66 не существует. На улице только один канцелярский магазин совсем в другом доме. К сожалению, мне понадобилось время, чтобы это выяснить, так что трюк удался. Как видите, я не могу доказать, где была вчера, и остаюсь в том же положении, что и раньше. Зачем кому-то понадобилось...

Она оборвала фразу, и на мгновение Пейджу показалось, что эта упрямая и дикая молодая леди собирается разразиться слезами. Кэролин едва ли не выбежала из комнаты. Пенни, нечленораздельно бормоча, последовал за ней. Эмоции девушки словно продолжали наэлектризовывать комнату. Дейвис вытер лоб.

— Хорошо, что я сберег немного денег, — сказал он.

— Похоже, — заметил полковник Маркуис, — ни одна из дочерей судьи Мортлейка не выбрала компанию, которую бы одобрил отец. Кстати, вы когда-нибудь видели Гейбриэла Уайта?

— Нет, сэр. Он никогда не приходил сюда. Я видел его только вчера, между двумя офицерами полиции. Мистер Пенни говорит, что он лорд?

Маркуис улыбнулся.

— Вопросы здесь задаю я. Думаю, вы смотрели и слушали в оба. Кто, по-вашему, убил судью?

— У меня есть лишь зачаток идеи, сэр, который, возможно, немного стоит. Но на вашем месте я бы не упустил из виду сэра Эндрю Трэверса.

— Вот как? Думаете, он убийца?

— Н-нет, я имел в виду не совсем это. Я только посоветовал не упускать его из виду. Судя по тому, что я слышал, есть один факт, который никак не вписывается в общую картину. Я имею в виду выстрел из браунинга, принадлежащего сэру Эндрю. Его объяснить невозможно, как бы вы ни объясняли все остальное. Своеобразный диссонанс, если я употребляю правильный термин. Между прочим, сэр, всех беспокоит другой момент, который мне кажется очень простым.

— Рад слышать. Что это за момент?

— Ну, вас интересует, что произошло с пулей из браунинга. Вроде бы она исчезла вместе со многим другим. Но здравый смысл должен подсказать вам ответ.

— Да?

— Пуля вылетела в окно. Вы не нашли ее в комнате, и она не могла растаять. Открыв окно, судья повернулся к Уайту, и тот выстрелил в него, а за этим последовали другие выстрелы. Но окно было приподнято, когда инспектор влезал в него.

Полковник Маркуис выглядел довольным. Он потирал руки, постукивал тростью по полу и наконец обратился к Пейджу:

— Что вы думаете об этом предположении, инспектор? Это возможно?

Пейдж ощутил дрожь.

— Если такое случилось, то я чудом остался жив. Не понимаю, как пуля могла не попасть в меня. Я находился на прямой линии с окном и менее чем в десяти шагах от него, когда услышал звук выстрела. Конечно, пуля могла пройти по диагонали. Вероятно, так оно и было, если стре-

ляли из того угла, где стоит ваза. Но странно, что я не слышал свиста пули, пролетевшей так близко от меня.

Где-то в доме позвонили в дверь. Услышав звонок, Дейвис весь напрягся и, хотя собирался что-то сказать, величавой походкой двинулся к двери. Но в этот момент в комнату ворвался сержант Борден.

— Робинсон сказал мне, что вы здесь, сэр, — запыхавшись, вымолвил он. — Пожалуйста, пройдите в павильон. Я нашел кое-что, и это меняет все дело.

— Ну?

— Прежде всего, следы ног. Но это не главное. Я нашел пулю из пистолета 32-го калибра — вероятно, из браунинга.

— Где вы ее нашли, сержант? — спросил полковник Маркуис.

— Она застряла в дереве на некотором расстоянии от окна, через которое вы, сэр... — он кивнул в сторону Пейджа, — влезли в комнату. — После паузы, во время которой Дейвис усмехался на заднем плане, Борден добавил: — Но некоторые следы не имеют смысла, сэр. Они выглядят так, будто убийца влез и вылез через одно из западных окон, которые заперты и так заржавели, что их до сих пор не удается открыть.

Они направились в павильон по ответвлению гравиевой дорожки, которое вело к задней его стене. Хотя дождь прекратился, небо было пасмурным, а еще остававшаяся на деревьях мокрая листва уныло свисала вниз.

Огибая павильон, они столкнулись с Робинсоном в кепке и зюйдвестке, тупо уставившимся в землю. Под западным окном, ближайшим к северному углу, за которым находилась ваза, где нашли браунинг, стояли в один ряд несколько перевернутых деревянных ящиков, защищающих улики от дождя. Борден поднял ящики почти благоговейно. К стене подступало то, что летом, очевидно, представляло собой клумбу, упираясь в кирпичный бордюр под окном. Клумба была большой и отходила от окна на десять футов. В неровной почве виднелись пять следов, расплывшихся от дождя. Все были оставлены

одной и той же парой обуви, носы которой указывали в обратном направлении от павильона.

Борден зажег фонарь, осветив следы, и полковник Маркуис начал их разглядывать.

— Эти следы были здесь вчера вечером? — спросил он.

Сержант неуверенно посмотрел на Пейджа, который взял ответственность на себя.

— Не знаю, сэр, — отозвался Пейдж. — Вероятно, были, но мы не осматривали павильон снаружи, поскольку он был заперт изнутри. Конечно, это еще одна оплошность. Как бы то ни было, следы подтверждают слова Пенни. Если помните, он сказал, что когда разговаривал с судьей в начале пятого, то слышал, как кто-то рыщет вокруг павильона, и ему показалось, что этот человек пытается открыть ставни на одном из западных окон... — Пейдж посмотрел на следы. — Хотя это не пойдет, потому что...

— Вот именно, — сухо промолвил Маркуис. — Все следы ведут от окна, как будто кто-то вылез из него и зашагал прочь. Но как он подошел к окну? Вы уверены, инспектор, что на этих окнах нет никаких признаков попытки взлома?

— Абсолютно уверен, сэр, — ответил Пейдж, и Борден молча кивнул.

— Вы с этим согласны, Робинсон?

— Да. — Привратник задумался. — Несколько дней назад из-за этих окон был целый скандал. Мисс Айда просила судью, чтобы в них вставили новые рамы, так как старые вышли из строя и ставни приходилось постоянно держать закрытыми. Она сказала, что, если сделать это, в павильоне будет светлее, и судье не придется все время сидеть в полумраке. Я хотел заменить рамы, но судья не пожелал и слышать об этом.

Пейдж увидел, что лицо заместителя комиссара внезапно изменилось — он принялся моргать и шуриться, словно от яркого света. Повернувшись, Маркуис стал ковырять землю тростью. Когда он вернулся в исходное положение, лицо его вновь было бесстрастным.

— Осветите следы еще раз, — приказал он. — Что вы думаете о них, инспектор?

— Обувь большого размера — минимум десятого, — отозвался Пейдж. — Беда в том, что мы не можем даже приблизительно определить вес ее владельца, так как следы затоплены и нет никаких указаний на их глубину.

— Кто-нибудь из подозреваемых носит десятый номер?

— Только не Уайт. Он высокий, но носит обувь не более седьмого или восьмого размера.

— Ладно. Что еще вы хотели показать нам, сержант?

— Пройдите к фасаду, сэр, — сказал Борден. — Пуля застряла вон в том дереве, а рядом с ним другие следы — на этот раз женские.

Фасад павильона не изменился — только ставни на обоих окнах кабинета были прикреплены к стене. Пейдж попытался представить себе сцену, какой она выглядела вчера. Но его удивило дерево, к которому их подвел Борден. Это был вяз с толстым стволом, стоящий футах в пятнадцати от окна по прямой линии. Пейдж хорошо его помнил. Спеша к окну, он пробежал так близко от дерева, что задел его, а восстанавливая в памяти каждый шаг, осознал, что был рядом с деревом как раз в тот момент, когда прозвучал второй выстрел.

Сержант Борден с вполне понятным триумфом указал лучом фонаря на ствол.

— Смотрите внимательно, сэр, — чуть выше. Если вы поднимете руку, то можете коснуться дырки. Она как раз на той высоте, куда должна была войти пуля при выстреле из окна. Это пулевое отверстие, и его наверняка проделала пуля из браунинга 32-го калибра.

Полковник Маркуис изучил дырочку в мокром стволе и повернулся к окну.

— Извлеките пулю, — велел он.

Когда перочинный нож Бордена выковырнул еще один свинцовый шарик, не слишком расплющившийся в мягкой коре, его передавали из рук в руки. У Пейджа сомнений не было.

— Конечно, необходимо обследование, — осторожно сказал он, — однако я уверен, что это пуля из браунинга 32-го калибра. Но каким образом...

— Вы еще не поняли? — усмехнулся полковник. — Подождите, пока мы не закончим. Борден, когда покажете нам следы, позвоните в Ярд и скажите, чтобы сюда прислали фотографа. Мне нужны фотографии и измерения пулевого отверстия. Вы не видите ничего странного? Пуля вошла почти по прямой линии.

— Фотограф уже выехал, сэр, — сказал Борден. — А вот другие следы. — Отведя спутников немного назад, он направил луч фонаря на пятно позади и правее дерева, если стоять лицом к павильону. Мягкая и редкая трава под деревом была хорошо защищена ветвями. В почве виднелся четкий отпечаток женской туфли — узкой, остроносой и на высоком каблуке. Это был след правой туфли — смазанный отпечаток носка левой находился дюймах в шести от него. Следы выглядели так, словно кто-то прятался за деревом и выглядывал из-за него. Но когда Пейдж увидел следы, его осторожный скептицизм сменился полным недоверием.

— Не торопитесь, сэр, — спокойно сказал он. — Это фальшивка.

Сержант Борден издал протестующий звук, но Маркуис с интересом посмотрел на Пейджа.

— Что вы имеете в виду, инспектор?

— То, что кто-то сфабриковал улики. Я могу поклясться, что никто не стоял под этим деревом. Я знаю это, так как проходил в паре дюймов от него, и, безусловно, заметил бы, если бы кто-то находился поблизости. — Пейдж присел на корточки возле двух следов, разглядывая их. — Кроме того, посмотрите на отпечатки... У вас есть рулетка, Борден?.. Они слишком глубокие. Если правый след оставила женщина, то она должна быть амазонкой или толстухой из цирка. Кому бы ни принадлежали эти следы, он весил двенадцать или тринадцать стоунов¹.

Маркуис огляделся вокруг и кивнул.

— Сомневаться не приходится. Человек, оставивший следы, либо мужчина, либо женщина, которая изо всех сил топнула правой ногой, чтобы получился четкий, безошибочный отпечаток... Да, это сфабрикованная ули-

¹ Стоун — британская мера веса (около 6,36 кг).

ка. Я склонен считать таковой и следы обуви десятого размера возле задней стороны павильона. Обе серии отпечатков оставлены специально для нас. Но одна вещь с этим не согласуется. Как насчет пули 32-го калибра в дереве? Это тоже сфабрикованная улика — а если да, то с какой целью?

Пейдж смотрел на полковника, думая, является ли этот вопрос риторическим, или старик действительно не знает ответа.

— Признаю, сэр, — сказал он, — что выводы Дейвиса выглядят правильными. Он говорил, что мы найдем пулю снаружи, — так и вышло. Но все равно это кажется сомнительным. Я пробежал мимо дерева как раз во время второго выстрела. Как же я не слышал свиста пули, попавшей в ствол? Конечно, я мог не обратить внимания. Это возможно. Но другое совершенно невозможно...

— Линия пули?

— Да. Как видите, она вошла в дерево по прямой от окна. Выстрел из браунинга произвели в дальнем углу комнаты. Когда мы стоим лицом к павильону, этот угол находится слева от нас. Чтобы попасть оттуда в дерево, пуля должна была описать кривую, как бумеранг — вроде параболы, или как это называется. Получается чепуха.

— Да, — кивнул Маркуис. — Пошли в павильон.

Они двинулись в мрачном молчании. Пейдж включил свет в маленьком центральном коридоре и открыл дверь кабинета слева. Там ничего не изменилось. Воздух в большой комнате был спертым и затхлым. Когда Пейдж повернул другой выключатель, поток света устремился из висящей над письменным столом лампы в форме дракона. Но вдали от стола комната оставалась в тени — матовые стороны лампы превращали ее в подобие прожектора, и в комнате можно было разглядеть только силуэты книжных шкафов, рядом с которыми тускло поблескивали большие желтые вазы.

Сначала полковник Маркуис подошел к западным окнам и убедился в их неприступности.

— Да, — проворчал он. — Если убийца не сделался тонким, как почтовая открытка, он не мог выбраться че-

рез эти окна. К тому же комната очень темная. Давайте проведем маленький эксперимент. Я прихватил с собой вот это. — Он достал из кармана пиджака браунинг сэра Эндрю Трэверса. — Но прежде мы...

Маркуис жонглировал пистолетом, измеряя на глаз расстояние, потом медленно обошел комнату, обследуя каждое окно. У письменного стола он задержался, и двое остальных подошли к нему.

Ящик стола был не заперт. Полковник выдвинул его, продемонстрировав аккуратные листы отпечатанной рукописи. На верху пачки лежали блокнот и чековая книжка банка «Уайтхолл». На верхнем листе блокнота мелким аккуратным почерком было написано несколько строчек:

«Сара Сэмюэлс

Путни, Хейр-роуд, 36-д

Рекомендации: леди Эмма Марклтон, «Флауэрдин»,
Кенсингтон, Шеффилд-Террас, 18,

Западный округ, 8. (Поручить Пенни написать ей.)»

— Новая горничная и ее рекомендации, — сказал полковник Маркуис. — Ничего важного. В качестве последней надежды попробуем нашу реконструкцию.

Приковыляв к желтой вазе в дальнем углу, он снова стал жонглировать браунингом.

— Я собираюсь, стоя здесь, выстрелить в том направлении, где стоял судья. Потом я брошу пистолет в вазу. Инспектор, вы будете изображать Уайта. Встаньте там, где стоял он, — примерно в середине комнаты. Когда услышите выстрел, резко повернитесь и скажите, можете ли вы меня видеть.

Пейдж занял позицию. Он ожидал, что выстрел раздается немедленно, но понял, что полковник тянет время с целью застигнуть его врасплох.

Выстрел был таким громким, что казалось, будто комната закачалась, как каюта во время шторма. Невольно вздрогнув, Пейдж повернулся. Только что он смотрел на яркий луч света из лампы-дракона и теперь, уставясь в темный угол, не мог разглядеть ничего, но услышал сла-

бый звук, как будто кто-то опустил зонтик в фарфоровую подставку.

— Ну, вы можете меня видеть? — донесся голос из мрака.

Глаза Пейджа постепенно привыкали к темноте.

— Нет, сэр, — ответил он. — Сейчас я вижу только тень около вазы.

Полковник Маркуис, хромая, двинулся вперед, вертя в руке пистолет.

— Обратите внимание, инспектор, что пуля не вылетела в окно.

Раздосадованный сержант Борден уже изучал свежий шрам, на который указывал полковник. На желтых обоях стены между южными окнами теперь было два пулевых отверстия. Пуля, выпущенная Маркуисом, попала в стену на расстоянии фута от левого окна.

— Но если та пуля не попала в дерево, то куда она делась, сэр? — допытывался Борден. — Меня уже тошнит от пуль. Они сыплются дождем, и ни в одной из них нет никакого смысла.

В половине шестого инспектор Пейдж вышел из станции метро «Вестминстер» и устало побрел по набережной Виктории к Новому Скотленд-Ярду. Он достиг несомненного прогресса — его записная книжка содержала доказательства как в пользу оправдания, так и в пользу обвинения, — но лишился ленча и пива.

Рядом со Скотленд-Ярдом находилась пивная — настолько незаметная, словно она притворялась не существующей вовсе. Тем не менее ее часто посещали полицейские. Выбравшись из густого тумана, поднимавшегося над рекой, Пейдж обнаружил, что паб только что открылся. Он не стал заходить в общественный бар, а направился в отдельный кабинет, где в камине ярко горел огонь, но с удивлением увидел, что комната уже занята. В кресле, вытянув длинные ноги к огню, расположилась фигура, демонстрируя голову с редкими седыми волосами над спинкой кресла, пивную кружку в веснушчатой руке и облако сигаретного дыма. Когда человек обернул-

ся, к вышеописанному прибавилось усмехающееся лицо полковника Маркуиса.

Такое было неслыханно. Если заместители комиссаров ходят в пивные, то не в те, которые посещают их подчиненные, и было бы удивительно видеть их пьющими с кем-то по званию ниже старшего инспектора. Но полковник Маркуис больше всего на свете любил нарушать правила.

— А, инспектор! — приветствовал он Пейджа. — Входите. Да, это старик собственной персоной — можете на меня не глазеть. Я ожидал вас. Только выпейте пива, прежде чем начать говорить. — Когда подали пиво, полковник задумчиво курил, пока Пейдж атаковал свою кружку. — Ну, рассказывайте. Какие успехи?

— Не знаю насчет успехов, — отозвался Пейдж, расслабившись, — но новостей хватает. От всего дела остается один пшик.

— Что значит «пшик»? — строго осведомился Маркуис. — Прекратите издавать странные звуки и отвечайте на вопрос. Прискорбно, когда инспектор столичной полиции...

— Простите, сэр. Я имел в виду, что два наших предположения опрокинуты вверх дном. Личность, которую мы считали наиболее подозрительной и не имеющей алиби, оправдана полностью. А личность, которую мы считали более-менее вне подозрений... ну, теперь она входит в число подозреваемых.

Маркуис открыл глаза.

— Хм. Меня это не удивляет. Кто же оправдан?

— Кэролин Мортлейк, — устало ответил Пейдж. — Лучше бы она не причиняла нам столько хлопот. Возможно, она сама этого не знает, но у нее железное алиби... Кэролин действительно ходила на Хейстингс-стрит. Я сам побывал там в надежде отследить ее передвижения и обзавелся с этой целью ее фотографией. В доме 66 нет канцелярского магазина, но в доме 32 есть газетная лавка, куда она обратилась за справкой. Хозяйка лавки заметила женщину, которая бродила взад-вперед по улице, глядя на номера домов, и вела себя странно. Наконец она зашла в лавку и спросила, не оставляли ли там письма

для Кэролин Бэр. Я показал фотографию, и хозяйка лавки сразу опознала Кэролин Мортлейк... Никакого письма, конечно, там не было. Но Кэролин заходила туда без двадцати пять, и даже по воздуху или в сапогах-скороходах она никак не могла добраться из Блумсбери в Хампстед к половине шестого. Так что Кэролин Мортлейк отпадает.

Некоторое время полковник Маркуис молча смотрел на огонь, потом кивнул.

— Как бы то ни было, это сужает круг, — сказал он. — А кто снова оказался под подозрением?

— Сэр Эндрю Трэверс.

— Господи! — воскликнул Маркуис, явно этого не ожидавший. Встав с кресла, он прошелся по комнате, сердито постукивая тростью.

— Понимаю, сэр, — усмехнулся Пейдж. — Держу пари, вы думали, будто я назову мисс Айду Мортлейк.

— Проницательный парень, — заметил Маркуис.

— Я знаю, — продолжал Пейдж, — что вам казалось, будто я подчеркнуто ее игнорирую. Вы можете указать на противоречия во времени. Уайт говорит, что Айда была в доме и разговаривала с дворецким в половине шестого — непосредственно перед тем, как он побежал в павильон. Результат: алиби. Но, по словам Дейвиса, она говорила с ним двадцать минут шестого и после этого он ушел в кухню. Результат: нет алиби.

— Да, я об этом думал, — согласился полковник. — Официант! Еще пива!

— Вы также могли бы сказать, что в этом преступлении чувствуется женский почерк и старания подвести под подозрение Кэролин Мортлейк. Но мое мнение об Айде остается прежним. И более того, — добавил Пейдж, постучав по столу, — за этим делом скрывается мужской ум.

— Согласен. Но как насчет Трэверса? Почему он вновь под подозрением?

— Может быть, это слишком сильно сказано. Сэр Эндрю заявил, что был в своей конторе всю вторую половину вчерашнего дня и что выход оттуда только через комнату клерка... Так вот, сэр, это явная ложь. Есть дру-

гой выход — пожарная лестница у задней стены здания проходит мимо окна кабинета Трэверса. Сэр Эндрю мог по ней спуститься. Конечно, я не утверждаю, что он это сделал...

— Хм... — Маркуис снова сел и устремил мечтательный взгляд на каминную полку. — Там вокруг целый улей офисов. Не могу избавиться от чувства, что вид солидного и достойного барристера в цилиндре, спускающегося по пожарной лестнице среди бела дня, вызвал бы некоторые комментарии, не говоря уже о веселье. Черт возьми, Пейдж, в этом деле сэр Эндрю Трэверс выглядит таким же диссонансом, как его пистолет. Как он вписывается в картину? Где его мотив для убийства друга? Как он мог попасть на территорию незаметно для бдительного взгляда Робинсона? Нет, я не представляю себе, чтобы этот чопорный адвокат был втянут в подобную историю.

— Вероятно, сэр, у вас имеется какая-то идея насчет того, что произошло в действительности? — предположил Пейдж. Он произнес это не без злорадства, которое уязвило Маркуиса.

— Вы абсолютно правы, молодой человек. Я знаю, кто убийца и как было совершено преступление. Но мне нужны факты и доказательства. К тому же я испытываю унижение при мысли, что могу ошибиться, хотя возможность этого настолько мала, что ее не стоит принимать во внимание... Давайте займемся фактами. Вам удалось раскопать что-нибудь еще?

— Только то, что касается алиби. Например, Дейвис. — Пейдж быстро взглянул на полковника, но тот оставался невозмутимым. — Его алиби — то, что он был в кухне с кухаркой и горничной с двадцати минут шестого до без четверти шесть, — более-менее подтвердилось. Я говорю «более-менее», так как, по словам кухарки, около половины шестого он спускался в подвал за пивом. Вопрос в том, хватило бы ему времени добраться до павильона и вернуться назад.

Остается еще один человек, связанный с делом, — старый Элфред Пенни. У него нет алиби в том смысле, что его невозможно проверить. Пенни говорит, что ушел

из библиотеки Гилдхолла в пять и поехал на метро, но из-за отмены поездов на паре пересадок вернулся домой не раньше без двадцати шесть. Пассажир метрополитена — последний человек, чьи передвижения можно отследить. Лично я думаю, что он говорит правду.

Пейдж захлопнул записную книжку.

— Это все, сэр. Больше никто не связан с делом. Значит, убийца — один из них. Есть еще два факта, которые завершают мой рапорт, и я назову их, если хотите, но они всего лишь показывают, как сузился круг подозреваемых.

— Все-таки лучше назовите их.

— Да, сэр. Я пытался выяснить, кто подделал отпечатки обуви десятого размера и женские следы. Мне разрешили обследовать все гардеробы в доме. Женский след оставила правая туфля четвертого номера. И Айда, и Кэролин носят этот размер. Но ни на одной туфле в доме не было никаких признаков грязи, если не считать обычных брызг дождя при хождении по улице. Это факт номер один. Факт номер два касается мужской обуви. Только один человек в доме носит десятый размер.

— Кто? — резко осведомился полковник Маркуис.

— Пенни.

Пейдж не мог определить по выражению лица полковника, ободрен он или разочарован, но какая-то реакция, несомненно, имела место. Маркуис склонился вперед при свете пламени, щелкая пальцами и сверкая глазами. Но так как он молчал, Пейдж добавил:

— У Пенни только две пары ботинок — коричневая и черная. Черную он носил вчера, и она была мокрой. Но ни на одной паре нет пятен грязи, а грязь чертовски трудно счистить полностью.

Он умолк, заметив, что обслуживающий их официант с таинственным видом просунул голову в дверь и осторожно шагнул в комнату.

— Прошу прощения, но вы полковник Маркуис? Думаю, — закончил официант тоном человека, делающего вывод, — вас просят к телефону.

Заместитель комиссара быстро поднялся, и Пейдж заметил, что он впервые выглядит обеспокоенным.

— Иду, — сказал он и обратился к Пейджу: — Это скверно. Только мой секретарь знает, где я. Но я велел ему не звонить мне, если... Вам лучше пойти со мной, инспектор.

Телефон находился в узком коридоре на задней стороне здания, пахнувшим старым деревом и пивом. При свете лампы Пейдж видел выражение лица своего шефа, и им также начала овладевать тревога. Мужской голос в трубке был таким громким, что полковнику пришлось отодвинуть ее от уха.

— Это вы, полковник? — осведомился голос. — Говорит Эндрю Трэверс... — В трубке послышался кашель. — Я звоню от Мортлейков.

— Что-нибудь не так?

— Да. Вы слышали о девушке — кажется, ее зовут Сара Сэмюэлс, — которую наняли горничной и которая должна была в будущем месяце заменить Милли Райли? Как вам известно, она была здесь вчера во второй половине дня вместе с другими кандидатками и ушла последней из них. Сара звонила сюда около часа назад. Она хотела поговорить с Кэролин — сказала, что должна сообщить ей нечто очень важное и боится говорить об этом с кем-то еще. Кэролин наняла ее, а другим она, похоже, не доверяет. Но Кэролин ушла проследить за приготовлениями к похоронам. Я сказал, что я... э-э... семейный адвокат, и предложил сообщить все мне. Девушка долго мялась и наконец сказала, что придет в дом судьи, как только сможет.

— Ну?

Пейдж представлял себе массивное бледное лицо сэра Эндрю Трэверса, почти кричащего в трубку.

— Сара Сэмюэлс не дошла до дома, Маркуис. Она лежит мертвая на подъездной аллее, со столовым ножом в спине.

Полковник Маркуис медленно положил трубку и повернулся.

— Я должен был предвидеть это, инспектор, — сказал он. — Но до звонка Трэверса я не мог объяснить один пункт... Очевидно, кто-то в доме снова подслушал разговор по параллельному аппарату.

— Вы имеете в виду, что ее убили с целью помешать сообщить о чем-то? — Пейдж потер лоб. — Но я не понимаю, что она могла видеть или слышать. Даже если Сара Сэмюэлс задержалась позже других кандидаток, она должна была уйти до четырех. В это время судья был жив и здоров.

Полковник, казалось, не слышал его. Он едва не грыз ногти.

— Но меня беспокоит не это, инспектор. Я мог предвидеть, что преступник попытается убить Сару Сэмюэлс. Но не таким образом. Это была роковая ошибка. Теперь у меня есть доказательства — осталось сделать только одно, и я смогу произвести арест. Не понимаю, почему убийца сделал это таким странным образом и на территории дома судьи — разве только в слепой панике или...

Он махнул рукой и выпрямился.

— Садитесь в полицейскую машину, инспектор, и поезжайте в Хампстед как можно быстрее. До моего прибытия занимайтесь обычной рутинной. Я вскоре последую за вами. Мне нужно захватить с собой двух важных свидетелей. Один из них... увидите сами. А другой — Гейбриэл Уайт.

Пейдж уставился на него.

— Полагаю, сэр, вы знаете, что делаете. Думаете, Уайт все-таки виновен?

— Нет, Уайт не убивал судью. А тем более не мог убить девушку, сидя под нашим наблюдением в Скотленд-Ярде. Но он будет очень полезен при реконструкции, — добавил полковник Маркуис, — когда я примерно через час продемонстрирую, каким образом убийца выбрался из запертой комнаты!

Огни машины Скотленд-Ярда обозначили в темноте крутую дугу. Подъездная аллея сворачивала к дому, по обеим ее сторонам темнели вязы, и это место не было видно ни из дома, ни из сторожки привратника. Белая волнистая пелена тумана прилипала к земле, как скатерть.

Пейдж поднялся с переднего сиденья полицейского автомобиля и посмотрел поверх ветрового стекла. Фары

освещали тело женщины, лежащее частично на спине, частично на правом боку фута на два-три левее, почти у корней вяза.

Взяв фонарь, Пейдж вышел из машины. Неподалеку от тела стояло несколько человек. Среди них был сэр Эндрю Трэверс — без шляпы и с поднятым воротником темно-синего пальто он выглядел куда менее впечатляюще. Айда Мортлейк выглядывала из-за дерева. Привратник Робинсон, похожий на гнома в зюйдвестке, светил фонарем.

Мертвая женщина лежала на ковре из опавших листьев, которые, как сознавал Пейдж, исключали возможность найти следы ног. По состоянию листьев было очевидно, что ее ударили ножом на подъездной аллее, а потом оттащили в сторону. Нагнувшись, он увидел торчащую под левой лопаткой рукоятку ножа. Луч фонаря показывал, что это обычный нож для разделки мяса, какой можно видеть на любом обеденном столе, с черной косяной ручкой. Крови было много.

Убитая была невысокой, довольно пухлой, неброско одетой женщиной лет под тридцать. Лицо было покрыто грязью и изрезано гравием. По-видимому, когда убийца ударил ее сзади, она упала на аллею лицом вниз, а потом ее перевернули на бок и оттащили к вязу.

Луч фонаря скользнул по деревьям и в сторону дома, потом вновь устремился на жертву. В трех-четырех футах от тела среди листьев лежал тяжелый молоток.

Пейдж повернулся к полицейской машине.

— Кросби, сделайте фотографии. Лейн, займитесь отпечатками пальцев. Остальные, подойдите сюда. Кто обнаружил тело?

Робинсон поднял свой фонарь, осветив испещренное морщинами лицо.

— Я, — ответил он. — Около получаса назад. Сэр Эндрю позвонил мне в сторожку, сказал, что придет женщина по фамилии Сэмюэлс, и велел впустить ее. Ну, я так и сделал. Когда она шла по аллее, я высунулся из сторожки и посмотрел ей вслед, но не увидел ее, так как аллея все время петляет. Я собирался закрыть дверь, но услышал странный звук.

— Какой звук? Крик? Визг?

— Не знаю. Похожий на бульканье, только громкое. Мне это не понравилось, поэтому я взял фонарь и пошел по аллее. Когда я свернул за этот угол, то увидел, как кто-то что-то бросил и побежал среди деревьев. Толком я ничего не разглядел — просто увидел что-то вроде пальто и услышал шорох. Думаю, он бросил вот это. — Привратник указал на молоток, лежащий среди листьев. — Очевидно, перевернул бедняжку на спину и собирался огреть молотком по голове, но увидел меня и испугался. Я побежал в дом и рассказал все сэру Эндрю.

Пейдж увидел, как к группе медленно присоединяются другие люди, словно магнитом притягиваемые к телу. Потом послышался звучный хриловатый голос Дейвиса.

— Если вы позволите мне посмотреть как следует, сэр, — мрачно произнес дворецкий, — я думаю, что смогу опознать нож и молоток. По-моему, это нож для нарезки мяса из набора в нашей столовой. А молоток похож на тот, который хранится в мастерской в подвале.

— Сэр Эндрю, — обратился к адвокату Пейдж.

Трэверс успел взять себя в руки и отозвался спокойным, хотя все еще хриловатым голосом:

— К вашим услугам, инспектор.

— Вы были в доме всю вторую половину дня?

— Начиная с трех. Кажется, я пришел сюда, когда вы уходили. Когда Робинсон сообщил о случившемся, я играл в триктрак с мисс Айдой Мортлейк. Мы все время были вместе, не так ли, Айда?

— Да, конечно, — подтвердила девушка после небольшой паузы. — Инспектор иначе и не думает. Не так ли, мистер Пейдж?

— Минутку, мисс. — Пейдж повернулся, услышав шаги по гравию. — Кто там?

Из темноты выплыло бледное квадратное лицо Кэролин Мортлейк, на котором было написано удивление. Что было его причиной, Пейдж не мог понять. Впрочем, непривычное выражение тут же исчезло, сменившись знакомой циничной усмешкой.

— Всего лишь паршивая овца, — отозвалась она, спрятав руки в рукава, — у которой шантажисты вымогают

последний пенни... — Девушка оборвала фразу. — Кста-ти, где Пенни?

— Мистер Пенни в павильоне, — ответила Айда. — Он пошел туда около часа назад разбирать отцовские бумаги.

— Вы говорите, мистер Пенни еще в павильоне? — вмешался Пейдж. — Кто-нибудь сообщил ему?..

— Боюсь, что нет, — виновато промолвила Айда. — Я об этом не подумала, а он, вероятно, ничего не слышал...

— Осторожно! — внезапно вскрикнула Кэролин.

Из-за поворота неожиданно вывернул еще один полицейский автомобиль. Пейдж, стоящий посреди аллеи, отскочил назад. Когда машина оказалась рядом с группой, водитель резко затормозил. С переднего сиденья за ветровым стеклом поднялась объемистая фигура, вежливо приподняв шляпу.

— Добрый вечер, леди и джентльмены, — поздоровался полковник Маркуис, словно диктор Би-би-си.

Наступило молчание. Пейдж достаточно хорошо знал прискорбную любовь своего шефа к цветистым фразам и жестам. Но сейчас, когда полковник, опершись локтями на ветровое стекло, окидывал взглядом присутствующих, его лицо было мрачным. На заднем сиденье были еще три человека, но Пейдж не мог разглядеть их лиц.

— Вижу, большинство из вас здесь, — продолжал Маркуис. — Отлично! Буду вам признателен, если все вы пройдете со мной в павильон. Со мной один гость — он называет себя Гейбриэлом Уайтом, хотя некоторые из вас знают его под другим именем. — Полковник подал знак. Одна из темных фигур на заднем сиденье вышла из автомобиля. При свете фар Гейбриэл Уайт казался изможденным и нервным.

Они гуськом двинулись к павильону, выбрав дорожку подальше от тела. Когда процессия вошла в кабинет, мистер Элфред Пенни с испуганным видом поднялся из-за письменного стола судьи в съехавших на нос очках.

— Присоединяйтесь к нам, мистер Пенни, — пригласил полковник Маркуис. — Вам это будет интересно.

Достав из карманов три пистолета, он положил их в ряд на письменном столе, от которого Пенни поспешно

отодвинулся. Айда Мортлейк стояла рядом с Трэверсом в тени, далеко от письменного стола. Кэролин Мортлейк прислонилась к восточной стене. Невозмутимый, но явно наслаждавшийся ситуацией Дейвис не отходил от полковника, словно готовясь выполнить любое его требование. Пенни держался на заднем плане. Робинсон, не снимая кепку, встал у окна. Гейбриэл Уайт стоял в центре комнаты, сунув руки в карманы. Былая самоуверенность, казалось, покинула его полностью.

Полковник Маркуис, заняв позицию позади стола под лампой, улыбнулся присутствующим.

— В данный момент, леди и джентльмены, сержант Борден показывает тело Сары Сэмюэлс кое-кому, кто может произвести довольно необычное опознание. А тем временем я бы хотел задать пару вопросов... мисс Айде Мортлейк.

Айда шагнула вперед с большей энергией, чем ожидал от нее Пейдж. Ее красивое лицо слегка порозовело, но выглядело менее кротким.

— Что вы хотите знать? — спросила она.

— В начале расследования, мисс Мортлейк, мы слышали, что существуют два ключа от входа для торговцев в ограде вокруг участка. Один был у Робинсона, а другой у вас, как у исполняющей обязанности экономки. Они понадобились вчера во второй половине дня, когда вы попросили запереть ворота для торговцев. Робинсон запер их своим ключом. Где был и есть сейчас ваш ключ?

Она спокойно смотрела на него.

— Он был в ящике стола в буфетной, вместе с другими ключами, и сейчас лежит там.

— Но — в качестве вывода из первого вопроса — его могли незаметно взять, сделать копию и вернуть на место?

— Ну... думаю, что да. Им никогда не пользовались.

— Тогда мой второй вопрос. Сегодня наш друг Робинсон сообщил нам кое-что значительное. Он сказал, что некоторое время назад поднялся шум из-за западных окон этого кабинета, которые судья постоянно держал закрытыми ставнями. Якобы вы предложили вставить в окна новые рамы, чтобы комнате было больше

света. Это правда? Подумайте как следует, прежде чем ответить.

Ее глаза расширились.

— Ну... в каком-то смысле да. Я действительно заговорила об этом с отцом, который не пожелал меня слушать. Мы сильно поспорили, и я отказалась от этой мысли. Но это была не моя идея.

— А чья? Можете вспомнить?

— Конечно. Это...

В коридоре послышался топот ног, и дверь открылась. В комнату вошел сержант Борден и отдал честь; его лицо сияло.

— Все в порядке, сэр, — доложил он. — Это заняло на несколько минут больше, чем мы думали, так как лицо убитой девушки было грязным и нам пришлось отмыть его, чтобы леди могла быть уверена. Но сейчас она здесь и готова дать показания.

Сержант шагнул в сторону, пропустив маленькую запыхавшуюся женщину с тусклыми глазами и седыми волосами. Она была во всем черном и держала раскрытый зонт, поэтому Пейджу сначала показалось, что он видит ее впервые, но потом он понял, кто это.

— Ваше имя, мадам? — обратился к женщине полковник Маркуис.

— Клара Мак-Кэнн, — ответила она, отдышавшись, и добавила: — Миссис.

— Каков ваш род занятий, миссис Мак-Кэнн?

— Вы сами знаете, сэр. Я держу газетную лавку в Блумсбери, в доме 32 на Хейстингс-стрит.

— Только что, миссис Мак-Кэнн, вам показывали тело Сары Сэмюэлс. Вы когда-нибудь видели ее раньше?

— Да, сэр, — быстро ответила женщина. — Теперь я не ошибусь, как в тот раз, когда мне показали фотографию. Эта леди заходила ко мне в лавку вчера двадцать минут шестого и спросила, нет ли у меня письма для Кэролин Бэр.

Во время последовавшего молчания, которое казалось Пейджу оглушительным, лицо одного из присутствующих резко изменилось. Полковник Маркуис поднял руку.

— Ваша очередь, инспектор, — сказал он. — Производить арест и предупреждать взятого под стражу не моя обязанность. Вот ваш арестованный.

— Кэролин Мортлейк, — сказал Пейдж, — я арестую вас за убийство Чарлза Мортлейка и Сары Сэмюэлс. Должен предупредить, что все, сказанное вами, будет записано и может быть использовано как доказательство.

Несколько секунд никто не говорил и не шевелился. Кэролин Мортлейк по-прежнему прислонялась к стене, скрестив руки на груди, но ее глаза злобно сверкали, а темно-красный рот резко выделялся на побледневшем лице.

— Не будьте ослом, — резко сказала она. — Вы не можете это доказать.

— Могу, дорогая юная леди, — отозвался полковник Маркуис. — Сейчас я объясню, как я могу это сделать, дав вам время обдумать защиту. На несколько минут я оставлю вас наедине с вашими мыслями и поговорю еще кое с кем.

Он круто повернулся — на его лице резко обозначились тени. Гейбриэл Уайт облизывал пересохшие губы. Изменилось его лицо, а не лицо Кэролин Мортлейк.

— Да, я имею в виду вас, — кивнул полковник. — Любовника Кэролин Мортлейк — Гейбриэла Уайта, лорда Эдуарда Уайтфорда, или как вы предпочитаете себя называть. Сладкая парочка, нечего сказать!

— Против меня у вас ничего нет, — заявил Уайт. — Я не убивал его.

— Знаю, — согласился Маркуис. — Но я могу отправить вас на виселицу как соучастника убийства.

Уайт шагнул вперед, но сержант Борден положил руку ему на плечо.

— Следите за ним, Борден, — велел полковник Маркуис. — Не думаю, что теперь ему хватит духу на что-нибудь, но однажды он избил до полусмерти женщину в табачной лавке только потому, что у нее в кассе была всего пара фунтов, когда ему требовались карманные деньги. Старый судья был прав. Кажется, существовали некоторые сомнения насчет того, кем является наш друг

Уайт — святым или законченным негодяем, но Чарлз Мортлейк знал ответ.

Маркуис посмотрел на остальных.

— Думаю, я должен дать вам некоторые объяснения, — продолжал он, — вкратце рассказав, как я понял, что Уайт лгал с самого начала — лгал даже о проступках, в которых признавался. Он считал, что это самое умное в его плане. Да, Уайт собирался убить судью и убил бы, если бы не вмешалась его возлюбленная. Но он не собирался быть за это повешенным.

В расследовании этого дела был один стартовый пункт, который мы считали само собой разумеющимся. Он касается двух произведенных здесь выстрелов — из револьвера «айвор-джонсон» 38-го калибра и пистолета браунинг 32-го калибра, — которые не убили судью. На основании слов Уайта мы полагали, что первый выстрел сделали из «айвор-джонсона», а второй — из браунинга. На этом заявлении была построена защита Уайта, и оно было ложным.

Но даже с первого взгляда, если учитывать вещественные доказательства, история Уайта выглядит невероятной, именно благодаря признанию вины. Уайт заявил, что вбежал в эту комнату, размахивая револьвером 38-го калибра, и что судья повернулся, стоя у открытого окна и что-то крича, после чего он выстрелил.

Но что произошло с пулей 38-го калибра? Эта пуля, которую, по словам Уайта, он выпустил, как только вошел сюда, разбила трубку диктофона и врезалась в стену более чем в шести футах от окна, где стоял судья! Невозможно поверить, что даже самый скверный стрелок, неспособный отличить револьвер от капусты, мог стоять в пятнадцати футах от цели и промахнуться на шесть футов.

Снаружи окна — по прямой линии от него — стоит дерево, в стволе которого — также на прямой линии с окном — мы обнаружили пулю из пистолета браунинг 32-го калибра. Иными словами, пуля из браунинга находилась именно там, где следовало ожидать, если Уайт, войдя в комнату, произвел первый выстрел из этого оружия. Он не попал в судью, хотя подошел близко к нему, и пуля, пройдя через открытое окно, угодила в дерево.

Таким образом, очевидно, что первый выстрел он должен был произвести из браунинга. В качестве решающего доказательства отметим, что его история о таинственном втором выстреле из браунинга позади и справа от него — в углу у желтой вазы — явная ложь. Пуля не могла сначала описать кривую, потом вылететь в окно и попасть в дерево по прямой. Более того, он, безусловно, знал, что это ложь.

События проходили следующим образом. Войдя в эту комнату, Уайт выстрелил из браунинга 32-го калибра и промазал (вскоре я объясню, почему он промахнулся). Потом Уайт пробежал через комнату, бросил браунинг в вазу, прибежал назад и тогда произвел второй выстрел из «айвор-джонсона» 38-го калибра. Вам нужны доказательства? Мои офицеры могут их представить. Этим утром я произвел здесь маленький эксперимент — выстрелил, стоя в углу у вазы, не целясь ни во что конкретно, а просто в сторону стены между двумя окнами. Пуля попала в стену на фут правее открытого окна. Если бы я стоял на одной линии со столом, моя пуля угодила бы как раз в то место, куда попала пуля из «айвор-джонсона» 38-го калибра. Именно там стоял Уайт, взводя курок для второго выстрела.

Сэр Эндрю Трэверс шагнул вперед.

— Значит, вы утверждаете, что Уайт произвел оба выстрела? Но это безумие! Вы сами так говорили. Зачем ему было делать это в запертой комнате? Какой в этом смысл?

— Это был один из самых изобретательных трюков, с которыми я сталкивался, — отозвался полковник Маркуис. — Но он не сработал...

Следующей уликой, к которой привлекли наше внимание, была серия следов, оставленных мужской обувью десятого размера и пересекающих десятифутовую клумбу у западных окон. Все эти следы вели от окна. Нам хотели внушить, что некто в ботинках десятого размера (большего, чем размер Уайта) вылез из этого окна и побежал прочь. Но вылезти оттуда было невозможно из-за состояния оконных рам. Очевидно, следы были сфальсифицированы. Но если так, каким образом тот, кто это

сделал, перебрался через клумбу к окну, не оставив следов? Неужели он перелетел через нее? Как ни странно, да. Точнее, перепрыгнул и вернулся назад шагом, оставив ложную улику примерно за час до убийства судьи. Но только один из подозреваемых способен совершить такой прыжок — Гейбриэл Уайт, который, как сообщил нам сегодня мистер Пенни, был рекордсменом по прыжкам в длину в Оксфорде...

Далее мы узнали от Робинсона о внезапном плане, возникшем недавно у домочадцев судьи, починить эти окна, чтобы они могли нормально открываться. Как видите, все сосредотачивается вокруг фантомного убийцы, который убьет судью и вылезет через западное окно, оставив следы и оружие.

Уайт намеревался убить судью Мортлейка, но он достаточно умен и понимал, что, как бы ни погиб судья, его, безусловно, заподозрят. Даже если бы он применил какой-нибудь изощренный трюк с целью не привлекать к себе внимание, подозрений не удалось бы избежать. Но Уайт мог совершить убийство таким образом, чтобы улики для его осуждения было недостаточно и большинство людей считало его невиновным. Уайт мог с помощью сообщника в доме Мортлейков заполучить пистолет браунинг, принадлежащий другу семьи. Не важно, что это за пистолет, куда можно будет доказать, что Уайт никак не мог украсть его. Он мог произносить дикие угрозы по адресу судьи в чьем-то присутствии. Наконец, он мог купить револьвер 38-го калибра у ростовщика, которого знал как полицейского осведомителя и потому не сомневался, что тот сразу сообщит об этом. Еще легче было раздобыть пару ботинок десятого размера, совсем непохожих на его обувь. Сообщник мог снабдить его дубликатом ключа от входа для торговцев, который дал бы ему возможность в любое время проникнуть на участок. Наконец, он мог узнать от сообщника, когда ржавые окна и ставни будут в рабочем состоянии.

В любой день, когда судья был один в павильоне, Уайт мог пробраться на территорию примерно за час до планируемой атаки. Он мог оставить следы ног, подергать ставни, дабы убедиться, что они в порядке, встревожить оби-

тателей дома, чтобы они стали его искать, но задолго до них проникнуть в павильон. Ботинки, в которых Уайт оставил следы, зарыты где-то на участке, и теперь на нем собственная обувь. Он мог запереть дверь кабинета изнутри, произвести два выстрела — один мимо, а другой в жертву, — мог поднять одно из западных окон и выбросить браунинг наружу. Преследователи застали бы человека, который пытался совершить убийство, но не сумел. Вместо него это сделал некто, выстреливший в окно снаружи и убежавший — некто, носивший ботинки, не принадлежавшие Уайту, и оружие, которое не могло находиться у Уайта. Короче говоря, Уайт чернил свой образ с целью обелить его. Он признавался в намерении совершить убийство, доказывая при этом, что не мог его осуществить. Уайт создавал фантом. Он не пытался избежать подозрений, но его не могли осудить, так как перед любым судом маячил бы грозный рогатый призрак, именуемый «разумным сомнением». Надеть на себя петлю палача было единственным способом обеспечить уверенность в том, что она никогда не затянется на его шее.

Пейдж посмотрел на Уайта, чье лицо снова изменилось. Хотя в глазах все еще был страх, на губах змеилась улыбка.

— Разумное сомнение никуда не делось, старина, — беспечно промолвил лорд Эдуард Уайтфорд. — Вы отлично знаете, что я не убивал судью.

— Послушайте, Маркуис, я ничего не понимаю, — вмешался Трэверс. — Даже если это правда, каким образом настоящий убийца выбрался из комнаты? И почему Уайт или его сообщник оказались настолько глупы, чтобы действовать по прежнему плану, когда окна не были починены? Вы говорите, что Кэролин — убийца. Я не могу в это поверить...

— Премного благодарна, Эндрю, — с усмешкой сказала Кэролин, быстрыми шагами отойдя от стены. Было очевидно, что девушка не вполне взяла себя в руки — она могла контролировать свой интеллект, но не свой гнев на весь мир. — Не признавайся ни в чем, Гейбриэл, — продолжала она почти весело. — Ты знаешь, что они блефуют. У них нет ни крупицы подлинных доказа-

тельств против меня. Они обвиняют меня в убийстве отца, но, кажется, не понимают, что я должна была бы стать невидимой, чтобы сделать это. Передав дело в суд, они выставят себя дураками. Вы заметили это, Эндрю. Если бы Гейбриэл и я участвовали в таком диком плане, то знали бы, что окна запечатаны наглухо...

— Мисс Кэролин, я вам солгал, — слышался хриплый голос.

Робинсон наконец снял фуражку и мял ее в руках.

— Я вам солгал, — повторил он. — Весь день я сидел как на иголках и чуть с ума не сошел, но теперь я рад, что так поступил. Понимаете, сэр, пару вечеров назад мисс Кэролин пообещала мне пять фунтов, если я тайком проберусь сюда и почию одно из этих окон, чтобы оно могло открываться. Я пошел, но судья меня застукал и пригрозил спустить с меня шкуру. Но я хотел получить пять фунтов, поэтому сказал мисс Кэролин, что починил окно. Я поклялся на Библии, что никому не проболтаюсь об этом, а она сказала, что мне все равно не поверят, но я не собираюсь лезть в петлю ради кого-то...

— Держите ее, Пейдж, — предупредил Маркуис.

Но в этом не было надобности. Кэролин по-прежнему улыбалась.

— Вы и Уайт замыслили это вместе, — продолжал полковник. — Думаю, вы ненавидели судью не меньше, чем он, за его мягкость и утонченные манеры. Кроме того, я склонен предполагать, что вы оказались в отчаянном положении из-за вашей более ранней связи с шантажистом Ралфом Стрэтфилдом. Если бы ваш отец узнал об этом, он не завещал бы вам ни пенни. А вам нужны были деньги для ваших любовников вроде того же Стрэтфилда и Гейбриэла Уайта.

Конечно, с самого начала было ясно, что у Уайта в доме был сообщник. Иначе он не мог бы знать так много. Было также понятно, что этот сообщник — женщина. Дело отличалось тем, что инспектор Пейдж именовал «женским почерком», и ни у кого из обитателей дома не было адекватного мотива, кроме вас и вашей сестры. Признаю, что это меня беспокоило. Я не знал, кто из вас сообщник, и был склонен подозревать Айду, пока не ста-

ло очевидным, что все попытки подвести вас под подозрение в действительности направлены против нее и кое-кого еще... Какой размер обуви вы носите, Трэверс?

— Десятый, — мрачно ответил сэр Эндрю. — Как вы могли заметить, у меня довольно массивная фигура.

— Да. Пистолет тоже принадлежал вам, и было известно, что вчера вы собирались посетить судью. Вот почему Уайт так задержался, рассчитывая на ваше появление. Вы... э-э... ассоциировались с Айдой Мортлейк. Поэтому вы двое подходили на роль подозреваемых.

Согласно первоначальному замыслу, Кэролин Мортлейк не должна была непосредственно участвовать в убийстве. Но она нуждалась в алиби. «Ралфа Стрэтфилда» намеревались использовать как уловку для создания этого алиби, которое выглядело бы еще более убедительным, поскольку являлось дискредитирующим. Гейбриэл Уайт должен был позвонить по телефону в дом судьи и сказать Кэролин, чтобы она отправилась по вымышленному адресу и спросила там о письме. А вы, Кэролин Мортлейк, действительно должны были отправиться по указанному адресу. Это был ловкий замысел — то, что такого адреса не существовало, давало вам предлог ходить взад-вперед по улице, привлекая к себе внимание будущих свидетелей. Это обеспечило бы вам алиби на достаточный отрезок времени. Вы бы отказались отвечать на любые вопросы о визите в Блумсбери, отлично зная, что полиция до этого докопается и что горничная Милли Райли подслушивает все телефонные разговоры и наверняка сообщит об этом. Тогда вы бы позволили вытянуть из вас правду, создающую алиби. Все это походило на план Уайта — вы также чернили ваш образ, чтобы обелить его.

Но вы все-таки не отправились на Хейстингс-стрит. — Сделав паузу, Маркуис с любопытством посмотрел на Кэролин, затем кивнул в сторону Уайта. — Вы по уши влюблены в него, не так ли?

— Так или нет, — ответила Кэролин, — это вас не касается и не имеет отношения к делу.

Тем не менее она сильно побледнела. Но Пейджа больше всего озадачивал отстраненный, почти равнодуш-

ный вид Гейбриэла Уайта, в котором не осталось ни капли утренней энергии. Казалось, будто он находится на Полярной звезде.

— Напротив, — резко возразил полковник Маркуис, — это имеет самое прямое отношение к делу. Вы боялись за Уайта, считая его слабым. Боялись, что ему не хватит духу или же он станет суетиться и все испортит. Но больше всего вы страшились за него самого, хотя вы так же хладнокровны и безжалостны, как этот ухмыляющийся Адонис. Вам хотелось остаться здесь, но вы нуждались в алиби. Удобный шанс представился вам вчера, когда вы беседовали с группой кандидаток на место горничной. Одна из них походила на вас...

Заместитель комиссара повернулся к Пейджу:

— Уверен, инспектор, что вы заметили сходство Сары Сэмюэлс с Кэролин Мортлейк. Невысокая плотная фигура, смуглое красивое лицо... Конечно, она не являлась двойником, но подходила для намеченной цели. Что, если Сару Сэмюэлс отправить на Хейстингс-стрит? День был пасмурный и дождливый; девушка могла поднять воротник пальто и вполне сойти для случайного свидетеля за Кэролин Мортлейк. «Вам очень нужна работа, не так ли? Тогда я подвергну вас испытанию. Отправляйтесь на Хейстингс-стрит, сделайте то-то и то-то, иначе работы не будет». Девушка наверняка бы согласилась.

Он снова обратился к Кэролин:

— Вы не слишком боялись, что позднее Сара что-то заподозрит, так как верите в силу шантажа. В случае чего вы бы сказали ей: «Лучше помалкивайте, не то вас арестуют». Но это было крайне маловероятно. Сара Сэмюэлс должна была начать работать только в будущем месяце. Не было никаких причин, по которым полиция могла бы обратить на нее внимание.

Таков был ваш план, состряпанный буквально за десять минут. Теперь вы могли оставаться дома и даже убить старика, если бы Уайт стал колебаться.

Вы пошли в павильон, прежде чем якобы отправиться за письмом, не потому, что вам понадобились деньги. Вам был нужен пистолет в ящике письменного стола вашего отца. Взять его незаметно не составило труда. Вы

сами указали на то, как могли это сделать, когда старались навести подозрение на сэра Эндрю Трэверса, подчеркивая его ожидаемый визит. Вы напомнили отцу, что в гостиной не включен электронагреватель, поэтому там будет холодно, и что принадлежности для чаепития не приготовлены. Мы слышали от других о привередливом характере судьи и о том, что он не позволял никому прикасаться к вещам, которыми пользовался сам. Несомненно, судья не пустил бы вас в гостиную, а сам пошел бы туда, включил нагреватель и поставил чайник. А вы пока могли спокойно украсть из ящика стола пневматический пистолет «эркман».

Не знаю, приходило ли вам в голову сразу застрелить судью и, таким образом, не дать Уайту испортить дело. Но вы понимали степень риска и благоразумно воздержались от этого. И все же вы допустили оплошность, не убедившись, что Робинсон починил западное окно, как он сказал вам. После этого вы покинули павильон и участок.

Тем временем Уайт беседовал с вашей сестрой в закуской. Он не собирался с ней видиться — это была случайная встреча, но, так как уклониться от нее было невозможно, Уайт воспользовался ею, произнеся серию угроз против вашего отца, дабы укрепить свою позицию. Но, к сожалению, он переборщил и так напугал Айду, что она, вернувшись домой, позвонила в полицию. Двум заговорщикам полиция была ни к чему — это было слишком опасно. Уайт собирался бежать в павильон, преследуемый одним или несколькими слугами — не более того.

Когда Айда отправилась домой, Уайт последовал за ней и вошел через ворота для торговцев, воспользовавшись дубликатом ключа. Обзавестись ключом было весьма предусмотрительно — он не мог выяснить заранее, что Айда прикажет запереть ворота. Кстати, Уайт, вы глупо и бессмысленно солгали, сказав, что проникли на территорию в ее машине. Конечно, вы сделали это, чтобы привлечь наше внимание к Айде, заставив нас интересоваться, насколько она неповинна во всем остальном.

Оказавшись на участке, вы стали рыскать вокруг павильона, оставив собственные следы. Когда вы коснулись

ставней западного окна, они оказались по-прежнему запертыми, и это вас обеспокоило. Вы обошли павильон и бросили камешек в одно из передних окон, чтобы привлечь внимание судьи и находившегося с ним Пенни к южной стене — тогда вы могли бы более внимательно обследовать ставни западного окна. К несчастью для вас, судья только открыл переднее окно и выглянул наружу — вам не удалось его отвлечь. Но так как Кэролин заверила вас, что Робинсон починил окно на западной стороне, вы решили, что его будет легко открыть изнутри.

Вскоре вы направились к дому. В истории, которую вы нам рассказали, правдой было то, что вы проникли в дом через боковое окно после неудачных попыток сделать это другим способом. Вашей целью было внезапно появиться перед слугами, выбежать из дома, преследуемым грозным Дейвисом, который бы видел, как вы мечетесь и прячетесь, и оставить след, ведущий к павильону. Но когда вы влезли через окно двадцать минут шестого, то слышали ужасную вещь. Дейвис, во время вашего разговора с мисс Айдой она сообщила вам что-нибудь, кроме того, что судья намерен пить чай в павильоне?

Дворецкий мрачно кивнул:

— Да, сэр. Мисс Айда сказала, чтобы я не боялся, увидев на участке полисменов, так как она вызвала их по телефону. Фактически я уже это знал, так как Милли подслушала ее по параллельному аппарату.

Полковник Маркуис щелкнул пальцами:

— Отлично! Теперь подумайте, в каком положении оказался Уайт. Он испуган — полиция ему не нужна. Уайт вылезает из окна и стоит под дождем, не зная, как быть. Давая нам показания на следующий день, Уайт опустил этот десятиминутный промежуток, переместив разговор мисс Айды и Дейвиса к половине шестого и, таким образом, аккуратно подведя Айду под подозрение, когда мы узнали подлинное время разговора. Наконец он идет к павильону, все еще пребывая в нерешительности. Но гром и молния вдохновляют его — он решает убить судью, несмотря на всю полицию в мире... когда при очередной вспышке молнии видит на дорожке двух полисменов.

Но не будем забывать мисс Кэролин Мортлейк, ибо ей принадлежит самая важная роль в этих событиях.

Кэролин вернулась на участок тайком от Уайта. (Если бы Уайт не оставил незапертыми ворота для торговцев, ей бы это не удалось.) Она наблюдает, прислушивается, а может быть, молится про себя. И что же она слышит? Около половины шестого она слышит, как Робинсон пререкается с только что прибывшими двумя полицейскими офицерами.

Кэролин мчится к павильону, прежде чем они могут туда добраться. Павильон окружают деревья — в том числе находящееся примерно в дюжине футов от одного из передних окон, и она прячется за ним. При свете молнии Кэролин видит полисменов, бегущих к павильону, и растерянного Гейбриэла Уайта, бегущего впереди.

Теперь она уверена, что он потерял голову и погубит весь их план, если начнет действовать. Хуже всего то, что она не может его остановить. Уайта поймают и повесят. Есть ли какой-нибудь способ помешать ему быть арестованным за убийство, которое теперь стало глупостью? Никакого... но тем не менее один ей был предоставлен.

Кэролин стоит между деревом и павильоном, скрытая стволом от взгляда Пейджа. Но в ответ на крик сержанта Бордена портьеры раздвигаются, судья Мортлейк наполовину открывает окно, высовывает голову и тоже что-то кричит. Отчим находится в десяти футах от Кэролин в освещенном окне, как хорошая мишень. Вы, ребята, забыли об одном. Если пуля из браунинга 32-го калибра может вылететь через открытое окно наружу, то пуля из духового пистолета «эркман» может влететь внутрь!

Кэролин поднимает пистолет и стреляет. Нет ни вспышки, ни звука, который не могла бы заглушить гроза. Пуля из «эркмана» оказалась в груди судьи Мортлейка примерно за минуту до того, как Гейбриэл Уайт распахнул дверь кабинета. Кэролин прячется за деревом, и инспектор не видит ее, пробегая мимо.

Сэр Эндрю Трэверс поднял руку, словно сигналив автобусу.

— Вы имеете в виду, что это был *первый* выстрел? Что два других произвели позже?

— Конечно! Получив пулю в грудь, судья едва понимает, что произошло, когда Уайт врывается в комнату. Помните, доктор говорил нам, что смерть не была мгновенной — что Мортлейк мог сделать несколько шагов или что-то сказать, прежде чем упасть. Он повернулся, услышав, как вошел Уайт. А потом...

Теперь вы понимаете, что так ошарашило Уайта и почему на его лице было озадаченное выражение, которое ни один актер не смог бы воспроизвести. Уайт поднял браунинг и выстрелил, но в тот же момент или даже раньше его жертва сделала несколько шагов и упала поперек письменного стола. Он не знает, застрелил судью или нет, и более того, у него нет времени это выяснять. Забыв об окне, Уайт бросается к двери, но полицейские могут схватить его, прежде чем он успеет придумать какой-то план. Тогда он бежит к окну, чтобы выбросить браунинг, но вселенная рушится, ибо окно не поддается. Остается одно — бросить пистолет в вазу. Уайт слышит шаги Пейджа, приближающиеся к окну, поворачивается с револьвером 38-го калибра и снова стреляет наугад. Было ли это сделано с намерением завершить свой план? Да. Что бы ни случилось, он должен придерживаться своего сценария. Но вся чертовщина в том, что Уайт даже не знает, убил ли он судью, и не узнает этого до сегодняшнего утра.

Сейчас вам должно быть ясно, почему инспектор Пейдж, бежавший к окну, клялся, что никакая пуля не могла пролететь мимо него и попасть в дерево, так как он услышал бы свист и звук удара. Все дело в том, что пуля, угодившая в дерево, была первой из двух, выпущенных Уайтом, когда инспектор находился в семидесяти футах от дерева. Вы также понимаете, почему Пейдж не видел ни женщины, ни следов ног. Кэролин уже убежала, но вернулась, когда Пейдж влез в окно. Она спряталась за деревом и смотрела из-за него в комнату через окно. При этом Кэролин поскользнулась — вы помните смазанный след носка одной из туфель — и, сама того не зная, оставила четкий отпечаток другой туфли, изю всех

сил наступив ею на мягкую почву. Ирония судьбы в том, джентльмены, что след был абсолютно подлинным. Очевидно, впоследствии она об этом вспомнила и уничтожила туфли.

Дальнейшее мы можем только предполагать. Выйдя за ворота сегодня во второй половине дня, мисс Мортлейк, вы увидели идущую сюда Сару Сэмюэлс и поняли, что она догадалась, как ее использовали для ложного алиби, и пришла разоблачить вас. Вы опередили ее, воспользовавшись незапертым входом для торговцев, незаметно пробрались в дом и нашли нож и молоток. Вы хотели сделать Сару неузнаваемой, чтобы никто не заметил сходства между вами и не догадался о том, что ваше алиби — фикция. Беседовали с ней только вы, а Робинсон видел ее лишь мельком. Вы совершили второе убийство в припадке паники, но на сей раз не впали в грех чрезмерной изощренности, как сделали, подложив духовой пистолет в ящик вашего бюро, дабы представить все так, будто сестра пытается вас подставить.

Кэролин Мортлейк сжимала и разжимала кулаки, стоя под яркой лампой у стола. Внезапно она метнулась к Уайту и заговорила тихим голосом, но ее слова звучали как крик:

— Ты собираешься что-нибудь сказать или сделать? Мужчина ты или нет? Ради бога, не стой как ухмыляющийся манекен! У них нет никаких подлинных доказательств. Они блефуют.

— Очень жаль, старушка, — отозвался Уайт равнодушным голосом, от которого словно повеяло ледяным холодом, — но сказать мне особенно нечего.

Кэролин уставилась на него.

— Ты сама понимаешь, что нападение на девушку было глупой выходкой, — продолжал он, нахмурившись. — Я не могу в это впутываться. Боюсь, я вынужден спасти собственную шкуру. *Sauve qui peut*¹. Я не совершал убийств. При данных обстоятельствах мне придется стать свидетелем обвинения — рассказать, что я видел, как ты застрелила старика через окно. Тебе это не повредит, по-

¹ Спасайтесь, кто может (*фр.*).

сколько твои дела и так хуже некуда, зато может помочь мне. Прости, старушка, но ничего не поделаешь.

Уайт поправил поношенное пальто, глядя на Кэролин с дружелюбной улыбкой. Пейдж был так потрясен, что не мог ни говорить, ни даже думать. Кэролин Мортлейк молча смотрела на Уайта. Только когда ее уводили, она начала всхлипывать.

— Значит, — официальным тоном осведомился полковник Маркуис, — вы видели, как она произвела выстрел?

— Да.

— Вы делаете это заявление добровольно, зная, что оно будет записано и может быть использовано как доказательство?

— Да, — ответил Уайт с видом мученика. — Бедняжке не повезло, но что мне остается? Так я могу стать свидетелем обвинения?

— Счастлив вам сообщить, — рявкнул полковник, внезапно выпрямившись в полный рост, — что не можете! Подобное заявление спасет вашу шею не больше, чем спасло шею Уильяма Генри Кеннеди в 1928 году. Вас повесят, приятель, — натуральным образом повесят, и, если палач будет пинать вас в зад по пути к виселице, я не скажу, что это ляжет тяжким бременем на мою совесть.

Полковник Маркуис сидел за письменным столом под лампой-драконом. Он выглядел бледным, усталым и курил сигарету с таким видом, словно она была безвкусной. В комнате, кроме него, оставались только Айда Мортлейк, сэр Эндрю Трэверс и Пейдж, хлопотавший над своей записной книжкой.

— Примите мои поздравления, — чопорно произнес Трэверс.

Маркуис криво усмехнулся.

— Вы можете прояснить меня по одному поводу, Трэверс, — сказал он. — Зачем вы так глупо солгали, сказав, что из ваших комнат в Темпле можно выйти только через комнату клерка? Нет, я изменю вопрос. Чем вы занимались на самом деле вчера в половине шестого?

— В половине шестого, — серьезно ответил Трэверс, — я разговаривал по телефону с генеральным прокурором.

— По телефону! — Маркуис сердито стукнул кулаком по столу. Внезапно его лицо прояснилось. — Ха! Понимаю. У вас было железное алиби, но вы не хотели им воспользоваться и наговорили кучу ерунды, так как...

— Так как я боялся, что вы подозреваете мисс Айду Мортлейк, — прервал Трэверс. — Временами я сам опасался, что она... Ладно, Маркуис, будем говорить откровенно. Айда могла это сделать, тем более что она могла украсть мой пистолет. Поэтому я привлек ваше внимание к себе. Мне казалось, что, если ищейки какое-то время будут идти по моему следу, я смогу что-нибудь придумать, чтобы защитить ее, виновна она или нет. Если бы вы меня арестовали, мне было обеспечено надежное алиби. Понимаете, я люблю мисс Мортлейк...

— О, Эндрю... — сказала Айда и улыбнулась. Ее лицо сияло.

Если бы в окно влетела граната и взорвалась под его стулом, Пейдж не был бы удивлен сильнее. Он оторвал взгляд от записной книжки и уставился на девушку. Ее слова и улыбка внезапно изменили его чувства. Так бывает, когда протрешь запотевшие стекла очков. Он смотрел на Айду Мортлейк другими глазами, сравнивая ее с Мэри О'Деннистаун с Лакборо-роуд в Брикстоне, и был этому рад. Пейдж снова стал писать, думая о Мэри О'Деннистаун...

— В каком-то отношении это было замечательное дело, — сказал полковник Маркуис. — Я не имею в виду, что оно было исключительно изобретательным в смысле убийств или (видит бог) в смысле расследования. Но оно нарушает один из давно установленных канонов беллетристики. В детективной литературе всегда действуют две девушки. Одна из них — смуглая, мрачная брюнетка, кажущаяся злобной и мстительной. Другая — бело-розовая блондинка, выглядящая ласковой, невинной и... хм... пустоголовой. По всем правилам в конце книги выясняется, что мрачная брюнетка, огрызающаяся на всех, в действительности жертва несправедливых подозрений, которая хочет иметь много детей и за чьей «крутой» внешностью

скрывается мягкая девическая натура. С другой стороны, блондинка оказывается злобной ведьмой, которая перебила половину города и которой только арест помешал убить другую половину. Я благословляю судьбу, позволившую нам нарушить эту традицию! Смуглая и мрачная брюнетка оказывается убийцей, а бело-розовая блондинка — невинной жертвой подозрений! *Vive le roman policier!*¹ *Ave Virgo!*² Инспектор Пейдж, подайте мне пальто и шляпу. Я хочу выпить пинту пива.

¹ Да здравствует детективный роман! (фр.)

² Привет тебе, дева! (лат.)

СОДЕРЖАНИЕ

ОХОТА НА ЦИРЮЛЬНИКА. Роман <i>Перевод с английского А.В. Кровяковой</i>	7
ТРЕТЬЯ ПУЛЯ. Повесть <i>Перевод с английского В.В. Тирдатова</i>	267

Литературно-художественное издание

Карр Джон Диксон

ТРЕТЬЯ ПУЛЯ

Роман, повесть

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

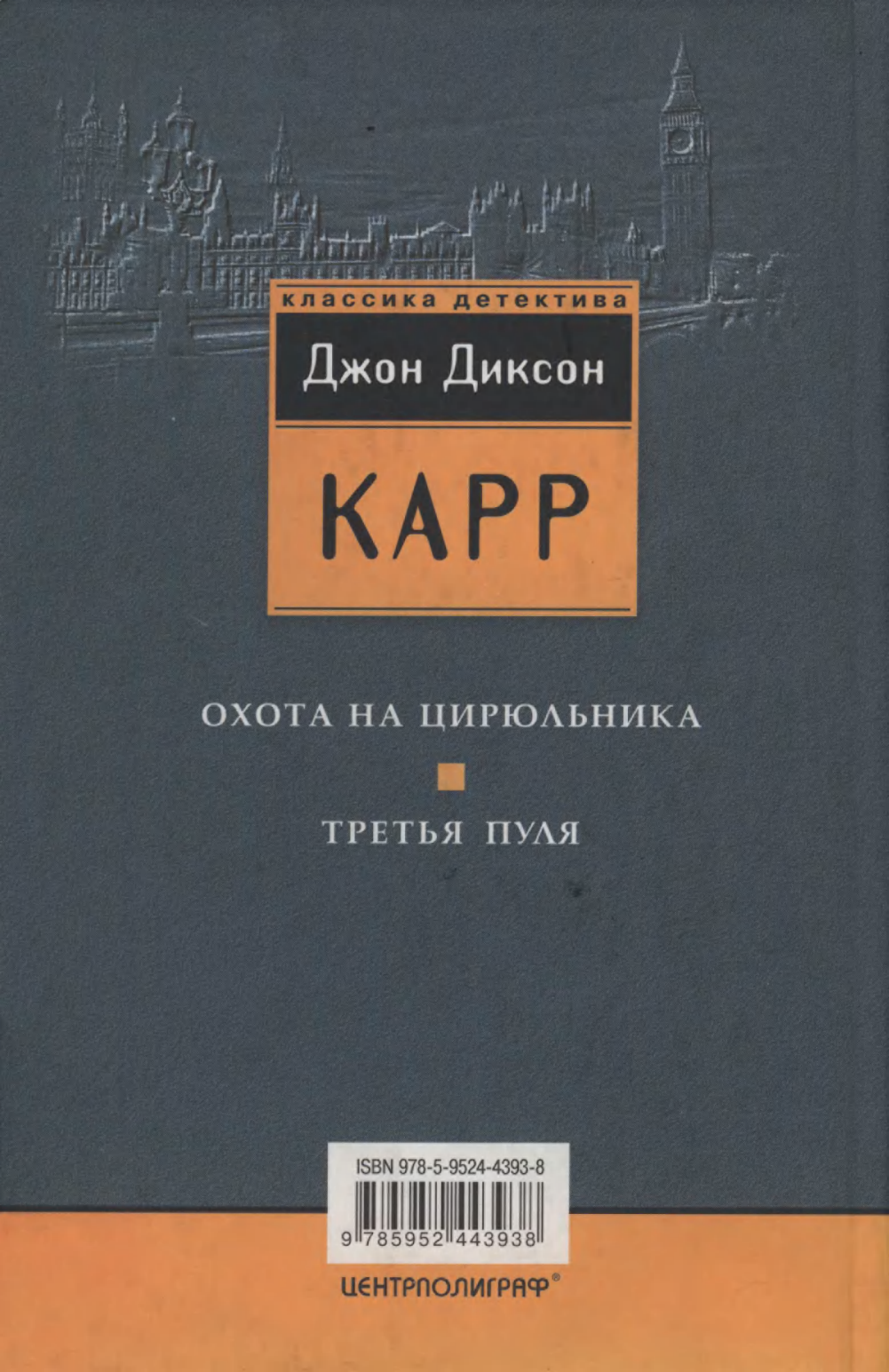
Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректор *Т.В. Соловьева*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 26.05.2009.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Гарнитура «Петербург».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 16,89.
Тираж 3 000 экз. Заказ № 3733

ЗАО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU
WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

классика детектива

Джон Диксон

КАРР

ОХОТА НА ЦИРЮЛЬНИКА

ТРЕТЬЯ ПУЛЯ

ISBN 978-5-9524-4393-8

9 785952 443938

ЦЕНТРОЛИГРАФ®